

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (90) 2024 г.

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.
№ 3 (90) 2024 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJl, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:
г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.
Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493).
E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 17.06.2024 г.
Формат 70x100/16. Авт. л.: 22,4. Усл. печ. л.: 20,4.
Печать цифровая. Гарнитура DejaVu.
Тираж 1000.
Заказ № 701_24.

Отпечатано в РИО СурГПУ.
© Сургутский государственный педагогический университет, 2024.
Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

**Surgut
State
Pedagogical
University**

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 3 (90) 2024 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 3 (90) 2024 г.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database: RSCI,
Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС 77-29393, August 24, 2007.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 17.06.2023
Format 70x100/16. Auth. l.: 22,4. Usl. p. l.: 20,4.
Digital printing. The DejaVu headset.
The circulation is 1000.
Order No. 701_24.
Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Варфоломеев Ю.В., Ризаева Е.Н.

Эпистолярный диалог историка и писателя: Н.А. Троицкий
и В.И. Савченко о проблемах революционного народничества.....9

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Левин С.В., Ермаков В.А.

Народник И.М. Красноперов на земской службе.....19

Киреев Д.Ф., Мокшин Г.Н.

Е.Д. Максимов и легальные народники 1890-х гг.....26

Хамитов Д.Р.

Революционная деятельность на кануне первой русской
революции в зеркале жандармских дознаний
(по материалам Саратовской губернии).....34

Яковчук В.А.

Значение нормативно-правового регулирования политической
ссылки в условиях Тобольского Севера в конце XIX в.....42

Мауль В.Я.

Легенды и предания Чигиринского уезда:
из истории крестьянского движения в пореформенный период.....53

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В XIX–XX ВВ.

Скубневский В.А., Мариупольский А.М.

Значение винокурения в экономическом развитии
Западной Сибири во второй половине XIX века.....65

Собисевич А.В.

Деятельность Опытной сельскохозяйственной станции
Карагандинского исправительного трудового лагеря»
на «Деятельность сотрудников Опытной сельскохозяйственной
станции Карагандинского исправительно-трудового лагеря.....71

Колева Г.Ю., Колев Ж.М.

Первый вариант строительства трансполярной
магистрали (1943–1944 гг.).....83

Бодрова Е.В. Калинов В.В.

Государственная политика СССР в сфере развития
нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности
в 1960-е гг.: достижения и причины отставания.....91

ВОДА И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ СИБИРИ

Милевский О.А.

Река Обь в научных исследованиях политических ссыльных
конца XIX -начала XX вв.....104

Солдатенко Д.Ю.

Водопроводно-канализационная система
города Красноярска в 1953–1964 гг.....116

Мостовенко М.С.

Деятельность постоянных комиссий по охране природы
при Тюменском областном совете депутатов трудящихся
по охране водных ресурсов региона
в 1960-е — первой половине 1970-х гг.....125

Ашихина Д.С.	Проблемы осуществления экологического планирования в 1970–1980-х гг. (на примере водных ресурсов Севера Западной Сибири).....	134
Гололобов Е.И.	Проблемы водопользования на Севере Западной Сибири по материалам Фонда № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля» муниципального архива города Сургута.....	140

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Михеев Л.И.	Концепт пространства в контексте исторического осмысления промышленного освоения Сибирского Севера в XX в.	151
Дудкин А.И.	Досуговые практики горожан Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв.: воспоминания очевидцев.....	160
Кузнецова А.В., Рыженко В.Г.	Особенности трансформации локальных культурных пространств поселений Западной Сибири в период перехода от советской эпохи к современности: образы и символы памяти о прошлом (методологический аспект).....	167
Чуркина Н.И.	«Лето в деревне» в формировании идентичности последнего советского поколения.....	174
Федорова Д.А.	Формирование городской субъективности тюменцев в 1964–1985 гг. (на примере досуговых практик).....	181

ЭТНИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Ершов М.Ф.	Образ Мир Суснэ Хума: исторические и социокультурные параллели.....	188
Атнагулов И.Р.	Государственно-административный фактор генезиса этнической идентичности: нагайбакский эпизод XVIII — начала XX века.....	197
Билль М.В.	О некоторых аспектах деятельности государственного арбитража СССР в 1932–1938 гг.....	205
Турова Е.И., Туров Р.С.	Отчеты комитета советских женщин о положении женщин в зарубежных странах как инструмент пропаганды в 1940-е — 1950-е гг.....	214
Дьячин А.С.	Деятельность массовых детских объединений в условиях ускорения научно-технического прогресса: опыт прошлого и современность.....	222
Ковалевская М.П.	О ключевых темах общественной дискуссии в Молдавии в 1988–1991 гг.....	230

РЕЦЕНЗИИ

Милевский О.А.	Скрытые фигуры «Великого ИК» «Народной воли».....	240
-----------------------	---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	246
ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....	251

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY OF THE REVOLUTIONARY MOVEMENT OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Varfolomeev Yu.V., Rizaeva E.N.

An Epistolary Dialogue Between a Historian and a Writer: N.A. Troitsky and V.I. Savchenko on the Problems of Revolutionary Populism.....9

FROM THE HISTORY OF THE SOCIAL MOVEMENT OF THE LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

Levin S.V., Ermakov V.A.

Populist I.M. Krasnoperov in the Zemstvo Service.....19

Kireev D.F., Mokshin G.N.

E.D. Maximov and the Legal Populists of the 1890s.....26

Khamitov D.R.

Revolutionary Activity on the Eve of the First Russian Revolution in the Mirror of Gendarmerie Inquiries (Based on the Materials of the Saratov Province).....34

Yakovchuk V.A.

The Importance of legal Regulation of Political Exile in the Conditions of the North of Tobolsk at the End of the XIX Century.....42

Maul V.Ya.

Legends and Traditions of the Chigirinsky District: from the History of the Peasant Movement in the Post-Reform Period.....53

ISSUES OF INDUSTRIAL AND AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE XIX–XX CENTURIES.

Skubnevsky V.A., Mariupol A.M.

The Place of Distilling in the Economic Development of Western Siberia in the Second Half of the Nineteenth Century.....65

Sobisevich A.V.

Activity of Experimental Agricultural Station of the Karaganda Corrective Labor Camp» Ha «Employees' Activities at Experimental Agricultural Station of the Karaganda Corrective Labor Camp.....71

Koleva G.Yu., Kolev Zh.M.

The First Option for the Construction of a Transpolar Railway (1943–1944).....83

Bodrova E.V. Kalinov V.V.

The State Policy of the USSR in the Field of Development of the Oil Refining and Petrochemical Industry in the 1960s: Achievements And Reasons for Lagging Behind.....91

WATER AND WATER RESOURCES IN THE HISTORY OF SIBERIA

Milevsky O.A.

River Ob as Object of Scientific Research of Political Exiles of the Late XIX-Early XX Centuries.....104

Soldatenko D.Y.

Water Supply and Sewerage System of Krasnoyarsk City in 1953–1964.....116

Mostovenko M.S.

Activities Of The Permanent Commission for Nature Protection Under the Tyumen Regional Council of Workers' deputies

	for the Protection of Water Resources of the Region in 1960th — the First Half of 1970th.....	125
Ashikhina D.S.	Problems of Implementation of Environmental Planning in the 1970-1980-s (on the Example of Water Resources in the North of Western Siberia).....	134
Gololobov E.I.	Problems of Water Use in the North of Western Siberia According to the Materials of Fund No. 51 «Surgut City Committee of People's Control» of the Surgut Municipal Archive.....	140

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN HISTORY

Mikheev L.I.	Concept of Space in the Context of Historical Understanding of Industrial Development of the Siberian North in the XX Century.....	151
Dudkin A.I.	Leisure Practices of Citizens of Tobolsk Province at the End of the XIX — Beginning of the XX Centuries: Memories of Eyewitnesses.....	160
Kuznetsova A.V., Ryzhenko V.G.	Features of the Transformation of Local Cultural Spaces of Settlements in Western Siberia During the Transition from the Soviet Era to the Present: Images and Symbols of Memory of the Past (Methodological Aspect).....	167
Churkina N.I.	«Summer in the Village» in the Formation of Identity of the Last Soviet Generation.....	174
Fedorova D.A.	The Formation of Urban Subjectivity of Tyumen Residents in 1964-1985 (Using the Example of Leisure Practices).....	181

ETHNIC, LEGAL AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF RUSSIAN HISTORY

Ershov M.F.	Image of Mir Suse Khuma: Historical and Sociocultural Parallels.....	188
Atnagulov I.R.	The State-Administrative Factor of the Genesis of Ethnic Identity: Nagaybaks Episode of the XVIII — early XX century.....	197
Bill M.V.	On Some Aspects of the Activities of the USSR State Arbitration in 1932-1938.....	205
Turova E.I., Turov R.S.	Reports of the Soviet Women Committee about the Status of Women in Foreign Countries as a Propaganda Tool in the 1940s — 1950s.....	214
Dyachin A.S.	The Activities of Mass Children's Associations in the Context of Accelerating Scientific and Technological Progress: the Experience of the Past and the Present.....	222
Kovalevskaya M.P.	ON the Key Topics of Public Discussion in Moldova in 1988-1991.....	230

REVIEWS

Milevsky O.A.	Hidden Figures of the «Great IK» of Narodnaya Volya 1.....	240
----------------------	--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	246
---	-----

RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS.....	251
---	-----

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.****PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY OF THE
REVOLUTIONARY MOVEMENT OF RUSSIA IN THE SECOND
HALF OF THE NINETEENTH CENTURY**

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.005

УДК 94(470+571)"18" (091):329.14

ББК 63.3(2)53-414

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ, ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИАЛОГ ИСТОРИКА
Е.Н. РИЗАЕВА И ПИСАТЕЛЯ: Н.А. ТРОИЦКИЙ
И В.И. САВЧЕНКО О ПРОБЛЕМАХ
РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

YU.V. VARFOLOMEEV, AN EPISTOLARY DIALOGUE BETWEEN
E.N. RIZAYEVA A HISTORIAN AND A WRITER: N.A. TROITSKY
AND V.I. SAVCHENKO ON THE PROBLEMS
OF REVOLUTIONARY POPULISM

Статья посвящена изучению и сопоставлению взглядов историка Н.А. Троицкого и литератора В.И. Савченко на проблемы революционного движения России XIX в., а также характеристике некоторых его ключевых фигур. Авторы, привлекая эго-источники (переписку и воспоминания), в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, рассматривают вопросы, касающиеся интерпретации сложных и противоречивых сторон революционного народничества как в научной литературе, так и в беллетристике на примере трудов Троицкого и Савченко. Подводя итог проведенному исследованию, авторы констатируют особенности и характер эпистолярного общения историка и писателя 1970-х — 1980-х годов, подчеркивая их беспристрастное, открытое и вдумчивое обсуждение узловых моментов и ярких личностей из истории освободительного движения России девятнадцатого столетия. Анализ переписки ученого и прозаика позволил авторам выявить их концептуальные воззрения по проблемам революционного народничества, и проиллюстрировать совпадение, или близость взглядов Троицкого и Савченко по большинству рассматриваемых ими исторических сюжетов.

The article is devoted to the study and comparison of the views of historian N.A. Troitsky and writer V.I. Savchenko on the problems of the revolutionary movement of Russia in the XIX century, as well as the characteristics of some of its key figures. The authors, using ego sources (correspondence and memoirs), most of them introduced into scientific circulation for the first time, consider issues related to the interpretation of complex and contradictory aspects of revolutionary populism both in scientific literature and in fiction using the example of the works of Troitsky and Savchenko. Summing up the research, the authors state the features and nature of the epistolary communication between the historian and the writer of the 1970s — 1980s, emphasizing their impartial, open and thoughtful discussion of key moments and bright personalities from the history of the liberation movement of Russia of the nineteenth century. The analysis of the correspondence between the scientist and the novelist allowed the authors to identify their conceptual views on the problems of

revolutionary populism, and to illustrate the coincidence or closeness of the views of Troitsky and Savchenko on most of the historical subjects they consider.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н.А. Троицкий, писатель В.И. Савченко, переписка, революционное народничество, Н.В. Клеточников, Н.Г. Чернышевский

KEY WORDS: N.A. Troitsky, writer V.I. Savchenko, correspondence, revolutionary populism, N.V. Kletochnikov, N.G. Chernyshevsky

ВВЕДЕНИЕ. Ученый-гуманитарий и, в первую очередь, историк в своей исследовательской деятельности, как правило, выстраивает разносторонние социальные коммуникации с коллегами, занимающимися близкими к сфере его научных интересов научными проблемами. Между тем, в круг этого общения, подчас попадают и литераторы — авторы художественных произведений, освещающих те или иные исторические сюжеты с разной степенью достоверности и глубины. К числу исследователей, вовлеченных в оживленный и заинтересованный дискурс с писательской средой по различным проблемам российской истории XIX века, безусловно, относится талантливый советский и российский историк, профессор Николай Алексеевич Троицкий. Сам ученый так вспоминал о рождении этого направления делового и доверительного общения в его судьбе: «В 1960–1970-е годы наряду с историками, у меня завязались творческие и личные (вплоть до самых дружеских) связи с литературоведами и писателями: Е.А. Таратута, Ю.В. Трифоновым, Ю.В. Давыдовым, В.И. Савченко, Е.Г. Бушканцем, В.Д. Оскоцким, И.Л. Волгиным, А.В. Храбровицким, В.П. Ерашовым, Н.М. Строковским» [28, с. 122].

Сближал Николая Алексеевича с этими литературными деятелями, в первую очередь, общий интерес к истории революционного народничества. Самую высокую оценку от профессионального историка заслужили романы и повести советских писателей: Юрия Трифонова, Юрия Давыдова, Владимира Савченко, Николая Строковского, Бориса Васильева и Константина Белова. Однако Троицкий принципиально вступал в полемические дуэли с теми литераторами, которые, «не утруждая себя изучением той или иной эпохи выдавал “на гора” откровенную “отсебятину”, — отмечает Ю.Г. Степанов. — Троицкий беспощадно критиковал подобных романистов, считая, что историческая проза предполагает ответственность автора за свое сочинение» [20, с. 214].

На протяжении нескольких лет фрагменты эпистолярного наследия Н.А. Троицкого планомерно и вдумчиво вводятся в научный оборот. В первую очередь, это касается, конечно, его переписки с коллегами по историческому «цеху»: это работы В.С. Груздинской и М.В. Ковалева [3], Ю.Г. Степанова [21], Ю.В. Варфоломеева и С.В. Левина [1], Ю.В. Варфоломеева и Е.Н. Ризаевой [2]. На данный момент лишь в одной публикации — Е.Н. Мановой, упоминается о творческих контактах профессора Троицкого с отечественными литераторами [4].

ЦЕЛЬ исследования заключается в изучении характера и особенностей делового обсуждения проблем освободительного движения России, в частности, революционного народничества XIX в., в переписке доктора исторических наук, профессора Саратовского госуниверситета Н.А. Троицкого и известного советского писателя В.И. Савченко.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве базового исторического источника авторы привлекли к изучению заявленной темы источники личного происхождения — письма из переписки Н.А. Троицкого и В.И. Савченко, хранящиеся в личном архивном фонде историка, который находится в «Музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского» в Саратове, куда эти материалы поступили в 2017 г.

В ходе подготовки статьи привлекались классические методы исторического исследования, и, прежде всего, антропологический метод, позволивший авторам проследить по материалам переписки ментальные особенности корреспондентов, приблизиться к пониманию внутреннего мира интеллектуалов советской эпохи. Использование аксиологического мето-

да позволило выявить моральные ценности и деловые принципы участников анализируемой переписки. Сравнительный метод использовался при сопоставлении и анализе взглядов Н.А. Троицкого и В.И. Савченко на проблемы освободительного движения России XIX в.

В качестве основных в исследовании применялись: биографический метод, позволивший изучить жизненные и творческие траектории героев статьи, а также метод контент-анализа, который использовался для выявления качественных и количественных характеристик текстов переписки, связанных с определением позиций и ученого, и писателя по ключевым историографическим проблемам освободительного движения России. Просопографический подход в данном исследовании позволил определить характер и особенности коммуникации ученого-историка с устойчивой, профессиональной группой советских писателей 60-х — 70-х годов прошлого века, а именно, в части, касающейся обсуждения проблем истории революционного народничества России.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Н.А. Троицкий, как верный «рыцарь» музыки Клио внимательно отслеживал и критично оценивал все художественные произведения своих современников — советских писателей, в которых в том или ином ракурсе были представлены исторические сюжеты, связанные с одним из магистральных направлений его научных исследований — освободительным движением в России (преимущественно народническим). Троицкий, без преувеличения, был пуристом научной чистоты и честности в академических исторических трудах и художественной прозе, поборником правдивой интерпретации минувших событий. В своей монографии с весьма говорящим названием «Сказания о правде и кривде в исторической науке» он так сформулировал свое отношение к подобной кривде: «Фальсификаторы истории раздражают меня (с юных лет и поныне)...» [30, с. 3].

Следуя своему кредо, Николай Алексеевич вступал в непримиримую, но конструктивную полемику с авторами, которые, по его мнению, позволяли себе «безнаказанно тасовать правду с кривдой» [30, с. 3]. Среди его визави были как маститые, так и начинающие историки, литераторы и публицисты. Так, например, Н.А. Троицкий, в свое время подверг острому критическому разбору статьи литературоведа А.А. Лебедева, поэму А.Я. Маркова, исторические романы О.Н. Михайлова и С.Н. Семанова [30]. Недостаточно историчным и страдающим от фактических неточностей он считал роман С.А. Заречной «Подвиг поколения» о народниках 70-х годов [27, с. 50].

Действительно, Николай Алексеевич был известен как очень педантичный и бескомпромиссный рецензент, но книги писателя Владимира Ивановича Савченко были среди тех, которые заслужили высокую оценку историка. Открытое, честное и дружеское взаимопонимание двух авторов неизменно сопровождало их эпистолярный дискурс по проблемам истории народнического движения. На одной из книг, подаренных Троицкому, писатель оставил инскрипт: «Дорогому Николаю Алексеевичу — в надежде на нескучные чтения» [4, с. 211]. Но «нескучным», а весьма плодотворным и насыщенным, как показали последующие события, оказалось не только чтение книги, но и длительный диалог во времени историка и писателя. Их переписка весьма обширна и сюжетно разнообразна, но в данной статье акцент сделан на нескольких фрагментах, касающихся тематики революционного народничества, а персонально — судьбы народовольца Н.В. Клеточникова.

Начало знакомства историка и писателя относится к лету 1975 года, когда по рекомендации М.Я. Гефтера профессор Саратовского университета Н.А. Троицкий подготовил отзыв на рукопись книги В.И. Савченко «Тайна клеенчатой тетради: повесть о Николае Клеточникове», поступившую в «Политиздат». Владимир Иванович, получив из издательства рукопись на доработку, познакомился с отзывом Троицкого, и взяв адрес рецензента у редактора издательства А.П. Пастуховой, написал Николаю Алексеевичу 25 июня 1975 г. свое первое письмо. Прежде всего он выразил автору отзыва благодарность за добрые слова и общую положительную оценку его рукописи, и при этом признался, что обрадовался тому обстоятельству,

ству, что рецензентом будет Н.А. Троицкий, так как знал саратовского ученого «как автора очень серьезных, глубоких и честных работ, которые читал с большим удовольствием. [11]

Писатель с пониманием отнесся к критическим замечаниям, отмеченным Троицким в отзыве, и признался, что «не только “не остался в обиде” за “минусы”», но, напротив, был очень благодарен Николаю Алексеевичу «за указанные погрешности в рукописи, которые, естественно, мне бы не хотелось пропустить в книгу. И очень Вам признателен за дополнительные источники <...> и многие Ваши рекомендации...» [11]. Троицкий в своем ответном письме пояснил, что все, что он писал о «минусах», объясняется прежде всего его желанием видеть в книге как можно больше «плюсов» [5].

Одно из таких замечаний историка касалось заметной диспропорции в соотношении материала, содержащегося в рукописи, о революционном и т.н. «дореволюционном» периодах жизни Клеточникова. Троицкий полагал, что с художественной точки зрения такая диспропорция вполне оправдана, но с точки зрения историка-специалиста она вызывала сомнения [5]. В ответном письме автор объяснил превалирование в повествовании «дореволюционного» периода жизни Клеточникова следующим образом: «Я почел бы для себя грехом не использовать представившуюся мне возможность (собственно, это и составило внутренний стержень, сюжет всего повествования о Клеточникове) выйти на одну чрезвычайно важную и поразительно мало затрагиваемую у нас проблему (когда бы еще представилась такая возможность)» [12]. Речь шла о том, что в своей интерпретации образа Клеточникова, показе духовного опыта народника писатель пытался «если и не сформулировать вполне завершенные атеистические принципы нравственности, то хотя бы как-то подойти к сему, во всяком случае, показать, что возможности атеистического сознания отнюдь не исчерпаны» [12].

В итоге, приняв во внимание замечания и рекомендации Троицкого, писатель завершил работу над книгой, и в 1976 г. она увидела свет. «Еще раз позвольте сердечно поблагодарить Вас за участие в деле продвижения рукописи к сему финалу, — с признательностью писал Николаю Алексеевичу В.И. Савченко. — В настоящем, окончательном виде (повести) Вы найдете много существеннейших перемен, в т.ч. и таких, которые суть реакция на Ваши пожелания и замечания, создавшиеся в Вашей рецензии» [13]. Получив от автора обещанный экземпляр книги, только что вышедшей из печати, Николай Алексеевич сразу же отреагировал: «Очень рад и за Вас, и, конечно, за Клеточникова» [6], а спустя несколько дней после прочтения книги Троицкий поделился с автором своими впечатлениями более подробно и детально. Финальный вариант повести, по его мнению, «гораздо лучше (компактнее, убедительнее, точнее), чем была в рукописи, — констатировал Троицкий. — Я уже не встречал в ней погрешностей против истории. Очень рад тому, что в какой-то мере помог Вам сделать отличную книгу об уникальном революционере» [7]. Для Троицкого действительно была очень важна созвучная его видению интерпретация образа одного из «крестоносцев социализма» — Николая Клеточникова — «уникального контрразведчика русской революции» [27, с. 35], как он его всегда характеризовал. Троицкий не скрывал своего удовлетворения от того, что теперь в художественной литературе появился именно тот Н.В. Клеточников, каким представлял его в своих научных работах и сам историк. «Главное, рад за Клеточникова — наконец, он показан во всей своей силе и всем своим обаянием», — писал Николай Алексеевич, и при этом уточнял почему для него это так важно: «Обидно было читать, как представили его два Юрия (оба — хорошие писатели), Давыдов и Трифонов» [8].

Между тем, профессор Троицкий, всегда стремился к безупречности своих произведений и, как видно, такого же подхода ожидал и от других авторов. В связи с этим его огорчили в книге Савченко два обстоятельства, хотя и с частицей «лишь». Причем второе, как он предположил, к самому писателю отношения не имело. Во-первых, по мнению Николая Алексеевича в книге не хватало «наглядности революционного подполья». Историк, в качестве примера, представил, что на страницах книги это могла бы быть хотя бы одна «широкоформатная» картина из жизни «Народной воли», например, заседание Исполни-

тельного комитета, «с художественным воспроизведением лиц корифеев партии, их стремлений, настроений, взаимоотношений и того места, которое н е з р и м о (выделено автором разрядкой — Ю.В.) занимал среди них Клеточников» [8].

Исследователям научного наследия Н.А. Троицкого и его коллегам хорошо известно, что ученый всегда придавал большое значение визуальной репрезентации образов героев своих произведений. Поэтому второе его «огорчение» от овеществленной книги «Тайна клеенчатой тетради», еще пахнувшей в его руках типографской краской, было связано с ее оформлением, точнее — с иллюстративным рядом, призванным визуально дополнять смысл литературного нарратива. Но у Троицкого вызвали крайнее неудовольствие рисунки, сопровождавшие текст книги, о чем он откровенно и поведал В.И. Савченко: «чрезвычайно не понравились мне иллюстрации А.А. Кошкина, — заявил он. — Клеточников на фронтисписе с головой в полтуловища и паучьими лапками просто ужасен. Хорош только задний форзац» [8]. Однако претензии историка, щепетильного в отношении визуальной достоверности событий и персоналий, зрительно аккомпанирующих тексту произведений, касались не только этой книги, но и многих других из серии «Пламенные революционеры», которые, по мнению Троицкого, «иллюстрируются либо вычурно, либо аляповато» [8]. Единственным исключением, на его взгляд, из этой сложившейся практики художественного оформления серии книг, являются только иллюстрации И.И. Блюха к «Порогу» (о Софье Перовской) сделаны «просто и сильно» [8].

Однако на этом публикационная «эпопея» о деятельности «Народной воли» и Н.В. Клеточникове не завершилась. Спустя два года В.И. Савченко опубликовал две статьи о Клеточникове в многотиражном молодежном журнале «Смена», о чем сообщил Троицкому, правда, при этом посетовал на то, что очерки получились очень неполные «из-за специфичности издания, “куций” рассказ о некоторых моих архивных обнаружениях, и о серии “Пламенные революционеры” в “Литературном обозрении”» [14]. Николай Алексеевич полностью согласился с ламентациями автора на ограниченность объема публикации, но очень одобрительно отозвался о ее качестве: «Я понимаю, конечно (может быть больше, чем кто-либо), насколько богаче был бы Ваш очерк о Н.В. Клеточникове, если бы Вам дали вдвое больше места, но и то, что сделано (и как сделано) — отлично» [9]. Между тем, ученый справедливо отметил несомненное популяризаторское преимущество этих публикаций: «“Смена” — массовый журнал, и Вы теперь приобщили к истории жизни Н.В. Клеточникова “лишний” миллион читателей» [9]. В целом Н.А. Троицкий высоко оценил вклад писателя в создание художественного образа «уникального контрразведчика» «Народной воли»: «Владимир Савченко первым в художественной литературе представил Клеточникова во весь рост как феномен умственной, деловой и нравственной силы, причем открыл в архивах ряд неизвестных страниц биографии своего героя» [27, с. 51].

В черед делового обсуждения произведений своего корреспондента Троицкий откровенно делился с ним информацией о своей научной работе и творческих планах, а также регулярно посылал ему вышедшие в печати новые публикации. Писатель с благодарностью принимал эти щедрые интеллектуальные дары от ученого и высказывал о них свое мнение. Получив от Николая Алексеевича две книги: «Народная воля» перед царским судом (1880–1891)» [22] и «Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.)» [23], он поздравил ученого «с успешным завершением многосложного замысла — исследованием политических процессов двух самых критических в истории самосознания России (если не во всей ее социальной и политической истории) десятилетий 1871–1891 гг. и самым энергичным образом желаю Вам скорейшего переиздания обеих книг» [15].

Савченко считал эту диалогическую ценной не только масштабом исследования, «едва ли не исчерпывающими сведениями о предмете, но и тоном, а точнее сказать методологической ясностью (внятностью), продуманностью положений, которые до сих пор нуждались в этом — в продуманности, додуманности (историками)» [15]. Писатель с одобрением отнес-

ся и к тому, что в монографии были даны характеристики высших чинов правительственного аппарата Александра II и идеологов консервативного лагеря. Правда, по его мнению, «конституционалисты» (Великий князь Константин Николаевич, П.А. Валуев и другие) могли бы быть представлены в книге более основательно. «Очень хороши главы, посвященные отношениям между радикалами и обществом <...>. Тема же: народничество и русская живопись — вообще сплошная целина (как ни странно), тут все внове» [15], — справедливо отметил В.И. Савченко. Писательское чутье не подвело Владимира Ивановича — он, по сути, предвосхитил авторский замысел Троицкого, который через несколько десятилетий все-таки «поднял» эту тему-«целину», выпустив монографию «“Орлы-богатыри”: российские народники в искусстве» [29].

Между тем, Троицкий регулярно посвящал В.И. Савченко в подробности своего научного быта: «У меня сейчас — страда, — писал он писателю в феврале 1978 г. — Только что вернул в “Мысль” верстку 1-й части своего двухтомника о процессах 1866-1900 гг., а здесь тороплюсь сдать в издательство (к 15 февраля) сборник статей, посвященный 100-летию “Народной воли” и второе (дополненное до 20 п.л.) издание моей “Народной воли” перед царским судом» [9]. В этом же году произошло долгожданное и важное для Н.А. Троицкого событие — в московском издательстве вышла его очередная монография «Безумство храбрых. (Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 гг.)» [24].

В январе 1979 г. в письме Савченко историк поблагодарил писателя за «добрый отзыв о моем “Безумстве”, — со свойственным ему юмором и самоиронией отметил Николай Алексеевич, а также пояснил. — Начало его хронологически увязано с судебной реформой, поскольку главный предмет исследования у меня — судебные процессы над революционерами. Именно после реформы 1864 г. (с процесса ишутинцев) они пошли в “нормальный”, буржуазном (насколько это оказалось возможным в самодержавной стране) порядке, т.е. с адвокатами, элементами гласности, состязательности и пр.» [9]. В свою очередь, литератор очень внимательно и вдумчиво вчитался в очередной «опус» Троицкого и составил о нем подробный критический отзыв.

Прежде всего, писатель подчеркнул, что ему «по душе еще определеннойше, чем прежде, выраженная оценка теоретического уровня, достигнутого «Народной волей» периода Великого Исполнительного комитета, как Высшего возможного для того времени проявления теоретической (социалистической, русской) мысли» [16]. Особо выделил он и рассуждения Троицкого о разных течениях внутри народничества. «Справедливо, что в среде И.К., 1879-1881 годов преобладали представления “желябовского” толка». <...> Словом, народническая часть книги производит сильное впечатление. Это, конечно, прежде всего оттого, что частные проблемы избранного Вами угла зрения — процессы — рассматриваются во взаимосвязи (и взаимообусловленности) с общими проблемами движения» [16], — подытожил Савченко. Также понравились ему и разделы книги, посвященные шестидесятиникам, которые, по его мнению, органично соединяются с народническими. «Тут, конечно, самое интересное — развитие революционной практики от Чернышевского к 70-м годам. Вы намечаете очень перспективные узлы проблем этого этапа» [16], — подчеркнул писатель.

В ответном письме Н.А. Троицкий приоткрыл писателю концепцию своего масштабного и оригинального исследовательского проекта, а такими секретами творческие личности делятся, как правило, неохотно и крайне редко: «Что касается моей “хрустальной мечты”, то она — в создании пяти (шести?) томника “Три поколения русских революционеров перед царским судом” (от декабристов до большевиков включительно)» [9]. То, что ученый поделился с В.И. Савченко самым сокровенным из своей научной жизни, очевидно, «дорогого стоит», и свидетельствует о высоком уровне доверительности в их взаимоотношениях. К сожалению, приходится констатировать, что этот уникальный многотомник не был создан Николаем Алексеевичем в задуманном виде, однако, как мини-

мум третья часть этого замысла (по объему — двухтомник) была воплощена в жизнь — в 2000 г. вышла в свет монография Троицкого «Адвокатура в России на политических процессах 1866–1904 гг.» [26].

Наряду с этим, интересуясь у писателя — не занялся ли он очередным «пламенным революционером», Николай Алексеевич предложил Савченко опубликовать любой материал по XIX в. (например, — рецензию о какой-нибудь повести из серии «Пламенные революционеры») в кафедральном научном издании: «мы издаем здесь нечто вроде альманаха “Освободительное движение в России” (фактически единственный в стране историко-революционный журнал), в котором печатаются статьи, документы, рецензии, — уточнял Троицкий. — Издание наше не оперативное (с 71 г. вышли 6 номеров, №№ 7 и 8 в верстке, 9–11 — у издательского редактора)» [9]. Однако, несмотря на невысокую «оперативность» выхода в свет, этот сборник был крайне востребован в академической среде, имея фактически высокий научный рейтинг как в нашей стране, так и за рубежом. При этом очевидная, и, с одной стороны, досадная «перегрузка» номеров сборника, безусловно, свидетельствовала о его популярности среди ученых, когда количество заявок на публикацию значительно превышало печатный объем его выпусков» [2, с. 59], — делают логичный вывод Ю.В. Варфоломеев Ю.В. и Е.Н. Ризаева. Вместе с тем, Николай Алексеевич обратил внимание московского литератора на то, что это издание хотя и не гонорарное, но «“свободы слова” у нас больше, чем в любом из центральных изданий» [9], — подчеркнул Троицкий.

На наш взгляд, сборник «Освободительное движение в России» был любимым детищем Н.А. Троицкого, в котором он постоянно выступал как автор, и одновременно с этим неустанно трудился, как редактор до последних лет жизни. Так, и в 80-е годы прошлого века он увлеченно работал над тематической разработкой, формированием и редактированием материалов очередных номеров журнала. «В № 10 нашего альманаха “Освободительное движение в России”, посвященный 100-летию «Народной воли», я включаю сравнительно-критический обзор трех книг из серии “Пламенные революционеры”: трифоновского “Нетерпения”, “На Скаковом поле” Ю.В. Давыдова и Вашей» [9], — сообщил он Владимиру Ивановичу. Также он испросил разрешения писателя (которое впоследствии и получил) на цитирование в тексте этого критического обзора фрагмента из письма Савченко, в котором прозаик рассуждал о нравственной основе образа Клеточникова. В итоге в 1981 г. эта рецензия была опубликована в 10-м выпуске альманаха [25].

Накануне 1980 года Владимир Иванович получил письмо и очередную монографию от своего саратовского корреспондента — «Царизм под судом прогрессивной общественности (1866–1895)», и не удержался от восклицания: «вот бы этак ежегодно было. То есть каждый бы год Вам — завершать новой книгой; а мне ежегодно таковую получать под Новый год. Начало традиции Вы уже положили: с обеими Вашими последними монографиями так и случилось — последние два года я заканчиваю тем, что принимаюсь читать вашу новую книгу. От души желаю эту традицию продолжать!» [17]. Далее в письме он обстоятельно проанализировал ее содержание, обратив внимание на плотно систематизированный материал с большим количеством новых данных. «Как и прежде, украшение книги — ваша статистика, — обоснованно утверждал Савченко. — Продолженный здесь метод соотнесения революционных событий с общим ходом истории, в частности с развитием философии и искусства (особенно литературы) очень важен, на мой взгляд, с точки зрения той, что сильно содействует доказательству той истины, согласно которой, если говорить образами Н.Г. Чернышевского, 9/10 того, в чем состоит прогресс, производится в периоды (благодаря им!) революционных потрясений» [17]. Очень интересен, по мнению писателя, был и раздел об адвокатуре. И, наконец, солидаризуясь с Николаем Алексеевичем в тонком и продуманном подходе к оформлению книг, Савченко отметил приятную, по его словам, особенность этой монографии Троицкого: «ее оформление, под стать “Безумству...”, и форматом, и темным тоном. Получился двухтомник» [17].

В конце письма Владимир Иванович поведал Троицкому об одном из главных, на тот момент, его дел: «меня теперь занимает одно — пишу о Н.Г. Чернышевском. Поразмыслив, решил в данной книге ограничиться одним периодом его судьбы — Санкт-Петербург, 1861–1863 годы <...> Такая загадочная фигура, этот ваш земляк, что чем больше о нем знаешь, тем больше открываешь загадок: сущий клад для писателя, и горе — для историка» [17], — философски резюмировал он. Спустя полгода писатель уведомил Троицкого, что он продолжает усиленно «заниматься Николаем Гавриловичем», и при этом скрупулезно пересматривал саратовские сборники о Чернышевском — альманах «Освободительное движение в России» за все годы, и сборники «Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» под редакцией Покусаева, и пришел к выводу, что «в них много интересных материалов» для его книги [17]. Итогом многолетних трудов писателя стала его книга «Властью разума: Повесть о Николае Чернышевском», вышедшая в 1982 г., которую он не замедлил отправить Н.А. Троицкому, и очень обрадовался, когда получил благожелательный отзыв авторитетного саратовского историка. «Ваше мнение для меня особенно дорого и ценно, — искренне признался он. — Писал я его («Чернышевского» — Ю.В.) с любовью и много в него вложил и сил, и нервов, и то, что Вы отмечаете, по тексту, на чем остановили внимание, для меня важно. О разных несоответствиях наших взглядов на Чернышевского, мы еще, надеюсь, потолкуем, когда повидаемся» [18]. В 1988 г. вышла еще одна книга Савченко в серии «Пламенные революционеры» — о А.В. Долгушине, и таким образом, как справедливо заметил сам автор в письме Троицкому, «сложилась трилогия из эпохи народничества, если учесть книги о Чернышевском и Клеточникове» [19].

ВЫВОДЫ. Рассмотренная в данной статье переписка Н.А. Троицкого и В.И. Савченко демонстрирует широкую палитру делового и дружеского общения историка и писателя 1970-х — 1980-х годов. «Красной нитью» в их эпистолярном дискурсе проходит заинтересованное и глубокое обсуждение узловых и спорных моментов истории освободительного движения России XIX в., реконструкция и осмысление психологических портретов знаковых личностей эпохи, запечатленных как в академических изданиях, так и на страницах художественных произведений. В данном случае анализ переписки ученого и прозаика важен не только с точки зрения определения их концептуальных воззрений на проблемы революционного народничества, но и с точки зрения выяснения позиций Троицкого и Савченко в их противоборстве с кривдой (выражение Троицкого) в исторических исследованиях и художественной литературе и публицистике. Следует подчеркнуть, что взгляды ученого и литератора, в ходе их открытого и беспристрастного диалога по дискуссионным проблемам народнического движения и характеристике его видных деятелей, в большинстве случаев или совпадали, или были очень близки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеев Ю.В., Левин С.В. «Очень тронут Вашим вниманием и благодарен Вам». Переписка Н.М. Дружинина и Н.А. Троицкого // Исторический архив. 2022. № 4. С. 17–26.
2. Варфоломеев Ю.В., Ризаева Е.Н. «Искра Божья в вас, дорогой Николай Алексеевич!»: из переписки профессора Троицкого с коллегами // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2023. Вып. 29. С. 56–66.
3. Ковалев М.В., Груздинская В.С. «Вы делаете бессмертно нужное дело — и в профессиональном смысле, и в гражданском»: письма М.Я. Гефтера к Н.А. Троицкому // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. Вып. 28. С. 5–21.
4. Манова Е.Н. «Уважаемому Николаю Алексеевичу от авторов...» (книги — с автографами из личной библиотеки Н.А. Троицкого // История и историческая память: межвуз. Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2016. Вып. 13/14. С. 204–212.
5. Музей Н.Г. Чернышевского. Основной фонд (далее — МНГЧ. ОФ) 10505-001
6. МНГЧ. ОФ. 10505-002

7. МНГЧ. ОФ. 10506-007
8. МНГЧ. ОФ. 10506-011
9. МНГЧ. ОФ. 10506-015
10. МНГЧ. ОФ. 10507-001
11. МНГЧ. ОФ. 11451-001
12. МНГЧ. ОФ. 11451-002
13. МНГЧ. ОФ. 11453-015
14. МНГЧ. ОФ. 11453-018
15. МНГЧ. ОФ. 11455-001
16. МНГЧ. ОФ. 11459-001
17. МНГЧ. ОФ. 11460-002
18. МНГЧ. ОФ. 11470-012
19. МНГЧ. ОФ. 11477-009
20. Степанов Ю.Г. К юбилею Н.А. Троицкого // Отечественная история. 2007. № 4. С. 213-215.
21. Степанов Ю.Г. Письма профессора В.Ф. Антонова Н.А. Троицкому (1987-1991) // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. Вып. 28. С. 22-39.
22. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880-1891). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1971. 240 с.
23. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871-1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 408 с.
24. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. (Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 гг.). М.: Мысль, 1978. 335 с.
25. Троицкий Н.А. Пламенные революционеры (О книгах Ю.В. Трифонова, Ю.В. Давыдова, В.И. Савченко) // Освободительное движение в России. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 108-117.
26. Троицкий Н.А. Адвокатура в России на политических процессах 1866-1904 гг. Тула: Автограф, 2000. 456 с.
27. Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 372 с.
28. Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2006. 304 с.
29. Троицкий Н.А. «Орлы-богатыри»: российские народники в искусстве. Саратов: Издательство «Наука», 2009. 120 с. с илл.
30. Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб.: Полторак, 2013. 188 с.

REFERENCES

1. Varfolomeev Yu.V., Levin S.V. «*Ochen` tronut Vashim vnimaniem i blagodaren Vam*». *Perepiska N.M. Druzhinina i N.A. Troitskogo* ["I am very touched by your attention and grateful to you." Correspondence of N.M. Druzhinin and N.A. Troitsky] // *Istoricheskij arxiv*. 2022. № 4. S. 17-26. (In Russian).
2. Varfolomeev Yu.V., Rizaeva E.N. «*Iskra Bozh`ya v vas, dorogoj Nikolaj Alekseevich!*»: *iz perepiski professora Troitskogo s Kollegami* ["The spark of God in you, dear Nikolai Alekseevich!": from the correspondence of Professor Troitsky with colleagues] // *Istoriograficheskij sbornik: Mezhevuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo «Saratovskij istochnik»*, 2023. Vy`p. 29. S. 56-66. (In Russian).
3. Kovalev M.V., Gruzinskaya V.S. «*Vy` delaete bessmertno nuzhnoe delo — i v professional`nom smy`sle, i v grazhdanskom*»: *pis`ma M.Ya. Geftera k N.A. Troitskomu* ["You are doing an immortally necessary thing — both professionally and in a civil sense": letters of M.Ya. Gefter to N.A. Troitsky] // *Istoriograficheskij sbornik: Mezhevuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo «Saratovskij istochnik»*, 2021. Vy`p. 28. S. 5-21. (In Russian).
4. Manova E.N. «*Uvazhaemomu Nikolayu Alekseevichu ot avtorov...*» (*knigi — s avtografami iz lichnoj biblioteki N.A. Troitskogo* [To Dear Nikolai Alekseevich from the authors ... (books — with autographs from the personal library of N.A. Troitsky)] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat`*: *mezhevuz. Sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta*, 2016. Vy`p. 13/14. S. 204-212. (In Russian).
5. Muzej N.G. *Cherny`shevskogo. Osnovnoj fond* (dalee — MNGCh. OF) 10505-001 (In Russian).

6. MNGCh. OF. 10505-002 (In Russian).
7. MNGCh. OF. 10506-007 (In Russian).
8. MNGCh. OF. 10506-011 (In Russian).
9. MNGCh. OF. 10506-015 (In Russian).
10. MNGCh. OF. 10507-001 (In Russian).
11. MNGCh. OF. 11451-001 (In Russian).
12. MNGCh. OF. 11451-002 (In Russian).
13. MNGCh. OF. 11453-015 (In Russian).
14. MNGCh. OF. 11453-018 (In Russian).
15. MNGCh. OF. 11455-001 (In Russian).
16. MNGCh. OF. 11459-001 (In Russian).
17. MNGCh. OF. 11460-002 (In Russian).
18. MNGCh. OF. 11470-012 (In Russian).
19. MNGCh. OF. 11477-009 (In Russian).
20. Stepanov Yu.G. *K yubileyu N.A. Troiczko* [To the anniversary of N.A. Troitsky] // *Otechestvennaya istoriya*. 2007. № 4. S. 213–215. (In Russian).
21. Stepanov Yu.G. *Pis'ma professora V.F. Antonova N.A. Troiczkomu (1987–1991)* [Letters of professor V.F. Antonov to N.A. Troitsky (1987–1991)] // *Istoriograficheskij sbornik: Mezhevuz. sb. nauch. Tr.* Saratov: Izd-vo «Saratovskij istochnik», 2021. Vy'p. 28. S. 22–39. (In Russian).
22. Troiczkiy N.A. *«Narodnaya volya» pered czarskim sudom (1880–1891)* [“Narodnaya Volya” before the tsar's court (1880–1891)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1971. 240 s. (In Russian).
23. Troiczkiy N.A. *Czarskie sudy` protiv revolyucionnoj Rossii (Politicheskie processy` 1871–1880 gg.)* [Tsarist courts against revolutionary Russia (Political trials of 1871–1880)] Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1976. 408 s. (In Russian).
24. Troiczkiy N.A. *Bezumstvo xrabry`x. (Russkie revolyucionery` i karatel`naya politika czarizma. 1866–1882 gg.)* [The madness of the brave. (Russian revolutionaries and the punitive policy of Tsarism. 1866–1882)] M.: My'sl', 1978. 335 s. (In Russian).
25. Troiczkiy N.A. *Plamenny`e revolyucionery` (O knigax Yu.V. Trifonova, Yu.V. Davy`dova, V.I. Savchenko* [Fiery revolutionaries (About the books of Yu.V. Trifonov, Yu.V. Davydov, V.I. Savchenko)] // *Osvoboditel`noe dvizhenie v Rossii*. Saratov, 1981. Vy'p. 10. S. 108–117. (In Russian).
26. Troiczkiy N.A. *Advokatura v Rossii na politicheskix processax 1866–1904 gg.* [Advocacy in Russia in the political trials of 1866–1904]. Tula: Avtograf, 2000. 456 s. (In Russian).
27. Troiczkiy N.A. *Krestonoscy socializma* [Crusaders of socialism]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2002. 372 s. (In Russian).
28. Troiczkiy N.A. *Kniga o lyubvi (Zapiski istorika)* [The book of love (Notes of a historian)]. Saratov: OAO «Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2006. 304 s. (In Russian).
29. Troiczkiy N.A. *«Orly`-bogaty`ri»: rossijskie narodniki v iskusstve* [“Eagles-heroes”: Russian narodniks in art]. Saratov: Izdatel'stvo «Nauka», 2009. 120 s. s ill. (In Russian).
30. Troiczkiy N.A. *Skazaniya o pravde i krivde v istoricheskoy nauke* [Tales of truth and falsehood in historical science]. SPb.: Poltorak, 2013. 188 s. (In Russian).

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

FROM THE HISTORY OF THE SOCIAL MOVEMENT OF THE LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.013

УДК 94(470)"18":311(091)Краснопёров И. М.

ББК 63.3(2)522-4,8

ЛЕВИН С. В.,
ЕРМАКОВ В. А.

НАРОДНИК И. М. КРАСНОПЁРОВ
НА ЗЕМСКОЙ СЛУЖБЕ

LEVIN S. V.,
ERMAKOV V. A.

POPULIST I.M. KRASNOPEROV
IN THE ZEMSTVO SERVICE

Целью исследования является историческая реконструкция этапов земской службы И.М. Краснопёрова в должности руководителя земского статистического отдела, определение его вклада в разработку методики проведения статистических работ и изучения сельской общины. В статье использованы неопубликованные, ранее не вводившиеся в научный оборот, материалы центральных, республиканского и областных архивов. Применены ретроспективный и личностно-ориентированный методы научного исследования.

Выявлены ранее не известные сведения о земской службе И.М. Краснопёрова, показано значение его экономико-статистических трудов для практической хозяйственной деятельности земств тех губерний, в которых он руководил статистическими работами. Авторы также считают, что исследования крестьянской общины И.М. Краснопёрова были востребованы его коллегами, экономистами, агрономами, публицистами, общественно-политическими деятелями. Не утратили они своего значения как исторический источник по аграрной истории России пореформенного периода и в наши дни.

Historical reconstruction of the stages of I.M. Krasnoperov's zemstvo service as head of the zemstvo statistical department, determination of his contribution to the development of methods for conducting statistical work and studying rural communities. The article uses unpublished materials from the central, republican and regional archives, which were not previously introduced into scientific circulation. Retrospective and personality-oriented methods of scientific research are applied.

Previously unknown information about I.M. Krasnoperov's zemstvo service has been revealed, and the importance of his economic and statistical works for the practical economic activities of the zemstvos of those provinces in which he supervised statistical work has been shown. The authors also believe that I.M. Krasnoperov's research of the peasant household was in demand by his colleagues, economists, agronomists, publicists, and social and political figures. The research has not lost its significance as a historical source on the agrarian history of Russia in both the post-reform period and nowadays.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: губерния, земство, крестьянская община, народническое движение, статистика.

KEY WORDS: province, zemstvo, peasant community, populist movement, statistics.

ВВЕДЕНИЕ. В отечественной истории народнического и земского движений большое внимание уделено их наиболее известным деятелям, участникам же, образно говоря, «вто-

рого ряда», значительно меньше. А между тем, именно они, отойдя по разным причинам от революционного движения 1870-х гг. и поступив на земскую службу, составили костяк её наёмного персонала, провинциальной демократической интеллигенции, создав земскую школу, медицину, агрономию, ветеринарию, статистику. Земская служба рассматривалась ими в духе их народнических взглядов как предоставленная возможность легально трудиться для народа и на его благо. «Занятия в земстве мы считали в духе наших старых народнических идеалов», — констатировал служащий полтавского земства, в прошлом участник народнического движения, старший брат писателя И.А. Бунина, Ю.А. Бунин [12, л. 4]. Одним из таких деятелей являлся статистик И.М. Краснощёров. Специальных исследований, посвящённых его земской службе, нет. Данный вопрос советскими и российскими историками рассматривался лишь фрагментарно, в рамках аграрной истории России пореформенного периода, земского движения или истории становления и развития земской статистики [8; 9; 13; 16]. Между тем, анализ деятельности И.М. Краснощёрова на поприще земской статистики позволяет глубоко и содержательно исследовать проблему участия отошедших от революционного движения народников в земской жизни, эволюцию их общественно-политических взглядов, обозначить новые, перспективные направления научного поиска.

ЦЕЛЬ — рассмотреть, в контексте развития земской хозяйственной деятельности, вклад И.М. Краснощёрова в разработку методик сбора и обработки статистических данных, переписи крестьянских хозяйств Самарской и Тверской губерний, изучение крестьянской общины.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. Методологическую основу выполненного исследования составили принципы историзма, объективности и системности. Историко-сравнительный и личностно-ориентированный методы позволили изучить аспекты земской службы И.М. Краснощёрова, составить его психологический портрет, скорректировать представление о его народнических воззрениях. При написании статьи использованы малоизученные, не введённые в широкий научный оборот, архивные документы, как официального, так и личного происхождения. Их анализ способствовал лучшему пониманию взглядов И.М. Краснощёрова на сельскую общину, её будущее в условиях капиталистического развития аграрного сектора страны.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Иван Маркович Краснощёров родился в 1839 г. в Елабужском уезде Вятской губернии в семье пономаря. Родители видели своего сына священнослужителем и отдали его в Вятское духовное училище, а затем в местную семинарию. Однако юношу не привлекала стезя священника; он хотел поступить в университет. Он даже обратился за советом к кумиру и властителю дум молодёжи 1860-х-1870-х гг. Н.Г. Чернышевскому, написав ему летом 1862 г. письмо, которое, однако, осталось без ответа.

И.М. Краснощёров поступил в Казанский университет в 1862 г., но уже в марте следующего года был арестован за участие в деятельности революционного кружка, члены которого планировали «пропагандировать о сознании настоящего положения и политических прав народа посредством прокламаций и других летучих листов» [5, л. 10]. Суд приговорил «казанского студента» к восьми годам каторжных работ и «лишению всех прав состояния» [10, л. 238]. Правда, в заключении он пробыл недолго; в 1867 г. «всемиловитейшим повелением» был помилован. Семь лет ему пришлось перебиваться случайными, временными заработками, пока в 1874 г. его не приняли в Рославльское техническое железнодорожное училище преподавателем русского языка, истории и географии. Но из-за конфликта с новым руководством училища И.М. Краснощёров весной 1882 г. покинул его, а летом того же года, получив предложение от московского статистика В.И. Орлова принять участие в статистических работах по определению экономического состояния крестьянских хозяйств в Самарской губернии, уехал в Самару. Его привлекала представившаяся возможность изучения культурно-бытовых традиций и хозяйственной деятельности крестьян. После отъезда В.И. Орлова председатель самарской губернской земской управы П.С. Крылов предложил И.М. Краснощёрову возглавить статистический отдел. С этого времени его жизнь связана с земской службой. Опыта

проведения масштабных статистических работ, а тем более, руководства ими у И.М. Краснощёва не было, но он с удвоенной энергией принялся за дело. Переписи крестьянских хозяйств проводились посредством устного опроса крестьян на сельском сходе, который специально созывался для этого. Сельчан опрашивали по заранее составленному бланку (анкете). Ответы фиксировались письменно на листе (карточке). Часто опрос заканчивался за полночь. «Работать приходится иногда с утра и до поздней ночи, часов 15–16», — жаловался он В.И. Семевскому в письме от 14 сентября 1882 г. [1, л. 127 об.—128]. Ответы крестьян статистики, по возможности, проверяли по официальным документам: метрическим и окладным книгам, документам аренды земли, задаткам, неустойкам, уставным грамотам, отчётам мирских касс и ссудо-сберегательных товариществ и т.д. При необходимости устраивался перекрёстный опрос крестьян. Можно констатировать, что перепись представляла собой тяжёлый труд, требовавший от статистиков знания крестьянской психологии, терпения, такта.

Собранные первичные цифровые данные сводились в статистические таблицы, к которым прилагались пояснительные тексты. В таком виде материал печатался отдельным томом — сборником статистических сведений по каждому уезду. Здесь участие заведующего являлось обязательным, поскольку содержание тома проходило цензуру губернатора, и от того, насколько хорошие отношения существовали у него с главой губернии, зависели сроки издания статистического материала. Самарский губернатор А.Д. Свербеев «взял за правило» знакомиться с содержанием каждого сборника вместе с И.М. Краснощёвым, для которого это стало «испытанием нервов на прочность» [6, с. 95]. Но находиться в «мирных» отношениях с губернатором было необходимо, поскольку он определял кадровую политику земства; последнее слово в данном вопросе оставалось за ним. Все претенденты на ту или иную земскую должность проходили обязательную проверку на политическую благонадёжность, и если губернатор находил, что претендент политически неблагонадёжен, его не принимали на земскую службу, даже если он как специалист (агроном, ветеринар, учитель, статистик и т.д.) очень требовался. Учитывая, что многие кандидаты на должность статистиков имели за плечами опыт участия в народническом движении, хорошие отношения с главой губернии приобретали для заведующего исключительно важное значение.

Не менее сложным «испытанием» для руководителя статистического отдела являлось умение убедить на губернских земских собраниях земских гласных в необходимости статистических переписей и, соответственно, их финансирования. Далеко не все земцы сознавали их важность для хозяйственной деятельности земства, экономического развития губернии, некоторые считали, что выделение земских денег на статистику — напрасная их трата, а потому стоило немалых усилий разубедить их в этом. Ещё одним должностным лицом, с которым следовало находиться в доверительных отношениях, был председатель губернской земской управы, который, вместе с губернатором, формировал кадровый состав земства и контролировал выделение денег на статистику. Наконец, от заведующего в решающей степени зависел микроклимат в самом статистическом отделе. Атмосфера дружеского сотрудничества, товарищеских доверительных отношений позитивно влияла на работу его сотрудников, напротив, разногласия, склоки и конфликты снижали эффективность их профессиональной деятельности. Французская исследовательница М.Меспуле именно «атмосферу сотрудничества» считает главным, если не решающим, фактором результативного функционирования земской статистики [17, р. 12].

Таким образом, руководитель статистического отдела должен был быть не только высокопрофессиональным специалистом, но и хорошим психологом. Продуктивная деятельность Самарского губернского земского статистического отдела под руководством И.М. Краснощёва позволяет утверждать, что он обладал такими качествами.

Самарские статистики к 1890 г. завершили перепись крестьянских хозяйств всех уездов губернии. Собранные данные, несомненно, имели большое практическое значение для хозяйственной деятельности земства. На это, в частности, указал в отчётном докладе 1890 г.

губернскому земскому собранию председатель управы П.С. Крылов [15, оп. 9, д. 195, л. 146.]. Земские гласные высоко оценили результаты проведённого статистического обследования крестьянских хозяйств губернии. По их мнению, используя эти данные губернская и уездные управы могли оперативно и положительно решить вопросы продовольственной безопасности крестьянских хозяйств в случае неурожая [15, оп. 15, д. 2, л. 56.]. На основе собранного и обработанного И.М. Краснопёровым и его коллегами статистического материала самарская губернская земская управа составила «программу» неотложных мер по поднятию сельского хозяйства губернии и направила ее губернатору [15, оп. 9, д. 195, л. 148–149об.]. Ряд мероприятий был осуществлен самарским земством на практике. Результаты статистических переписей оказались востребованы не только земством, но и губернскими учреждениями, местным купечеством. Положительно высказались о работах самарских статистиков их коллеги из других губерний, а также экономисты, агрономы, публицисты, общественные деятели.

В июле 1893 г. И.М. Краснопёров, из-за разногласий с земскими гласными и новым председателем губернской земской управы, покинул Самару, переехав в Тверь, где также возглавлял на протяжении десяти лет статистический отдел. Будучи человеком прямым, честным и открытым, привыкшим отстаивать свои убеждения, Иван Маркович за годы руководства тверской статистикой нажил себе немало противников среди местных земцев. Оставив Тверь, он с семьёй перебрался в Могилёв, где поступил не на земскую, а на государственную службу. На наш взгляд, можно выделить следующие причины этого решения: усталость от постоянных конфликтов с чиновниками губернской администрации и земцами; мелочный контроль над статистикой со стороны губернатора; отстаивание необходимости финансирования земских статистических работ. Кроме того, И.М. Краснопёров к началу 1900-х гг. превратился в состоятельного человека; уже в Самаре он снимал особняк в центре города, имел дачу, экипаж для выезда и домашнюю прислугу, в Твери получил чин коллежского асессора. Думается, земский статистик и общественный деятель И.П. Белокопский вполне справедливо относил И.М. Краснопёрова не к «третьему», а к «второму» земскому элементу, учитывая его материальное положение [3, с. 98].

Из Могилёва семья Краснопёровых переехала в Вологду, куда Иван Маркович был переведён по службе. Последние годы своей жизни он провёл в Петербурге, работая в отделе кустарных промыслов Министерства земледелия.

Проводя переписи крестьянских домовладений, статистики констатировали, что общинная форма владения и пользования землёй преобладала во всех уездах губернии. Вместе с тем, они не могли не заметить начавшегося процесса её разрушения. И.М. Краснопёров на основе собранного материала написал несколько статей о социально-экономическом положении общины в Самарской губернии, в которых доказывал необходимость её сохранения, оказания ей поддержки. Он констатировал, с одной стороны, еще сравнительную крепость общинных устоев, с другой — уже начавшийся процесс, в ряде уездов, её разрушения. По его мнению, причины этого заключались в следующем: «противообщинное» законодательство правительства, прекращение коренных переделов земли и, как следствие этого, участвовавшие семейные разделы с отказом от общественных запашек. Под «противообщинным» законодательством статистики подразумевали 165-ю статью «Положения о выкупе крестьян, вышедших из крепостной зависимости», которая разрешала домохозяину, желавшему выделить свою землю из общинного владения, сделать это при условии внесения им в уездное казначейство всей причитающейся за его участок выкупной суммы. При этом выкупить землю и не выделить её из общинного владения мог сторонний человек, не имевший к общине никакого отношения, что несло в себе существенные риски для сохранения её целостности, как хозяйственного организма и культурно-бытового мироустройства крестьян.

Не обошли самарские статистики своим вниманием и переделы земли, проводившиеся в сельских общинах. Анализируя первичные данные по пяти уездам губернии, И.М. Краснопёров пришел к выводу, что в ряде общин увеличился временной период между «ко-

ренными переделами», а где-то они и совсем прекратились. Это явление, по его мнению, следует считать показателем разложения сельской общины, поскольку именно коренные переделы, позволяли распределять земли между всеми членами общины, в соответствии с половозрастным составом крестьянских семей. Напротив, если коренные переделы общинных земель происходили все реже, то семейные разделы, напротив, участились. И в этом земские статистики видели ещё один немаловажный фактор, способствовавший распаду общины. К нему добавлялись получившая довольно широкое распространение краткосрочная аренда общинных земель, занятия кустарными промыслами и отходничество крестьян, что приводило к их социальной дифференциации внутри общины. И.М. Краснопёров признавал кризисное положение сельской общины, но считал, что она, тем не менее, может быть интегрирована в капиталистическое хозяйство, с сохранением своих экономических функций и культурно-бытовых традиций. Но для этого необходима ее поддержка со стороны государства.

К статьям И.М. Краснопёрова о социально-экономическом положении крестьянских хозяйств Самарской губернии апеллировали в своих работах Г.В. Плеханов [11, с. 342] и Г.И. Успенский [14, с. 235–244]. В.И. Ленин не только обращался к исследованиям И.М. Краснопёрова о крестьянской общине, но и спорил с ним лично на эту тему. Работавшая в семье Краснопёровых домашним учителем М.П. Голубева вспоминала, как в гости к ним «раз два» приходили М.Т. Елизаров и В.И. Ленин. Позже Елизаров сообщил ей, что в споре о сельской общине «Владимир Ильич здорово пощипал старого народника Краснопёрова» [4, с. 34]. Правда о сути дискуссии, развернувшейся между Лениным и Краснопёровым, он не сказал.

Итак, проводя статистические работы в Самарской губернии, И.М. Краснопёров изучал сельскую общину, видя в ней исторически сложившуюся форму крестьянского землевладения и землепользования, которая, по его мнению, могла продуктивно и стабильно функционировать и в изменившихся экономических условиях. Следует заметить, такой точки зрения придерживались многие его коллеги. Это позволяет опровергнуть мнение американского историка венгерского происхождения Я.Коцониса, что «в XIX веке община игнорировалась статистическими исследованиями...» [7, с. 21].

ВЫВОДЫ. «Биография Ивана Краснопёрова, — писал известный советский литературовед и историк В.Г. Базанов, — тем и показательна, что совсем незаметный, только начавший свою сознательную жизнь, вятский семинарист становится по-своему значительным и интересным для понимания психологии революционного подполья пореформенной эпохи. Недоучившиеся студенты не вошли в историю большой русской культуры, они не стали видными писателями и учёными, но в освободительном движении России рядовые разночинцы оставили свой глубокий след, они сильны вместе, сообща, своей коллективностью, массовостью, своим дружным братством» [2, с. 242]. С данным выводом нельзя не согласиться. И.М. Краснопёров, находясь на земской службе, показал себя не только энтузиастом своего дела, но и высокопрофессиональным специалистом. Везде, где он возглавлял статистические отделы, он сумел организовать их эффективную работу. Как человеку честному и принципиальному ему нередко было трудно находить общий язык с губернской администрацией и теми земцами, которые, не понимая важности статистики для развития народного хозяйства, выступали против ее финансирования. И.М. Краснопёрову стоило немалых усилий убедить начальство в важности и значении статистики для земской хозяйственной деятельности. Его работы о крестьянской общине написаны, во многом, с народнических позиций, но они оказались востребованы не только земствами, но и экономистами, агрономами, историками, общественными и политическими деятелями. Не утратили они своего значения как исследования, подготовленные на основе тщательного изучения местного первичного материала с глубокими содержательным анализом, и для современных историков, изучающих аграрную историю пореформенной России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив Российской Академии наук. Ф. 489. Оп. 1. Д. 382.
2. Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1974. 558 с.
3. Белокопский И.П. В годы бесправия. Воспоминания. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 455 с.
4. Голубева М.П. Моя первая встреча с Владимиром Ильичём // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 2 / подгот. тома А.П. Смирнова, В.А. Чаянова. М.: Политиздат, 1969. С. 32–35.
5. Государственный архив Кировской области. Ф. 582. Оп. 58. Д. 114.
6. Краснощёков И.М. Воспоминания земского статистика (1872–1902) / подгот. текста, предисл., примеч. Ю.И. Соколова. М.: Издательство «Золотое сечение», 2008. 120 с.
7. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 320 с.
8. Левин С.В. Организация земского статистического бюро в Самарской губернии // Вестник Самарского государственного университета, 2011. № 7(88). С. 49–53.
9. Левин С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье / под ред. В.Н. Данилова. Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2014. 354 с.
10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1883.
11. Плеханов Г.В. Всероссийское разорение // Сочинения / под ред. Д.Б. Рязанова. М.; Петроград: Госиздат, 1923. Т. II. С. 310–354.
12. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 218. Картон № 765. Д. 1.
13. Савицкий Н.А. Земские подворные переписи. Обзор методологии. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. 355 с.
14. Успенский Г.И. Правила Самарского земства // Русское богатство. 1892. № 3. С. 235–244.
15. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 5.
16. Цыганова Я.М. Исторические исследования земских статистиков в Самарской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 34–39.
17. Mespoulet M. De la statistique des zemstva a la statistique sovietique // Courrier des statistiques. 2002. № 102. P. 1–16.

REFERENCES:

1. *Arxiv Rossijskoj Akademii nauk* [The Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 489. Op. 1. D. 382. (In Russian).
2. Bazanov V.G. *Russkie revolyucionny`edemokraty` i narodoznanie* [Russian revolutionary democrats and folk studies]. L.: Sovetskij pisatel`. Leningradskoe otdelenie, 1974. 558 s. (In Russian).
3. Belokonskij I.P. *V gody` bespraviya. Vospominaniya* [During the years of lawlessness. Memoirs]. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshhestva politkatorzhan i ssy`l`no-poselencev, 1930. 455 s. (In Russian).
4. Golubeva M.P. *Moya pervaya vstrecha s Vladimirom Il`ichyom* [My first meeting with Vladimir Ilyich] // *Vospominaniya o Vladimire Il`iche Lenine*. V 5 t. T. 2 / podgot. toma A.P. Smimova, V.A. Chayanova. M.: Politizdat, 1969. S. 32–35. (In Russian).
5. Gosudarstvenny`jarxiv Kirovskoj oblasti [The State Archives of the Kirov Region]. F. 582. Op. 58. D. 114. (In Russian).
6. Krasnopyorov I.M. *Vospominaniya zemskogo statistika (1872–1902)* [Memoirs of a zemstvo statistician] / podgot. teksta, predisl., primech. Yu.I. Sokolova. M.: Izdatel'stvo «Zolotoesechenie», 2008. 120 s. (In Russian).
7. Koczonis Ya. *Kak krest`yan delali otstaly`mi: Sel`skoxozyajstvenny`e kooperativy` i agrarny`j vopros v Rossii 1861–1914* [How peasants were made backward: Agricultural cooperatives and the agrarian question in Russia] / per. s angl. V. Makarova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 320 s. (In Russian).

8. Levin S.V. *Organizaciya zemskogo statisticheskogo byuro v Samarskoj gubernii* [Organizing the zemstvo statistical bureau in the Samara Gubernia] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. № 7(88). S. 49–53. (In Russian).
9. Levin S.V. *Stanovlenie i razvitie zemskoj statistiki v Povolzh'e* [The formation and development of zemstvo statistics in the Volga region] / pod red. V.N. Danilova. Tambov: Izdatel'skij dom TGU, 2014. 354 s. (In Russian).
10. Nacional'nyj arxiv Respubliki Tatarstan [The National Archives of the Republic of Tatarstan]. F. 1. Op. 2. D. 1883. (In Russian).
11. Plexanov G.V. *Vserossijskoe razorenie* [An all-Russian ruin] // Sochineniya / pod red. D.B. Ryazanova. M.; Petrograd: Gosizdat, 1923. T. II I. S. 310–354. (In Russian).
12. Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisej [The Russian State Library. The Manuscripts Department]. F. 218. Karton № 765. D. 1. (In Russian).
13. Svaviczkiy N.A. *Zemskie podvornye perepisi. Obzor metodologii* [Zemstvo household censuses. A review of methodology]. M.: GosstatizdatCzSU SSSR, 1961. 355 s. (In Russian).
14. Uspenskij G.I. *Pravila Samarskogo zemstva* [The rules of the Samara zemstvo] // *Russkoe bogatstvo*. 1892. № 3. S. 235–244. (In Russian).
15. Central'nyj gosudarstvennyj arxiv Samarskoj oblasti [The Central State Archive of the Samara Region]. F. 5. (In Russian).
16. Cyganova Ya.M. *Istoricheskie issledovaniya zemskix statistikov v Samarskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.* [Historical studies of zemstvo statisticians in the Samara gubernia in the second half of the 19-th — early 20-th centuries] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*. 2014. T. 16. № 3. S. 34–39. (In Russian).
17. Mespoulet M. *De la statistique des zemstva a la statistique sovetique* [From zemstvo statistics to Soviet statistics] // *Courrier des statistiques*. 2002. № 102. P. 1–16. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.018

УДК 94(470)"18":323.4(091) Максимов Е. Д.

ББК 63.3(2)52-4

Д.Ф. КИРЕЕВ,
Г.Н. МОКШИНD.F. KIREEV,
G.N. MOKSHINЕ.Д. МАКСИМОВ И ЛЕГАЛЬНЫЕ
НАРОДНИКИ 1890-Х ГГ.E.D. MAXIMOV AND THE LEGAL
POPULISTS OF THE 1890S

В 1890-е гг. старое русское народничество вступило в период затяжного идейного кризиса и распада. Не избежали его и легальные народники, призывавшие интеллигенцию к продолжению культурно-просветительской деятельности в народе, особенно популярной в 1880-е гг. Данная статья посвящена малоизвестному народническому публицисту и общественному деятелю — Евгению Дмитриевичу Максиму, чье сближение с народниками-культурниками произошло только в середине 1890-х гг. Интерес к его идейному наследию обусловлен тем, что именно он в начале XX в. попытается вдохнуть в теорию «органической культурной работы» С.Н. Кривенко новую жизнь. В статье анализируются взгляды Максимова на основные задачи русской жизни и определяется его положение в умеренно правом народничестве.

In the 1890s, the old Russian populism entered a period of protracted ideological crisis and disintegration. Legal populists, who urged the intelligentsia to continue cultural and educational activities among the people, especially popular in the 1880s, did not escape it either. This article is devoted to a little-known populist publicist and public figure, Yevgeny Dmitrievich Maximov, whose rapprochement with the cultural populists occurred only in the mid-1890s. The interest to his ideological heritage is conditioned by the fact that it was he who in the early twentieth century would try to breathe new life into S.N. Krivenko's theory of "organic cultural work". The article analyzes Maximov's views on the main tasks of Russian life and defines his position in moderate right-wing populism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: легальные народники, «Новое слово», «Сын отечества», культурная работа, земство, народная школа

KEY WORDS: legal populists, "Novoe Slovo", "Son of Fatherland", cultural work, zemstvo, public school

ВВЕДЕНИЕ. Евгений Дмитриевич Максимов (1858–1927) — видный отечественный экономист, статистик и публицист народнического направления, успешно совмещавший общественную деятельность со службой в министерстве внутренних дел. В апреле 1905 г. он выйдет в отставку в чине действительного статского советника и в скором времени станет одним из лидеров и идеологов кооперативного движения.

Исследователи биографии и взглядов Максимова в один голос утверждают, что он был народником, о чем свидетельствует его сближение во второй половине 1890-х гг. с главными тогдашними представителями народнического направления — С.Н. Кривенко и В.П. Воронцовым [1, с. 235; 21; 24]. Однако до первой русской революции сам Максимов старался не афишировать свою принадлежность к социалистическому лагерю. А его статьи публиковались в основном в либерально-демократических изданиях. Например, в «Русских ведомостях», «Экономическом журнале», «Наблюдателе», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Вестнике юридического общества» и мн. др. Неслучайно современные историки относят Максимова к легальным народникам второго ряда (если вообще о нем упоминают), что, на наш взгляд, не вполне справедливо [2, с. 14].

ЦЕЛЬ статьи — разрешение вопроса о положении Максимова в легально-народническом лагере 1890-х гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Главными источниками для реконструкции народнических взглядов Е.Д. Максимова 1890-х гг. служат его статьи об основных задачах русской жизни и путях их разрешения, опубликованные в журнале «Новое слово» (1896-1897) и газете «Сын отечества» (1897-1900). Всего за пять лет для них было написано около 240 текстов (!) [5, л 12 об.—27 об.]. Это намного больше, чем в других изданиях 1890-х гг. вместе взятых.

В ноябре 1919 г. уже известный на всю страну теоретик кооперативного движения пишет в своем дневнике, что он всегда был и остается «старым народником», «ищущим указаний социальных и индивидуальных идеалов» в «коллективном разуме народа» и в выработанных им формах организации труда [9, л. 25 об.—26]. Апелляция к идее «народа» как подлинного творца и главной движущей силе общественного прогресса, а также приверженность к мирному пути развития общества (на том основании, что революция «противна» всему складу характера русского народа) — это основа народничества Максимова. Но отстаиваемая им программа преобразований страны («для народа и через народ») еще никем серьезно не изучалась. Как и вопрос о степени влияния на Максимова его старших товарищей — идеологов умеренно правого народничества С.Н. Кривенко и В.П. Воронцова.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Мировоззрение Е.Д. Максимова — уроженца г. Суджа Курской губернии — формировалось в 1870-е гг. В своих воспоминаниях он опишет, как во время учебы в Полтавской гимназии познакомился с учением Н.Г. Чернышевского и стал участником организованной старшим братом Павлом сапожной артели (для пропаганды народнических идей) [6, с. 37]. В 1879 г., по его же совету, Максимов бросает учебу в Московском высшем техническом училище и на десять лет идет «в народ», простым сельским учителем. Тогда же начинается и литературная деятельность будущего народнического публициста. В 1881 г. в журнале «Земская школа» появляется его первая статья о состоянии народного образования в Суджанском уезде. В декабре 1883 г. Максимова избирают гласным Суджанского земства. А в 1885 г. выходит его первая книга «Земские финансы», которая принесла молодому экономисту широкую известность.

В 1888 г. Максимова как специалиста по расчету платежеспособности населения приглашают на госслужбу, и на четыре года он уезжает во Владикавказ податным инспектором. В 1892 г. Е.Д. Максимов переводится в С.-Петербург ревизором по податной части при департаменте окладных сборов Министерства финансов и уже на следующий год становится правителем канцелярии в том же министерстве.

После жестокого голода 1891-1892 гг. власти наконец-то озаботились проблемой призрения обедневшего населения. В конце 1892 г. была образована особая правительственная комиссия из чиновников и ученых под председательством К.К. Грота. Она должна была выяснить реальное положение дел в области помощи бедным и обновить законодательство о благотворительной деятельности. Максимов был включен в состав комиссии в качестве делопроизводителя в 1894 г. Энергично взявшись за это дело, он уже в 1895 г. публикует «Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России». Нерациональной и неэффективной системе государственного призрения Максимов противопоставил успешную деятельность в этой области земских учреждений [13]. Однако более подробное знакомство с масштабами разорения населения убедили его в необходимости коренных улучшений в области народного хозяйства, начиная с податной реформы [15, с. 1, 27]. На этой почве в середине 1890-х гг. происходит сближение Максимова с легальными народниками, группировавшимися вокруг журнала «Русское богатство».

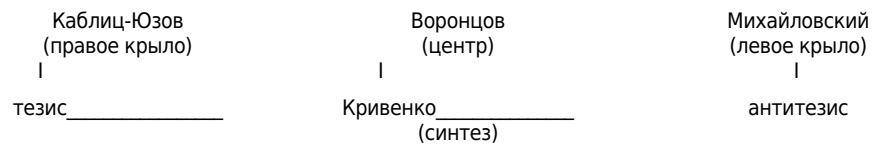
Правое крыло народничества оформилось в самостоятельное течение после провала знаменитого «хождения в народ» 1874 г., как антитеза его левому (революционному) крылу. Легальные народники не верили в успех революционного переворота и настаивали на необходимости длительной подготовки социальных преобразований, опираясь на до-

ступные им средства: печать, земство и кооперацию. В 1880-е гг. предложенная ими программа культурно-просветительской деятельности в народе получила широкую поддержку либерально-демократической интеллигенции. Но голодный 1891 г. пошатнул надежды народников на возрождение русского народа при существующем политическом строе.

В 1892 г. С.Н. Кривенко задумал объединить сторонников «умственного подъема» народа (В.П. Воронцов) и политических преобразований (Н.К. Михайловский) в журнале «Русское богатство». Однако попытка обновления народничества путем разработки консолидированной программы общественных преобразований закончится провалом. В декабре 1894 г. из-за непримиримой позиции Михайловского его лучший друг Кривенко вынужден будет покинуть журнал и искать для своих единомышленников новое пристанище.

Точная дата знакомства Максимова с кругом публицистов, группировавшихся вокруг «Русского богатства», нам, к сожалению, неизвестна. В октябре 1906 г. в письме к А.Н. Куропаткину он упомянет о том, что последние 12 лет «часто и близко» встречался с Кривенко (до его кончины в июне 1906 г.) [14, л. 1]. Это позволяет предположить, что их сближение началось не позднее 1894 г., т.е. еще до раскола редакции журнала.

По поводу расстановки сил внутри правого народничества 1890-х гг. сам Максимов позднее составит следующую схему.

Народничество Каблица Максимов называет «государственным», Воронцова — «ортодоксальным», Михайловского — «критическим». А себя причисляет к последователям «созида-тельного» народничества Кривенко [7, л. 27].

Что роднило Максимова с легальными народниками?

Во-первых, общий взгляд на русскую жизнь как арену противоборства «народа» (трудящихся классов) и его эксплуататоров в лице помещиков, заводчиков, чиновников и т.п. Эта старая вражда, по признанию публициста, тянется со времен крепостного права [12, с. 418]. Противопоставление «народа» и «не народа» как антагонистов — главная отличительная черта народнического сознания. И Максимов вполне разделял этот подход.

Во-вторых, убежденность Максимова в том, что современная «социальная неурядица» должна быть исправлена мирными путями. «Воспитывать в различных классах общества взаимную вражду, — напишет он еще в 1884 г., — значит готовить могилу всей цивилизации, значит вести человечество назад к тому времени, когда в нем преобладали страсти и склонности дикарей» [12, с. 419].

В-третьих, это необходимость и возможность гармонизации русской жизни на началах демократии и коллективизма. Именно с ними Максимов связывает понятие о социальной справедливости и разумном общественном устройстве. Главным же хранителем и выразителем этих начал является народ и его социальные институты: община, артель и др. Причем Максимов, как и Кривенко, изначально отдавал предпочтение артели, т.к. община уже в 1870-е гг. обнаружила явные черты разложения, допустив появления кулачества и сельского пролетариата.

Еще одна точка соприкосновения Максимова с правыми народниками — это вера в возможность консолидации власти и общества вокруг насущных проблем народной жизни. Прежде всего, это необходимость подъема народного благосостояния, что стало особенно очевидно после голода начала 1890-х гг. Собственно поступление Максимова на государственную службу — лишнее тому подтверждение. Видимо, он тоже надеялся, что «народная политика» Александра III — это не политический маневр власти, напуганной разгулом в стране революционных страстей, а первый ее сознательный шаг к примирению с обществом.

Летом 1895 г. народники-культурники (С.Н. Кривенко, В.П. Воронцов, Л.Е. Оболенский, Я.В. Абрамов, Н.Н. Златовратский и др.) обосновались в журнале «Новое слово», специально купленном для них издательницей О.Н. Поповой. Программа журнала, вопреки его названию, заключалась в пропаганде идейных и тактических принципов «старого» (ортодоксального) русского народничества, главный из которых: «все для народа и посредством народа». Поэтому все по-прежнему сводилось к необходимости подъема материального и духовного уровня народа, опираясь на поддержку государства, земских учреждений и частной инициативы.

Новых сотрудников «с именем», которых Кривенко удалось привлечь к журналу, тоже было не много. И самый ценный из них — Е.Д. Максимов, поскольку в начале XX в. именно он станет последним заметным теоретиком культурного народничества. Один из членов редакции «Нового слова» — В.А. Поссе так охарактеризовал своего нового знакомого. «Солидно и скромно держался примирительно улыбающийся, рослый и статный Евгений Дмитриевич Максимов, занимавший какой-то видный, но политически безобидный пост в Министерстве Внутренних дел. Писал он много и длинно, как под своей фамилией, так и под псевдонимом “М. Слобожанин”». Впрочем, по мнению Поссе, так писали все сотрудники «Нового слова» [23, с. 115].

Акцент на миролюбивом настрое Максимова связан с описанием автором воспоминаний редакционных собраний журнала. На Поссе они производили впечатление «чего-то унылого». Ему казалось, что «здесь хоронят идею народничества с его верой в особые пути русского народа, ... в русскую общину и артель, как ячейки социалистического общества». «Поругивали марксистов», но как-то вяло. «Оживленнее поругивали друг друга». Причем больше всех доставалось Кривенко за неумение вести редакционные дела, из-за чего книжки «Нового слова» получались не боевыми и слишком скучными [23, с. 114].

Первая статья Максимова в «Новом слове» увидела свет в 1896 г., в мартовском и апрельском номерах журнала. Автор посвятил ее проблеме противодействия обнищанию населения, которой он занимался, будучи (с ноября 1895 г.) начальником благотворительного отделения Хозяйственного департамента МВД. Опираясь на материалы земской статистики, Максимов впервые устанавливает точное число нуждающихся в призрении — 3,2 млн человек (4,8% от населения земских губерний), подробно анализирует причины обеднения населения и меры помощи ему, включающие, например, открытие домов трудолюбия для трудоспособных нищих. Важное место в статье занимает вопрос об организации учреждений для предупреждения бедности: касс взаимопомощи, потребительских обществ и т.п. [20]

В июле и августе 1896 г. Максимов поместил в журнале еще одну большую статью о необходимости реформирования системы местного управления. Прикрывшись псевдонимом, он высказывает убеждение, что усиление бюрократического начала (после «контрреформ» рубежа 1880/90-х гг.) и неизбежный рост злоупотреблений со стороны местных чиновников затрудняет приток в провинцию необходимых ей общественных работников (врачей, учителей и т.д.). На примере многовековой истории волостного управления Максимов доказывает, что интересам народа и государства больше соответствует укрепление бессословного, земского и общинного элементов [17].

Став постоянным сотрудником «Нового слова», Максимов продолжал публиковаться в других изданиях. Так, в октябре 1896 г. в журнале Н.К. Михайловского «Русское богатство» появилась статья «Практическая и законодательная постановка мер общественного призрения». В ней он развивает уже озвученную выше мысль о необходимости поддержки на законодательном уровне успешных начинаний в деле помощи бедным со стороны органов земского и городского самоуправления. И, между прочим, выражает надежду, что усовершенствованное законодательство по призрению (в частности, отказавшись от излишней регламентации частной инициативы), можно будет добиться заметного увеличения средств на него без всякой ломки финансовой системы и введения дополнительного налога на бедность [16, с. 47, 50].

Сотрудничество публициста в «Новом слове» продолжалось до февраля 1897 г. За это время он успел опубликовать еще три статьи об экономическом положении населения (в разделе «Обозрение внутренней жизни») и одну рецензию. На февральской книжке издание было прекращено из-за конфликта С.Н. Кривенко с О.Н. Поповой, которая в итоге передала «Новое слово» марксистам. Шокированные этим решением сотрудники журнала Я.В. Абрамов и А.М. Скабичевский подали на нее жалобу в Суд чести Союза русских писателей. Максимов был приглашен на суд в качестве свидетеля, где встал на сторону Кривенко [22, с. 40].

В марте 1897 г. бывшие сотрудники «Нового слова» перешли в газету «Сын отечества» — последнее детище Кривенко, где он выступит в роли неофициального редактора. Причем на этот раз издание не будет позиционироваться как народническое, чтобы не отпугнуть прежних читателей (до перехода к народникам газета занимала проправительственную позицию). Хотя его новая общественная программа легко прослеживается по публикациям того же Максимова.

Основная тематика статей Максимова — экономическое положение народа, которое, как и у всех народников, преподносится в довольно мрачном свете. Крестьянство страдает от малоземелья, низкой производительности своего труда и высоких налогов и платежей и при отсутствии надлежащей помощи со стороны государства и общества грозит поголовно впасть в нищету. (Организация помощи бедным — это, как мы уже знаем, конек нашего публициста). И эта негативная тенденция усиливается на фоне очередного голода, охватившего Поволжье в 1898 г.

Весной 1899 г. Максимов по поручению профильного комитета МВД отправится в Симбирскую губернию как организатор общественных работ для голодающих там крестьян. В мае-июле того же года в «Сыне отечества» появится серия его корреспонденций «Из неурожайных мест». В 1907 г. Максимов опубликует их в своих воспоминаниях под заголовком «Письма из голодного края» [18]. Описания народного бедствия автор сопровождает рассуждениями о его причинах, которые, по его мнению, заключались вовсе не в лености русского мужика и нежелании работать. Корень зла — «неподвижность ума», из-за отсутствия образования, и крайняя бедность, исключающие мысль о каких-то улучшениях в крестьянском хозяйстве [18, с. 371, 372, 396].

Другая важная для Максимова тема — освещение деятельности земского самоуправления, его вклада в хозяйственный и культурный подъем провинции, забот о народе, а также анализ финансового положения земств, которое, по признанию публициста, из-за большого количества обязательных расходов находилось в критическом состоянии [10]. В общей сложности этим вопросам было посвящено более полусотни статей.

Стоит отметить, что для Максимова всесословные земские учреждения — это лучшее место для сближения передовой интеллигенции и народа, а их прочный союз — ключ к дальнейшему прогрессивному развитию страны. Отсюда пропаганда публицистом идеи расширения крестьянского представительства в земских собраниях на том основании, что «крестьянские земства» выделяют больше средств на развитие народного просвещения, медицину и сельскохозяйственные надобности, чем те, где преобладает дворянство, и вообще дают пример правильной постановки земского дела [8; 11].

Состояние народной школы — это еще один предмет постоянного внимания Максимова. В своих публикациях он доказывал важность образования в деле подъема производительности народного труда. Отстаивал принцип всесословности народной школы. Приветствовал распространение среди крестьян сельскохозяйственных знаний. Пропагандировал примеры частной инициативы в народном просвещении.

Отвечая на обвинения простого народа в склонности к невежеству и рутине, публицист, опираясь на собранные земствами сведения об отношении населения к образованию, делает оптимистический вывод о том, что «стремление нашего народа к просвещению превосходит самые смелые ожидания». И стремление это нисколько не меньше, чем у образованных

классов, раз имеющиеся у народа школы из-за тесноты помещений не могут вместить всех желающих, включая девочек [19].

В «Сыне отечества» почти все статьи Максимова печатались на первой полосе. А в январе 1898 г. Кривенко доверил ему подведение итогов экономического развития страны за прошедший 1897 год (потом за 1898 и т.д.) [4]. Хотя, по идее, этим должен был заниматься более опытный народнический экономист В.П. Воронцов. Кроме того, Максиму принадлежат аналогичные статьи по общественному самоуправлению и крестьянскому делу.

Сохранившиеся в архиве Максимова 13 писем к нему Кривенко за 1899–1906 гг. свидетельствуют о том, что их отношения вышли за рамки деловой переписки [3]. Периодические приглашения зайти друг к другу в гости, обсуждение своих творческих планов и происходивших в стране событий означает, что к концу XIX века они уже стали единомышленниками. Неслучайно после смерти Кривенко Максимов возьмется за разработку его биографии и попутно систематизирует собственные взгляды на историю и современные задачи культурного народничества.

Издание «Сына отечества» прекратилось весной 1900 г. из-за финансовых трудностей его владельцев. А вместе с ним распался и последний литературный кружок «старого» умеренно правого народничества. Но отношения Максимова с народниками-культурниками (особенно с С.Н. Кривенко и В.П. Воронцовым) продолжали развиваться.

ВЫВОДЫ. 1890-е гг. — это особый переходный период как в истории русского народничества, так и в биографии одного из лучших его представителей — Е.Д. Максимова. Примерно в середине десятилетия, уже будучи высокопоставленным чиновником МВД, он сближается с народниками-культурниками и всего за пять лет становится видным народническим публицистом — последователем «созидательного народничества» С.Н. Кривенко.

В истории народнической мысли Максимов известен, прежде всего, как теоретик «органической культурной работы», ориентирующей народническую интеллигенцию на создание предпосылок для радикальных общественных преобразований (подъем материального и культурного уровня народа, развитие местного самоуправления и коллективных форм организации труда). А также как разработчик и популяризатор таких их «рычагов», как народная школа, земство и производственная кооперация. Однако о создании Максимовым цельной народнической теории мы можем говорить лишь применительно к началу XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов А.Ю. Артельный староста Е.Д. Максимов-Слободанов // Герценовские чтения 2016. Актуальные проблемы русской истории. СПб.: Электроника, 2017. С. 233–242.
2. Кастров С.Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX — начала XX вв. Сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. 23 с.
3. Кривенко С.Н. Письма к Е.Д. Максиму. 1899–1906 гг. // ОР РНБ. Ф. 1029. Оп. 877. Д. 48. 20 л.
4. [Максимов Е.Д.] 1897 год в экономическом отношении // Сын отечества. 1898. № 1. 1 января.
5. Максимов Е.Д. Библиографический указатель его печатных работ в хронологическом порядке (1881–1914) // ОР РНБ. Ф. 1029. Оп. 877. Д. 23. 39 л.
6. Максимов Е.Д. Бодрым утром (Отрывки из 50-летних воспоминаний кооператора) // Производсоюз. 1922. № 1–4. С. 36–43.
7. Максимов Е.Д. Выписки, заметки, копии документов и др. материалы к работе о С.Н. Кривенко // ОР РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 355. 61 л.
8. [Максимов Е.Д.] Гласные от крестьян // Сын отечества. 1898. № 155. 10 июня.
9. Максимов Е.Д. Дневник (1912–1926) // ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 56. 73 л.
10. [Максимов Е.Д.] К вопросу о земских поземельных сборах // Сын отечества. 1898. № 69. 13 марта.
11. [Максимов Е.Д.] Крестьяне в земстве // Сын отечества. 1898. № 141. 27 мая.
12. [Максимов Е.Д.] Макс Евгений. Земский обзор // Русское богатство. 1884. № 11. С. 416–427.

13. Максимов Е.Д. Очерк земской деятельности в области благотворительности. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. 105 с.
14. Максимов Е.Д. Письмо к А.Н. Куропаткину // ОР РНБ. Ф. 1029. Оп. 877. Д. 27. 3 л.
15. Максимов Е.Д. Подходно-прогрессивное обложение и условия применения его в России // Северный вестник. 1893. № 12. С. 1–28.
16. Максимов Е.Д. Практическая и законодательная постановка мер общественного призрения // Русское богатство. 1896. № 10. С. 19–50.
17. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. Коренной вопрос местного управления // Новое слово. 1896. № 10. С. 1–23; № 11. С. 1–32.
18. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. На культурной работе. Очерки и воспоминания. СПб.: тип. т-ва «Общественная Польза», 1907. 484 с.
19. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. Отношение крестьян к образованию // Сын отечества. 1898. № 161. 16 июня.
20. Максимов Е.Д. Статистические и финансовые вопросы общественного призрения // Новое слово. 1896. № 6. С. 35–60; № 7. С. 1–24.
21. Мокшин Г.Н. Е.Д. Максимов как первый исследователь культурного народничества // Гуманитарные исследования Центральной России. 2017. № 1 (2). С. 22–28.
22. [Попов А.] Вопрос о передаче журнала «Новое слово» в Суд чести Союза русских писателей. СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1897. 76 с.
23. Поссе В.А. Мой жизненный путь: Дореволюционный период (1864–1917 гг.). М.; Л.: Земля и Фабрика, 1929. 548 с.
24. Прокопенко З.Т. Е.Д. Максимов-Слобожанин и В.Е. Евгеньев-Максимов: Из истории российской науки. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 268 с.

REFERENCES

1. Davydov A. Ju. *Artel'nyj starosta E. D. Maksimov-Slobozhanin* [Artisanal headman E. D. Maximov-Slobozhanin] // *Gercenovskie chtenija* 2016. Aktual'nye problemy russkoj istorii. SPb.: JelekSiS, 2017. S. 233–242. (In Russian).
2. Kastomov S. N. *Narodniki-reformisty o social'nyh i obshhestvenno-politicheskikh problemah Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv. Sravnitel'nyj analiz* [Populist-reformists on social and socio-political problems of Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. Comparative analysis]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Orel, 2002. 23 s. (In Russian).
3. Krivenko S. N. *Pis'ma k E. D. Maksimovu. 1899–1906 gg.* [Letters to E. D. Maximov. 1899–1906] // OR RNB. F. 1029. Op. 877. D. 48. 20 l. (In Russian).
4. [Maksimov E. D.] *1897 god v jekonomicheskom otnoshenii* [1897 economically] // *Syn otechestva*. 1898. № 1. 1 jan-varja. (In Russian).
5. Maksimov E. D. *Bibliograficheskij ukazatel' ego pechatnyh rabot v hronologicheskom po-rjadke (1881–1914)* [Bibliographic index of his printed works in chronological order (1881–1914)] // OR RNB. F. 1029. Op. 877. D. 23. 39 l. (In Russian).
6. Maksimov E. D. *Bodrym utrom (Otryvki iz 50-letnih vospominanij kooperatora)* [On a brisk morning (Excerpts from the 50-year memoirs of a cooperator)] // *Pro-izvodsojuz*. 1922. № 1–4. S. 36–43. (In Russian).
7. Maksimov E. D. *Vypiski, zametki, kopii dokumentov i dr. materialy k rabote o S. N. Krivenko* [Extracts, notes, copies of documents and other materials for the work on S. N. Krivenko] // OR RNB. F. 1029. Op. 1. D. 355. 61 l. (In Russian).
8. [Maksimov E. D.] *Glasnye ot krest'jan* [Voters from the peasants] // *Syn otechestva*. 1898. № 155. 10 ijunja. (In Russian).
9. Maksimov E. D. *Dnevnik (1912–1926)* [Diary (1912–1926)] // OR RNB. F. 1136. Op. 1. D. 56. 73 l. (In Russian).
10. [Maksimov E. D.] *K voprosu o zemskih pozemel'nyh sborah* [On the issue of zemstvo land fees] // *Syn otechestva*. 1898. № 69. 13 marta. (In Russian).

11. [Maksimov E.D.] *Krest'jane v zemstve* [Peasants in the zemstvo] // Syn otechestva. 1898. № 141. 27 maja. (In Russian).
12. [Maksimov E.D.] Maks Evgenij. *Zemskij obzor* [Zemstvo review] // Russkoe bogatstvo. 1884. № 11. S. 416–427. (In Russian).
13. Maksimov E.D. *Ocherk zemskoj dejatel'nosti v oblasti blagotvoritel'nosti* [Sketch of zemstvo activities in the field of charity]. SPb.: Tip. Pravitel'stvujushhego Senata, 1895. 105 s. (In Russian).
14. Maksimov E.D. *Pis'mo k A.N. Kuropatkinu* [Letter to A.N. Kuropatkin] // OR RNB. F. 1029. Op. 877. D. 27. 3 l. (In Russian).
15. Maksimov E.D. *Podohodno-progressivnoe oblozhenie i uslovija primeneniya ego v Rossii* [Income-progressive taxation and conditions of its application in Russia] // Severnyj vestnik. 1893. № 12. S. 1–28. (In Russian).
16. Maksimov E.D. *Prakticheskaja i zakonodatel'naja postanovka mer obshhestvennogo prizrenija* [Practical and legislative establishment of public welfare measures] // Russkoe bogatstvo. 1896. № 10. S. 19–50. (In Russian).
17. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *Korennoj vopros mestnogo upravlenija* [The root issue of local governance] // Novoe slovo. 1896. № 10. S. 1–23; № 11. S. 1–32. (In Russian).
18. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *Na kul'turnoj rabote. Ocherki i vospominanija* [On cultural work. Essays and memoirs]. SPb.: tip. t-va «Obshhestvennaja Pol'za», 1907. 484 s. (In Russian).
19. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *Otnoshenie krest'jan k obrazovaniju* [Attitudes of peasants towards education] // Syn otechestva. 1898. № 161. 16 ijunja. (In Russian).
20. Maksimov E.D. *Statisticheskie i finansovyje voprosy obshhestvennogo prizrenija* [Statistical and financial issues of public charity] // Novoe slovo. 1896. № 6. S. 35–60; № 7. S. 1–24 (In Russian).
21. Mokshin G.N. E.D. *Maksimov kak pervyj issledovatel' kul'turnogo narodnichestva* [E.D. Maximov as the first researcher of cultural populism] // Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii. 2017. № 1 (2). S. 22–28 (In Russian).
22. [Popov A.] *Vopros o peredache zhurnala «Novoe slovo» v Sud chesti Sojuza russkih pisatelej* [The issue of transferring the magazine Novoe Slovo to the Court of Honor of the Union of Russian Writers]. SPb.: Tip. A.A. Porohovshhikova, 1897. 76 s. (In Russian).
23. Posse V.A. *Moj zhiznennyj put': Dorevoljucionnyj period (1864–1917 gg.)* [My life path: Pre-revolutionary period (1864X–1917)]. M.; L.: Zem-lja i Fabrika, 1929. 548 s. (In Russian).
24. Prokopenko Z.T. E.D. *Maksimov-Slobozhanin i V.E. Evgen'ev-Maksimov: Iz istorii rossijskoj nauki* [E.D. Maximov-Slobozhanin and V.E. Evgenyev-Maksimov: From the History of Russian Science]. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2002. 268 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.025

УДК 94(470.44)"19"(091):316.423

ББК 63.3(2)53-414

Д.Р. ХАМИТОВ

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ЖАНДАРМСКИХ
ДОЗНАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

D.R. KHAMITOV

**REVOLUTIONARY ACTIVITY ON THE EVE
OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION
IN THE MIRROR OF GENDARMERIE
INQUIRIES (BASED ON THE MATERIALS
OF THE SARATOV PROVINCE)**

Статья посвящена изучению революционного движения позднеимперской России начала XX в. Исследовательский ракурс автора сосредоточен на характеристике различных форм революционной деятельности рассматриваемого периода через призму жандармских дознаний. Изучение заявленной в статье проблематики проводится в региональном измерении — на основе архивных материалов Саратовского губернского жандармского управления и местного охранного отделения. Анализ документов политической полиции позволил определить различные формы революционной деятельности и количество дел, по которым проводилось жандармское дознание на территории Саратовской губернии накануне первой русской революции.

The article is devoted to the study of the revolutionary movement of late Imperial Russia at the beginning of the XX century. The author's research perspective focuses on the characterization of various forms of revolutionary activity of the period under consideration through the prism of gendarmerie inquiries. The study of the issues stated in the article is carried out in the regional dimension — on the basis of archival materials of the Saratov provincial gendarmerie department and the security department. The analysis of the documents of the political police allowed us to determine the various forms of revolutionary activity and the number of cases in which the gendarmerie inquiry was conducted on the territory of the Saratov province on the eve of the first Russian revolution.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революционная деятельность, дознание, политическая полиция, противоборство

KEY WORDS: revolutionary activity, inquiry, political police, confrontation

ВВЕДЕНИЕ. Политическая ссылка в Российской империи была не только важнейшим инструментом внутренней политики для урегулирования социальных проблем, но и сложным нормативно-правовым явлением, оказавшим значительное влияние на развитие Сибири. Однако к концу XIX века стало очевидно, что ее институт устарел и требует кардинальных реформ. Результатом новой государственной политики по охране населения центральных губерний стал ряд законопроектов и положений, которые кардинально поменяли статус и функционал ссылки как в Восточную, так и в Западную Сибирь. 27 февраля 1879 года было учреждено Главное тюремное управление в составе Министерства внутренних дел. Последовавшее принятие закона от 11 декабря 1879 года «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании

тюремной части и пересмотр Уложения о наказаниях» [40] привело к тому, что основным местом заключения политкаторжан стала Восточная Сибирь, а тюрьмы в Европейской части России и Западной Сибири фактически полностью были ликвидированы. Карательная функция ссылки вышла на передний план, «тюрьма без стен» должна была стать самой жестокой мерой наказания для государственных преступников после приговора к каторжным работам. Необъятные просторы Сибири, суровые природные условия, малозаселенность и отдаленное расположение от центральной России должны были предотвращать побег и в должной мере продемонстрировать революционерам всю тяжесть возмездия за совершенные ими преступления.

ЦЕЛЬ исследования — охарактеризовать влияние нормативно-правового регулирования политической ссылки на местах на примере Тобольского Севера конца XIX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Особенности нормативно-правового регулирования политической ссылки в Сибирь конца XIX вызывали интерес еще у дореволюционных исследователей. Внесли значительный вклад краеведы, местные чиновники, журналисты и путешественники [17; 24; 28; 42], видные правоведы и юристы профессионально занимались изучением истории царской тюрьмы и ссылки [5; 6; 7; 14; 15; 29]. Представлен этот вопрос и в советской [22; 32; 33; 41], и в современной историографии [18; 20; 21; 23; 26; 27; 34; 37]. Однако более дельно изучена история ссылки на Европейский Север и в Восточную Сибирь (причем как в северные регионы, так и в южные), в то время как ссылка в Западную Сибирь в исследованиях освещена не столь широко. Географические рамки большинства трудов по западносибирской политической ссылке включают в себя в основном южные территории Тобольской губернии, а локальная история ссылки на север Западной Сибири изучена в меньшей степени.

Таким образом, представляется актуальным рассмотреть особенности политической ссылки именно в условиях Западной Сибири, проанализировать значимость изменений в законодательной базе ссылки на локальном примере севера Тобольской губернии. Кроме того, с помощью широкого спектра исторических источников (нормативно-правовые акты, положения и законопроекты Российской империи, делопроизводственная переписка, материалы полиции, источники личного происхождения и пр.) можно не только оценить особые отличия в условиях ссылки, но и влияние, оказанное местными властями на жизнь политссыльных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. После усиления репрессивной политики царизма и завершения ряда громких судебных процессов над участниками «хождения в народ» в Западную Сибирь хлынула волна поднадзорных. Если в 1877 году количество политических в Тобольской губернии составляло 148 человек, из которых в ссылке с 1863 года находилось 120 [32, с. 96], то в 1878–1890 гг. политссыльных было уже 212 человек из 520 (тех, кто находился в имеющихся статейных списках) [32, с. 31]. Генерал-губернатор Н. Г. Казнаков, говоря о положении дел во вверенном ему крае, отмечал, что в Западной Сибири становится все более очевидным недостаток мест для поселения как уголовных, так и политических ссыльных. Несмотря на то, что по данным на 1877 г. Тобольский Север (Березовский и Сургутский округа) признавался негодным к заселению из-за природно-географических условий [35, с. 123], ссыльных всех категорий продолжали туда водворять. Хотя местные исправники указывали вышестоящим властям, что по неудобству почвы заниматься огородничеством поднадзорным крайне трудно, а земледелие в крае не производится из-за отсутствия свободной территории [9, л. 13 об.]. Тем не менее, уже в 1878 году в эти округа из категории политических определили 11 человек (в Обдорске было 5 человек, в Сургуте — 3, 2 ссыльных отправили в Пелым, а 1 в Кондинск) [32, с. 96].

В связи с подобными изменениями и реформами 1879 г. правовая база политической ссылки также нуждалась в корректировке. Действующая редакция «Уложения о на-

казаниях» 1845 года [40] была дополнена рядом положений, оказавших значительное влияние как на количество и статус ссыльных «в местах не столь отдаленных», так и на их материальное благосостояние и повседневную жизнь. В частности, особую роль в жизни поднадзорных Тобольского Севера сыграло «Положение о мерах охранения государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года [30] и «Положение о полицейском надзоре» от 12 марта 1882 года [31].

Направленное изначально на борьбу с крамолой, Положение от 14 августа утратило какое-либо отношение к задачам охраны государственной безопасности и стало инструментом для подавления неугодных. Одной из самых часто применяемых мер наказания стало воспрещение отдельным личностям пребывания в местностях, объявленных в исключительном положении, то есть административная высылка.

Согласно Положению, процесс рассмотрения дел о высылке входил в компетенцию специального органа — Особого совещания, «...образуемого при Министерстве Внутренних Дел, под председательством одного из Товарищей Министра, из четырех членов — двух от Министерства Внутренних Дел и двух от Министерства Юстиции» [30, с. 266]. Утверждал постановления Общего Совещания также министр внутренних дел. После рассмотрения дела арестанту присуждался срок ссылки — от 1 года до 5 лет. Стоит подчеркнуть, что изначально административная ссылка была предназначена исключительно для политически неблагонадежных элементов и служила превентивной мерой наказания [14, с. 235]. Направление же его на лиц, политически благонадежных, но замечаемых в порочном поведении, было недопустимым. Впрочем, несмотря на противодействие Правительствующего Сената, губернская администрация признала административную ссылку нормальным приемом управления и систематически применяла ее к «порочным лицам». Соответственно, число осужденных по политическим делам после данного нововведения возросло в геометрической прогрессии.

В результате подобной политики в 1881 г. администрация Тобольской губернии констатировала, что регион переполнен поднадзорными [35, с. 125], но ходатайства генерал-губернатора о прекращении административной ссылки остались без ответа. Стало игнорироваться и правило о запрете подселения ссыльных к инородцам в северных местностях Западной и Восточной Сибири. К 1887 году в одном только Сургуте проживало 25 политссыльных [39, с. 5]. Всего, по подсчетам Л.П. Рощевской, с конца 1860-х по 1897 гг. в ссылку на Тобольский Север попали 149 революционеров [32, с. 400–411].

Более глубокое влияние на жизнь ссыльных оказало «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 года [31]. Оно, как мера предупреждения преступлений против государственного порядка, распространялось на лиц, вредных для общественного спокойствия. В определение оных входили не только лица, отданные под надзор полиции в силу состоявшегося судебного приговора, но и находящиеся под негласным надзором и под надзором, учрежденным на основании существующих узаконений [31, с. 84]. Положение регламентировало уже непосредственно нюансы взаимодействия со ссыльными, давало рекомендации по размещению поднадзорных в местах водворения. Не допускалось скопление ссыльных в местах с малым числом полицейских чинов, водворение их в городах и селениях, где имеются высшие и средние учебные заведения, учительские семинарии. Это существенно ограничило количество поселений, пригодных для размещения ссыльных, основными местами водворения политических поднадзорных стали села и окружные города. Порой властям приходилось выбирать одно из двух — или размещение ссыльных в селах без учебных учреждений и с нехваткой полиции, или водворение поднадзорных в городах, но с опасностью оказания ими дурного влияния на местную учащуюся молодежь. В подобном контексте отдаленные от центра губернии села и города Тобольского Севера выглядели приемлемым решением, хоть вначале этот регион не считался

подходящим вариантом из-за холодного климата и малого числа полицейских чинов. Впрочем, как было отмечено ранее, правительство очень быстро избавилось от жалости к государственным преступникам, и на Тобольский Север отправились партии этапиремых осужденных. Они, брошенные в Сибирь из привычных мягких условий Европейской России, были вынуждены приспосабливаться к жизни в селах и деревушках без какой-либо инфраструктуры, в холоде, почти без средств к существованию. В.В. Берви-Флеровский решение царского правительства категорически осудил: «Придумали ссылать в сказочный Обдорск, который лежал близко к устью Оби, значительно севернее Березова. Обдорск, пугающий даже сибиряков, рисуется в их воображении, как замораживающий человека ад. Сибиряку нужно было мужество, чтобы решиться туда ехать. Там могут жить только кочующие остяки, которые питаются сырой рыбой, люди нашего племени умирают там от цинги и задыхаются от холода. Даже остяков, питающихся сырой рыбой, там всего несколько десятков. Несчастные люди там умирают и вновь набираются, загнанные отчаянием, чтобы эксплуатировать мерзлую пустыню» [1, с. 175–176].

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.П. Квашнина в воспоминаниях тоже отмечала, что Березов «...представлялся живущим на свободе могилой, откуда нет возврата» [25, с. 51]. Ее личное впечатление о месте ссылки было хоть и менее устрашающим, но картину рисовало весьма унылую: «Березов — в стране полуденного солнца, которое в июне исчезает за горизонт лишь на четверть часа, а зимой появляется часа на два. ...» Берви-Флеровский В. В. Записки революционера-мечтателя / предисловие М.Клевенского; под редакцией В.Невского и П.Анатольева. Молодая гвардия, 1929. 231 с.
2. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (БУ ИСА). Ф. 3. Оп.4. Ед. хр. 6254.
3. БУ ИСА. Ф.3. Оп.5. Ед. хр. 7541.
4. БУ ИСА. Ф.3. Оп.7. Ед. хр. 10959.
5. Галкин-Враский М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Отд. собств. е.и. в. Канцелярии, 1868. 189 с.
6. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1910. 511 с.
7. Государственные преступления в России в XIX веке: процесс 193-х. Т. 3. / Сост. под ред. [и с предисл.] Б.Базилевского (В. Богучарского). СПб., 1906. 304 с.
8. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф.И. 152. Оп. 4. Ед. хр. 139.
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И. 152. Оп. 8. Ед. хр. 96.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И. 152. Оп. 8. Ед. хр. 219.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И. 152. Оп. 10. Ед. хр. 100.
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И. 152. Оп. 12. Ед. хр. 128.
13. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И. 152. Оп. 12. Ед. хр. 170.
14. Гессен В.М. Исключительное положение. СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1908. VIII, 410 с.
15. Гернет М.Н. История царской тюрьмы, Т. 1–5. М., 1941–1956.
16. Гермизеева В.В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 — февраль 1917). Омск: ОмГТУ, 2015. 180 с.
17. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб.: Изд-во: типография Киршбаума, 1904, Т. 1. 78 с.
18. Земляков А.В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX — начала XX вв. // Омский научный вестник. 2003. № 2 (23). С. 17–20.

19. Зиновьев В.П. Цены на продукты потребления в Томске в 1862–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 125–131.
20. Иванов А.А. Сибирская политическая ссылка XVII — начала XX в. в исследованиях современников: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 153 с.
21. Иванов А.А. Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX века // Baikal Research Journal. 2011. № 4. С. 48.
22. Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск: ГП НИПК «Сахаполиграфиздат», 1998. 496 с.
23. Калашникова Н.В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX — начале XX веков // Европейский Север в судьбе России. Вологда, 2005. С. 115–121.
24. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в двух частях / ред. Ф. Дедова, Н. Максимова, С. Нечетного, А. Рудина. Пер. с англ. И. Н. Кашинцева. Вступ. статья Ф. Волховского. СПб.: Вл. Распов, 1906. 458 с.
25. Лойко Л.П. От Земли и воли к ВКП(б), 1877–1928: Воспоминания. М.; Л.: Госиздат, 1929. 248 с.
26. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М.: Лантерна: Вита, 1995. 207 с.
27. Милевский О.А. Политическая ссылка на Тобольский Север 1860–1890-х годов: социокультурный контекст. Книга для учителей. Тюмень: Аксиома, 2017. 132 с.
28. Максимов С.В. Сибирь и каторга. В 3 частях. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871.
29. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М.: Инфра-М, 2007. 302 с.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I. СПб., 1885. № 350. С. 261–266.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 2. СПб., 1885. № 730. С. 84–87.
32. Рощевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 — нач. 80-х годов). Тюмень, 1976. 139 с.
33. Ретунский В.Ф. Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут, 1992. 207 с.
34. Ремнёв А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX — начале XX веков: Дис. ... докт. ист. наук. Омск, 1997. 290 с.
35. Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения: для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900. 394 с.
36. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
37. Степанова О.В. Развитие института ссылки в России в XIX веке // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 15. С. 135–143.
38. Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север: историко-краеведческий сборник / Редактор-составитель Л.В. Цареградская. Сургут, Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 2002. 250 с.
39. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1998. 430 с.
40. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении (изд. 1866 г.). (Неофиц. изд.). Москва: Тип. Шюман и Глушкова, 1867. [2], 623, VIII с.
41. Ушакова Л.А. Народническая сибирская ссылка 70-х — 90-х годов XIX века в советской историографии 50-х — 70-х годов // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С. 8–50.
42. Ядринцев Н.М. Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. 1875. № 12. С. 550–555.

REFERENCES

1. Bervi-Flerovskiy V.V. *Zapiski revolyutsionera-mechtatelya* [Notes of a revolutionary dreamer] / predislaviye M.Klevenskogo; podaktsiyey V.Nevskogoi P.Anatol'yeva. Molodayagvardiya, 1929. 231 s. (In Russian).
2. *Byudzhethnoye uchrezhdeniye Omskoy oblasti «Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti» (BU IsA)*. [Budgetary institution of the Omsk region «Historical Archive of the Omsk Region» (BI HsA)]. F. 3. Op.4. Ed. xr. 6254. (In Russian).
3. *BU IsA* [BI HsA)]. F. 3. Op.5. Ed. xr. 7541. (In Russian).
4. *BU IsA* [BI HsA)]. F. 3. Op.7. Ed. xr. 10959. (In Russian).
5. Galkin-Vraskiy M.N. *Materialy k izucheniyu tyuremnogo voprosa* [Materials for the study of the prison issue]. SPb.: Otd. sobstv. ye.i.v. Kantselyarii, 1868. 189 s. (In Russian).
6. Gogel' S.K. *Kurs ugolovnoy politiki v svyazi s ugolovnoy sotsiologiyey* [Course of criminal policy in connection with criminal sociology]. SPb.: Yurid. kn. skl. «Pravo», 1910. 511 s. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyye prestupleniya v Rossii v XIX veke: protsess 193-kh* [State crimes in Russia in the 19th century: the trial of the 193rd]. T. 3. / Sost. pod red. [i s predisl.] B.Bazilevskogo (V. Bogucharskogo). SPb., 1906. 304 s. (In Russian).
8. *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske» (GBU TO GA v g. Tobol'ske)*. [State budgetary institution of the Tyumen region «State archive in Tobolsk» (SBITR SA in Tobolsk)]. F. 152. Op. 4. Ed. hr. 139. (In Russian).
9. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.8. Ed. hr. 96. (In Russian).
10. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.8. Ed. hr. 219. (In Russian).
11. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.10. Ed. hr. 100. (In Russian).
12. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.12. Ed. hr. 128. (In Russian).
13. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.12. Ed. hr. 170. (In Russian).
14. Gessen V.M. *Isklyuchitel'noye polozheniye* [Exceptional provision]. SPb.: Yurid. kn. skl. «Pravo», 1908. VIII, 410 s. (In Russian)
15. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of the Tsar's Prison], T. 1–5. M., 1941–1956. (In Russian).
16. Germizyeva V.V. *Gubernskaya administratsiya Zapadnoy Sibiri (1895 — fevral' 1917)* [Provincial administration of Western Siberia (1895 — february 1917)]. Omsk: OmGTU, 2015. 180 s. (In Russian).
17. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobol'skiy Sever. Obshchiy obzor strany, yestestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatel'nosti naseleniya* [Tobolsk North. General overview of the country, natural resources and industrial activities of the population.]. SPb.: Izd-vo: tipografiya Kirshbauma, 1904, T. 1. 78 s. (In Russian).
18. Zemlyakov A.V. *Administrativnaya ssylka v Rossiyskoy imperii kontsa XIX — nachala XX vv.* [Administrative exile in the Russian Empire at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries] // Omskiy nauchnyy vestnik. 2003. № 2 (23). S. 17–20. (In Russian).
19. Zinov'yev V.P. *Tseny na produkty potrebleniya v Tomske v 1862–1917 gg.* [Prices for consumer products in Tomsk in 1862–1917] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 429. S. 125–131. (In Russian).
20. Ivanov A.A. *Sibirskaya politicheskaya ssylka XVII — nachala XX v.v issledovaniyakh sovremennikov: ucheb. posobiye* [Siberian political exile of the 17th — early 20th centuries in the research of contemporaries: textbook]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. 153 s. (In Russian).
21. Ivanov A.A. *Zakonodatel'stvo o ssylke i yego primeneniye v Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [Legislation on exile and its application in Siberia in the second half of the 19th century] // Baikal Research Journal. 2011. № 4. S. 48. (In Russian).
22. Kazaryan P.L. *Yakutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii. 1826–1917 gg.* [Yakutia in the Russian system of political exile. 1826–1917]. Yakutsk: GP NIPK «Sakhapoligrafizdat», 1998. 496 s. (In Russian).
23. Kalashnikova N.V. *Praktika politicheskoy ssylki na Yevropeyskom Severe v XIX — nachale XX vekov* [The practice of political exile in the European North in the 19th — early 20th centuries] // Yevropeyskiy Sever v sud'be Rossii. Vologda, 2005. S.115–121. (In Russian).

24. Kennan Dzh. *Sibir' i ssylka: v dvukh chastyakh* [Siberia and exile: in two parts] / red. F. Dedova, N. Maksimova, S. Nechetnogo, A. Rudina. Per. s angl. I. N. Kashintseva. Vstup. stat'ya F. Volkhovskogo. SPb.: VI. Raspopov, 1906. 458 s. (In Russian).
25. Loyko L. P. *Ot Zemli i voli k VKP(b), 1877–1928: Vospominaniya* [From Land and Freedom to the CPSU(b), 1877–1928: Memoirs.]. M.; L.: Gosizdat, 1929. 248 s. (In Russian).
26. Margolis A. D. *Tyur'ma i ssylka v imperatorskoy Rossii. Issledovaniya i arkhivnyye nakhodki* [Prison and exile in Imperial Russia. Research and archival finds]. M.: Lanterna: Vita, 1995. 207 s. (In Russian).
27. Milevskiy O. A. *Politicheskaya ssylka na Tobol'skiy Sever 1860–1890-kh godov: sotsiokul'turnyy kontekst. Kniga dlya uchiteley* [Political exile to the Tobolsk North in 1860–1890s: socio-cultural context. Book for teachers]. Tyumen': Aksioma, 2017. 132 s. (In Russian).
28. Maksimov S. V. *Sibir' i katorga. V 3 chastyakh* [Siberia and hard labor. In 3 parts]. SPb.: Tip. A. Transhelya, 1871. (In Russian).
29. Poznyshev S. V. *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnyye tipy. O psikhologicheskom issledovanii lichnosti kak sub'yekta povedeniya voobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal psychology. Criminal types. About the psychological study of personality as a subject of behavior in general and about the study of the personality of a criminal in particular.]. M.: Infra-M, 2007. 302 s. (In Russian).
30. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye tret'ye. T. 1. SPb., 1885. № 350. S. 261–266. (In Russian).
31. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye tret'ye. T. 2. SPb., 1885. № 730. S. 84–87. (In Russian).
32. Roshchevskaya L. P. *Istoriya politicheskoy ssylki v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. (60 — nach. 80-kh godov)* [History of political exile in Western Siberia in the second half of the 19th century. (60s — early 80s)]. Tyumen', 1976. 139 s. (In Russian).
33. Retunskiy V. F. *Gosudarstvennyye prestupniki. Stranitsy istorii politicheskikh ssylok v Zaural'ye* [State criminals. Pages of the history of political exile in the Trans-Urals]. Surgut, 1992. 207 s. (In Russian).
34. Remnov A. V. *Administrativnaya politika samodержaviya v Sibiri v XIX — nachale XX vekov* [Administrative policy of autocracy in Siberia in the 19th — early 20th centuries]: Dis. ... dokt. ist. nauk. Omsk, 1997. 290 s. (In Russian).
35. Salomon A. P. *Ssylka v Sibir': ocherk yeye istorii i sovremennogo polozheniya: dlya Vysochayshe uchrezhdennoy komissii o meropriyatiyakh po otmene ssylki* [Exile to Siberia: an outline of its history and current situation: for the Highest Commission on measures to abolish exile.]. SPb.: Tipografiya S.—Peterburgskoy tyur'my, 1900. 394 s. (In Russian).
36. Surgutyanin. *Sto let Surgutskoy ssylke* [One hundred years of the Surgut exile] // *Katorga i ssylka*. 1929. № 12. S. 92–117. (In Russian).
37. Stepanova O. V. *Razvitiye instituta ssylki v Rossii v XIX veke* [Development of the institution of exile in Russia in the 19th century] // *Izvestiya PGU im. V. G. Belinskogo*. 2009. № 15. S. 135–143. (In Russian).
38. *Takoy dalekiy i takoy blizkiy Ob'-Irtyskiy sever: istoriko-krayevedcheskiy sbornik* [So far and so close the Ob-Irtys north: a collection of historical and local lore] / Redaktor-sostavitel' L. V. Tsaregradskaya. Surgut, Severo-Sibirskoye regional'noye knizhnoye izdatel'stvo, 2002. 250 s. (In Russian).
39. *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX — nachala XX veka* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the 19th — early 20th centuries] / sost. L. P. Roshchevskaya, V. K. Beloborodov. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 1998. 430 s. (In Russian).
40. *Ulozheniye o nakazaniyakh ugovovnykh i ispravitel'nykh, s privedeniyem statey drugikh tomov Svoda zakonov, na kotoryye sdelayany ssylki i ukazaniya v etom ulozhenii (izd. 1866 g.). (Neofits. izd.)* [Code on criminal and correctional punishments, citing articles of other volumes of the Code of Laws to which references and instructions are made in this code (ed. 1866). (Unofficial edition).]. Moskva: Tip. Shyuman i Glushkova, 1867. [2], 623, VIII s. (In Russian).
41. Ushakova L. A. *Narodnicheskaya sibirskaya ssylka 70-kh — 90-kh godov XIX veka v sovetskoy istoriografii 50-kh — 70-kh godov* [Populist siberian exile of the 70s — 90s of the 19th century in Soviet

- historiography of the 50s — 70s // Exile and socio-political life in Siberia (XVIII — early XX centuries)]
// *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri* (XVIII — nachalo XX v.) Novosibirsk: Nauka,
1978. S. 8–50. (In Russian).
42. Yadrintsev N. M. *Polozheniye ssyl'nykh v Sibiri* [The situation of exiles in Siberia] // *Vestnik Yevropy*.
1875. № 12. S. 550–555. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.027

УДК 94(571.1)"18" (091):343.264

ББК 63.3(253.3)521.2–361

В.А. ЯКОВЧУК

**ЗНАЧЕНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ССЫЛКИ В УСЛОВИЯХ ТОБОЛЬСКОГО
СЕВЕРА В КОНЦЕ XIX В.**

V.A. YAKOVCHUK

**THE IMPORTANCE OF LEGAL REGULATION
OF POLITICAL EXILE IN THE CONDITIONS
OF THE NORTH OF TOBOLSK
AT THE END OF THE XIX CENTURY**

В данной статье анализируются особенности политической ссылки на Тобольский Север в контексте изменения ее нормативно-правовой базы. На основании различных исторических источников (нормативно-правовых актов, положений и законопроектов Российской империи, делопроизводственной переписки, источники личного происхождения и пр.) рассматриваются перемены в численном составе ссылки, нюансы регулирования жизни поднадзорных «в местах не столь отдаленных», их материальное и социальное положение. Оценивается роль местной администрации и полиции в повседневности ссыльных.

This article analyzes the features of the political exile to the Tobolsk North in the context of changes in its regulatory framework. Based on various historical sources (regulatory acts, regulations and bills of the Russian Empire, office correspondence, sources of personal origin, etc.), changes in the numerical composition of exile, the nuances of regulating the life of supervised persons «in places not so remote», their material and social status. The role of local administration and police in the everyday life of exiles is assessed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая ссылка, самодержавие, революционное движение, карательная политика, Тобольский Север.

KEY WORDS: political exile, autocracy, revolutionary movement, punitive policy, Tobolsk North.

ВВЕДЕНИЕ. Политическая ссылка в Российской империи была не только важнейшим инструментом внутренней политики для урегулирования социальных проблем, но и сложным нормативно-правовым явлением, оказавшим значительное влияние на развитие Сибири. Однако к концу XIX века стало очевидно, что ее институт устарел и требует кардинальных реформ. Результатом новой государственной политики по охране населения центральных губерний стал ряд законопроектов и положений, которые кардинально меняли статус и функционал ссылки как в Восточную, так и в Западную Сибирь. 27 февраля 1879 года было учреждено Главное тюремное управление в составе Министерства внутренних дел. Последовавшее принятие закона от 11 декабря 1879 года «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и пересмотр Уложения о наказаниях» [40] привело к тому, что основным местом заключения политкаторжан стала Восточная Сибирь, а тюрьмы в Европейской части России и Западной Сибири фактически полностью были ликвидированы. Карательная функция ссылки вышла на передний план, «тюрьма без стен» должна была стать самой жестокой мерой наказания для государственных преступников после приговора к каторжным работам. Необъятные просторы Сибири, суровые природные условия, малозаселенность и отдаленное расположение от центральной России должны были предотвращать побеги и в должной

мере продемонстрировать революционерам всю тяжесть возмездия за совершенные ими преступления.

ЦЕЛЬ исследования — охарактеризовать влияние нормативно-правового регулирования политической ссылки на местах на примере Тобольского Севера конца XIX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Особенности нормативно-правового регулирования политической ссылки в Сибирь конца XIX вызвали интерес еще у дореволюционных исследователей. Внесли значительный вклад краеведы, местные чиновники, журналисты и путешественники [17; 24; 28; 42], видные правоведы и юристы профессионально занимались изучением истории царской тюрьмы и ссылки [5; 6; 7; 14; 15; 29]. Представлен этот вопрос и в советской [22; 32; 33; 41], и в современной историографии [18; 20; 21; 23; 26; 27; 34; 37]. Однако более дельно изучена история ссылки на Европейский Север и в Восточную Сибирь (причем как в северные регионы, так и в южные), в то время как ссылка в Западную Сибирь в исследованиях освещена не столь широко. Географические рамки большинства трудов по западносибирской политической ссылке включают в себя в основном южные территории Тобольской губернии, а локальная история ссылки на север Западной Сибири изучена в меньшей степени.

Таким образом, представляется актуальным рассмотреть особенности политической ссылки именно в условиях Западной Сибири, проанализировать значимость изменений в законодательной базе ссылки на локальном примере севера Тобольской губернии. Кроме того, с помощью широкого спектра исторических источников (нормативно-правовые акты, положения и законопроекты Российской империи, делопроизводственная переписка, материалы полиции, источники личного происхождения и пр.) можно не только оценить особые отличия в условиях ссылки, но и влияние, оказанное местными властями на жизнь политссыльных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. После усиления репрессивной политики царизма и завершения ряда громких судебных процессов над участниками «хождения в народ» в Западную Сибирь хлынула волна поднадзорных. Если в 1877 году количество политических в Тобольской губернии составляло 148 человек, из которых в ссылке с 1863 года находилось 120 [32, с. 96], то в 1878–1890 гг. политссыльных было уже 212 человек из 520 (тех, кто находился в имеющихся статейных списках) [32, с. 31]. Генерал-губернатор Н.Г. Казнаков, говоря о положении дел во вверенном ему крае, отмечал, что в Западной Сибири становится все более очевидным недостаток мест для поселения как уголовных, так и политических ссыльных. Несмотря на то, что по данным на 1877 г. Тобольский Север (Березовский и Сургутский округа) признавался негодным к заселению из-за природно-географических условий [35, с. 123], ссыльных всех категорий продолжали туда водворять. Хотя местные исправники указывали вышестоящим властям, что по неудобству почвы заниматься огородничеством поднадзорным крайне трудно, а земледелие в крае не производится из-за отсутствия свободной территории [9, л. 13 об.]. Тем не менее, уже в 1878 году в эти округа из категории политических определили 11 человек (в Обдорске было 5 человек, в Сургуте — 3, 2 ссыльных отправили в Пелым, а 1 в Кондинск) [32, с. 96].

В связи с подобными изменениями и реформами 1879 г. правовая база политической ссылки также нуждалась в корректировке. Действующая редакция «Уложения о наказаниях» 1845 года [40] была дополнена рядом положений, оказавших значительное влияние как на количество и статус ссыльных «в местах не столь отдаленных», так и на их материальное благосостояние и повседневную жизнь. В частности, особую роль в жизни поднадзорных Тобольского Севера сыграло «Положение о мерах охранения государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года [30] и «Положение о полицейском надзоре» от 12 марта 1882 года [31].

Направленное изначально на борьбу с крамолой, Положение от 14 августа утратило какое-либо отношение к задачам охраны государственной безопасности и стало инструментом для подавления неугодных. Одной из самых часто применяемых мер наказания стало вос-

прещение отдельным личностям пребывания в местностях, объявленных в исключительном положении, то есть административная высылка.

Согласно Положению, процесс рассмотрения дел о высылке входил в компетенцию специального органа — Особого совещания, «...образуемого при Министерстве Внутренних Дел, под председательством одного из Товарищей Министра, из четырех членов — двух от Министерства Внутренних Дел и двух от Министерства Юстиции» [30, с. 266]. Утверждал постановления Общего Совещания также министр внутренних дел. После рассмотрения дела арестанту присуждался срок ссылки — от 1 года до 5 лет. Стоит подчеркнуть, что изначально административная ссылка была предназначена исключительно для политически неблагонадежных элементов и служила превентивной мерой наказания [14, с. 235]. Направление же его на лиц, политически благонадежных, но замечаемых в порочном поведении, было недопустимым. Впрочем, несмотря на противодействие Правительствующего Сената, губернская администрация признала административную ссылку нормальным приемом управления и систематически применяла ее к «порочным лицам». Соответственно, число осужденных по политическим делам после данного нововведения возросло в геометрической прогрессии.

В результате подобной политики в 1881 г. администрация Тобольской губернии констатировала, что регион переполнен поднадзорными [35, с. 125], но ходатайства генерал-губернатора о прекращении административной ссылки остались без ответа. Стало игнорироваться и правило о запрете подселения ссыльных к инородцам в северных местностях Западной и Восточной Сибири. К 1887 году в одном только Сургуте проживало 25 политссыльных [39, с. 5]. Всего, по подсчетам Л.П. Роцевской, с конца 1860-х по 1897 гг. в ссылку на Тобольский Север попали 149 революционеров [32, с. 400–411].

Более глубокое влияние на жизнь ссыльных оказало «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 года [31]. Оно, как мера предупреждения преступлений против государственного порядка, распространялось на лиц, вредных для общественного спокойствия. В определение оных входили не только лица, отданные под надзор полиции в силу состоявшегося судебного приговора, но и находящиеся под негласным надзором и под надзором, учрежденным на основании существующих узаконений [31, с. 84]. Положение регламентировало уже непосредственно нюансы взаимодействия со ссыльными, давало рекомендации по размещению поднадзорных в местах водворения. Не допускалось скопление ссыльных в местах с малым числом полицейских чинов, водворение их в городах и селениях, где имеются высшие и средние учебные заведения, учительские семинарии. Это существенно ограничило количество поселений, пригодных для размещения ссыльных, основными местами водворения политических поднадзорных стали села и окружные города. Порой властям приходилось выбирать одно из двух — или размещение ссыльных в селах без учебных учреждений и с нехваткой полиции, или водворение поднадзорных в городах, но с опасностью оказания ими дурного влияния на местную учащуюся молодежь. В подобном контексте отдаленные от центра губернии села и города Тобольского Севера выглядели приемлемым решением, хоть вначале этот регион не считался подходящим вариантом из-за холодного климата и малого числа полицейских чинов. Впрочем, как было отмечено ранее, правительство очень быстро избавилось от жалости к государственным преступникам, и на Тобольский Север отправились партии этапиремых осужденных. Они, брошенные в Сибирь из привычных мягких условий Европейской России, были вынуждены приспособливаться к жизни в селах и деревушках без какой-либо инфраструктуры, в холоде, почти без средств к существованию. В.В. Берви-Флеровский решение царского правительства категорически осудил: «Придумали ссылать в сказочный Обдорск, который лежал близко к устью Оби, значительно севернее Березова. Обдорск, пугающий даже сибиряков, рисуется в их воображении, как замораживающий человека ад. Сибиряку нужно было мужество, чтобы решиться туда ехать. Там могут жить только кочующие остяки, которые питаются сырой рыбой, люди нашего племени умирают

там от цинги и задыхаются от холода. Даже остяков, питающихся сырой рыбой, там всего несколько десятков. Несчастные люди там вымирают и вновь набираются, загнанные отчаянием, чтобы эксплуатировать мерзлую пустыню» [1, с. 175–176].

Л.П. Квашнина в воспоминаниях тоже отмечала, что Березов «...представлялся живущим на свободе могилой, откуда нет возврата» [25, с. 51]. Ее личное впечатление о месте ссылки было хоть и менее устрашающим, но картину рисовало весьма унылую: «Березов — в стране полуночного солнца, которое в июне исчезает за горизонт лишь на четверть часа, а зимой появляется часа на два. <...> Дом выходит к открытому месту, за которым тянется небольшой лес, за ним — тундра. Всего две улицы — одна береговая, другая — между двумя рядами домов» [25, с. 51]. При этом жизнь в таежной глуши была отнюдь не пасторальной, снег зимой засыпал окна до самого верха, выйти на улицу можно было только с лопатой в руках, мороз неделями стоял по 40 — 50°. Осень и весна приносили с собой распутицу, блокировавшую Березов от всего мира не меньше чем на три месяца.

В подобных условиях жизнь ссыльных очень сильно зависела от действий местной администрации и полиции, ведь по Положению четко прописывались не только нюансы организации полицейского надзора (гласность, временная протяженность и пр.). Правоохранительные органы должны были ежедневно отмечать присутствие поднадзорных в месте водворения, отслеживать все перемещения, контролировать отлучки за черту поселения, места проживания. Более того, полиция имела право в любое время дня и ночи войти в квартиру поднадзорного, проводить обыски и выемки. За дурное поведение ссыльные могли быть высланы в другие поселения — Положение и «Устав о ссыльных» 1857 г. давали властям возможность по своему усмотрению и без тщательного расследования назначать людям в наказание более отдаленные поселения губернии, дабы ограничить оказываемое ими дурное влияние. В основном так и пополнялись поднадзорными поселения Тобольского Севера, куда изначально приговаривали весьма небольшое число преступников. Ввиду отдаленности, малого количества населения и тяжелых погодных условий ссылкой в Сургутский и Березовский округ карали только самых опасных революционеров, профессиональных пропагандистов и террористов. Прочие же «преступные элементы» попадали на север губернии из-за противоправного поведения, кто-то продолжал в ссылке революционную деятельность и вел пропаганду среди населения, за что и был сослан. К примеру, Л.А. Иванов, приговоренный к ссылке в Туринск «навечно и еще на 10 лет», был в 1880 г. переведен в Сургут за продолжение пропагандистской деятельности [39, с. 413]. Некоторые помогали в организации побегов (как супруги А.Н. и Е.И. Аверкиевы), часть поднадзорных совершала хищения, бунтовала, портила общественное имущество. Политссыльный Цезарь Ясевич, высланный в 1872 г. в Сургут за неблагонадежное поведение, в записке угрожал убийством Туринскому окружному исправнику [4, л. 1]. При этом нельзя сказать, что исправник опасался убийства беспочвенно, ссыльный ранее был замечен «во многих предосудительных поступках».

Практика высылки бунтовщиков была распространена и на Тобольском Севере. Березовский исправник еще в 1868 году обратился к начальнику Тобольской губернии с просьбой дозволить высылку правонарушителей в округ [8]. Жалуясь на неправомерное поведение польских политических ссыльных, он добился разрешения назначить им более радикальное наказание и впредь высылать всех дебоширов, замечаемых в безнравственном и противозаконном поведении, в Березовский округ, простиравшийся дальше на север. Причем двоим, наиболее проштрафившимся, полагалась ссылка под полицейское наблюдение в село Обдорск, а их товарищам, если оные не исправятся — в другие поселения, чтобы не было возможности им воссоединиться и образовать коммуну. В частности, стали высылать возмутителей спокойствия в с. Сартынское, с. Мужы, с. Кондинское, с. Обдорск, с. Кушеват, с. Пелым, с. Тундринское, с. Демьянское, с. Юганское и с. Шеркальское. Таким образом, мерой наказания было не только ухудшение условий проживания, но и социальная изо-

ляция, так как и русское население, и инородцы государственных преступников боялись, предпочитая не водить с ними дружбу.

Подобная мера наказания усугублялась тем, что Положение официально закрепило для ссыльных запрет на работу, связанную с публичной деятельностью. Образованные революционеры не могли подработать ни при помощи репетиторства, ни в каких-либо официальных учреждениях, ни путем продажи своих навыков в сфере культуры, медицины и экономики. Так, установленные законом условия проживания не позволяли политссыльным получить стабильную работу, достаточную для самообеспечения. Губернатор теперь был обязан тщательно контролировать виды занятости, дозволенные ссыльным, и мог запретить участие поднадзорного «...если оно сему последнему служит средством осуществления его предосудительных замыслов или по местным условиям представляется опасным для общественного порядка и спокойствия» [31, с. 86].

Стоит подчеркнуть, что потенциально опасным администрации Тобольского Севера казалось даже совместное проживание политссыльных на одной квартире. Березовский исправник в 1878 г. сообщал начальству, что в Обдорске А.И. Нуромский, К.Я. Лебедев, И.А. ГERVасий и С.С. Наумов с женой заселились вместе в дом купца А.Чечерова без домохозяина [10]. На попытки их расселить ссыльные отвечали, что совместное проживание им намного удобнее, ведь общее хозяйство стала вести жена С.С. Наумова, сохраняя коллективный бюджет от излишних затрат на отдельное пропитание. В результате перед исправником встала дилемма — расселять ссыльных или допустить образование коммуны без надзора? Это шло в разрез с принятым от 10 сентября 1877 г. предложением по надзору за государственными преступниками, согласно которому квартирные хозяева были обязаны вести наблюдение за ссыльными, сообщая полиции обо всех замеченных ими неблагоприятных действиях поднадзорных и их взаимодействиях с другими [10, л. 3].

Губернатор, получив донесение о данном казусе, запросил информацию о количестве квартир, доступных политссыльным для найма. По предоставленным в отчете сведениям, в Обдорске ввиду малочисленности дворов свободное жилье было весьма трудно найти, особенно то, где могли бы поселить и «продовольствовать» государственных преступников за небольшую плату. Кроме того, оказалось, что прочие ссыльные, проживавшие под надзором домохозяинов, часто оставались без присмотра из-за регулярных отъездов местных на рыбные промыслы [10, л. 3–4]. В итоге Тобольский губернатор проживание ссыльных в отдельном доме все же разрешил, но при этом исправнику настоятельно рекомендовалось усилить полицейский надзор.

В этом контексте необходимо отметить, что проблема нехватки средств на жилье и пищу действительно была весьма серьезной — за недостаточной развитостью промышленного дела на Тобольском Севере ссыльным оставалось надеяться на занятия, связанные с ручным трудом — столярничество, сапожное, кузнечное дело. Эти ремесла требовали не только знаний и умелых рук, но и инструментов, что в условиях отсутствия дорог и отдаленности крупных городов становилось значительным препятствием. Но даже если имелись навыки работы и инструменты, то могло не быть сырья и расходных материалов — для кузни необходим обожженный уголь, что можно было получить в должном количестве только в длительных отлучках в лес.

Согласно же Положению, временные отлучки и в северных, и в южных регионах Тобольской губернии могли согласовать только три человека [31, с. 85]. Отлучки за черту поселения мог одобрить начальник полиции округа (Березовский и Сургутский исправники), в пределах губернии — лишь губернатор Тобольской губернии. Нахождение за пределами губернии разрешал министр Внутренних дел. Особо подчеркивалось, что эти случаи должны были быть допустимы крайне редко, при очень уважительных условиях (тяжкая болезнь родителей, жены или детей, угрожающая смертью, или разорение семьи). Таким образом, ситуация на Тобольском Севере изменилась в худшую сторону. Если в 1867 году губернатор

А.И. Деспот-Зенович мог предлагать генерал-губернатору Западной Сибири смягчить условия местной ссылки и позволить выезд из города на заработки на постоянной основе [3, л. 6-11], то в 1880-х гг. о подобном послаблении не могло быть и речи. Хотя бытовые трудности ссыльных остались неизменными — даже спустя 20 лет сохранялась проблема отсутствия занятости, а в суровых северных условиях суммы ежемесячного пособия для пропитания было недостаточно. Из-за природно-климатических особенностей занятия огородничеством не могли удовлетворить нужды ссыльных даже летом. На юге губернии ссыльные могли еще как-нибудь обеспечить себе пропитание, но на севере отлучки за городскую черту на охоту или рыбалку были жизненной необходимостью. По ходатайству находившихся в г. Сургуте политссыльных Н.И. Гамолицкого, В.А. Броневского, В.Я. Мрачковского, Л.А. Иванова и А.Н. Аверкиева о разрешении им отлучек за городскую черту, можно узнать, что выезжать из места водворения ссыльным приходилось из-за высоких цен и низкого качества продуктов, имеющихся в продаже (а порой и вовсе их отсутствия в Сургуте) [11].

В других поселениях Тобольского Севера ситуация была аналогичной. Политссыльные В.В. Казанский и Д.К. Пришибасов, проживавшие в селе Кондинском, ходатайствовали о разрешении отлучек на рыбные промыслы, отведенные им вблизи поселения, ввиду того, что в Кондинском нет других заработков, кроме рыбной ловли [27, с. 51]. Березовский окружной исправник, комментируя прошения, отметил, что в таких обстоятельствах находит со своей стороны возможным допустить им кратковременные отлучки под поручительство тех, с кем ссыльные живут на промысле [27, с. 51].

Но в случае, если из-за неблагонадежности просителей занятие промыслами исправник запрещал, поднадзорные были вынуждены тратить свой и без того скудный бюджет или жить впроголодь. Полагавшееся привилегированным ссыльным пособие в 6 рублей в Сургуте закрывало только самые минимальные потребности: в 1880-1881 гг. квартплата составляла 1 руб., молоко — 90 коп., ржаная мука 1 пуд в месяц — 1 руб., табак-махорка, бумага и спички — около 1 руб., свечи сальные — коп. 80, мойка белья коп. 50, сахар 1 фунт в месяц — 25-30 коп., чай $\frac{1}{4}$ кирпича — 30 коп. [39, с. 19]. Что уже говорить об остальных ссыльных, которым причиталось по 3 рубля и 30 или 36 коп. в месяцы по 31 дню [36, с. 99].

В сравнении с ценами этого же года на продукты в Томске ситуация на Тобольском Севере выглядит еще хуже: 1 пуд ржаной муки стоил там 33 коп., пуд говяжьего мяса 1 руб. 74 коп., мешок картофеля можно было приобрести за 30 коп., ведро молока — за 74 коп., пуд табака — за 6 руб. 31 коп., целый кирпич чая — за 1 руб. 8 коп. [19, с. 128]. С учетом того, что 1 пуд равнялся 40 фунтам, цена пуда сахара в 9 руб. 45 коп. в Томске тоже получалась дешевле, чем в Сургуте. В условиях Томска ссыльные даже с более низким минимальным пособием могли бы легко обеспечить себя пропитанием, закупаясь лишь молоком, мукой и картошкой. О.А. Милевский, сравнивший стоимость жизни в Сургуте и Минусинске, установил, что еда в последнем тоже обходилась дешевле при большем разнообразии продуктов питания. Например, можно было купить ведро картошки всего за 12-15 коп., ведро квашеной капусты за 25 коп. [27, с. 50].

Высокие цены, малочисленность товаров и отсутствие возможности жить продуктами огородничества приводили к тому, что на Тобольском Севере от голода не спасала даже жизнь в коммуне. Поднадзорный Д.Д. Лейвин в своих воспоминаниях давал следующую характеристику режиму питания сургутских ссыльных: «В октябре я пришел к заключению, что обед — это пустая традиция, и перешел на молоко. Раз пять в день выпивал полстакана молока с черным хлебом и несколько раз пил чай — конечно, вприкуску. <...> Все мои товарищи, которые в дальнейшем жили со мной в коммуне, питались также только молоком с черным хлебом и также чувствовали себя хорошо» [39, с. 18]. Однако, несмотря на якобы хорошее самочувствие ссыльных, подобная диета не могла не нанести вред здоровью в условиях севера, где даже люди с полноценным питанием страдали от нехватки витаминов и микроэлементов.

Затруднения вызывала не только необходимость обеспечения пропитания, но и одежда. Из делопроизводственной переписки по снабжению политических одеждой и обувью следует, что государство по ходатайству выдавало человеку по одной паре: рукавицы, вареги, шапку, шубу, порты, брюки, коты, онучи и мешок, армяк с поясом. Рубашек на зиму было лишь две [12, л. 5]. По словам Д.Д. Лейвина, с обувью было еще сложнее, найти хорошие сапоги было крайне трудно, валенок в продаже в Сургуте не было вовсе [39, с. 31]. Соответственно, говорить о том, что этого хватало для жизни в северные холода, не представляется возможным.

Помимо материальных ограничений нормативно-правовая основа политической ссылки предусматривала тщательный контроль личной жизни поднадзорных. Обязательная перлюстрация корреспонденции ссыльных подразумевала то, что все письма тщательно досматривались, иногда из-за подозрения в крамоле бдительными соглядатаями вымарывались значительные фрагменты переписки. О своевременной их доставке адресату не могло быть и речи. В итоге даже было заведено дело о скрытой переписке политссыльных [13]. Кроме того, чтобы получить свою почту, необходимо было составить расписку исправнику. На этой почве регулярно возникали конфликты, что и так осложняло напряженные отношения между местными чиновниками и революционерами. Люди, стремившиеся получить хоть какую-то весточку от семьи и друзей, на регулярной основе терпели вмешательство в частное пространство царских соглядатаев, подолгу пребывая в неведении о судьбах близких.

ВЫВОДЫ. Таким образом, можно констатировать, что трансформация правовой базы института ссылки, проводимая в рамках усиления репрессивной политики царского правительства и ужесточающейся борьбы с революционным движением, сыграла крайне большую роль в превращении Тобольского Севера в одно из самых устрашающих мест политической ссылки в Западной Сибири. В новых условиях надзора, установленного властями, сами природно-климатические и географические особенности этого края служили достаточным наказанием. Они в совокупности с правовыми ограничениями делали невозможным приобретение ссыльными какой-либо финансовой и материальной стабильности. Даже поездки за должной медицинской помощью в окружные больницы затруднялись необходимостью получения дозволения от исправника. Благополучие ссыльных полностью зависело от решений местной администрации и полиции, так как иных способов оспорить решение губернатора, кроме прямого обращения к министру, просто не было.

Подводя итог, можно сказать, что перемены в механизме ссылки и все более ухудшающиеся условия жизни поднадзорных не только не содействовали успокоению бунтовщиков и подавлению их революционных идей, но, напротив, усугубили ситуацию. Произвол царизма способствовал усилению общественного недовольства, приведя, в конечном счете, к знаменитому «Сургутскому протесту», прогремевшему в 1887–1888 гг. на всю Российскую империю. В результате побег ссыльных И.И. Лазаревича и А.Н. Лебедева, подготовленный в рамках протеста, не только послужил способом распространения сведений о преступлениях властей, но и дискредитировал оградительную и карательную функции ссылки в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берви-Флеровский В.В. Записки революционера-мечтателя / предисловие М.Клевенского; под редакцией В.Невского и П.Анатольева. Молодая гвардия, 1929. 231 с.
2. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (БУ ИСА). Ф. 3. Оп.4. Ед. хр. 6254.
3. БУ ИСА.Ф.3. Оп.5. Ед. хр. 7541.
4. БУ ИСА.Ф.3. Оп.7. Ед. хр. 10959.
5. Галкин-Враский М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Отд. собств.е.и. в. Канцелярии, 1868. 189 с.

6. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб.: Юрид. кн. кл. «Право», 1910. 511 с.
7. Государственные преступления в России в XIX веке: процесс 193-х. Т. 3. / Сост. под ред. [и с предисл.] Б. Базилевского (В. Богучарского). СПб., 1906. 304 с.
8. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И. 152. Оп. 4. Ед. хр. 139.
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И. 152. Оп. 8. Ед. хр. 96.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И. 152. Оп. 8. Ед. хр. 219.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И. 152. Оп. 10. Ед. хр. 100.
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И. 152. Оп. 12. Ед. хр. 128.
13. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И. 152. Оп. 12. Ед. хр. 170.
14. Гессен В. М. Исключительное положение. СПб.: Юрид. кн. кл. «Право», 1908. VIII, 410 с.
15. Гернет М. Н. История царской тюрьмы, Т. 1-5. М., 1941-1956.
16. Гермизеева В. В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 — февраль 1917). Омск: ОмГТУ, 2015. 180 с.
17. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Общий обзор страны, естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб.: Изд-во: типография Киршбаума, 1904, Т. 1. 78 с.
18. Земляков А. В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX — начала XX вв. // Омский научный вестник. 2003. № 2 (23). С. 17-20.
19. Зиновьев В. П. Цены на продукты потребления в Томске в 1862-1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 125-131.
20. Иванов А. А. Сибирская политическая ссылка XVII — начала XX в. в исследованиях современников: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 153 с.
21. Иванов А. А. Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX века // Baikal Research Journal. 2011. № 4. С. 48.
22. Казарян П. Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826-1917 гг. Якутск: ГП НИПК «Сахаполиграфиздат», 1998. 496 с.
23. Калашникова Н. В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX — начале XX веков // Европейский Север в судьбе России. Вологда, 2005. С. 115-121.
24. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в двух частях / ред. Ф. Дедова, Н. Максимова, С. Нечетного, А. Рудина. Пер. с англ. И. Н. Кашинцева. Вступ. статья Ф. Волховского. СПб.: Вл. Распопов, 1906. 458 с.
25. Лойко Л. П. От Земли и воли к ВКП(б), 1877-1928: Воспоминания. М.; Л.: Госиздат, 1929. 248 с.
26. Марголис А. Д. Тюрма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М.: Лантерна: Вита, 1995. 207 с.
27. Милевский О. А. Политическая ссылка на Тобольский Север 1860-1890-х годов: социокультурный контекст. Книга для учителей. Тюмень: Аксиома, 2017. 132 с.
28. Максимов С. В. Сибирь и каторга. В 3 частях. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871.
29. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М.: Инфра-М, 2007. 302 с.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I. СПб., 1885. № 350. С. 261-266.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 2. СПб., 1885. № 730. С. 84-87.
32. Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 — нач. 80-х годов). Тюмень, 1976. 139 с.
33. Ретунский В. Ф. Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут, 1992. 207 с.
34. Ремнёв А. В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX — начале XX веков: Дис. ... докт. ист. наук. Омск, 1997. 290 с.
35. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения: для Высочайше

- учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900. 394 с.
36. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
 37. Степанова О.В. Развитие института ссылки в России в XIX веке // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 15. С. 135–143.
 38. Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север: историко-краеведческий сборник / Редактор-составитель Л.В. Цареградская. Сургут, Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 2002. 250 с.
 39. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1998. 430 с.
 40. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении (изд. 1866 г.). (Неофиц. изд.). Москва: Тип. Шюман и Глушкова, 1867. [2], 623, VIII с.
 41. Ушакова Л.А. Народническая сибирская ссылка 70-х — 90-х годов XIX века в советской историографии 50-х — 70-х годов // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С. 8–50.
 42. Ядринцев Н.М. Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. 1875. № 12. С. 550–555.

REFERENCES

1. Bervi-Flerovskiy V.V. *Zapiski revolyutsionera-mechtatelya* [Notes of a revolutionary dreamer] / predisloviye M. Klevenkogo; podaktsiyey V. Nevskogo i P. Anatol'yeva. Molodayagvardiya, 1929. 231 s. (In Russian).
2. *Byudzhethnoye uchrezhdeniye Omskoy oblasti «Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti» (BU IsA)*. [Budgetary institution of the Omsk region «Historical Archive of the Omsk Region» (BI HsA)]. F. 3. Op.4. Ed. hr. 6254. (In Russian).
3. *BU IsA* [BI HsA]. F. 3. Op.5. Ed. hr. 7541. (In Russian).
4. *BU IsA* [BI HsA]. F. 3. Op.7. Ed. hr. 10959. (In Russian).
5. Galkin-Vraskiy M.N. *Materialy k izucheniyu tyuremnogo voprosa* [Materials for the study of the prison issue]. SPb.: Otd. sobstv. ye.i.v. Kantselyarii, 1868. 189 s. (In Russian).
6. Gogel' S.K. *Kurs ugolovnoy politiki v svyazi s ugolovnoy sotsiologiyey* [Course of criminal policy in connection with criminal sociology]. SPb.: Yurid. kn. skl. «Pravo», 1910. 511 s. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyye prestupleniya v Rossii v XIX veke: protsess 193-kh* [State crimes in Russia in the 19th century: the trial of the 193rd]. T. 3. / Sost. pod red. [i s predisl.] B. Bazilevskogo (V. Bogucharskogo). SPb., 1906. 304 s. (In Russian).
8. *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske» (GBU TO GA v g. Tobol'ske)*. [State budgetary institution of the Tyumen region «State archive in Tobolsk» (SBITR SA in Tobolsk)]. F. 152. Op. 4. Ed. hr. 139. (In Russian).
9. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.8. Ed. hr. 96. (In Russian).
10. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.8. Ed. hr. 219. (In Russian).
11. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.10. Ed. hr. 100. (In Russian).
12. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.12. Ed. hr. 128. (In Russian).
13. *GBUTO GA v g. Tobol'ske* [SBITR SA in Tobolsk]. F.152. Op.12. Ed. hr. 170. (In Russian).
14. Gessen V.M. *Isklyuchitel'noye polozheniye* [Exceptional provision]. SPb.: Yurid. kn. skl. «Pravo», 1908. VIII, 410 s. (In Russian).
15. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of the Tsar's Prison], T. 1–5. M., 1941–1956. (In Russian).
16. Germizyeva V.V. *Gubernskaya administratsiya Zapadnoy Sibiri* (1895 — fevral' 1917) [Provincial administration of Western Siberia (1895 — february 1917)]. Omsk: OmGTU, 2015. 180 s. (In Russian).
17. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobol'skiy Sever. Obshchiy obzor strany, yestestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatel'nosti naseleniya* [Tobolsk North. General overview of the country, natural resources and industrial activities of the population.]. SPB.: Izd-vo: tipografiya Kirshbauma, 1904, T. 1. 78 s. (In Russian).
18. Zemlyakov A.V. *Administrativnaya ssylka v Rossiyskoy imperii kontsa XIX — nachala XX vv.* [Administrative

- exile in the Russian Empire at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries] // Omskiy nauchnyy vestnik. 2003. № 2 (23). S. 17–20. (In Russian).
19. Zinov'yev V.P. *Tseny na produkty potrebleniya v Tomske v 1862–1917 gg.* [Prices for consumer products in Tomsk in 1862–1917] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 429. S. 125–131. (In Russian).
 20. Ivanov A.A. *Sibirskaya politicheskaya ssylka XVII — nachala XX v.v issledovaniyakh sovremennikov: ucheb. posobiye* [Siberian political exile of the 17th — early 20th centuries in the research of contemporaries: textbook]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. 153 s. (In Russian).
 21. Ivanov A.A. *Zakonodatel'stvo o ssylke i yego primeneniye v Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [Legislation on exile and its application in Siberia in the second half of the 19th century] // Baikal Research Journal. 2011. № 4. S. 48. (In Russian).
 22. Kazaryan P.L. *Yakutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii. 1826–1917 gg.* [Yakutia in the Russian system of political exile. 1826–1917]. Yakutsk: GP NIPK «Sakhapoligrafizdat», 1998. 496 s. (In Russian).
 23. Kalashnikova N.V. *Praktika politicheskoy ssylki na Yevropeyskom Severe v XIX — nachale XX vekov* [The practice of political exile in the European North in the 19th — early 20th centuries] // Yevropeyskiy Sever v sud'be Rossii. Vologda, 2005. S.115–121. (In Russian).
 24. Kennan Dzh. *Sibir' i ssylka: v dvukh chastyakh* [Siberia and exile: in two parts] / red. F.Dedova, N.Maksimova, S.Nechetnogo, A.Rudina. Per. s angl. I.N.Kashintseva. Vstup. stat'ya F.Volkhovskogo. SPb.: VI.Raspopov, 1906. 458 s. (In Russian).
 25. Loyko L.P. *Ot Zemli i voli k VKP(b), 1877–1928: Vospominaniya* [From Land and Freedom to the CPSU(b), 1877–1928: Memoirs.]. M.; L.: Gosizdat, 1929. 248 s. (In Russian).
 26. Margolis A.D. *Tyur'ma i ssylka v imperatorskoy Rossii. Issledovaniya i arkhivnyye nakhodki* [Prison and exile in Imperial Russia. Research and archival finds]. M.: Lanterna: Vita, 1995. 207 s. (In Russian).
 27. Milevskiy O.A. *Politicheskaya ssylka na Tobol'skiy Sever 1860–1890-kh godov: sotsiokul'turnyy kontekst. Kniga dlya uchiteley* [Political exile to the Tobolsk North in 1860–1890s: socio-cultural context. Book for teachers]. Tyumen': Aksioma, 2017. 132 s. (In Russian).
 28. Maksimov S.V. *Sibir' i katorga. V 3 chastyakh* [Siberia and hard labor. In 3 parts]. SPb.: Tip. A.Transhelya, 1871. (In Russian).
 29. Poznyshchev S.V. *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnyye tipy. O psikhologicheskom issledovanii lichnosti kak sub'yekta povedeniya voobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal psychology. Criminal types. About the psychological study of personality as a subject of behavior in general and about the study of the personality of a criminal in particular.]. M.: Infra-M, 2007. 302 s. (In Russian).
 30. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye tret'ye. T. 1. SPb., 1885. № 350. S. 261–266. (In Russian).
 31. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye tret'ye. T. 2. SPb., 1885. № 730. S. 84–87. (In Russian).
 32. Roshchevskaya L.P. *Istoriya politicheskoy ssylki v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. (60 — nach. 80-kh godov)* [History of political exile in Western Siberia in the second half of the 19th century. (60s — early 80s)]. Tyumen', 1976. 139 s. (In Russian).
 33. Retunskiy V.F. *Gosudarstvennyye prestupniki. Stranitsy istorii politicheskikh ssylok v Zaural'ye* [State criminals. Pages of the history of political exile in the Trans-Urals]. Surgut, 1992. 207 s. (In Russian).
 34. Remnov A.V. *Administrativnaya politika samodержaviya v Sibiri v XIX — nachale XX vekov* [Administrative policy of autocracy in Siberia in the 19th — early 20th centuries]: Dis. ... dokt. ist. nauk. Omsk, 1997. 290 s. (In Russian).
 35. Salomon A.P. *Ssylka v Sibir': ocherk yeye istorii i sovremennogo polozheniya: dlya Vysochayshe uchrezhdennoy komissii o meropriyatiyakh po otmene ssylki* [Exile to Siberia: an outline of its history and current situation: for the Highest Commission on measures to abolish exile.]. SPB: Tipografiya S.—Peterburgskoy tyur'my, 1900. 394 s. (In Russian).
 36. Surgutyanin. *Sto let Surgutskoy ssylke* [One hundred years of the Surgut exile] // Katorga i ssylka. 1929. № 12. S. 92–117. (In Russian).

37. Stepanova O.V. *Razvitiye instituta ssylki v Rossii v XIX veke* [Development of the institution of exile in Russia in the 19th century] // *Izvestiya PGU im. V.G. Belinskogo*. 2009. № 15. S. 135–143. (In Russian).
38. *Takoy dalekiy i takoy blizkiy Ob'-Irtyshskiy sever: istoriko-kraevedcheskiy sbornik* [So far and so close the Ob-Irtysh north: a collection of historical and local lore] / Redaktor-sostavitel' L.V. Tsaregradskaya. Surgut, Severo-Sibirskoye regional'noye knizhnoye izdatel'stvo, 2002. 250 s. (In Russian).
39. *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX — nachala XX veka* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the 19th — early 20th centuries] / sost. L.P. Roshchevskaya, V.K. Beloborodov. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 1998. 430 s. (In Russian).
40. *Ulozheniye o nakazaniyakh ugovornykh i ispravitel'nykh, s privedeniyem statey drugih toмов Svoda zakonov, na kotoryye sdelany ssylki i ukazaniya v etom ulozhenii (izd. 1866 g.). (Neofits. izd.)* [Code on criminal and correctional punishments, citing articles of other volumes of the Code of Laws to which references and instructions are made in this code (ed. 1866). (Unofficial edition).]. Moskva: Tip. Shyuman i Glushkova, 1867. [2], 623, VIII s. (In Russian).
41. Ushakova L.A. *Narodnicheskaya sibirskaya ssylka 70-kh — 90-kh godov XIX veka v sovetskoй istoriografii 50-kh — 70-kh godov* [Populist siberian exile of the 70s — 90s of the 19th century in Soviet historiography of the 50s — 70s // Exile and socio-political life in Siberia (XVIII — early XX centuries)] // *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri (XVIII — nachalo XX v.)* Novosibirsk: Nauka, 1978. S. 8–50. (In Russian).
42. Yadrintsev N.M. *Polozheniye ssyl'nykh v Sibiri* [The situation of exiles in Siberia] // *Vestnik Yevropy*. 1875. № 12. S. 550–555. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.014

УДК 94(477).081"18":323.4(091)

ББК 63.3(4Укр)53-422,8

В.Я. МАУЛЬ

**ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ЧИГИРИНСКОГО
УЕЗДА: ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

V.YA. MAUL

**LEGENDS AND TRADITIONS
OF THE CHIGIRINSKY DISTRICT:
FROM THE HISTORY OF THE PEASANT
MOVEMENT IN THE POST-REFORM PERIOD**

В статье впервые в историографии рассматриваются легенды и исторические предания о крестьянских волнениях 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии. Главные герои этих легенд показаны на фоне реальных событий народных движений пореформенного периода. Выявлена культурно-генетическая связь легенд о Фоме Прядко с героическим эпосом запорожского казачества. Продемонстрированы отличия легенд о Прядко от семейных преданий о Лазаре Тененике и Степане Шутенко.

For the first time in historiography, the article examines the legends and historical legends about the peasant unrest of the 1870s in the Chigirin district of the Kiev province. The main characters of these legends are shown against the background of real events of the popular movements of the post-reform period. The cultural and genetic connection of the legends about Thomas Pryadko with the heroic epic of the Zaporozhye Cossacks has been revealed. The differences between the legends about Pryadko and the family legends about Lazar Tenenik and Stepan Shutenko are demonstrated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чигиринский уезд, Киевская губерния, крестьянские волнения, пореформенный период, легенды, предания, Фома Прядко, Лазарь Тененик, Степан Шутенко.

KEY WORDS: Chigirin district, Kiev province, peasant unrest, post-reform period, legends, Thomas Pryadko, Lazar Tenenik, Stepan Shutenko.

ВВЕДЕНИЕ. Поставленная в статье проблема не предполагает последовательного нарратива о протестных событиях 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии, уже неплохо освещенных в историографии [19, с. 196-234; 23, с. 94-99; 26, с. 99-100; 29; 31 и др.]. Они будут только информационным фоном для предлагаемого исследования, которое ставит перед автором немало сложных задач в силу нескольких обстоятельств. Одно из них заключается в научной неразработанности понятийного аппарата исследования, посвященного изучению легенд и преданий об этих крестьянских волнениях. Проблема усугубляется тем, что оба инструментальных понятия относятся к специфической лексике устной народной прозы, которой «сопутствует характерная нечеткость терминологии», в результате чего те или иные специальные термины часто «употребляются очень произвольно» [24, с. 46]. Например, составители этнолингвистического словаря под преданием предпочитают понимать «жанр фольклорной несказочной прозы, разрабатывающий историческую тематику в ее народной трактовке. В отличие от легенд, которые ориентированы на объяснение происхождения природных и культурных явлений и их моральную оценку, сюжеты преданий связаны с историей, историческими личностями, локальной топонимией».

кой» [21, с. 246]. В то же время легенды — это «повествовательные тексты религиозно-этической направленности, сформировавшиеся на основе библейских книг, апокрифов и житийной литературы» [20, с. 89].

Казалось бы, предложенные авторитетным изданием дефиниции позволяют четко разграничить между собой легенды и предания, однако достижению необходимой ясности препятствует характер их употребления в наших источниках, где легендами обычно называют то что, судя по всему, надо бы называть преданием. Поэтому во избежание путаницы есть смысл согласиться с мнением К.В. Чистова, рекомендовавшего объединить в одну группу внеэстетические фольклорные произведения — «предания, легенды, сказания, сказы, побывальщины, устные рассказы и т.п.», которые «рассказчиками и слушателями обычно не воспринимаются как произведения художественные. Они служат практической цели передачи исторических, политических, космогонических, религиозных, бытовых или иных сведений или новостей» [24, с. 47]. Тогда получается, что легенды и предания при всех тонкостях их смысловых различий могут рассматриваться как явления одного семантического ряда, что, к тому же, вполне соответствует практике их упоминаний в анализируемых исторических документах.

В виде устных текстов легенды и предания хранились в памяти знающих людей и через их рассказы сообщались слушателям — собирателям фольклора, каковых было немало во второй половине XIX в. (А.Н. Афанасьев, А.Ф. Гильфердинг, В.И. Даль, А.Н. Минх и др.). Непосредственно же в народной среде легенды и предания передавались из уст в уста с помощью слухов. По оценке А.К. Егорова, слух — «сугубо субъективное явление. То, что называется обычно слухом, на деле есть некое сообщение на определенную тему, которое по тем или иным причинам вычленяется наблюдателем из речевого потока» [10, с. 8]. В традиционной культуре слухи выполняли «значимую коммуникативную функцию, информируя население о современных или недавно происшедших событиях». Существенно то, считает И.В. Побережников, «что почти всегда слух включал момент интерпретации, объяснения явления — таким образом он обеспечивал адаптацию полученной информации к существующим запросам, ожиданиям» [18, с. 169–170, 177], а, значит, приобретал аксиологическую окраску. Более того, как это было и в Чигиринском уезде, в процессе «многоэтапной устной передачи события не только обрастали вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняли свой характер — в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись слухи» [4, с. 209]. В контексте статьи очень важно, что «единицами слуха (слухообразующими элементами, модулями) являются экстраординарные события и герои. Личность героя (она часто отмечает и окрашивает собой и значимость события) определяется его статусом — явным или скрытым и особыми способностями (опять-таки скрытыми или явными)» [9, с. 78].

Таким образом, в нашем исследовании, обращенном к ментальной истории чигиринских волнений, будут сопрягаться в едином регистре несколько трудноверифицируемых с научной точки зрения социально-психологические феномены: «легенды», «предания», «рассказы», «слухи», «герои». Такая познавательная установка дает возможность увидеть перипетии крестьянской борьбы в Чигиринском уезде не какой она была «на самом деле», а как выглядела в глазах современников и участников. Если первое уже неплохо изучено исторической наукой, то второе предстоит начинать едва ли не с чистого листа. Иными словами объективная картина волнений будет показана на основе совокупного множества субъективных реакций сельских обывателей, запечатленных и сохраненных в виде устных легенд и преданий.

Как известно, чигиринские волнения 1870-х гг. стали ответом землепашцев на проводимую в казенной деревне аграрную реформу, объявленную царским указом от 16 мая 1867 г. и определившую правила поземельного устройства государственных крестьян в девяти западных губерниях, включая Правобережную Украину [13, с. 56–68; 15, с. 51–61].

Продолжавшиеся почти целое десятилетие по нарастающей (от пассивного протеста до появления самозванцев, тайного заговора и подготовки бунта), крестьянские беспорядки были связаны с лавиной слухов и толков, породивших особую эмоционально-взвинченную атмосферу в уездных селах и деревнях. Изучение важнейших компонентов этой атмосферы (легенд и преданий) позволит глубже проникнуть в мир массовых народных представлений жителей протестующего Чигиринского уезда.

ЦЕЛЬ статьи — выявить и изучить легенды и предания о крестьянских вожаках чигиринских волнений, складывавшиеся по горячим следам или передававшиеся в поколениях, что позволит на конкретных примерах реконструировать особенности народного восприятия и оценки продолжительной пореформенной борьбы селян за восстановление социальной Правды, которая становилась для них главным ориентиром.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Помимо архивных документов [1; 2; 3] источниковую базу исследования составили опубликованные материалы центрального и местного делопроизводства [30], мемуары революционеров-народников (В.К. Дебогорий-Мокриевич, Л.Г. Дейч, Я.В. Стефанович), непосредственно причастных к тем громким событиям [5; 6; 7; 25; 27], а также воспоминания потомков чигиринских крестьян (Н.Н. Орленко, Р. де Хэвиллан, М.Г. Шутенко) о деяниях своих предков, записанные местными краеведами [32] или сообщенные лично автору статьи. В качестве методологической основы на вооружение взята концепция деконструкции, восходящая к работам М.Хайдеггера, Ж.Деррида, А.Манслоу и др. Она исходит из отказа от рациональных попыток логоцентристского подхода к традиционному обществу (декларирующего превосходство настоящего над прошлым) с тем, чтобы обнаружить значение глубинных социокультурных символов и смыслов, скрытых в изучаемых текстах народных легенд и преданий Чигиринского уезда. Данная концепция органично реализуется через сравнительно-исторический и культурно-антропологический анализ с применением принципов микроистории, формируя, таким образом, систему методологического синтеза как познавательного инструментария нашего научного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Героями интересующих нас фольклорных сюжетов, о которых удалось собрать соответствующую информацию, стали три активных участника чигиринских волнений 1870-х гг.: Фома Денисович Прядко, Лазарь Абрамович Тененик и Степан Карпович Шутенко. В те годы во многом случайно народная стихия вознесла на высокий пьедестал отдельных «маленьких» людей, которым в спокойные времена суждено было оставаться в тени великих событий. Теперь же, ненадолго оказавшись властителями крестьянских дум, они сыграли заметную, хотя не одинаковую роль в истории, по-разному сложились их судьбы. Различие можно найти и в том, что метаморфозы жизненного пути Л.А. Тененика с С.К. Шутенко были переосмыслены в более поздних семейных преданиях, по сей день сохраняясь в памяти благодарных потомков. В то время как о Ф.Д. Прядко изощренные саги сочинялись уже земляками-современниками: «несмотря на то, что деятельность этого человека с ее финалом — арестом — имела место всего несколько месяцев назад, об этой деятельности, равно как и о самой личности агитатора, успели уже сложиться совершенно легендарные представления» [5, с. 214]. Двое названных персонажей за последние несколько лет стали объектами научных изысканий [12, с. 251-258; 14, с. 7-17; 16, с. 1321-1334], фигура же третьего из них — Ф.Д. Прядко до сих пор, по сути, обделена полноценным историографическим вниманием [19, с. 207-208, 212-213, 217; 22, с. 191-193; 23, с. 96-98]. Да и биография его изобилует противоречивыми сведениями, что, впрочем, вполне обычно для носителей низовой устной культуры, главным образом, нестыковки касаются указаний на место рождения и возраст.

К сожалению, авторы записей о похождениях Ф.Д. Прядко скептически отнеслись к услышанным народным поверьям и, как было им свойственно, не смогли или не захотели адекватно понять характер крестьянских настроений. Инициатор «Чигиринского заговора» «царский комиссар» Я.В. Стефанович, квалифицируя борьбу крестьян как «тупой протест»,

критически заметил, что легенды о Ф.Д. Прядко «далеко не соответствуют личным его качествам, как пришлось мне убедиться в тюрьме» [25, с. 146, 142], наивно забыв, что подобное несоответствие имманентно любому народному эпосу. По высокомерным словам еще одного самозваного «комиссара» Л.Г. Дейча, «этой чепухе, как и многим таким же нелепицам, что рассказывали разные прохожие люди, бедные душевики верили и, бродя по селам и хуторам, живя с милостыни, упорно отказывались подписывать акты» люстрационных комиссий о порядке наделения крестьян землей и повинностями [27, с. 18]. В приведенной оценке отразилась вся глубина цивилизационной пропасти, лежавшей между революционными деятелями и пропагандируемым ими крестьянским населением, жизнь которого они легкомысленно рассчитывали переустроить в соответствии с заветами своих идейных учителей.

Выясняя причины появления чигиринских легенд и сказаний, надо заметить, что на Правобережье для них была подготовлена благодатная социокультурная почва. По удачному выражению одного из историков, в течение многих веков Чигиринщина была «кратером вулкана повстанчества» [31], и боевой дух предков — вольных запорожцев, с помощью песен и преданий передаваясь из поколения в поколение, не только сохранился до изучаемого времени, но и прямо влиял на поведенческие реакции потомков. Каковое обстоятельство не прошло мимо губернских властей, искавших разгадку десятилетнего пореформенного неповиновения чигиринцев. По признанию начальника Киевского ГЖУ А.С. Павлова, здесь все еще живы «в народной памяти предания о Гайдаматчине и Запорожской вольнице», а у жителей уезда сохраняются «вкусы, унаследованные ими от предков» [2, л. 234]. Киевский губернатор Н.Н. Гессе целиком и полностью подтверждал столь красноречивую репутацию: «Потомки некогда выходцев из-за Днепра, принадлежавших к казачьему сословию, они сохранили буйный оттенок в своем характере, мало уважительны, смелы в ответах и до крайности упорны» [30, с. 80].

В такой ментальной эстафете времен не было ничего случайного. Согласно выводам исследователей, общественное сознание малороссов «подкреплялось преданиями о борьбе их дедов и прадедов против крепостнического угнетения, о казачестве и Гайдаматчине». Сложившийся исстари героический эпос позволял чигиринцам транслировать добрую память «о Нечаете, Бондаренко, Морозенко и других народных героях Хмельнитчины» [28, с. 135, 136], равно как о вожаках Колиивщины Максиме Зализняке, Иване Гонте, да Семене Неживии [33, с. 513–527], об «украинском Робин Гуде» Устиме Кармалюке [11] и прочих заступниках за сирых и убогих. О.О. Крижановская пишет: «Олицетворением социальной справедливости малоимущие крестьяне считали того, кто, подобно идеализированному ими Устиму Кармалюку, отбирал имущество у богатых и раздавал его бедным. Такая реализация уравнилельных идей казалась многим крестьянам богоугодным делом» [28, с. 135], и теперь бралась на вооружение в повседневной борьбе, в соответствии с традицией создавая образы уже собственных героев и красочные легенды о самых заметных среди них. Надо понимать, что сюжеты общеукраинского фольклора особенно близки были населению Чигиринского уезда, поскольку именно на его территории разворачивалось большинство воспеваемых событий. Так, Богдан Хмельницкий, М.Зализняк, С.Неживий были уроженцами чигиринских сел, город Чигирин в XVII в. на какое-то время стал гетманской столицей, Колиивщина зародилась в местном Свято-Троицком Мотронинском монастыре и т.д.

Естественным продолжателем славных дел негласно был признан Ф.Д. Прядко, рассказчик «не иначе называл его, как "святым" и передавал о нем самые странные вещи» [5, с. 214]. С его биографией историки знакомы лишь отчасти, полагают, что он родился около 1842 г. в селе Сагуновка Ломоватской волости Черкасского уезда Киевской губернии, хотя иной раз ошибочно указывают на село Шабельники в соседнем Чигиринском уезде. С первых дней вместе с частью земляков он в штыки воспринял проводимую аграрную реформу, считая ее условия невыгодными для малоимущей бедноты. «Грамотный, благоче-

стивый, толковый мужик, он энергично отстаивал интересы обиженных и приобрел среди них значительную популярность» [7, с. 12]. Во время волнений первой половины 1870-х гг. являлся одним из главных разносчиков оптимистических слухов о солидарности государя-императора с требованиями душевого передела земли. Оказался в числе семи ходоков, делегированных крестьянами в Петербург с целью получения царской поддержки, но в отличие от сотоварищей, избежал ареста и продолжил агитацию среди жителей непокорного уезда [19, с. 207–208, 212–213, 217; 22, с. 191–193; 23, с. 96–98]. Я.В. Стефанович и здесь не удержался от язвительного комментария относительно собранных для ходатаев денег, намеренно подчеркнув, что «знаменитый Прядко далеко не безкорыстно хлопотал по мирскому делу» [25, с. 149]. Далее он «скрывался у своих сторонников, и как бы его ни разыскивала сельская и другая власть, долго она не могла его поймать <...> Переходя из хаты в хату, Хома Прядка своими рассказами поддерживал в единомышленниках упрямство, непреклонность, готовность терпеть любые муки за правое дело» [27, с. 18].

Дошедшие до нас легенды о Ф.Д. Прядко одновременно похожи и не похожи на предания старины глубокой. Как и там, Фома выступает в качестве последовательного народного заступника, стоит на страже интересов простолюдинов, подобных ему самому. По терминологии официальных властей, являлся «известным подстрекателем» [30, с. 49]. Легенда не приписывает Ф.Д. Прядко таинственного высокого происхождения, как иной раз бывало прежде. В отличие от героических предшественников он защищает крестьянские интересы не с оружием в руках или при помощи ватаги верных «работничков», а своими мирными делами: спорами с губернатором на сельском сходе, ежедневными увещеваниями односельчан в справедливости душевого наделения земель, готовностью ходатайствовать об их осуществлении. Доказательство тому он черпал в апелляции к венценосному авторитету, уверяя слушателей, «что их желания и царева воля одно и то же» [25, с. 143]. И в этом аргументе заложено принципиальное расхождение с традиционными сюжетами. Ни М.Зализняк с И.Гонтой, ни У.Кармалюк не ищут высочайшего покровительства, действуют самостоятельно, пусть даже иной раз в поисках союзников против «ляшковых-панков» готовы отдаться под руку российской короны. Для Ф.Д. Прядко же мерилом праведности чигиринского непокорства всегда являлась поддержка царя или его родни. Полицейский исправник М.В. Панкевич докладывал о дошедших до него слухах, что «Прядка отправился на Кавказ с намерением подать прошение великому князю Михаилу Николаевичу, если же это не удастся и там, то к Семену (1 сентября) он должен быть обратно, чтобы подать прошение государю в Елисаветграде» [30, с. 161]. В другом варианте легенды речь шла о протекции перед царем со стороны принца Ольденбургского [23, с. 96].

Помимо прочего рассказчики неизменно подчеркивали наличие у Ф.Д. Прядко особого дара, позволявшего каждый раз ускользать от преследователей: «О, его очень долго не могли поймать! Сколько раз было так, что уже и хату окружают со всех сторон, а все таки его не поймают. Один раз "актовики" подсмотрели, где он ночевал; подошли тихонько к хате, видят через окно, в хате светится и сам Хома сидит за столом и читает Евангелие... Он все, бывало, читает Евангелие... Обступили со всех сторон хату и стучат в дверь, чтобы им отворить. Как застучали в дверь, так в хате свет и погас; и что там в хате после того делалось — никто не видел. Только входят "актовики" в хату, засветили; искали, искали, да так и ушли ни с чем; не нашли Хома» [5, с. 216].

Стоит ли удивляться, что среди чигиринцев о нем «составились легенды, как о лице, обладающем сверх-естественной силой и способностями», «его считали чуть ли не чародеем» [7, с. 13; 27, с. 18]. Своей неуязвимостью Ф.Д. Прядко на первый взгляд напоминает «благородных» разбойников русского фольклора, назубок знавших специальные заговоры, благодаря которым кандалы соскальзывали с рук и ног. «Многие разбойники прежних времен вкладывали под ноготь листок спрыг-травы и не трогали его до тех пор, пока он сам "не испарится". Вор, обладатель спрыг-травы, подносит палец к замку, и он тотчас же спры-

гивает (отпирается)». Некий атаман-оборотень Голев «нередко из-под носа своих преследователей улетал в виде птицы — ясного сокола» [17, с. 80–82, 78]. Ничего подобного нет в легендах о чигиринском герое, поэтому поверхностным сходством сравнение и ограничивается. Принципиальное же различие состоит в том, что персонажи разбойничьего эпоса своими способностями обязаны нечистой силе, слышат колдунами и чернокнижниками. Между тем, Ф.Д. Прядко рисуется истинно верующим человеком, продолжателем подвигов славных запорожцев, так же как он считавших, что сила в Правде, а потому, как бывало в годы Колиивщины, «казаки и крестьяне заставляли католиков, униатов и иудеев силой перекрещиваться» в православную веру [33, с. 522]. Вот и Фома в свободное время постоянно «читает Евангелие» и умеет избегать неудач по очень веской причине: «Так уж ему бог дал!» [5, с. 216].

Репутация ревнителя религиозной «картины мира» объясняет, почему в осуществлении народных чаяний Ф.Д. Прядко уповал на царя — помазанника Божьего на земле, встречи с которым добивался, ни на минуту не сомневаясь в его поддержке. Из записей легенд известно, что вождевленное свидание считалось состоявшимся, и «ему царь, мол, обещал удовлетворить их жалобы и сурово наказать виновных. В подтверждение своих слов, царь будто бы на небольшом клочке бумаги написал что-то, разорвал этот клочок пополам и передал одну половинку Хоме Прядке, а вторую оставил себе. Суть этого поступка, надо думать, заключалась в том, что со временем, когда крестьяне добьются того, чего желают, Хома снова увидится с царем, а тот сложит свою половинку с Хоминой, чтобы убедиться, сохранил ли он царскую записку» [27, с. 18]. Несколько иначе трактует данный легендарный эпизод народник В.К. Дебогорий-Мокриевич в более поздней версии своих мемуаров. Ему также рассказывали, как «Хома ходил к царю и с ним говорил о нуждах чигиринцев. Царь обещал свою помощь. Для знака царь написал какую-то записку и, разорвав ее на-двое, одну половину вручил Хоме, а другую оставил у себя. С этой-то половиной царской записки Прядко ходил всюду и агитировал. На мой вопрос, видел ли он, рассказчик, эту записку, чигиринец ответил, что ему не довелось видеть записку, хотя самого Хому Прядко он встречал очень часто и знал его хорошо. По тону и характеру рассказа выходило так, будто царь вошел в известного рода соглашение с Хомой, некоторым образом вступил в тайный союз, в знак чего и дал ему половину разорванной записки, оставив другую половину у себя. Впоследствии, очевидно (рассказчик этого не говорил, но это само собой разумеется), когда наступило бы время открыто выступить с делом, половина записки, бывшая у Хомы, послужила бы доказательством того, что все, что говорил и делал Хома, говорил и делал по желанию самого царя. Этот тайный союз Хомы с царем (иначе я его назвать не могу) направлен был, конечно, против враждебных крестьянскому миру чиновников, начиная от министров и кончая мировыми посредниками и волостными писарями» [6, с. 254–255].

Есть и третий вариант того же сюжета, сообщенный анонимным корреспондентом революционной газеты «Начало», предположительно народником Н.К. Бухом: «По прибытии в столицу Ф.Прядко написал три прошения на имя царя. Одно подал через военного министра, другое прямо на Высочайшее имя и третье через принца Ольденбургского. Первые два не достигли своего назначения. Принц же лично принял от него прошение и, выдав расписку в получении, обещал доставить царю. При этом принц Ольденбургский разрешил записку пополам и одну половину дал ему (в подтверждение Фома показывал своим землякам какую-то бумагу с печатью), а другую оставил у себя, чтобы представить вместе с прошением царю. Далее автор излагает следующую версию событий: "В назначенный день Фома захватив с собой расписку, данную ему принцем Ольденбургским, отправился во дворец. Царь принял его ласково, напоил чаем, долго расспрашивал о житье-бытье крестьянском и сетовал, что не может помочь их горю, так как паны сильны и не допускают его сделать что-либо для них. В конце-концов Фома советовал крестьянам от имени государя, силой добиваться раздела земель и общинного землевладения"» [22, с. 192].

Легко заметить, что в структуре легенд (в любом из вариантов) царь выполняет отстраненно-пассивную роль, присутствует в качестве объекта, а не субъекта действий. Крестьяне во главе с Фомой сами отстаивают собственные права на справедливое распределение земельной собственности и повинностей. Поддержка монарха им требуется для морального оправдания и осознания законности своего протеста против государевых «изменников» — чиновников, панов и попов. Иными словами, они нуждались в санкции царя с тем, чтобы дальше действовать самостоятельно, но от его имени, что, несомненно, говорит об укорененности царистской психологии чигиринцев. Я.В. Стефанович верно заметил, что даже арест крестьянских ходатаев был истолкован в промонархическом ключе: «Это еще более укрепило убеждение, что чиновники представляют царю ложные сведения о цветущем будто бы положении крестьян и оберегают его от непосредственных сношений с последними» [25, с. 142-143].

В конце концов, выданный нанятыми за деньги агентами полиции, Ф.Д. Прядко был арестован в ноябре 1875 г. Ради обещанных 100 рублей предателю Дементию Сагуну удалось заманить его под кощунственным предлогом «почитать псалтырь над больным ребенком». После ареста волостной старшина, «опасаясь оставить его в Ломоватской волости, отвез в соседнюю Худяковскую волость», откуда становой пристав, «взяв Прядку, под личным своим наблюдением, в тот же день препроводил в г. Черкассы» [30, с. 181, 182]. Однако будущие организаторы «Чигиринского заговора» почему-то решили, что Ф.Д. Прядко содержится в Чигиринской тюремной избе.

В тот момент, после провала «хождения в народ», группа революционеров искала возможность установить контакты с кем-нибудь из лидеров чигиринского движения, чтобы организовать на юге страны настоящие массовые беспорядки и подготовить народный бунт. Масштаб личности крестьянского вожака превращал его в заманчивую креатуру, в потенциального проводника революционных идей. «Ввиду той славы, что он заслужил у душевиков, его освобождение, казалось нам, сыграло бы не абы какую роль», — вспоминал один из «южных бунтарей» Л.Г. Дейч. — «Я взялся вызволить из тюрьмы Хому Прядку», для чего поехал в уездный центр «на разведку, не имея еще ни одного плана» [27, с. 21]. Отсутствие должной подготовки закономерно обрекло и без того авантюрное начинание на провал. Сразу по приезду в незнакомый ему Чигирин, находившийся на нелегальном положении Л.Г. Дейч «вызвал подозрение еврея-хозяина постоялого двора». По прошествии двух дней «в этом глухом и чрезвычайно неприветливом городе» подпольщику каким-то образом якобы удалось «узнать, что незадолго до того Хому Прядку со всяческими предосторожностями перевезли в Киев», откуда организовать его побег уже «было невозможно» [27, с. 21].

В результате, Киевской соединенной палатой уголовного и гражданского суда Ф.Д. Прядко, решительно отрицавший вину, сначала был приговорен к отдаче «в арестантские роты на два с половиной года», а затем 17 июня 1877 г. признан виновным «по совокупности преступлений, по обвинению его в беспорядках, произведенных некоторыми государственными крестьянами Чигиринского уезда в 1875 году, а также и по обвинению его в сопротивлении законным властям и нанесении побоев» старосте Гавриленко «за то, что последний не дал книги, в которую записывались общественные приговоры». В силу чего беспорядки приобрели «характер восстания против волостного правления» [30, с. 228, 230]. Составители био-библиографического словаря революционных деятелей утверждали, что ссылку Ф.Д. Прядко отбывал в Иркутской губернии, в 1886 г. «подал прошение на высочайшее имя о помиловании и о дозволении вернуться на родину. По высочайшему повелению 15 мая 1886 г. восстановлен в некоторых правах с дозволением повсеместного проживания» [8, ст. 1285].

Казалось бы, нет серьезных резонов сомневаться в приведенных данных, они рисуют вполне типовую для той эпохи подневольную «карьеру» человека из низов, будто под копирку повторенную другими чигиринскими вожаками Е.А. Олейником, И.И. Писковым,

К.И. Прудким, Л.А. Тенеником. Тем не менее, целенаправленный поиск информации в Государственных архивах Иркутской и Томской областей неожиданно дал отрицательные результаты. В архивных делах не удалось найти ни одного упоминания Ф.Д. Прядко, тогда как имена остальных ссыльных чигиринцев в документах встречаются неоднократно. Между тем, в Иркутской губернии Ф.Д. Прядко, вроде бы, провел почти десять лет, а через Томск неизбежно должен был следовать по пути в Восточную Сибирь и обратно. Не встретилась его фамилия и в Государственном архиве города Тобольска, миновать который он также не имел возможности, ибо другого этапного маршрута тогда не существовало. Умолчания источников говорят о том, что последние страницы жизнеописания героя чигиринских легенд оставляют еще много вопросов, требующих дальнейших ответов и уточнений.

Принципиально иной характер носят уступающие по объему исторические воспоминания о Л.А. Тененике и С.К. Шутенко. В сравнении с Ф.Д. Прядко их реальные биографии известны намного лучше, они были тщательно изучены и доведены до читателей в нескольких опубликованных статьях [12, с. 251-258; 14, с. 7-17; 16, с. 1321-1334]. Подобные продуктивные результаты стали возможными, так как подробные факты об их деятельности в период чигиринских волнений и последующих наказаниях отложились в фондах российских архивов Москвы, Тобольска, Томска, Красноярска, Иркутска [1, л. 4-11об; 3, л. 261-263об, 265-265об и др.]. Но интересующая нас в свете решаемой задачи информация в архивах отсутствует, и сохранилась прямыми потомками этих двух крестьянских активистов в виде семейных преданий.

Член союза краеведов России Наталья Николаевна Орленко поделилась со мной сведениями, в которых правда прихотливо перемешалась с вымыслом, что среди ее родственников десятилетиями передаются известия, как их предок-революционер Л.А. Тененик пошел против царя, за что потом был сослан в Сибирь. Остается лишь удивляться капризам исторической памяти, предполагая, что рассказы вернувшегося из сибирской ссылки чигиринца (по убеждениям — православного монархиста) о «приключениях» на чужбине [14, с. 11-14], именно так переосмыслились и отложились в сознании его детей, внуков и правнуков, живших в эпоху двух мировых войн и великих революционных потрясений XX столетия.

О том, что подобные перетолкования едва ли случайны, свидетельствуют также семейные предания о С.К. Шутенко, записанные в 1997 г. у него на родине в селе Погорельцы [32]. Хотя в данном случае можно бы сделать определенные реверансы в сторону его гипотетической революционности. Изучив долгую историю борьбы этого чигиринского вольнодумца за крестьянскую правду (вплоть до середины 1890-х гг.), отчасти готов согласиться, что С.К. Шутенко, в принципе, подпадает в разряд тех, о ком историк Д.П. Пойда написал: «Многие участники "Тайных дружин" и вообще событий 70-х годов в Чигиринском уезде до конца своей жизни были агитаторами и пропагандистами революционных идей среди крестьянства, передавая их потомству. Документы свидетельствуют о том, что именно активные участники чигиринских событий 1870-1877 гг. и впредь выступали против социального гнета в пореформенном селе Украины» [19, с. 230]. Допуская излишнюю заостренность мнения ученого, тем не менее, замечу, что предания семьи Шутенко точно с ним согласуются.

Информатором выступила Мария Григорьевна Шутенко, судя по всему, внучка нашего героя. В полном соответствии с фактами она заявила, что подельником деда «был еще кто-то из с. Мордвы, да только я не знаю». Этот таинственный незнакомец, скорее всего, Феодосий Анисимович Чепурный, вместе с которым С.К. Шутенко не раз сидел по тюрьмам и отбывал ссылку [16, с. 1326-1328]. Кроме того, соответствуют действительности приведенные рассказчицей данные, как после возвращения из сибирской неволи «в Кировоград — Елисаветград его сослали, чтобы он здесь не жил в селе» [32].

Дальнейшие же события известны только в изложении М.Г. Шутенко, но не находят подтверждения в архивных источниках. Дескать, «там, в Кировограде» дед «с господином познакомился, и там они вот действовали», занимаясь явно антиправительственными делами, поскольку опасались преследования правоохранителей. «Потом прислали сюда к отцу одного (человека) и листовок мешок, чтобы распространили. То они тогда поехали на плавни и, говорит, те листовки в каждый двор вбрасывали. Только переехали паромом, а тут и жандармы. Хорошо, не поймали. Это было в Боровице. А потом приехал второй раз с листовками. Дед послал моего батьку, чтобы он отвез его на станцию в Александровку. «А я, — говорит отец, — запряг коня, да и везу. Я впереди, а он сзади сидит. Я еду — не оглядываюсь. А он едет и листовки — туда-сюда, туда-сюда» [32].

Принципиальную важность имеет сообщение М.Г. Шутенко о месте захоронения деда, которое заставляет задумываться о причине выбора места упокоения: «Каким образом он сюда попал, я уж не знаю, но умер он точно здесь, потому что здесь и похоронен на кладбище. Только похоронили там, где висельников хоронили, да утопленников. Так он в углу. Заросло» [32]. Возможно, это как-то связано со штундизмом, ревнителем и апологетом которого он оставался на протяжении нескольких десятилетий жизни, неоднократно подвергаясь гонениям властей за приверженность неортодоксальной вере.

ВЫВОДЫ. Проведенное исследование выявило наличие в Чигиринском уезде двух типов легенд и преданий, связанных с крестьянскими волнениями 1870-х гг. Было показано, что легенды о Ф.Д. Прядко генетически восходят к героическому эпосу запорожской вольницы, но отличаются от него меньшей глубиной воплощения и насыщенности сюжетными линиями. Тем не менее, они продолжают смысловой ряд сказаний о народных заступниках. Отражая традиционную православно-монархическую «картину мира» участников чигиринских событий, легенды приписывают Ф.Д. Прядко соответствующие черты и достоинства, утверждают, что его дарование от Бога. Не сомневаясь в поддержке Всевышнего и его помазанника царя, чигиринцы выстраивали поведенческую модель народного протеста в борьбе за социальную Правду.

Второй тип легенд дошел до нас в виде семейных преданий, когда на трактовку биографий Л.А. Тененика и С.К. Шутенко, несомненно, повлияли исторические события XX столетия, в свете которых их участие в крестьянском движении 1870-х гг. было интерпретировано потомками как прямое доказательство активной борьбы против царя и царизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 79 (3-е делопроизводство, 1883 г.). Д. 1269.
2. ГАР Ф. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1.
3. ГАР Ф. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
4. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 [2] с.
5. Дебогорий-Мокриевич В.Д. Воспоминания. СПб.: Свободный труд, 1906. 600 с.
6. Дебагорий-Мокриевич В.Д. От бунтарства к терроризму. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. Т. 1. 421 с.
7. Дейч Л.Г. За полвека. М.: Задруга, 1922. Т. 1. Ч. 2. 127 с.
8. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3: М — Р. М.: Изд-во Всес. общ-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 1384 ст.
9. Дубинин Б.В., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77-81.
10. Егоров А.К. Слухи как объект исторического исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3. С. 7-10.
11. Канивец В.В. Кармалюк. М.: Молодая гвардия, 1965. 208 с.

12. Мауль В.Я. Березовский узник Лазарь Тененик (новые данные о биографии Чигиринского вожака) // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего: сб. статей международной научной конференции. Тюмень: ТИУ, 2019. С. 251–258.
13. Мауль В.Я. В цепи Великих реформ: казенная деревня на переломе (Чигиринский уезд, Киевская губерния) // Вестник Рязанского государственного университета. 2021. № 2. С. 56–68.
14. Мауль В.Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 1 (54). С. 7–17.
15. Мауль В.Я. Судьба казенных крестьян: ход и итоги великой реформы (Чигиринский уезд Киевской губернии) // Проблемы аграрной истории России: материалы IV всероссийской научной конференции (памяти профессора В.М. Вазинского), посвященной 160-летию крестьянской реформы в России. Липецк: Изд-во ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 51–61.
16. Мауль В.Я. Чигиринские вольнодумцы в поисках крестьянской правды // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 4. С. 1321–1334.
17. Минх А.Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2021. 336 с.
18. Побережников И.В. Типы слухов в традиционном обществе (восточные регионы России в XVIII–XIX вв. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 169–183.
19. Пойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск: Днепропетровское областное изд-во, 1960. 488 с.
20. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 3: Кр — Пе. М.: Международные отношения, 2004. 695 с.
21. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 4: Пе — Си. М.: Международные отношения., 2009. 651 с.
22. Терехова С.А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф.Д. Прядко // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. Ч. II. С. 191–193.
23. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 94–99.
24. Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
25. Я.С. Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная дружина» (Опыт революционно-народной организации) // Памятники агитационной литературы. Т. 1: Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880–1881 г. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 141–165, 199–214.
26. Бовуа Д. Битва за землю в Україні 1863–1914: Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ: Критика, 1998. 335 с.
27. Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків: Видавництво «Шляхи революції», 1929. 39 с.
28. Крижановська О.О. Соціальні настрої та уявлення селян Правобережної України у 20–50-х рр. XIX ст. // Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 130–142.
29. Лещенко М.Н. Класова боротьба в українському селі в епоху монополістичного капіталізму (60–90 рр. XIX ст.). Київ: Наукова думка, 1970. 304 с.
30. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 р.р.) / за ред. К.Гребенкіна. Харків: Видання Центрального архівного управління УСРР, 1934. 440 с.
31. Солодар О.І. Епоха змов (до історії селянських рухів на Чигиринщині в XIX на початку XX століть). URL: http://unknownwar.info/———_503/ (дата обращения: 10.05.2023).
32. Солодар О.І. Як селяни проти царя змовлялися... URL: <https://www.facebook.com/profile/100000322587774/search?q=%D0%A8%D1%83%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE> (дата обращения: 12.04.2023).

33. Чухліб Т.В. Козаки і Монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2009. 616 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyi arhiv Rossiiskoi Federacii [State Archive of the Russian Federation] (SARF). Fond 102. Inv. 79 (3-e deloproizvodstvo, 1883). Case 1269. (In Russian).
2. SARF. Fond 109 (3rd expedition, 1877). Case 262. Part 1. (In Russian).
3. SARF. Fond 112. Inv. 1. Case 477. (In Russian).
4. Gromyko M.M. *Mir russoj derevni* [The world of the Russian village]. M.: Molodaya gvardiya, 1991. 446 [2] s. (In Russian).
5. Debogorij-Mokrievich V.D. *Vospominaniya* [Memories]. SPb.: Svobodnyj trud, 1906. 600 s. (In Russian).
6. Debogorij-Mokrievich V.D. *Ot buntarstva k terrorizmu* [From rebellion to terrorism]. M.; L.: Molodaya gvardiya, 1930. T. 1. 421 s. (In Russian).
7. Dejch L.G. *Za polveka* [For half a century]. M.: Zadruga, 1922. T. 1. Ch. 2. 127 s. (In Russian).
8. *Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii: Bio-bibliograficheskij slovar'* [Leaders of the revolutionary movement in Russia: Bio-bibliographic dictionary]. T. 2: Semidesyatye gody. Vyp. 3: M — R. M.: Izd-vo Vses. obshch-va polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1931. 1384 st. (In Russian).
9. Dubinin B.V., Tolstyh A.V. *Sluhi kak social'no-psihologicheskij fenomen* [Rumors as a socio-psychological phenomenon] // *Voprosy psichologii*. 1993. № 3. S. 77–81. (In Russian).
10. Egorov A.K. *Sluhi kak ob'ekt istoricheskogo issledovaniya* [Rumors as an object of historical research] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. T. 2. № 3. S. 7–10. (In Russian).
11. Kanivec V.V. *Karmalyuk* [Karmalyuk]. M.: Molodaya gvardiya, 1965. 208 s. (In Russian).
12. Maul' V.Ya. *Berezovskij uzbek Lazar' Tenenik (novye dannye o biografii Chigirinskogo vozhaka)* [Berezov's prisoner Lazar Tenenik (new data on the biography of the Chigirinsky leader)] // *Tyumenskaya oblast': istoricheskaya retrospektiva, realii nastoyashchego, kontury budushchego: sb. statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Tyumen': TIU, 2019. S. 251–258. (In Russian).
13. Maul' V.Ya. *V cepi Velikih reform: kazennaya derevnya na perelome (Chigirinskij uезд, Kievskaya guberniya)* [In the chain of Great reforms: the state village at the turning point (Chigirin district, Kiev province)] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 2. S. 56–68. (In Russian).
14. Maul' V.Ya. *Lazar' Tenenik na vole i v nevole (sud'ba krest'yanskogo vozhaka «Chigirinskogo zagovora»)* [Lazar Tenenik in freedom and in captivity (the fate of the peasant leader of the "Chigirinsky conspiracy")] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 1 (54). S. 7–17. (In Russian).
15. Maul' V.Ya. *Sud'ba kazennykh krest'yan: hod i itogi velikoj reformy (Chigirinskij uезд Kievskoj gubernii)* [The fate of state-owned peasants: the course and results of the great reform (Chigirin district of Kiev province)] // *Problemy agrarnoj istorii Rossii: materialy IV vserossijskoj nauchnoj konferencii (pamyati professora V.M. Vazhinskogo), posvyashchennoj 160-letiyu krest'yanskoj reformy v Rossii*. Lipec: Izd-vo LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2021. S. 51–61. (In Russian).
16. Maul' V.Ya. *Chigirinskie vol'nodumcy v poiskah krest'yanskoj pravdy* [Chigirin's freethinkers in search of peasant truth] // *Quaestio Rossica*. 2020. T. 8. № 4. S. 1321–1334. (In Russian).
17. Minh A.N. *Razboi i klady Nizovogo Povolzh'ya* [Robberies and treasures of the Lower Volga region]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. yurid. akademii, 2021. 336 s. (In Russian).
18. Poberezhnikov I.V. *Tipy sluhov v tradicionnom obshchestve (vostochnye regiony Rossii v XVIII–XIX vv.)* [Types of rumors in traditional society (eastern regions of Russia in the XVIII–XIX centuries.)] // *Sluhi v Rossii XIX–XX vekov. Neoficial'naya kommunikaciya i «krutye povoroty» rossijskoj istorii*. Sb. st. Chelyabinsk: Kamennyj poyas, 2011. S. 169–183. (In Russian).
19. Pojda D.P. *Krest'yanskoe dvizhenie na Pravoberezhnoj Ukraine v poreformennyj period (1866–1900 gg.)* [Peasant movement in Right-Bank Ukraine in the post-Reform period (1866–1900)]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskoe oblastnoe izd-vo, 1960. 488 s. (In Russian).
20. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary] / Pod red. N.I. Tolstogo. T. 3: Kr — Pe. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. 695 s. (In Russian).

21. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary] / Pod red. N.I. Tolstogo. T. 4: Pe — Si. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya., 2009. 651 s. (In Russian).
22. Terekhova S.A. *Iz istorii agrarnogo dvizheniya v Chigirinskom uezde Kievskoj gubernii v nachale 70-h gg. XIX v.: krest'yanskij vozhak F.D. Pryadko* [From the history of the agrarian movement in the Chigirinsky district of the Kiev province in the early 70s of the XIX century: peasant leader F.D. Pryadko] // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Materialy II Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2013. Ch. II. S. 191–193. (In Russian).
23. Terekhova S.A. *K voprosu ob istokah «Chigirinskogo zagovora»: krest'yanskoe dvizhenie v Chigirinskom uezde Kievskoj gubernii v nachale 70-h gg. XIX v.* [On the question of the origins of the "Chigirinsky conspiracy": the peasant movement in the Chigirinsky district of the Kiev province in the early 70s of the XIX century.] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2013. № 4 (25). S. 94–99. (In Russian).
24. Chistov K.V. *Fol'klor. Tekst. Tradiciya* [Folklore. Text. Tradition]. Sb. st. M.: OGI, 2005. 272 s. (In Russian).
25. Ya.S. *Chigirinskoe delo. Krest'yanskoe obshchestvo «Tajnaia družina» (Opyt revolyucionno-narodnoj organizacii)* [The Chigirin affair. Peasant society "Secret Squad" (The experience of the revolutionary people's organization)] // Pamyatniki agitacionnoj literatury. T. 1: Chernyj peredel. Organ socialistov-federalistov. 1880–1881 g. M.; Pg.: Gosizdat, 1923. S. 141–165, 199–214. (In Russian).
26. Bovua D. *Bitva za zemlyu v Ukraïni 1863–1914: Polyaki v socio-etnichnih konfliktah* [Battle for land in Ukraine 1863–1914: Poles in socio-ethnic conflicts]. Kiïv: Kritika, 1998. 335 s. (In Ukrainian).
27. Dejch L.G. *Chigirins'ka sprava* [Chigirinskaya case]. Harkiv: Vidavnytstvo «Shlyahi revolyucii», 1929. 39 s. (In Ukrainian).
28. Krizhanovs'ka O.O. *Social'ni nastroi ta uyavlennya selyan Pravoberezhnoï Ukraïni u 20–50-h pp. XIX st.* [Social moods and representations of the peasants of Right-Bank Ukraine in the 20–50s pp. XIX century] // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 2007. № 2. C. 130–142. (In Ukrainian).
29. Leshchenko M.N. *Klasova borot'ba v ukraïns'komu seli v epohu domonopolistichnogo kapitalizmu (60–90 pp. XIX st.)* [Class struggle in the Ukrainian countryside in the era of pre-monopoly capitalism (60–90 pp. XIX century)]. Kiïv: Naukova dumka, 1970. 304 s. (In Ukrainian).
30. *Materiali do istorii selyan'skih revolyucijnih ruhiv na Chigirinshchini (1875–1879 r.r.)* [Materials on the history of peasant revolutionary movements in the Chigirin region (1875–1879)] / za red. K. Grebenkina. Harkiv: Vidannya Central'nogo arhivnogo upravlinnya USRR, 1934. 440 s. (In Ukrainian).
31. Solodar O.I. *Epoha zmov (do istorii selyans'kih ruhiv na Chigirinshchini v HHH na pochatku HH stolit')* [The era of conspiracies (to the history of peasant movements in the Chigirin region in the XIX-early XX centuries)]. URL: http://unknownwar.info/———_503/ (data obrashcheniya: 10.05.2023). (In Ukrainian).
32. Solodar O.I. *Yak selyani proti carya zmovlyalisya...* [How the peasants conspired against the Tsar...] URL: <https://www.facebook.com/profile/100000322587774/search/?q=%D0%A8%D1%83%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE> (data obrashcheniya: 12.04.2023). (In Ukrainian).
33. Chuhlib T.V. *Kozaki i Monarhi. Mizhnarodni vidnosini rann'omodernoï Ukraïns'koï derzhavi 1648–1721 rr.* [Cossacks and Monarchs. International relations of the early modern Ukrainian state of 1648–1721]. Kiïv: Vidavnytstvo imeni Oleni Teligi, 2009. 61

**ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В XIX–XX ВВ.****ISSUES OF INDUSTRIAL AND AGRICULTURAL
DEVELOPMENT IN THE XIX–XX CENTURIES.**

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.020

УДК 94:332.1(571.1)«18» (091)

ББК 65.040г(253.3)522

В.А. СКУБНЕВСКИЙ,
А.М. МАРИУПОЛЬСКИЙ,**ЗНАЧЕНИЕ ВИНОКУРЕНИЯ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**V.A. SKUBNEVSKY
A.M. MARIUPOLSKY**THE PLACE OF DISTILLING
IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT
OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND
HALF OF THE NINETEENTH CENTURY**

Данная статья посвящена собственно не самому винокурению как весьма успешно развивавшейся отрасли обрабатывающей промышленности Западной Сибири во второй половине XIX в., а той роли, которую играло производство спирта в плане стимулирования процесса развития экономики региона в целом. Винокурение наряду с виноторговлей создавало благоприятные условия для формирования и укрепления товарно-денежных отношений, ускоряло процесс первоначального накопления капиталов и способствовало социально-экономическому развитию Западной Сибири. Хронологические рамки статьи охватывают вторую половину XIX в. При работе над данной статьей авторы использовали как архивные данные, так и сведения, содержащиеся в опубликованных источниках, а также работах других исследователей.

This article is devoted not to distilling itself, as a very successfully developing branch of the manufacturing industry in Western Siberia in the second half of the nineteenth century, but to the role played by alcohol production in terms of the development of the region's economy as a whole. Distillery production, along with wine trade, created favorable conditions for the formation and strengthening of commodity-money relations, accelerated the process of initial capital accumulation and contributed to the socio-economic development of Western Siberia. The chronological framework of the article covers the second half of the XIX century. When working on this article, the author used both archival data and information contained in published sources, as well as the works of other researchers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Западная Сибирь, регион, экономика, промышленность, развитие, производство спирта (винокурение), частное предпринимательство, капитал.

KEY WORDS: Western Siberia, region, economy, industry, development, alcohol production (distilling), private entrepreneurship, capital.

ВВЕДЕНИЕ. Данная работа касается роли и места винокуренного производства в экономическом развитии Западно-Сибирского региона во второй половине XIX в. Основная идея, заложенная авторами, выражается в том, что винокурение наряду с виноторговлей

создавало благоприятные условия для формирования и укрепления товарно-денежных отношений, ускоряло процесс первоначального накопления капиталов и способствовало социально-экономическому развитию Западной Сибири.

ЦЕЛЬ исследования — оценка значения винокурения в экономическом развитии Западной Сибири во второй половине XIX века.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. Хронологические рамки статьи охватывают вторую половину XIX в. Это было время действия в России «акцизной системы», которая открыла дорогу в винокурную отрасль промышленности частному предпринимательству. При работе над данной статьей авторы использовали как архивные данные, так и сведения, содержащиеся в опубликованных источниках, а также работах других исследователей, в той или иной мере касавшихся означенной выше темы. Географические рамки работы ограничиваются Западной Сибирью (Тобольская губ., Томская губ., Акмолинская обл., Семипалатинская обл.). В отдельных случаях, по мере необходимости, обращается внимание и на весь сибирский регион.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Отмена крепостного права в России дала начало быстрому росту капитализма, который постепенно охватил все стороны народного хозяйства страны, включая промышленность и сельское хозяйство. Углубление и расширение капиталистических отношений на основе действия рыночных законов наряду с активизацией частнопредпринимательской инициативы объективно способствовали подъему экономики не только в центральных районах России, но и на ее окраинах.

Географические, демографические и социально-экономические условия Западной Сибири в начале 60-х гг. XIX в. не назовешь благоприятными в отношении становления и развития промышленного производства. Удаленность от центра страны при слабо развитой транспортной инфраструктуре и фактическом отсутствии серьезной машиностроительной базы, нехватка капиталов и острый недостаток квалифицированных кадров — эти и многие другие факторы отрицательного характера делали основание и открытие в регионе промышленных предприятий весьма сложным и трудным делом. Эти специфические условия обусловили экономическую направленность здешней обрабатывающей промышленности, ориентированной преимущественно на переработку продуктов сельскохозяйственного производства. В результате одной из наиболее развитых отраслей обрабатывающей промышленности края стало винокурение.

В середине 60-х гг. XIX в. в крае начинает быстро развиваться частное спирто-водочное производство. Этому в значительной степени способствовали два важных момента, а именно: наличие значительных излишков товарного зерна и близость рынка сбыта для производимой продукции. Важным стимулирующим моментом в развитии сибирского винокурения стало введение в России и, в частности, в Сибири так называемой акцизной системы. Благодаря этой инициативе государства винокурное производство стало областью свободного предпринимательства. Данное обстоятельство предопределило коренную перестройку винокурной промышленности как в Сибири вообще, так и в Западной Сибири в особенности.

К 1 января 1863 г. (дата установления акцизной системы в Сибири) на территории Западной Сибири имелось три работающих винокурных завода, а уже к концу первого десятилетия действия в Западной Сибири акцизной системы оба казенных винокурных завода прекратили свое производство. Произошло это в результате того, что вновь образовавшиеся в Западной Сибири частные заводы привели к краху казенного винокурения, основанного на принудительном труде, который оказался нерентабельным [12, с. 579–585].

Количество частных винокурных заводов в Западной Сибири в 60-е годы XIX века росло стремительно. В 1864 г. их насчитывалось 11, в 1865–14, в 1866–17. В 1866 г. на них было выкурено 1585945 ведер сорокаградусного вина [10, с. 86–87]. К 1873 г. число их выросло до тридцати, сумма производительности составила 2501648 руб., а число рабочих 1619 человек [1, с. 59]. Особенно быстро частное винокурение развивалось в Томской губернии.

В 1865/66 годах сумма производства винокуренных заводов Томской губернии равнялась 825634 руб., а к 1873 г. она возросла до 1739766 руб. Таким образом, за десятилетие (1863–1873 годы) количество винокуренных заводов в Западной Сибири выросло в 10 раз (с 3 до 10), а в Томской губернии в 16 раз (с 1 до 16). Стремительный рост частного винокуренного производства был характерен не только для Западной Сибири, но и для всего Сибирского региона. Так, в 1865/66 гг. в Западной Сибири было выкурено 1585945 ведер вина крепостью в 40°, а через тридцать лет, в 1896 г. (т.е. к концу XIX в.) — 1816153 ведра. В денежном выражении с 1866 по 1896 г. производство продукции возросло с 1981229 до 3085916 руб., т.е. почти на 56% [7, с. 139].

Следует отметить, что важным фактором, оказавшим большое влияние на рост сибирского винокурения, была ориентация здешнего сельского хозяйства преимущественно на внутренний рынок, в силу невозможности при тогдашнем состоянии транспорта и больших расстояний наладить вывоз сибирского хлеба не только за границу, но и в европейскую часть России. Таким образом, широкое развитие винокурения в Западной Сибири во второй половине XIX в. стало возможным также благодаря росту сельскохозяйственного производства и наличию, как следствие этого роста, излишков товарного зерна. В то же время вновь устроенные винокуренные заводы стали, в свою очередь, одним из основных потребителей хлеба в регионе, что существенно расширяло рынок сбыта сельскохозяйственной продукции (растениеводства) и развивало товарно-денежные отношения в деревне. Так, например, в период 1865/66 гг. винокуренные заводы Западной Сибири использовали в своем производстве примерно 38% произведенного в регионе товарного зерна или более 1/3. Несмотря на некоторые колебания, потребление хлеба западно-сибирским винокурением сохранялось на протяжении всей второй половины XIX в. Для изготовления вина требовалось ежегодно от 2,5 млн пуд. до более чем 3-х млн пуд. хлебных припасов (зерна, муки, зеленого и сухого солода) [6, с. 71].

Оставаясь на протяжении долгого времени главным источником прибыли для своих владельцев, винокуренное производство, а также виноторговля позволяли им вкладывать средства в другие отрасли производства. В своё время авторитетный исследователь истории сибирской буржуазии Г.Х. Рабинович отметил: «Характерной чертой предпринимательства буржуазии Сибири являлась широкая диверсификация капиталов. Сибирский крупный капиталист, как правило, не ограничивался какой-либо одной отраслью предпринимательства, а действовал в нескольких направлениях, вкладывая капиталы одновременно в торговлю, различные отрасли промышленности, в городскую недвижимость, в речной транспорт» [11, с. 320].

Сказанное в полной мере относится и к большинству владельцев винокуренных заводов. Многие из них одновременно открывали пивоваренные заводы, в их числе в Тобольской губернии Смолины (в Кургане), Сыромятниковы (в Тобольске), Давыдовские (в Тюмени); в Томской губернии — И.И. Андроновский (в Томске и Барнауле), Ворсины (в Барнауле), Ерофеевы (в Каинске) и др. Часто промышленники около винокуренных заводов строили и стекольные, где производилась не только посуда для розлива продукции, но и оконное стекло, в Тобольской губернии — Злоказовы, Щербаковы, в Томской губернии — Королёвы, Платонов и Судовская [15, т. 1, с. 23, 137, 184, 218–219, 252–253, 355–356; т. 2, с. 160, 300, 438–439].

Как правило, владельцы винокуренных заводов одновременно торговали хлебом и строили крупчатные мельницы. В Тобольской губернии это Давыдовские, Злоказовы, Смолины, в Томской — Платоновы, Ерофеевы, Королёвы. Встречались и другие сочетания производств. Так, томские купцы Вытновы одновременно с винокурением занимались и производством кондитерских изделий, каинские купцы Ерофеевы — свечным производством и маслоделием, томские купцы Королёвы — добычей соли в Алтайском горном округе, курганские купцы Смолины — салотопным производством, тарские купцы Щербаковы — лесопильным, кирпичным, салотопным [15, т. 1, с. 21–219, 355–356; т. 2, с. 272, 438–439].

Некоторые из владельцев винокуренных заводов покупали пароходы, но, скорее, к такому шагу их подталкивала хлебная торговля. Назовём имена Платоновых, Щербаковых, Фуксманов, Королёвых. А.И. Щербаков был сторонником освоения Северного морского пути для установления прямых торговых связей с Западной Европой. На рубеже 70–80-х гг. он совместно с барнаульским пароходчиком М.Е. Функом попытался организовать прямые торговые связи с Англией через Обскую губу. С Алтая везли на пароходах хлеб, а из Англии промышленные товары. Но эксперимент оказался неудачным, так как английские корабли не смогли преодолеть льды Карского моря [9, с. 38].

Другой пример — Миней Мариупольский. Он создал торговый дом — «М. Мариупольский и К^о», посредством которого осуществлял оптовую торговлю хлебом и др. сельскохозяйственной продукцией. В 1900 г. М.Я. Мариупольский построил в г. Омске завод по производству пива и фруктовых вод. Это было предприятие фабричного типа, помещавшееся в 5-этажном каменном здании, оборудованном паровой машиной в 50 л.с., динамо-машиной и двумя паровыми котлами. Оборудование изготовил завод «Германия» в Саксонии, часть машин — знаменитая германская фирма «Унион-верке». В 1908–1914 гг. предприятие выпускало продукции более чем на 800 тыс. руб. ежегодно, на нем трудились 53–60 рабочих. Пиво и фруктовые воды М. Мариупольского реализовывались через свои оптовые склады на ряде крупных станций Сибирской ж.д., в частности, в Новониколаевске, Каинске, Таре, Тюкалинске. Сбыт товаров и одновременно закупка у населения сельскохозяйственной продукции осуществлялась в различных районах Западной Сибири через 185 лавок [14, с. 1291–1292].

Впечатляющую активность в Западной Сибири проявили крупные уральские предприниматели Злоказовы и Поклевские. В.П. Микитюк отметил, что «пермские винокуры показали себя как агенты региональной модернизации» [8, с. 86]. Кстати, указанный автор употребляет термин «Урало-Сибирский регион». Вполне оправданный подход, особенно это касается винокурения и мукомольной отрасли. Как отмечала М.А. Барсукова, в данном регионе (Урал и Западная Сибирь) «был общий сырьевой рынок: и сибирские и уральские мельницы работали на сибирском зерне» [3, с. 50].

У Злоказовых в Тобольской губернии были винокуренный и стекольный заводы, а торговали они по всей Сибири, от Иркутска до Урала. А.Ф. Поклевский-Козелл был одним из основателей пароходства в Обь-Иртышском бассейне и крупнейшим винозаводчиком на Урале и в Западной Сибири. В частности, в Тобольской губернии он в 1863 г. построил Падунский винокуренный завод, в этом же селе бы построен и пивоваренный завод, а в Омске в 1868 г. им был открыт водочный завод, а позже, его наследники в 1897 г. там же открыли дрожже-винокуренный завод [15, т. 2, с. 166–167].

Конечно, в большинстве своем, основной сферой как приложения капиталов, так и получения доходов оставалось винокурение, гарантировавшее устойчивую прибыль. Другое дело, что оно, являясь важным источником накопления капитала в эпоху становления капитализма в Сибири, давало винопромышленникам средства для основания и развития в регионе иных производств, способствуя тем самым развитию экономики края. Удаленное положение от центра страны, нехватка капиталов, транспортные проблемы, низкий уровень товарно-денежных отношений не способствовали быстрому развитию капитализма в Западной Сибири. В этих условиях винокуренное производство как раз и становилось одним из основных стимуляторов развития местного рынка. Высокая прибыльность винокуренных предприятий давала возможность их владельцам вкладывать деньги в другие производства.

Следует отметить, что винокурение способствовало развитию других обрабатывающих отраслей производства не только как источник накопления капиталов, но и как стимулятор технического обновления и совершенствования. Оно одним из первых в регионе, еще в середине 80-х гг. XIX столетия встало на путь интенсификации производства и внедрения новых технологий. К середине 90-х годов позапрошлого столетия использование паровых двигателей, паровых насосов и ректификационных колонн на западно-сибирских виноку-

ренных заводах стало почти повсеместным. Причем целый ряд предприятий могли похвастаться первоклассным импортным оборудованием. В целом, можно отметить, что переход от мануфактуры к фабрике завершился в этой отрасли обрабатывающей промышленности в начале 90-х гг. XIX в. В этой связи примечательно, что это произошло еще до окончания строительства западно-сибирского участка Транссибирской магистрали. Важно подчеркнуть, что в отличие от других производств, становление фабрики в винокурении происходило в большинстве случаев на основе развития бывших мануфактур, многие из которых были основаны еще в 60-х гг. XIX в.

Устойчиво развитие винокуренной промышленности Западной Сибири способствовало и формированию местной буржуазии. Такие предприниматели-винопромышленники, как А.Ф. Поклевский-Козелл, братья Злоказовы, братья Ерофеевы, отец и сын Платоновы, Смолин, братья Ворсины и некоторые другие, выросли к концу XIX в. в крупных предпринимателей региона. Их капиталы исчислялись десятками и сотнями тысяч рублей [4, с. 244].

Многие винокуренные заводчики проявили себя как меценаты и общественные деятели. Благотворительностью занимались Поклевские-Козелл, Давыдовские, Ерофеевы, Злоказовы, Смолины, Платоновы и Судовская и др. Благотворительность проявлялась в разных сферах—финансировании церкви, помощи народному образованию, здравоохранению, попечительству о бедных и проч. Например, совладелица Иткульского винокуренного завода Е.И. Судовская на свои средства в окрестностях Барнаула основала женский монастырь, где была построена самая большая в городе каменная церковь. Она же совместно с Платоновыми построила церковь при винокуренном заводе. Многие из заводчиков избирались в гласные городских дум своих городов. В Томске это В.Н., П.В. и В.П. Вытновы, Е.И. Королёв, он в 1876–1879 и 1887–1891 гг. был городским головой [5, с. 11, 42, 45, 190]. В Барнауле гласными городской думы избирались братья Ворсины, И.К. Платонов, последний избирался и городским головой, в 1898 и 1911 гг. [2, с. 28, 40]. В Тобольске гласным городской думы избирался А.А. Сыромятников [13, с. 484].

Некоторые из выше отмеченных предпринимателей внесли вклад в развитие культуры своих городов. Так, Е. И. Королёв в Томске построил каменный театр, а А. А. Сыромятников в Тобольске основал газету «Сибирский листок» и финансировал её в 1891–1894 гг.

ВЫВОДЫ. Подводя итоги, хотелось бы отметить, что частно-капиталистическое предпринимательство в винокурении и виноторговле не только стремилось к превращению винокуренного производства в одну из передовых отраслей обрабатывающей промышленности Западной Сибири, но и, в свою очередь, в определенной степени, способствовало становлению и развитию как других отраслей обрабатывающей промышленности, так и капитализации сельского хозяйства во второй половине XIX в. Это проявлялось как в форме непосредственного участия в том или ином направлении экономической деятельности, так и опосредованно. Например, через более активное вовлечение крестьян в рыночные отношения, поскольку последние становились как главными поставщиками сырья для производства вина и спирта, так и основными потребителями произведенной продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. Омск, 1875. 241 с.
2. Барнаульская городская дума 1877–1996. Сб. документов. Барнаул, 1999. 305 с.
3. Барсукова М.А. Предпринимательство в мукомольной промышленности Западной Сибири и Урала во второй половине XIX века // Деловая Россия: история и современность. Тезисы Второй Всероссийской научной конф. СПб., 1996. С. 50–52.
4. Дмитриев А. Поклевские-Козелл // Урал, 1993. № 11. С. 234–259.
5. Дмитриенко Н.М. Томские купцы. Биографический словарь. Томск, 2014. 336 с.
6. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Изд-во Наука, 1983. 399 с.
7. Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. 159 с.

8. Микитюк В.П. Винокуры Пермской губернии как агенты модернизации во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Новосибирского Гос. ун-та. Серия История. Филология. 2016. Т. 15. Вып.1: История. С. 85–94.
9. Носова Е.А. Хлеботорговля и хлеботорговцы на Алтае (вторая половина XIX в.) // Предпринимательство на Алтае XVIII в. — 1920-е годы. Барнаул: Изд-во День, 1993. С. 31–43.
10. Памятная книжка Тобольской губернии на 1861 и 1862 гг. Тобольск, 1862. 261 с.
11. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 328 с.
12. РГИА. Ф. 574. Оп 2. Д. 146. Ч. 1.
13. Тобольский биографический словарь. Екатеринбург, 2004. 576 с.
14. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М.: Изд-во РОССПЭН, 2008. 1470 с.
15. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: Академ. изд-во ГЕО, 2012. 450 с.; Т. 2. Новосибирск, 2013. 464 с.

REFERENCES

1. *Adres-kalendar' Zapadnoj Sibiri na 1875 g.* [Address-calendar of Western Siberia for 1875]. Omsk, 1875. 241 s. (In Russian).
2. *Barnaul'skaya gorodskaya дума 1877–1996.* [Barnaul City Duma 1877–1996]. Sb. dokumentov. Barnaul, 1999. 305 s. (In Russian).
3. Barsukova M.A. *Predprinimatel'stvo v mukomol'noj promyshlennosti Zapadnoj Sibiri i Urala vo vtoroj polovine XIX veka* [Entrepreneurship in the flour milling industry of Western Siberia and the Urals in the second half of the 19th century] // *Delovaya Rossiya: istoriya i sovremennost'*. Tézisy Vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konf. SPb., 1996. S. 50–52. (In Russian).
4. Dmitriev A. *Poklevskie-Kozell* [Poklevskie-Kozell] // *Ural*, 1993. № 11. S. 234–259. (In Russian).
5. Dmitrienko N.M. *Tomskie kupcy. Biograficheskij slovar'* [Tomsk merchants. Biographical dictionary]. Tomsk, 2014. 336 s. (In Russian).
6. *Krest'yanstvo Sibiri v epohu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Izd-vo Nauka, 1983. 399 s. (In Russian).
7. Mariupol'skij A.M. *Vinokurenje i vinotorgovlya Zapadnoj Sibiri v period dejstviya akciznoj sistemy* [Distilling and wine trade in Western Siberia during the period of the excise system]. Barnaul: Izd-vo AGU, 2000. 159 s. (In Russian).
8. Mikityuk V.P. *Vinokury Permskoj gubernii kak agenty modernizacii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka* [Distilleries of Perm province as agents of modernization in the second half of the XIX — early XX century] // *Vestnik Novosibirskogo Gos. un-ta. Seriya Istoriya. Filologiya*. 2016. T.15. Vyp.1: Istoriya. S. 85–94. (In Russian).
9. Nosova E.A. *Hlebotorgovlya i hlebotorgovcy na Altae (vtoraya polovina XIX v.)* [Khlebotorgly and khlebotorgovtsy in Altai (the second half of the 19th century)] // *Predprinimatel'stvo na Altae HUSH v. 1920-e gody*. Barnaul: Izd-vo Den', 1993. S. 31–43. (In Russian).
10. *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoj gubernii na 1861 i 1862 gg.* [Commemorative book of the Tobolsk province for 1861 and 1862]. Tobol'sk, 1862. 261 s. (In Russian).
11. Rabinovich G.H. *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskij kapital v ekonomike Sibiri konca XIX — nachala XX vv.* [The big bourgeoisie and monopolistic capital in the Siberian economy of the late XIX — early XX centuries]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1975. 328 s. (In Russian).
12. РГИА. Ф. 574. Оп 2. Д. 146. Ч. 1. (In Russian).
13. *Tobol'skij biograficheskij slovar'* [Tobolsk Biographical Dictionary]. Ekaterinburg, 2004. 576 s. (In Russian).
14. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii s drevnejshih времен do 1917 goda* [The economic history of Russia from ancient times to 1917. Encyclopedia]. Enciklopediya. T. 1. M.: Izd-vo ROSSPEN, 2008. 1470 s. (In Russian).
15. *Enciklopedicheskij slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri* [Encyclopedic dictionary on the history of merchants and commerce of Siberia]: в 2 т. Т.1. Novosibirsk: Akadem. izd-vo GEO, 2012. 450 s. Т.2. Novosibirsk, 2013. 464 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.021

УДК 94(574)"19":631.5

ББК 63.3(5Каз)614–361

А.В. СОБИСЕВИЧ

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЫТНОЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТАНЦИИ
КАРАГАНДИНСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНОГО
ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ» НА «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СОТРУДНИКОВ ОПЫТНОЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТАНЦИИ
КАРАГАНДИНСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-
ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ**

A.V. SOBISEVICH

**ACTIVITY OF EXPERIMENTAL AGRICULTURAL
STATION OF THE KARAGANDA CORRECTIVE
LABOR CAMP» НА «EMPLOYEES' ACTIVITIES AT
EXPERIMENTAL AGRICULTURAL STATION OF
THE KARAGANDA CORRECTIVE LABOR CAMP**

В статье рассматривается деятельность Опытной сельскохозяйственной станции Карагандинского исправительного трудового лагеря. На основе анализа документов Государственного архива РФ изучена обеспеченность опытной сельскохозяйственной станции научными кадрами, основу которых составлял контингент заключенных. Рассмотрены особенности функционирования научного учреждения, применявшего труд находящихся в заключении сотрудников. Показано, что деятельность опытной сельскохозяйственной станции заключалась не только в акклиматизации существующих сортов растений на опытных полях, но выведения новых сортов путем гибридизации.

The article examines the activities of the Experimental Agricultural Station of the Karaganda Correctional Labor Camp. Based on the analysis of documents from the State Archives of the Russian Federation, the provision of an experimental agricultural station with scientific personnel, the basis of which was a contingent of prisoners, was studied. The features of the functioning of a scientific institution that used the labor of imprisoned employees are considered. It is shown that the activities of the experimental agricultural station consisted not only in the acclimatization of existing plant varieties on experimental fields, but in the breeding of new varieties through hybridization.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Карлаг, сельскохозяйственная станция, совхоз «Гигант», акклиматизация растений.

KEY WORDS: Karlag, agricultural station, state farm «Gigant», plants acclimatization.

ВВЕДЕНИЕ. В мае 1930 г. Советом народных комиссаров СССР было выпущено постановление «Об организации Казахского исправительно-трудового лагеря» (далее — КАРЛАГ). Для обеспечения размещаемых в лагере заключенных продовольствием создавался совхоз «Гигант». В 1938 г. при исправительном лагере была создана опытная сельскохозяйственная станция, где проводились исследования по акклиматизации растений.

Необходимость создания сельскохозяйственных станций в структуре Главного управления лагерей (далее — ГУЛАГ), находящегося в составе Народного комиссариата внутренних дел СССР (в 1946 г. преобразован в Министерство внутренних дел), объяснялось

тем, что с 1918 г. Наркомат юстиции стал придерживаться принципа полной самокупаемости мест заключения, когда доходы от труда заключенных должны превышать расходы на их содержание [3, с. 384]. В опубликованном в 1921 г. «Положении об общих местах заключения РСФСР» Центральный Карательный отдел НКВД РСФСР был ответственен за функции общего надзора и руководства местами заключения, к которым помимо тюрем относились трудовые колонии — сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные [15]. Согласно «Справке ГУЛАГа о состоянии сельского хозяйства в лагерях» от 8 января 1934 г., в трудовых лагерях организовались совхозы с целью создания собственной продовольственной базы для снабжения заключенных овощами и продуктами животноводства [7, л. 12].

В мае 1930 г. СНК СССР было выпущено постановление «Об организации Казахского исправительно-трудового лагеря (КазИТЛАГ). 19 декабря 1931 г. на базе «КазИТЛАГа» был создан Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (сокращенно — Карлаг), управление лагеря находилось в селе Долинское. Основу лагеря составил совхоз-гигант ОГПУ, который чаще называли совхоз «Гигант». Основными направлениями его деятельности было животноводство и земледелие. В состав совхоза входили маслодельные и сыроваренные заводы, заводы по переработке овощей и другие предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции [23, л. 25].

В 1931 г. территория Карлага составляла 53.000 га, в 1941 г. — 1.780.650 га. В 1931 г. Карлаг имел 14 отделений, состоящих из 64 участков, в 1941 г. — 22 отделения (159 участков), в 1953 г. — 26 отделения (192 участка). Отделения делились на мелкие хозяйственные подразделения, называемыми участками — животноводческие фермы, огородных и пахотные участки. У совхоза «Гиганта» имелось два отделения: в 350 км от лагеря находилось Акмолинское отделение и в 650 км от Балкашское отделение [23, л. 26].

Акмолинский лагерь жён изменников Родины (сокращенно — АЛЖИР) получил участок земельных угодий в сторону колхоза Новоишимского протяженностью до 40 км. На этих участках засевали пшеницу, ячмень, овес, просо. В первые годы создания совхоза площадь посевов достигала 500 га, в последующие годы увеличилось до 10 000 га. В 1941 г. начальство Карлага приняло решение взять под свое руководство Акмолинский опорный пункт, после чего его преобразовали в Акмолинскую сельскохозяйственную опытную станцию Карлага НКВД [18, л. 128].

Карагандинский лагерь был крупнейшим сельскохозяйственным лагерем в системе ГУЛАГ, который поставлял сельхозпродукцию для нужд органов НКВД (и позднее МВД) вплоть до июля 1959 г. Для выполнения этих задач Управлению Карагандинского лагеря были выделены земли площадью более 2 миллионов гектаров [20, л. 67]. Деятельность Карлага заключалась в создании крупной продовольственной базы для развивающейся угольно-металлургической промышленности Центрального Казахстана: Карагандинского угольного бассейна, Жезказганского и Балкашского медеплавильных комбинатов.

ЦЕЛЬ исследования статьи — выявление особенностей работы одной из опытных сельскохозяйственных станциях, работающих в системе ГУЛАГА. Для этого была изучена деятельность опытной сельскохозяйственной станции Карагандинского исправительного трудового лагеря; определение кадрового состава, которым располагала станция и перечня работ по улучшению земледелия, которые там проводились. Особенное внимание было уделено анализу документов о работе в сельскохозяйственной отрасли ГУЛАГА заключенных — выпускников сельскохозяйственных университетов и в особенности тех из них, кто имел научную степень.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При написании статьи использовался метод сравнительного анализа, когда анализировались научные труды российских и казахстанских ученых о деятельности опытных сельскохозяйственных станций при Карлага и Акмолинском лагере жён изменников Родины (АЛЖИР).

Работе опытных сельскохозяйственных станций, существовавших в структуре ГУЛАГА, в научной литературе уделяется гораздо меньше внимания, чем научно-исследовательским институтам тюремного типа, получившими неофициальное название «шарашка». В научный оборот тема существования сельскохозяйственных трудовых колоний была введена в 2008 г. после выхода коллективной монографии «ГУЛАГ: экономика принудительного труда» [14]. Автор раздела «Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития» О.В. Хлевнюк обращает внимание, что подсобное сельское хозяйство было нацелено на обеспечение нужд самих лагерей, а Карагандинский и Среднеазиатский лагеря специализировались на производстве сельскохозяйственной продукции [20, л. 69].

Развитие сельскохозяйственного производства и роль опытных сельскохозяйственных станций в структуре ГУЛАГА были рассмотрены в работах К.А. Казаковой, однако предметом ее внимания оказался лишь район современной Республики Коми РФ. Она подчеркивает, что лагерные сельхозы сыграли большую роль, чем им отводилось руководством НКВД. Однако в процессе развития сельского производства в лагерях возникали трудности, связанные с нехваткой квалифицированных специалистов [16].

В 1997 г. увидела свет базовая работа по истории Карлага, авторами которой выступили профессора кафедры истории Казахстана Карагандинского государственного университета Д.А. Шаймуханов и С.Д. Шаймуханова. С привлечением архивных источников авторы работы проследили процесс формирования Карлага, изменение численного состава заключенных по характеру совершенных преступлений и условия их содержания [21].

В 2011 г. С.Д. Шаймуханова опубликовала статью, посвященную научно-исследовательской деятельности репрессированных ученых в Карлаге [21]. В этой статье впервые было обращено внимание на деятельность ученых в стенах Карлага и их привлечение к работам на сельскохозяйственной опытной станции. С.Д. Шаймуханова подчеркивала, что руководителями отделов станции стали заключенные-ученые: С.А. Вертецкий, Д.С. Левнев и С.А. Архангельский. Развитием этой статьи стало опубликование К.К. Абдрахмановой в 2013 г. работы «Научно-исследовательская деятельность ученых — заключенных КАРЛАГ в 1930–1950-е гг.». Опираясь на архивные источники, автор подробно рассмотрела структуру опытной сельскохозяйственной станции и показала, как для работы привлекались ученые, отбывающие заключение в Карлаге [1].

Выходили статьи, рассматривающие деятельность отдельных ученых, работавших и находящихся в заключении в Карлаге. В 2022 г. А.С. Мусагалиева и Р.М. Мусабекова опубликовали статью, посвященную роли КАРЛАГа в судьбе агронома-почвовода А.А. Зайцевой. Эта статья ценна тем, что при её написании авторы работали с фондами Государственного архива Карагандинской области по научно-технической документации и Государственного архива Акмолинской области [18].

В опубликованных исследованиях не было представлено полной картины о работе опытной сельскохозяйственной станции Карлага. Использование документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, позволяет получить представление о работе сельскохозяйственной станции по выведению новых сортов растений и акклиматизации уже существующих сортов. В статье показано, что для Карлага с момента его создания проблемой было найти заключенных, имеющих сельскохозяйственное образование. Масштабные репрессии 1937–38 гг. стали источником кадров для опытной сельскохозяйственной станции, однако говорить о сколь-нибудь бережном отношении к работникам не приходится. В исследовании обращается внимание, что только приказ МВД СССР от 23 июня 1948 г. вводит учёт в системе ГУЛАГа заключенных, имеющих ученую степень доктора или кандидата наук, а также проводящих исследовательскую деятельность. Деятельность заключенных-ученых, работавших на опытной сельскохозяйственной станции Карлага, представляет главный интерес данной статьи.

В ГАРФ были также изучены документы, касающиеся переписки с правительственными организациями по продовольственному и промтоварному снабжению учреждений ГУЛАГа [7], акты приема-передачи дел при смене руководства Управлений и Отделов ИТЛК и ИТК МВД-УМВД республик, краев и областей [9], отчеты о финансово-хозяйственной деятельности мест заключения за 1937 г. [10], о продовольственном и промышленном снабжении лагерей НКВД [23], о выделении семян трудовым поселенцам [13]. Это позволило в целом оценить ситуацию с финансированием мест заключения на территории Казахстана и ту роль, которую играли сельскохозяйственные станции для обеспечения контингента заключенных продовольствием. Важная информация была почерпнута в делах, касающихся Карагандинского исправительно-трудового лагеря: титульные списки капиталовложений по Карагандинскому ИТЛ» [8], акты проверок, докладные записки, справки, обзоры, планы мероприятий и переписка о состоянии работы Карагандинского ИТЛ [5], акты приема-передачи Карагандинского ИТЛ» [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Трудовые лагеря располагались в труднодоступной местности со сложными природными условиями. Ведение сельского хозяйства в таких условиях требовало проведения исследований по изучению плодородных свойств почв и возможностей их улучшения путем мелиорации, акклиматизации сельскохозяйственных культур, ранее не произраставших в этой местности. Для выполнения этого перечня работ требовались квалифицированные сотрудники, имеющие не просто образование в области агрономии или почвоведения, а именно опыт проведения научно-исследовательских работ. Обеспечить штат таких специалистов вольнонаемными сотрудниками было весьма затруднительно, ввиду нехватки таких специалистов в гражданских отраслях.

С начала 1930-х гг. аресту подвергалось большое количество специалистов в области агрономии, почвоведения, биологии, которые могли быть использованы в качестве ученых-исследователей в создаваемых агрономических станциях. Историки почвоведения связывают репрессии, проводимые против агрономов и почвоведов, с позицией «красного профессора В.Р. Вильямса». Для советского почвоведения роль, которую играл В.Р. Вильямс, очень близка к роли Т.Д. Лысенко для генетики и биологических наук. Использование репрессированных почвоведов для нужд НКВД осложнялось тем, что часть из них после ареста и следствия физически уничтожалась. В 1937 был арестован и погиб директор Института агропочвоведения АН БССР Я.Н. Афанасьев (1877–1938). Почвовед Р.С. Ильин (1891–1937) был арестован 12 июня 1937 г., а затем приговорен к заключению на 10 лет без права переписки и расстрелян. Примечательно то, что Р.С. Ильин ранее уже арестовывали. С 1927 по 1930 гг. находясь в ссылке, он работал агрономом и почвоведом при Сибирском переселенческом управлении, а затем геологом в Западно-Сибирском геологическом управлении. Создатель агрономической станции на Кольском полуострове Н.И. Прохоров (1877–1930) был расстрелян за потерю топографических карт. Почвовед и растениевод Н.М. Тулайков (1875–1938), выступивший противником травопольной системы земледелия В.Р. Вильямса, был арестован в 1937 г. и погиб в 1938 г. в Соловецком лагере [17, л. 78].

Большая группа почвоведов была арестована в 1937 г. вместе с директором Почвенного института им. В.В. Докучаева Б.Б. Полыновым: В.М. Боровский, А.Ф. Большаков, А.И. Троицкий, Г.Г. Иванович и Г.И. Григорьев, которые вместе со своим руководителем обвинялись в «традиционном» для тех лет преступлении: подготовке под руководством английской разведки вооружённого восстания. Б.Б. Полынов и его сотрудники были отпущены к 1939 г., кроме В.М. Боровского, который после окончания следствия был отправлен в ссылку в Казахстан. Находясь в ссылке, В.М. Боровский с 1940 по 1945 гг. преподавал Кзыл-Ординского педагогического институте. Примечательно, что в 1945 г. Г.Г. Иванович, попавший в плен к немцам, после освобождения советской армией был приговорен к 10 годам заключения, и в заключении работал старшим почвоведом в поселке Долинка

в Карагандинской области, где находилось управление Карагандинского исправительно-трудового лагеря [17, л. 81].

Вместе с тем была определенная категория почвоведов, которые были репрессированы и работали по своей специальности, находясь под арестом. 15 января 1931 г. В.А. Бальц была приговорена к заключению сроком на 5 лет и отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения, где работала почвоведом. А.Г. Гаель, арестованный 23 августа 1941 г. после тюремного заключения, с 1942 по 1946 гг. занимался изготовлением мин на военном заводе, при лагере в Томске, а затем до 1955 г. работал уже по специальности в Казахстане. Арестованный органами ОГПУ в 1930 г. Д.Н. Александрович был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами принудительных работ, но был освобожден в феврале 1932 г. По сведениям С.П. Лялина и Ф.Ф. Перченока, после освобождения Д.Н. Александрович какое-то время работал в Карагандинском исправительно-трудовом лагере [17, л. 81]. А.Ф. Лебедев, будучи почвоведом-гидрологом, после ареста в 1931 г., был отправлен на Беломорстрой. Досрочно освобожден в 1932 г., но до 1935 г. он был вынужден служить в системе НКВД, где руководил исследованием грунтов на Беломорканале и канале Москва-Волга. Таким образом, анализируя биографии репрессированных почвоведов, можно отметить их привлечение для научно-исследовательских работ во время заключения. Они работали на опытных сельскохозяйственных станциях, зачастую выполняли исследования в такой смежной для них дисциплине, как агрономия.

Получить представление о работе сельскохозяйственных лагерей помогают документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. 6 сентября 1949 г. по приказу МВД СССР № 243 от 23 июня 1948 г. отделом кадров ГУЛАГА был разослан запрос на составление контрольных списков научных работников управления исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД (далее — УИТЛиК МВД) по форме, приложенной к исх № 9/5/26369 от 30. 11. 1948 г. [10, л. 15].

При составлении списка надлежало руководствоваться пунктом 1-м указаний о порядке ведения учета научных работников, объявленных приказом МВД СССР № 243 от 23 июня 1948 г., а именно: включить в список 1) всех лиц, имеющих ученую степень доктора наук, кандидата наук или ученое звание профессора, доцента, ассистента, старшего научного сотрудника, младшего научного сотрудника независимо от места и характера их работы; 2) всех лиц, ведущих научно-исследовательскую работу в научных учреждениях, независимо от того, имеют ли ни ученую степень, ученое звание или нет [10, л. 17]. В случае отсутствия подлежащих включению в список лиц об этом нужно было сообщить, что облегчает работу со списками.

Из 92 ИТЛ подтвердили наличие научных работников Дубравный ИТЛ МВД (1 сотрудник), Степной ИТЛ МВД (1 сотрудник), УИТЛиК МВД-УМВД Украинской ССР (1 сотрудник) и Татарской АССР (2 сотрудника), УИТЛ Ленинградской области (3 сотрудника), Московской области (1 сотрудник), Свердловской области (1 сотрудник), Челябинской области (1 сотрудник), Астраханской области (1 сотрудник), Калининской области (1 сотрудник) [10, л. 17].

Наряду с медицинскими научными работниками (в меньшинстве) доминирующей группой были специалисты в области сельского хозяйства и животноводства. Они работали единично при сельскохозяйственных отделах УИТЛиК МВД Украинской ССР (заместитель отдела к.м.н. Н.Н. Шевченко (1909 г.р.)) и УМВД Молотовской области (сельскохозяйственный отдел возглавлял ихтиолог Д.С. Таллин (1912 г.р.), а также ветеринарной инспекции ОИТК ОИТК УМВД Калининской области (руководитель врач-терапевт В.М. Санин (1903 г.р) [10, л. 19, 43, 66]. Указание этих специалистов сообщает сведения о существовании в структуре территориальных управлений ГУЛАГа сельскохозяйственных и ветеринарных отделов.

Большой интерес представляет информация о целых группах научных сотрудников, закрепленных за опытными сельскохозяйственными станциями. В контрольном списке работ-

ников, ведущих научно-исследовательскую работу на 20 сентября 1949 г. в Карагандинском исправительном трудовом лагере МВД значится 30 человек. Из них только А.А. Корнилов имел степень кандидата сельскохозяйственных наук, ранее до своего ареста был директором станции защиты растений в Симферополе. Перечень сотрудников опытной сельскохозяйственной станции также показывает её структуру. Так, А.И. Руденко была начальником отделения овощеводства, А.Я. Каменева заведовала научной библиотекой. Н.Н. Орлов был ученым секретарем Ученого совета опытной сельскохозяйственной станции [8, л. 227].

Основной проблемой сельскохозяйственной станции была общая нехватка сельскохозяйственных кадров. Эта задача осложнялась тем, что начальник ГУЛАГа М.Д. Берман поставил задачу обеспечить лагерное хозяйство «культурными квалифицированными кадрами». Для этого руководству Карагандинского исправительного трудового лагеря требовалось «переделать полуграмотных людей, не имеющих специальностей, переделать рабочих, крестьян, переделать рецидивистов, давая хозяйству лагеря, а вместе с тем и стране тысячи квалифицированных командиров сельского хозяйства» [8, л. 229].

В 1931 г., ввиду нехватки кадров, руководство Карагандинского лагеря не имело возможности развивать сельское хозяйство. С началом репрессий 1937–38 гг. лагерное хозяйство было пополнено заключенными, среди которых было большое количество агрономов, зоотехников, врачей и инженеров. Руководству лагеря также требовалось большое количество кадров средней и нижней квалификации — трактористов, бригадиров, скотников, ветеринарных фельдшеров, а также квалифицированных рабочих, умеющих работать с сельскохозяйственными машинами и ухаживать за крупным рогатым скотом [8, л. 231].

Отчетные документы Карагандинского лагеря подчеркивали, что в прошлом на его территории основной формой хозяйства являлось скотоводство, когда без применения каких-либо технических средств для выпаса скота использовались колоссальные пастбищные ресурсы. Пахотные же земли использовались казахским населением эпизодически. Обычно под посевы выбирались лучшие участки по понижениям рельефа, земли с близкой грунтовой водой: темного цвета, покрытые сравнительно густым травостоем ковыля, типца и караганы. Поднятая целина использовалась под посевы чаще всего в течение 3–4 лет и реже до 5 лет. В первый год обычно сеяли просо и пшеницу, второй — третий год тоже пшеницу, на четвертый год овес или ячмень, а затем земля использовалась как залежь в течение 2 или 3 лет. Цикл смены культур повторялся снова, после чего земля шла в многолетнюю залежь или забрасывалась [8, л. 232].

Европейское население вследствие нехватки хороших земель использовало неудобные земли, используя их в течение 3–4 лет и давая им меньшее время отдыха, чем казахское население. Характер использования сельскохозяйственных земель европейским населением характеризовался в документах Карлага как «крайне примитивный» и соответствующей «залежно-переменной системе земледелия» (см. таблицу № 1).

Таблица 1. Характер залежно-переложной системы земледелия [8, л. 233].

Характер использования земель	Европейское население			Казахское население
	Очень хорошие земли	Хорошие и средние земли	Плохие земли	Хорошие земли
С целины и долголетней залежи подряд снижались урожаи	3–4	4–5	2–3	3–4
После этого земля находилась на отдыхе число лет	-	2–3	5–7	5–6
После отдыха вновь брался урожай — число лет	-	1–2	1–2	1–2

Далее земли шли на отдых до полной зрелости число лет	3-4	7-8	10 и более	10-15
Итого (лет) оборота	6-8	16	20	28

Состав высеваемых культур был следующий: яровой пшеницы — 76,2%, проса — 17,8%, овса — 4,8% и ячменя — 1,9%. Европейское население, в отличие от казахского населения, также высевало такие культуры, как подсолнух, бахчи и картофель. Техника земледелия была крайне примитивна: при посеве культур по целине или залежи землю пахали однолемехным плугом, а заделка семян проводилась бороной от 3-х до 6-ти следов [8, л. 234].

Приведенная в отчетных документах таблица показывает, что урожайность возделываемых культур (см. таблицу 2) у европейского и казахского населения значительно различалась, что, по всей видимости, объяснялось практикой европейского населения использовать неудобные земли.

Таблица 2. Урожай культур средний за 1945–1955 гг. (в центнерах) [8, л. 235].

Название культур	европейское население			казахское население		
	хорошие	средние	плохие	хорошее	средние	плохие
яровая пшеница	9.1	4.5	1.9	16.9	6.8	1.4
просо	8.0	4.8	1.3	19.7	5.6	1.8
овес	8.4	4.8	1.6	11.6	5.0	0.8
ячмень	9.2	4.3	1.7	-	-	-
подсолнух	5.9	2.4	1.4	12.0	5.0	0.8
бахча	62.6	31.5	7.7	-	-	-
картофель	55.6	30.8	10.7	-	-	-
озимая рожь	-	4.5	-	-	-	-

Составители отчета не имели возможности проанализировать особенности земледелия и получаемых урожаев среди разных социальных групп крестьянских хозяйств, оговариваясь, что «ауло-байские хозяйства» характеризовались большими успехами в сельском хозяйстве благодаря использованию плугов фабричного производства, железных борон, косилок и конных граблей. В отчете указывалось, что казахские баи и европейские колонисты изымали у беднейшего казахского населения лучшие сенокосные, выгонные и пахотные угодья [8, л. 235].

В 1938 г. на базе двух полей в Карлаге была организована опытная сельскохозяйственная станция. Целью её создания стало выведение новых сортов сельскохозяйственных культур, приспособленных к местным климатическим условиям. Станция была организована путем объединения двух опытных полей — богарного и лиманного, лабораторий и научных учреждений, последовательно создававшихся в Карагандинском совхозе НКВД с 1931 г. и на основании постановления СНК СССР стала выполнять также функции Карагандинской областной государственной селекционной станции по растениеводству. Станция состояла из пяти научных отделов: селекции и семеноводства зерновых; масличных культур и кормовых трав; агротехники и агрохимии; овощеводства; плодоводства; защиты растений. Сотрудники сельскохозяйственной станции вели селекционную работу с зерновыми и масличными культурами, а также кормовыми травами. В 1955 г. станция вела работу также по селекции и семеноводству кукурузы [4, л. 229].

7 октября 1939 г. по решению отдела селекции сельскохозяйственной опытной станции Карлага Акмолинскому участку присвоили статус опорного пункта, он получил отдельный бюджет. Карагандинская станция осуществляла руководство Акмолинским участком. В 1941 г. Акмолинский опорный пункт, где прежде осуществлялась акклиматизация растений, был преобразован в сельскохозяйственную опытную станцию в составе Карлага [18, л. 119].

В 1955 г., когда исправительно-трудовой лагерь перешел в ведение Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства внутренних дел Казахской ССР, в составе сельскохозяйственной станции имелось пять отделов: селекции, земледелия, овощеводства, полеводства и защиты растений. За время работы было акклиматизировано семь сортов зерновых культур, два сорта многолетних трав и два сорта однолетних трав, четыре сорта картофеля и три сорта овощных культур [24].

На 1955 г. основным направлением Карлага было сельское хозяйство, составляющее 89,6% от объема его производства (остальные — 10,4% составляла промышленная продукция). Сельскохозяйственное производство в свою очередь делилось на растениеводство (54,5% от производства) и животноводство (45,5% от производства). Земельная площадь, выделенная под сельскохозяйственное производство, составляла 1.277.147 га. Этими земельными площадями пользовалось 14 сельскохозяйственных отделений, каждое из которых является крупным многоотраслевым хозяйством. Из общей площади исключалось 931.404 га неудобных земель, которые не могли использоваться в сельском хозяйстве [11, л. 26].

Таблица 3. Распределение удобных земель по угодьям (в га) [11, л. 27].

Пашня обрабатываемая всего	92419
в т. ч. на правильном орошении	7940
в т. ч. на лиманном орошении	5611
в т. ч. целины и залежи подлежащие распахке в 1956 году	17657
сенокосы	29401
в т. ч. лиманные	11527
Выпасы	182120
сады, ягодники и плодopитомники	495
лесополосы	737
искусственные лесные насаждения (парки и лесопитомники)	368
Прочие удобные земли	22546
Итого удобных земель	345743

Для орошения полей на территории Карлага было построено 18 плотин (в том числе две крупных плотины — Джартасская, образовывала водохранилище объемом 12 млн м³, и Карамолинская — водохранилище на 11.2 млн м³. Вместе с тем, лагерное хозяйство очень страдало в засушливые годы. В 1955 г. весна и лето были неблагоприятными из-за продолжительной засухи. Это привело к гибели на территории Карлага значительного количества посевов от засухи на площади 13222 га, в том числе зерновых — на площади 11161 га. Падение урожайности в 1955 г. показано в таблице № 4.

Таблица 4. Выполнение плана по урожайности на 1955 г. [11, л. 28].

	План	Ожидается
зерновые в среднем	9.6	2.0
подсолнечник на семена	4.3	1.9
подсолнечник на силос	40	13.9
кукуруза на силос	—	22
многолетние травы сено	13.0	9.9
естественные сенокосы	4.3	3.3
картофель	142	106.4
овощные (все)	280	235

Сотрудники опытной сельскохозяйственной станции Карлага уделяли большое внимание акклиматизации кормовых культур. Такие работы проводились на опытно-показательной племенной ферме «Восход» (в документах для ее обозначение использовалось также обозначение — «участок Восход») Карагандинского совхоза [11, л. 27].

Результаты работы «участка Восход» приводятся в «Агротехническом отчете по растениеводству за 1954 г.». Согласно отчету, в 1954 г. хозяйством были получены наивысшие урожаи: сена естественных покосов — 10 центнеров с гектара при среднем за 6 лет урожае 8,8 центнеров; сена многолетних злаково-бобовых трав — 41,3 центнера при среднем за 6 лет урожае 23,3 центнера; сена многолетних злаково-бобовых трав в год посева 9,1 центнера при среднем урожае 5,3 центнера; подсолнечника на силос 116 центнеров при среднем урожае 32,9 центнера с гектара. Другие сельскохозяйственные культуры в 1954 г. дали урожай с одного гектара выше среднего многолетнего: морковь красная «Геранда Долинская» — 238 центнеров при среднем урожае 212 центнеров, овес фуражный — 22,1 центнера при среднем урожае 18,5 центнеров, горох «Фольгер» 13,4 центнера при среднем урожае 9,8 центнеров, викоовес на семена 15,0 центнера при среднем урожае 14,9.

В отчете указывалось, что падение урожайности наблюдалось только по одной сельскохозяйственной культуре — кормовой свекле эккендорфской, которой было получено 200–220 центнеров с гектара при среднем урожае за 6 лет в 238 центнеров. Причиной столь низкого урожая кормовой свеклы было то, что использовались старые семена урожая 1952 г. и только двукратный полив вместо четырех запланированных. Кроме того, под кормовую свеклу не вносились ни органические, ни минеральные удобрения.

Вопрос использования удобрений признавался одним из самых больных вопросов для «участка Восход». В 1954 г. с начала весны и до времени уборки урожая, на полях участка ни под одну культуру не было внесено никаких удобрений. Составители отчета признавали, что минеральные удобрения в хозяйстве имелись, но не отпускались, хотя под кормовые корнеплоды их следовало вносить обязательно. Имелись большие проблемы с использованием для удобрения полей навоза. Вывозка навоза на поля осуществлялась бессистемно и не вовремя. Использование навоза вместе с минеральными удобрениями в условиях правильного полива имело бы позитивный результат на повышение урожайности [11, л. 43].

Силами сотрудников опытной сельскохозяйственной станции Карлага проводилось освоение целинных земель и планирование работ по проведению лесопосадок. Должность председателем комиссии по обследованию целинных и залежных земель северной половины Карагандинского совхоза занимал Д.С. Смирнов. В 1954 г. комиссией под его руководством была проведена большая работа: за 55 дней северной комиссией была обследована территория в 464,766 га. На этой площади комиссией было выделено земель, пригодных к распашке (с ожидаемым урожаем 7–6 центнеров зерна с гектара) 25,065 га, расположенных в 65 участках, каждый из которых был детально описан. Д.С. Смирнов принимал также участие при составлении перспективного плана развития сельского хозяйства Карагандинской области. В ходе этой работы были сделаны предложения по улучшению использования естественных пастбищ и сенокосов, по использованию водных ресурсов области для лиманного орошения [11, л. 30].

Об успехах опытной сельскохозяйственной станции Карлага рассказывалось в местной прессе — в 1954 г. опубликованы статьи в журнале «Сельское хозяйство Казахстана» (№ 10) и газете «Социалистическая Караганда», пять статей и две заметки в местной газете «За социалистическое животноводство» [11, л. 32]. Однако архивные документы свидетельствуют скорее о многочисленных трудностях системного характера, с которыми сталкивалась сельскохозяйственная станция. Публично руководство лагеря предпочитало об этом умалчивать, оправдываясь, например, в снижении урожаев перед руководством структуры ГУЛАГа в закрытых отчетах.

ВЫВОДЫ. Деятельность Опытной сельскохозяйственной станции Карлага является отражением одной из трагических страниц в истории Казахстана. Исследования, которые имели большое значение для развития земледелия на территории Казахстана, проводились силами заключенных, испытывающих в Карлаге многочисленные лишения. Параллельно с опытной сельскохозяйственной станцией Карлага работала сельскохозяйственная станция при Акмолинском лагере жён изменников Родины (АЛЖИР), которая в 1941 г. стала филиалом сельскохозяйственной станции Карлага. История АЛЖИРа, контингент которого составляли также беременные и кормящие женщины, не менее трагична. Исследователи подчеркивают, что казахское население того времени расценивало такое отношение к советской женщине-труженице и женщине-матери как «изуверское». Показателем подобной бесчеловечности была очень высокая смертность детей, родившихся у женщин-заключенных [19, с. 70].

Для Карлага было характерно плохое отношение к работающим там специалистам — как заключенным, так и военнопленным. Например, об этом свидетельствуют жалобы в 1952 г. о «бездушном отношении» к молодым вольнонаемным специалистам начальника лагерного отделения капитана Дроздовского, который не мог обеспечить их площадями для проживания, продуктовыми пайками и вовремя выплачиваемой заработной платой [11, л. 76]. Однако опытные сельскохозяйственные или животноводческие станции могли обеспечить своим работникам-заключенным хотя бы менее изнурительный труд, позволяя им заниматься научной деятельностью.

Сохранение жизней заключенных-специалистов диктовалось потребностью обеспечить самокупаемость мест заключения, когда лагерный контингент обеспечивался выращиваемой ими же сельскохозяйственной продукцией. Лагеря обычно располагались в местах рискованного земледелия, поэтому требовалось проводить акклиматизацию существующих сельскохозяйственных культур и выведение новых сортов путем гибридизации. В сложных природных условиях Казахстана применение уже акклиматизированных сортов растений было гарантией получения стабильных урожаев.

Деятельность опытной сельскохозяйственной станции Карлага является, таким образом, одним из примеров закрытой организации научного труда. Работа опытных сельскохозяйственных станций в структуре ГУЛАГа хотя и менее известна, чем работа «шарашек», однако имела большое значение для развития сельскохозяйственного производства в сложных природных условиях. Карагандинская опытная сельскохозяйственная станция и её работники заложили предпосылки для последующего освоения целинных земельных ресурсов, получившего распространение в СССР в 1954–1965 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманова К.К. Научно-исследовательская деятельность ученых — заключенных КАРЛАГ в 1930–1950-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 61–64.
2. Артамонова В.С., Андроханов В.А. К 100-летию профессора Сергея Сергеевича Трофимова // Почвы и окружающая среда. 2018. № 1(2). С. 89–92.
3. Бородин Л.И. Механизмы «перековки»: о мерах стимулирования труда в раннем ГУЛАГе // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2018. С. 383–391.
4. ГАР Ф. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 240.
5. ГАР Ф. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 451.
6. ГАР Ф. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 716.
7. ГАР Ф. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1913.
8. ГАР Ф. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2332.
9. ГАР Ф. Ф. Р-9414. Оп.1а. Д. 93.
10. ГАР Ф. Ф. Р-9414. Оп.1а. Д. 882.

11. ГАР Ф. Ф. Р-9414. Оп. 2. Д. 145.
12. ГАР Ф. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 1310.
13. ГАР Ф. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 1318.
14. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 320 с.
15. ГУЛАГ, 2000 — ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. М.: МФД, 2000. 888 с
16. Казакова К.А. Сельхозы Воркутлага в 1930–1950-е годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 12 (90). С. 48–53.
17. Лялин С.П., Перченко Ф.Ф. Репрессированные почвоведы. Записки Б.Б. Плынова о 1937 г. // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР Р. М.: Наука, 1995. С. 76–90.
18. Мусагалиева А.С., Мусабекова Р.М. Карлаг в судьбе ученого Александры Зайцевой // Вестник ВолГ У. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 1. С. 115–128.
19. Сураганова З.К. Алжир как феномен "женской" несвободы в репрессированной памяти казахского народа // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2018. Т. 27. № 1. С. 64–72.
20. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2018. С. 67–89.
21. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. КарЛА Г. Караганда, 1997. 175 с.
22. Шаймуханова С.Д. Вклад в научно-исследовательскую деятельность репрессированных ученых в Карлаге // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 1. С. 15–18.
23. Шаймуханова С.Д., Маратова Д.М., Бимаканова З.Ш., Абуов Н.А. Создание и функционирование на территории региона исправительно-трудового лагеря особого назначения «КАРЛАГ» // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education. Collection of scientific articles LVI International correspondence scientific and practical conference. Boston, 2019. С. 24–28.
24. Шотбакова Л.К., Зуева. Л.И. Развитие сельскохозяйственного производства в Карлаге: на основе архивных материалов научно-опытной станции по растениеводству. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://e-history.kz/media/upload/1466/2014/08/11/128ebe55183ef77a43085266e0c1a741.pdf> (дата обращения: 15.10.2023)

REFERENCES

1. Abdrakhmanova K.K. Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' uchenykh — zaklyuchennykh KARLAG v 1930–1950-ye gg. [Research activities of scientists — prisoners of the KARLAG in the 1930s-1950s.] // Gumanitarnyye nauki v Sibiri. 2013. № 2. S. 61–64. (In Russian).
2. Artamonova V.S., Androkhonov V.A. K 100-letiyu professora Sergeya Sergeyevicha Trofimova [To the 100th anniversary of Professor Sergei Sergeevich Trofimov] // Pochvy i okruzhayushchaya sreda. 2018. № 1(2). S. 89–92. (In Russian).
3. Borodkin L.I. Mekhanizmy «perekovki»: o merakh stimulirovaniya truda v rannem GULAGE [Mechanisms of "reforging": on measures to stimulate labor in the early Gulag] // Sovetskiy proyekt. 1917–1930-ye gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sbornik nauchnykh trudov. Yekaterinburg, 2018. S. 383–391. (In Russian).
4. GAR F. F. R-9414. Op. 1. D. 240. (In Russian).
5. GAR F. F. R-9414. Op. 1. D. 451. (In Russian).
6. GAR F. F. R-9414. Op. 1. D. 716. (In Russian).
7. GAR F. F. R-9414. Op. 1. D. 1913. (In Russian).
8. GAR F. F. R-9414. Op. 1. D. 2332. (In Russian).
9. GAR F. F. R-9414. Op.1a. D. 93. (In Russian).
10. GAR F. F. R-9414. Op.1a. D. 882. (In Russian).
11. GAR F. F. R-9414. Op. 2. D. 145. (In Russian).
12. GAR F. F. R-5446. Op. 16a. D. 1310. (In Russian).

13. GAR F. F. R-5446. Op. 16a. D. 1318. (In Russian).
14. *GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda* [Gulag: The Economics of Forced Labor]. M., 2008. 320 p. (In Russian).
15. Kazakova K.A. *Sel'khozy Vorkutlaga v 1930–1950-ye gody* [Agricultural farms of Vorkutlag in the 1930s–1950s] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A.I. Gertsena*. 2009. Nr 12 (90). S. 48–53. (In Russian).
16. *GULAG (Glavnoye upravleniye lagerey), 1917–1960*. [GULAG (Main Directorate of Camps), 1917–1960]. M., 2000. 888 s. (In Russian).
17. Lyalin S.P., Perchenok F.F. *Repressirovannyye pochvovedy. Zapiski B.B. Polynova o 1937 g.* [Repressed soil scientists. Notes by B.B. Polynov about 1937] // *Tragicheskiye sud'by: repressirovannyye uchenyye Akademii nauk SSSR*. M., 1995. S. 76–90. (In Russian).
18. Musagalieva A.S., Musabekova R.M. *Karlag v sud'be uchenogo Aleksandry Zaytseyov* [Karlag in the fate of the scientist Alexandra Zaitseva] // *Vestnik VolG U. Series 4. History. Regional studies. International relationships*. 2022. № 1 (20). S. 115–128. (In Russian).
19. Khlevnyuk O.V. *Ekonomika OGPU-NKVD-MVD SSSR v 1930–1953 gg.: masshtaby, struktura, tendentsii razvitiya* [Economy of the OGPU-NKVD-MVD of the USSR in 1930–1953: scale, structure, development trends] // *Sovetskiy proyekt. 1917–1930-ye gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg, 2018. S. 67–89. (In Russian).
20. Shaymukhanov D.A., Shaymukhanova S.D. *Karlag* [Karaganda Corrective Labor Camp]. Karaganda, 1997. 175 s. (In Russian).
21. Shaymukhanova S.D. *Vklad v nauchno-issledovatel'skuyu deyatel'nost' repressirovannykh uchenykh v Karlage* [Contribution to the research activities of repressed scientists in Karlag] // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2011. № 1. S. 15–18. (In Russian).
22. Shaimukhanova S.D., Maratova D.M., Bimakanova Z.Sh., Abuov N.A. *Sozdaniye i funktsionirovaniye na territorii regiona ispravitel'no-trudovogo lagerya osobogo naznacheniya «KARLAG»* [Creation and functioning in the region of the special-purpose labor camp "KARLAG"] // *International scientific review of the problems and prospects of modern science and education. Collection of scientific articles LVI International correspondence scientific and practical conference*. Boston, 2019. S. 24–28. (In Russian).
23. Suraganova Z.K. *ALZhIR kak fenomen "zhenskoy" nesvobody v repressirovannoy pamyati kazakhskogo naroda* [ALZhIR as a phenomenon of "female" lack of freedom in the repressed memory of the Kazakh people] // *Severo-vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2018. T. 27. № 1. S. 64–72. (In Russian).
24. Shotbakova L.K., Zuyeva L.I. *Razvitiye sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva v Karlage: na osnove arkhivnykh materialov nauchno-opytной stantsii po rasteniyevodstvu* [The development of agricultural production in Karlag: based on archival materials of the research and experimental station for crop production]. URL: <https://e-history.kz/media/upload/1466/2014/08/11/128ebe55183ef77a43085266e0c1a741.pdf> (data obrashcheniya: 15.10.2023). (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.011

УДК 94(571.12)"1943/1944": 625.1(091)

ББК 39.20г(2Рос-4Тюм)62

Г.Ю. КОЛЕВА,
Ж.М. КОЛЕВ**ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ СТРОИТЕЛЬСТВА
ТРАНСПОЛЯРНОЙ МАГИСТРАЛИ
(1943–1944 ГГ.)**G.YU. KOLEVA,
ZH.M. KOLEV**THE FIRST OPTION FOR THE CONSTRUCTION
OF A TRANSPOLAR RAILWAY (1943–1944)**

В истории Тюменской области, которой в этом году исполняется 80 лет, есть ряд нереализованных проектов. К их числу относится и строительство Трансполярной магистрали. Цель данной статьи — рассмотреть, что представлял начальный, первый из трех, вариант дороги, называемой «Трансполярная магистраль». Источниковая база проблемы очень скудна, в силу засекреченности документов в период строительства, и скорей всего, сохраняющихся грифов секретности на значительную часть документов по сей день. В статье использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, гипотез, аналогии, а также исторические методы исследования, среди них — историко-генетический метод, направленный на выявление происхождения изучаемого процесса, его причин; историко-диахронный метод, связанный с изучением динамики процесса в рамках более сложной системы, а также историко-сравнительный метод. Основной вывод авторов сводится к тому, что в условиях обострения военного противостояния в Арктике в 1943–1944 гг. на повестку был поставлен вопрос строительства дороги от Воркуты до Салехарда, а затем с ее продолжением, как минимум, до Пуровского района, где находилась «бухта Находка». Проект отвечал военно-стратегическим целям, а также предусматривал обеспечение топливом, как территории ЯННО, так и объектов военного значения в заливах Карского моря. Снятие проекта с повестки в 1944 г. объяснялось установлением безопасности Арктики в результате проведенных советскими войсками операций.

In the history of the Tyumen region, which turns 80 this year, there are a number of unrealized projects. These include the construction of a Transpolar Railway. The purpose of this article is to consider what the initial, first of three variants of the road, called the "Transpolar Railway", represented. The source base of the problem is very scarce, due to the secrecy of documents during the construction period, and most likely, the remaining secrecy stamps for a significant part of the documents to this day. The article uses general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, hypotheses, analogies, as well as historical research methods, among them — the historical-genetic method aimed at identifying the origin of the process under study, its causes; the historical-diachronic method associated with the study of the dynamics of the process within a more complex system, as well as the historical-comparative method. The main conclusion of the authors is that in the conditions of the aggravation of the military confrontation in the Arctic in 1943–1944 the issue of building a road from Vorkuta to Salekhard, and then with its continuation, at least to the Purovsky district, where the Nakhodka Bay was located, was put on the agenda. The project met military strategic goals, and also provided for the provision of fuel for both the territory of YANND and military facilities in the bays of the Kara Sea. The removal of the project from the agenda in 1944 was explained by the establishment of Arctic security as a result of operations conducted by Soviet troops.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: железнодорожное строительство, Трансполярная магистраль, Воркута — Салехард, Пуровский район, Тазовский район, проектно-изыскательские работы, Великая Отечественная война.

KEY WORDS: railway construction, Transpolar railway, Vorkuta — Salekhard, Purovsky district, Tazovsky district, design and survey work, the Great Patriotic War.

ВВЕДЕНИЕ. В истории Тюменской области, которой в этом году числится 80 лет, есть ряд нереализованных проектов. К их числу относится и строительство Транспольной магистрали, которая при полном завершении работ имела бы огромное значение в освоении и развитии территории. Несмотря на то, что проект был приостановлен, затем вообще закрыт, документы, материалы и объекты магистрали сыграли свою роль в развитии геологических исследований, транспортном строительстве последующего времени, градостроительном обустройстве, многие пункты трассы стали базой для городов и поселков Севера региона. Нельзя не отметить, что идея, не получившая воплощения в период 1943–1953 гг., сохраняет актуальность для сегодняшнего времени, фигурируя в планах железнодорожного строительства.

ЦЕЛЬ данной статьи — рассмотреть, что представлял начальный, первый из трех вариантов дороги, которая будет называться «Заполярная магистраль», «Транспольная магистраль», «Мертвая дорога».

МАТЕРИАЛЫ и МЕТОДЫ. Источниковая база проблемы очень скудна, в силу засекреченности документов в период строительства, и скорей всего, сохраняющихся грифов секретности на значительную часть документов по сей день, с учетом того, что строительство осуществлялось и курировалось структурами НКВД СССР с использованием контингента лагерной системы. Многие документы в условиях ликвидации стройки уничтожались, некоторые попадали в частные руки и оказывались вне архивного хранения. Методы, применяемые в исследовании, включают общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, метода гипотез, аналогии, а также исторические методы исследования, среди них — историко-генетический метод, направленный на выявление происхождения изучаемого процесса, этапов его развития и причин, историко-диахронный метод, примененный для изучения динамики явления на фоне более сложной системы, а также историко-сравнительный метод.

ОБСУЖДЕНИЕ и РЕЗУЛЬТАТЫ. Железнодорожная линия, объединяемая названием «Транспольная магистраль», должна была продолжить железнодорожное строительство, начатое в направлении арктических зон еще в период Российской империи. В конце XIX — начале XX в. построены дороги «Вологда — Архангельск» (1893 г.), «Пермь-Вятка-Котлас» (1899 г.). Железная дорога «Пермь-Котлас» соединялась с Пермь — Тюменской железной дорогой [5, с. 2–3]. В 1930-е гг. практика железнодорожного строительства на Европейском Севере была продолжена постройкой магистрали «Котлас-Ухта-Воркута» (1933–1945 гг.), оказавшей быстрое влияние на активизацию процессов освоения Печорского края [8, с. 33]. Дорога смыкалась с югом Архангельской области через участки «Вельск-Коноша», «Коноша-Котлас», с присоединением к дороге «Котлас-Пермь». Дорога «Котлас-Воркута» стала называться «Печорская дорога», ей наряду с освоением аспектом, придавалось важное значение в перевозках угля, леса, развитии промышленности и торговли, расширении научных и геологических исследований [9, с. 130–132, 142–144].

Нельзя не отметить, что с конца XIX в. поднимался вопрос строительства железной дороги для соединения с морским портом. В 1919 г. Тобольская городская дума обсуждала возможное строительство порта на Северном Ледовитом океане, соединяемого с железной дорогой в низовьях Оби. В годы Первой мировой появилась идея сооружения порта в устье Енисея [9, с. 661]. В 1921–1923 гг. в одной из бухт западного побережья Обской губы был создан порт, получивший название «Новый порт», но не обладавший необходимыми глубинами для захода в него морского транспорта [6, с. 31, 75, 102, 105, 106]. В период строительства Нового порта подступали к сооружению Усть-Порта на Енисее. Вопрос о крупном морском порте на Карском море или в его заливах на Северном морском пути сохранялся. В период Карских экспедиций (1919–1939 гг.) в доставке грузов фигурировала бухта Находка на вос-

точном берегу Тазовской губы. Значимость бухты Находка подчеркивало размещение там радиостанции, наряду с селом Обдорским (будущий Салехард). Тазовская губа активно использовалась для завоза грузов. Грузы везли до «Пуровских вех», так называлось устье Пура [5, д. 17, л. 21]. Использовалась и Тазовская пристань для перевалки грузов с рейдовых судов на Тазовский причал [3, д. 17, л. 21].

К сооружению Трансполярной магистрали существовало несколько подходов, первый из них относился к периоду Великой Отечественной войны, в частности, к 1943–1944 гг. Дорога была ориентирована на Енисей. Первым ее участком был участок «Воркута-Салехард». Исследования строительства Трансполярной магистрали нашли отражение в ряде публикаций. Обращение к намерениям сооружения дороги «Воркута — Салехард», находим у В.Н. Гриценко, с соавтором В.А. Калинин [6]. Подступ к этому сюжету у авторов связан с тремя абзацами о создании Главного управления лагерей железнодорожного строительства — ГУЛЖДС НКВД СССР — в январе 1940 г, в феврале 1941 г. закрепленного в составе НКВД СССР, с оговоркой, что «Главному управлению лагерей железнодорожного строительства предстояла колоссальная работа» [4, с. 19]. Затем следует фраза «о непростой истории возведения железной дороги в болотистой тундре междуречья Оби и Енисея». И далее без особого перехода обращение к сюжету о совещании в Салехарде в декабре 1943 г.: «В городе Салехарде 25 декабря 1943 г., то есть в разгар войны с нацистской Германией, состоялось любопытнейшее заседание. Совещание было при председателе исполкома Ямало-Ненецкого окружного совета депутатов трудящихся. Председательствовал на заседании заместитель председателя исполкома окрсвета М.Г. Замараев, протокол вел В.Д. Кузнецов» [4, с. 19, 21].

Документ приводится детально, но ссылка на него не дана, как и откуда взят этот документ, авторы не комментируют. Приводится и фотографии уже другого документа. Он называется «Проект жел-дор. линии «Воркута-Салехард», в верхней части листа читаем «ГУЛЖДС НКВД», следующая строка содержит слово «Желдорпроект», что говорит о том, что проект составил Желдорпроект, который, как и строительство дороги, относились к ГУЛЖДС НКВД. Дано и название проектируемой дороги. На боковой части приводимой фотографии надпись: «Проект линии «Воркута-Салехард». Книга из фондов ГА ЯНАО», что означает, что документ авторы нашли в государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа. Ссылки на него, которая давала бы указание фонда, описи, дела, также нет. Это встречается тогда, когда дело засекречено, гриф не снят, а авторы смогли каким-то образом получить доступ. Затем дается еще одно фото, которое можно определять как вторую страницу проектного документа (контртитул), на нем первой строкой повторяется написанное на основном титульном листе, однако вторая строчка конкретизирует статус Желдорпроекта — «Управление по изысканиям и проектированию железнодорожных линий «Желдорпроект».

Далее следует более полное название проекта — «Проектное задание железнодорожной линии «Воркута-Енисей», участок «Воркута-Салехард» [4, с. 23]. Из чего, можем сделать вывод, что вся дорога называлась «Воркута-Енисей», а ее первый участок «Воркута — Салехард». Место составления документа — город Москва, год 1944. Указана и протяженность дороги «Воркута — Салехард» — 207, 3 км, первая очередь — 189,1 км, ветки от нее — 21, 8 км, первой очереди — 14,4 км. Названы объекты первой очереди: пристань на Оби, паромная и ледовая переправы. Стоимость первой очереди строительства 317, 063 тыс. руб. Подписали документ заместитель начальника ГУЛЖДС НКВД, начальник Желдорпроекта, генерал-майор инженерно-технической службы Ф.А. Гвоздевский, начальник и главный инженер Уральской экспедиции Н.В. Михеев [Там же]. Дается и еще один фотодокумент с пометкой: «Документы из Государственного архива РФ», вновь без ссылки на фонд, дело, отражающий фотографии «Проекта вокзала на станции Салехард», архитектурных деталей и орнаментов, «принятых за основу в проекте «Воркута — Салехард». Но почему-то авторы ограничиваются просто размещением документа, без какого — либо анализа.

Итак, что мы имеем из этих фотодокументов: «Управление по изысканиям и проектированию железнодорожных линий «Желдорпроект» ГУЛЖДС НКВД СССР» в 1944 г. подготовило проект дороги «Салехард-Воркута», которая представляла участок дороги «Воркута-Енисей». Располагался Желдорпроект в г. Москве.

Возглавлял его зам. нач. ГУЛЖДС НКВД, нач. Желдорпроекта, генерал-майор инженерно-технической службы Ф.А. Гвоздецкий. Т.к. подпись на проекте вместе с Ф.А. Гвоздевым поставил начальник и главный инженер Уральской экспедиции инженер Н.В. Михеев, значит, что эта экспедиция провела подготовку и отработку необходимого для проекта материала. Первый участок дороги назывался «Воркута-Салехард», был протяженностью 207 км. Проект этой дороги и объекты в районе Салехарда и обсуждались на совещании 25 декабря 1943 г.

Обратимся к содержанию протокола совещания, чтобы ответить на вопрос о его значимости в понимании первого варианта строительства дороги:

Обращает на себя внимание факт участия в совещании почти всей руководящей элиты Ямало-Ненецкого округа, хотя в некоторых случаях, отражен уровень заместителей или главных инженеров. Такой состав участников заседания, свидетельствует, что для округа подобное заседание было важным событием. Отмечалось: «Приближение железной дороги к городу Салехарду открывает ему перспективы дальнейшего развития и увеличивает его значение как окружного центра».

Среди участников заседания: заместитель председателя исполкома окрсовета М.Г. Замараев, он зафиксирован в качестве председательствующего, далее — секретарь окрсовета В.Д. Кузнецов, представители окружкома ВКП(б) (С.П. Кадцин) и горкома партии (С.П. Мингалев), председатель горисполкома (С.Ф. Давыдов), главный инженер рыбтреста, заместитель директора рыбокомбината, начальник судоремонтной базы, заместитель начальника пристани парохозяйства, начальник аэропорта, заместитель председателя окружного совета депутатов трудящихся, директор музея, архитектор, председатель «окрплана». Приняли участие в совещании представители Уральской экспедиции «Желдорпроекта» ГУЛЖДС НКВД СССР во главе с начальником Н.Д. Михеевым, среди них — Торопов Г.В. — главный геолог экспедиции, Поляков Е.А. — начальник 2-й изыскательской партии, Григорьев А.А. — старший инженер искусственных сооружений 5-ой партии и др. На заседании заслушали доклад начальника Уральской экспедиции Желдорпроекта Н.Д. Михеева. Содержание доклада не раскрывается, зафиксировано только его название;

В докладе говорилось «о работе Уральской экспедиции «Желдорпроекта» по предварительным изысканиям железнодорожной линии «Воркута-Салехард» и о намеченном размещении железнодорожных сооружений в районе г. Салехарда и перехода через реку Обь. Отражены принятые решения:

- а) выбран из трех представленных «Елецкий вариант прокладки дороги через Приполярный Урал», как более «экономичный и в наибольшей мере удовлетворяющий интересам округа», «давно известный местному населению». В нем использована река Елец, являвшаяся мелководной, которую осенью можно было проходить в брод;
- б) «переход через Обь» намечен «на первый период времени паромной и ледяной переправами с учетом перспективы постройки моста»;
- в) согласован вопрос сооружения пристани на Оби у Ангальского мыса для перевалки грузов на воду, в связи с чем, решено перенести аэропорт в другое место перед постройкой причалов;
- г) решено осуществить расчистку Ямсалянского бара (мели) для прохода морских судов до г. Салехарда.
- д) определено местоположение железнодорожной станции Салехард в 2,5–3,5 км по направлению северо-востока, и расположение железнодорожного поселка «в сторону города»;

е) водоснабжение станции Салехард решено было «запроектировать кооперированным с городом», а энергоснабжение от электростанции города «не представлялось возможным».

Протокол был утвержден 28 декабря 1943 г., подписи поставили председатель совещания и секретарь [4, с. 21].

Однако в это сложное военное время не ограничились проектно-изыскательскими работами на первом участке трассы. Из документа «Решения заседания исполкома Пуровского райсовета депутатов трудящихся, объединенное с РК ВКП (б) от 23 марта 1944 г.» с повесткой «Об оказании и содействия работе Норильской комплексной экспедиции Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД» [2, д. 53, л. 13-13об.] можно извлечь информацию о том, что в Пуровском районе силами Норильской **комплексной экспедиции** «Желдорпроекта» готовилось проведение большого комплекса «аэросъемочных, геодезических, геологосъемочных и исследовательских работ», что говорит, что Желдорпроект проводил работы не только на одном участке трассы. От райисполкома Пуровского района исполком Омского областного совета депутатов трудящихся решением от 6 декабря 1943 г. потребовал «содействия *немедленному началу* деятельности экспедиции и дальнейшему форсированию работ на территории Пуровского района». Норильскую экспедицию возглавлял начальник Домрачев. Наряду с Норильской комплексной экспедицией названа экспедиция «Норильскстроя», ее задача — осуществить маршрутную съемку по изысканию трассы в период 20 мая по 20 октября 1944 гг. Очень примечательно, что место базирования экспедиции Домрачева было определено в фактории Уренгой, куда согласно п. 3а протокола требовалось осуществить заброску грузов нартами до 20 апреля 1944 г. Согласно п. 3в. в Уренгое предусматривалось размещение рабочих экспедиции, для этого выделялась одна комната, которая определялась как 1/3 дома, а также отводились складские помещения под продукты и снаряжение. А освободившиеся после засолки рыбы на участке Уренгой помещения должны были передать (п. 5) во временное пользование начальнику экспедиции Желдорпроекта т. Домрачеву [2, д. 53, л. 13-13об.].

То есть фактически Уренгой становился центром расположения руководства Норильской экспедиции, что в последующем также закрепится в базировании Надымской экспедиции А.А. Побожия. В протоколе заседания Пуровского районного совета ЯННО от 23 марта 1944 г., где слушался вопрос «Об оказании помощи и содействия в работе Норильской комплексной экспедиции Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД» [4, с. 22-23], большое внимание уделено вопросам обеспечения продуктами питания — мяса, сахара, табака, чая, брусники и т.д., промтоварами, а также оленьим транспортом, упряжью для них, нартами, проводниками [2, д. 53, л. 13-13об.]. В протоколе подчеркивалась «особая важность предстоящих к выполнению Норильской экспедицией Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД аэросъемочных, геодезических, геологосъемочных и обследовательских работ». По количеству требуемого обеспечения валенками в 40 пар, ботинками в 50 пар, можно полагать, что эти цифры могли отражать численность экспедиции в летнее время в 50 чел., в зимний подготовительный период — в 40 чел. [2, д. 53, л. 13-13об.]. Обращая внимание на перечень продуктов для экспедиции, «промпромтоваров», задач обеспечения пилами, топорами, печками, запросы на олений транспорт и т.д., В.Н. Гриценко и В.А. Калинин делали вывод о том, что «организационная нагрузка и расходы на изыскания по трассе в период войны ложилась на районы, где эти изыскания проводились» [4, с. 22].

В это же самое время в Тазовском районе работала экспедиция Горно-Геологического управления (ГГУ) ГУСМП СССР под руководством М.Ф. Данилова. На заседании Тазовского райкома партии 16 февраля 1944 г., при слушании вопроса «О работе геологоразведочной экспедиции» выступил руководитель экспедиции ГГУ ГУСМП СНК СССР М.Ф. Данилов. Он информировал, что экспедиция действовала на территории Тазовского района в 1943 г., с мая по ноябрь, сообщил, что были проведены «исследования источников нефти, каменной соды по берегам Тазовской губы, рек Таз, Пур, Мессо», прошли маршрут в 2170 км,

обнаружили «места сложенные плотными породами, дающими возможность предположить нефтеносность и наличие каменной соды (в документе то соды, то соли) у пос. Находка и в районе Тибейсале. У берега р. Еремки открыли месторождения торфа [3, д. 1. л. 2–2 об.]. Данилов сообщил, что работы завершились, основная часть экспедиции 22 сентября 1943 г. выехала. Бюро райкома партии, поставило вопрос о продлении работы экспедиции, продолжении исследовательских, поисковых, геологических, научных работ. Наметили сбор краеведческих данных по источникам выходов нефти, поставили задачу «через мастерские лесоучастка и другие хозяйственные органы организовать добычу торфа для нужд района» [3, д. 1, л. 2–2 об.] Но далее в материалах райкома партии сведений о каких-либо геологических исследованиях нет [3. Д. 100, 17, 21, 13]. Вспомним широко известный «Отчет начальника геологической партии Тазовской экспедиции Главсевморпути В.И. Сакса «О маршрутных геологических исследованиях в бассейнах Мессо, Пура и низовьев Таза в 1943 г.», написанный в 1945 г. в г. Ленинграде [10, с. 60–63]. В.Н. Сакс, как И.П. Лугинец, были руководителями геологических партий экспедиции М.Ф. Данилова. В.Н. Сакс работал в ГГИ Главсевморпути, И.П. Лугинец, до этого был главным геологом Нордвикской нефтеразведочной экспедиции ГУСМП (Таймырский АО). Геологические партии Сакса и Лугинца в 1943 г. работали по левому и правому берегам р. Таз, брали пробы в озере у реки Харвута, ручье, впадающем в реку Сенеби-яху, в нижнем течении р. Таз, р. Мерома, низовьях р. Пур, проводили сопоставление с геологией территории Усть-Енисейского порта, где были выявлены «обильные признаки нефти на Енисее», и сделали вывод о предпосылках поиска нефти в низовьях Таза. Именно по итогам экспедиции 1943 г. (руководитель М.Ф. Данилов) В.Н. Сакс писал, что «нефтепоисковые работы на севере Западно-Сибирской низменности» нужно «направить в пределы Мессо и Таза, и Нижне-Обской впадины, захватывающей и бассейн Надыма», а «выделение Пуровского хребта и соседних с ним впадин еще нуждается в подтверждении» [10, с. 62, 63].

Могла ли экспедиция М.Ф. Данилова быть связана с прокладкой дороги? Наш ответ — да! Постановка проблемы строительства дороги в 1943–1944 гг., в тяжелейших обстоятельствах Великой Отечественной войны должна была иметь какую-то стратегическую обусловленность. Встает вопрос, с какой целью в такую удаленную точку ЯННО как фактория «Уренгой» тянуть железную дорогу? Почему именно в Тазовском районе стала действовать экспедиция М.Ф. Данилова, а начальник одной из партий экспедиции В.Н. Сакс определил перспективы нефтеносности территории? Обращает на себя внимание ситуация, изложенная в 4 томе «Истории открытия и освоения Северного морского пути», что в 1943 г. в Карское море «вошло большее число, чем в 1942 г., немецких подводных лодок». Военные события в Арктике в целом обострились, было потоплено несколько советских кораблей. Советские ледоколы из Белого моря и подводные лодки с запада были переведены в Карское море» [7, с. 470, 473]. Интерес немецкого командования к Арктике был связан и со стремлением не дать возможность продвигаться караванам судов с поставками по ленд-лизу. Учитывая рост числа военных кораблей в Карском море, топливная проблема стояла остро. М.И. Белов отмечал, что уголь был «приготовлен на Енисее», а также то, что угля не хватало; еще одно осложнившее топливную проблему обстоятельство, что из Печоры в Обь был осуществлен перегон (в Новый порт) еще и речных судов [6, с. 472]. Итак, в 1943 г. произошло увеличение советских подводных лодок и ледоколов в Карском море, а речных судов — в Новом порту.

ЯННО испытывал большие проблемы с топливом. Уголь был необходим для жизнедеятельности ЯННО, и в этих условиях был поставлен вопрос о строительстве дороги «Воркута-Салехард», как вариант, с целью переброски в ЯННО воркутинского угля. Для этого требовалось срочное строительство дороги. А вот подводные лодки работали на дизельном топливе, а значит, требовалась нефть. Нефть (нефтяное топливо) было необходимо и речным судам. Практическая необходимость в нефти была высокой, нефть и пытались найти. Направление дороги в Пуровский район могло быть связано с намерением использования бухты Находка, в том числе и в военных целях. Бухта находилась в Тазовской губе и исполь-

зовалась в период проведения Карских экспедиций, да, и после завершения строительства Трансполярной магистрали, часто упоминалась в телеграммах по приему грузов в 1950-е гг. Дефицит топлива для Тазовского района, в пределах которого и проводились поисковые работы на нефть в 1943 г., обсуждался на заседании бюро Тазовского райкома партии 4 февраля 1944 г. Обращаясь к дефициту топлива, как угля, так и нефти, на заседании райкома партии говорили, что нефть можно «завести с первым караваном». Подчеркивалось: «нефть отсутствует совсем», «завоз дров с верховьев Таза представляет трудности», «не хватает горючего для самоходного и не самоходного флота» [3, д. 17, л. 31]. Авторы работы «Энергия высоких широт» В.С. Вовк, Ю.В. Евдошенко пишут, что в период Великой Отечественной войны «северная нефть нужна была как никогда». И приводят телеграмму И.Д. Папанина о нехватке бензина в Архангельском порту в условиях подошедшего «каравана» с грузами» [1, с. 115], они также говорят о том, что вопросы поисков нефти в Арктике курировал ГКО, в СНК — зам. председателя Л.П. Берия [6, с. 120]. Поисковые работы на нефть в Арктике «экономически обосновывались ростом потребностей в нефтепродуктах для предприятий и организаций, расположенных в районах Крайнего Севера, тяготеющих к СМП» [1, с. 120–121]. С этой потребностью в нефти, по данным выше названных авторов, «4 февраля 1943 г. Горно-Геологическое управление приняло решение об организации на базе Усть-Енисейской экспедиции Северной Тазовской экспедиции для маршрутных исследований геологии района, тяготеющего к Тазовской губе» [1, с. 134]. В апреле 1943 г. два отряда Тазовской экспедиции были переброшены из Дудинки в центр Тазовского района в пос. Хальмер-Седе [1, с. 135].

ВЫВОДЫ. Таким образом, приходим к выводу, что практическая необходимость в топливе (угля, нефти) для военных и гражданских целей стала диктовать строительство железной дороги, с возможной доставкой угля из Воркуты, а также стимулировала поиски нефти в районе Пура и Таза в соответствии с научными идеями, но под влиянием необходимости снабжения топливом военных и гражданских судов в Тазовской губе. Вопрос о поисках нефти в Западной Сибири не был неожиданным. Этот вопрос в 1930–1940-е гг. ставили начальник Главгеологии В.М. Сенюков (сентябрь 1939 г.), Государственный геофизический трест (октябрь–ноябрь 1939 г.), Наркомат нефтяной промышленности СССР (ноябрь 1939 г.), бюро «Сибнефти» Главгеологии (август 1941 г.), Главнефтегазразведка (июнь 1942 гг.) [6, с. 48–50, 50–51, 52–53, 54–55]. Однако ни в одном из документов о перспективах поиска нефти в Западной Сибири в северных районах ЯННО не говорилось, тем более на территории Пура, Надыма, Таза. Практическая потребность соединялась с использованием научного прогноза, проявившегося в более восточных районах СССР и опиралась на него. Проблемы с топливом в ЯННО возросли при переброске ледоколов, подводных лодок, катеров в заливы Карского моря [3, д. 715, л. 92] в условиях усиления военной активности в Арктике. Трудности доставки топлива и его необходимость совпадают по времени с постановкой вопроса о строительстве дороги «Воркута–Салехард», началом работы проектно-изыскательских экспедиций, и геологической экспедиции в районы рек Пур, Таз.

Планируемые работы строительства дороги и геологического поиска, в условиях успешных действий в Арктике советских вооруженных сил в 1944 г., были отложены. Некоторое время сведений в документах о железнодорожном строительстве нет. Однако с окончанием Великой Отечественной войны, уже в 1946 гг. оформилась **идея строительства морского порта в устье Оби**, соединенная с идеей дороги к нему от Воркуты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вовк В.С., Евдошенко Ю.В. Энергия высоких широт. Очерки по истории освоения месторождений нефти и газа в Российской Арктике. Москва: ООО «Издательский дом «Недра», 2023. 320 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 717. Тазовский районный комитет ВКП (б). Оп. 14.

3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1481. Пуровский районный комитет ВКП (б). Оп. 1.
4. Гриценко В.Н., Калинин В.А. 501/503. История «мертвой дороги» / В.Н. Гриценко, В.А. Калинин. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. 240 с.
5. Жаравин В.С. Из истории строительства Пермь-Котласской железной дороги. С. 1–4. URL: // https://cgako.ru/static/page_files/d58a9eeb6a7511eaa0225254007c38a0.pdf. (дата обращения 17.01.2024 г.)
6. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4-х т. Т. 3 / М.И. Белов М.И. Советское арктическое мореплавание в 1917–1932 гг. / Под ред. Я.С. Гаккеля, М.Б. Черненко. Ленинград: Издательство «Морской транспорт», 1959. 508 с.
7. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4-х т. Т. 4 / М.И. Белов Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1935–1945 гг. Ленинград: Гидрометеорологическое издательство, 1959 г. 612 с.
8. История Ямала. Ямал современный. У истоков модернизации / Под ред. К.И. Зубкова и др. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. Т. 2. Кн. 1. 308 с. С. 295–296.
9. История Ямала. «Ямал современный» / Главный ред. В.В. Алексеев. Редактор В.П. Тимошенко. Екатеринбург: Издательство: «Баско, 2010. В 2-х т. Т. 2 328 с.
10. Нефть и газ Тюмени в документах. В 3-х т. Т. 1. (1901–1965 гг.). Свердловск: Средне-Уральское кн. Изд-во, 1971. 479 с.

REFERENCES

1. Vovk V.S., Evdoshenko Yu.V. *E`nergiya vy`sokikh shirot. Ocherki po istorii osvoeniya mestorozhdenij nef-ti i gaza v Rossijskoj Arktike* [Her energy of high latitudes. Essays on the history of the development of oil and gas fields in the Russian Arctic]. Moskva: OOO «Izdatel'skij dom «Nedra», 2023. 320 s. (In Russian).
2. *Gosudarstvenny`j arkhiv soczial`no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti (GASPIITO). Fond 717. Fond Tazovskogo rajonnogo komiteta VKP (b).* [State hedgehog archive of social and political history of the Tyumen region (GASPIITO). Fund 717. Fund of the Tazovsky District Committee of the All-Union Communist Party (c)]. Op. 14. (In Russian).
3. *Gosudarstvenny`j arkhiv soczial`no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti (GASPIITO). F. 1481. Fond Purovskogo rajonnogo komiteta VKP (b).* [GASPIIT O. F. 1481. Fund of the Purovsky District Committee of the All-Union Communist Party (c)]. Op. 1. (In Russian).
4. Griczenko V.N., Kalinin V.A. 501/503. *Istoriya «mertvoj dorogi»* [501/503. The history of the "dead road"] / V.N. Griczenko, V.A. Kalinin. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Basko», 2010. 240 s. (In Russian).
5. Zharavin V.S. *Iz istorii stroitel'stva Perm'-Kotlaskoj zheleznoj dorogi* [From the history of the construction of the Perm-Kotlas railway]. S. 1–4. URL: // https://cgako.ru/static/page_files/d58a9eeb6a7511eaa0225254007c38a0.pdf. (data obrashheniya 17.01.2024 g.) (In Russian).
6. *Istoriya otkry`tiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti.* V 4-kh t. T. 3 / M.I. Belov M.I. *Sovetskoe ark-ticheskoe moreplavanie v 1917–1932 gg.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route. In vol. T. 3 / M.I. Belov M.I. Soviet Arctic navigation in 1917–1932] / Pod red. Ya.S. Gakkelya, M.B. Chemenko. Leningrad: Izdatel'stvo «Morskojtransport», 1959. 508 s. (In Russian).
7. *Istoriya otkry`tiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti.* V 4-kh t. T. 4 / M.I. Belov *Nauchnoe i khozyajstvennoe osvoenie Sovetskogo Severa. 1935–1945 gg.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route]. [Scientific and economic development of the Soviet North. 1935–1945]. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izdatel'stvo, 1959 g. 612 s. (In Russian).
8. *Istoriya Yamala. Yamal sovremenny`j. U istokov modernizacii* [History of Yamal. Yamal is a modern hedgehog. At the origins of modernization] / Pod red. K.I. Zubkova i dr. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Basko», 2010. Т. 2. Кн. 1. 308 s. S. 295–296. (In Russian).
9. *Istoriya Yamala. «Yamal sovremenny`j»* [History of Yamal. "Yamal modern"] / Glavny`j red. V.V. Alekseev. 10. Redaktor V.P. Timoshenko. Ekaterinburg: Izdatel'stvo: «Basko, 2010. V 2-kh t. Т. 2 328 s. (In Russian).
10. *Neft` i gaz Tyumeni v dokumentakh* [Oil and gas of Tyumen in documents]. V 3-kh t. Т. 1. (1901–1965 gg.). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. Izd-vo, 1971. 479 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.004

УДК 94(571.1)"1960":338.244:662.7(091)

ББК 63.3(2)632-2+65.305.143.223г(2)

Е.В. БОДРОВА,
В.В. КАЛИНОВ**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
СССР В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ
НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ
И НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1960-Е ГГ.:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПРИЧИНЫ ОТСТАВАНИЯ**E.V. BODROVA,
V.V. KALINOV**THE STATE POLICY OF THE USSR
IN THE FIELD OF DEVELOPMENT OF THE OIL
REFINING AND PETROCHEMICAL INDUSTRY
IN THE 1960S: ACHIEVEMENTS AND
REASONS FOR LAGGING BEHIND**

На основе к настоящему времени рассекреченных архивных документов исследуется актуальная проблема реализации государственной политики в сфере развития нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности в СССР в 1960-е гг. Осуществление анализа сравнительных данных, заключений экспертов позволило сформулировать выводы о наличии факторов, определивших отставание в этой сфере от ведущих капиталистических стран и стран-союзников. В качестве причин торможения названы: дефицит современного оборудования; недостаточность выделяемых средств и просчеты планирования; отставание в развитии транспортных средств для вывоза нефтепродуктов; слабый уровень подготовки сырья на промыслах и др. Произведенная продукция не отличалась качеством, не была достаточно конкурентоспособной. Низкие цены на нефть и нефтепродукты сдерживали разработку и применение ресурсосберегающих технологий. Фактором торможения являлись и политические мотивы, форсированный экспорт нефти в социалистические страны.

Based on the currently declassified archival documents, the current problem of implementing state policy in the field of development of the oil refining and petrochemical industry in the USSR in the 1960s is being investigated. The analysis of comparative data and expert opinions made it possible to formulate conclusions about the presence of factors that determined the lag in this area from the leading capitalist countries and allied countries. The reasons for the slowdown are: a shortage of modern equipment; insufficient funds allocated and planning miscalculations; lagging in the development of vehicles for the export of petroleum products; a weak level of preparation of raw materials in the fields, etc. The products produced were not of high quality and were not competitive enough. Low prices for oil and petroleum products hindered the development and application of resource-saving technologies. Political motives and forced oil exports to socialist countries were also a factor in the slowdown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная политика, нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность, нефтеэкспорт.

KEY WORDS: state policy, oil refining and petrochemical industry, oil export.

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования определяется значимостью изучения отечественного исторического опыта в сфере реализации государственной промышленной политики с целью оптимизации разрабатываемых экономических стратегий в условиях весьма усложнившейся геополитической ситуации.

В настоящее время предметом острых дискуссий являются проблема определения достижений и просчетов экономической политики в позднесоветский период российской истории. Так, В.А. Шестаков полагает, что зажив собственной жизнью, советская мобилизационная система в 1960-е диктовала свои условия и не реагировала на исторические вызовы [13, с. 267, 376, 377]. Г.И. Ханин причиной начавшегося отставания называет «бездарность» советского руководства этого периода [14, с. 72–89], но Д.Б. Кувалин оценивает подобный подход в качестве упрощенного, обосновывает вывод о невозможности сосуществования двух разнородных экономических механизмов в принципе [3, с. 65]. В ряду важнейших факторов торможения модернизационных процессов в СССР М.В. Славкина называет форсированный нефтеэкспорт [12]. С.И. Дегтев пишет: «Прекраснодушные советского политического руководства опрокидывало все каноны рационального хозяйствования». При этом такие страны как Болгария, Куба, Польша занимались реэкспортом нефти [1, с. 474, 477]. Одновременно в нашей стране в недостаточной мере развивалась нефтепереработка. На формирование экспортной ориентации Советского Союза [15], недостаток инвестиций в нефтепереработку [16] указывали еще на рубеже 80-х — 90-х гг. XX в. и зарубежные исследователи.

ЦЕЛЬ. На основе рассекреченных архивных документов исследовать проблему эволюции государственной политики СССР в сфере нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности в 1960-е гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Значительное количество документов из фонда аппарата ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) — доклады, отчеты, письма, направленные в ЦК КПСС, заключения ведущих экспертов дали возможность осуществить сравнительный анализ данных о развитии нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности в СССР и ведущих капиталистических странах, а также в странах совета экономической взаимопомощи (СЭВ). В этих документах предпринята попытка выявить причины отставания отрасли по ряду направлений, акцентировать внимание руководителей страны на роли нефтепереработки и нефтехимии в обеспечении экономического роста и технологического процесса. В качестве основного условия достижения планируемых результатов называется обеспечение достаточных инвестиций в отрасль.

Методологической базой исследования является теория модернизации. В ряду определяющих особенности российской модели модернизации нами выделяется так называемый нефтегазовый фактор.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В ряду документов наше внимание привлекло заключение экспертов ВНИИНефтехима, датированное 10 мая 1967, в котором, осуществляя сравнительный анализ развития нефтехимической промышленности в ведущих капиталистических странах и в СССР, авторы обосновали вывод о значительном отставании нашей страны. Так, в США среднегодовые темпы роста химической промышленности составили 6,8%; нефтехимической — 9,6% [8, л. 45]. Это было связано с тем, что нефтехимия становилась наиболее эффективным источником сырья в производстве синтетических полимерных материалов. Но величина годового прироста за 1958–1965 гг. этилена, например, в СССР составляла 67,5 тыс. т, в США — 214 тыс. т, бензола — 4,7 тыс. т и 251 тыс. т соответственно [Там же, л. 46].

Серьезное отставание в этой сфере наблюдалось и в 1950-х гг. Партийно-государственными органами были приняты решения об углублении переработки нефти, о повышении качества автобензина, различных видов топлива, моторных масел [4, л. 53, 56; 11, л. 199–200], но направленных на эти цели инвестиций оказалось явно недостаточно. Согласно планам, подготовленным летом 1966 г., общие капиталовложения в нефтехимию должны были составить 748,84 млн руб., но в феврале 1967 г. Госплан уменьшил эту сумму до 621,6 млн руб. [8, л. 48]. Низкой была и эффективность от вложенных средств, долгими были сроки строительства сравнительно маломощных установок, в то время как технологии быстро устаревали.

Одновременно нефтехимическая промышленность ГДР демонстрировала совершенно иные темпы, благодаря специальной государственной поддержке. С 1960 по 1966 гг. выпуск пластмасс там вырос в 2,5 раза, бензина — в 1,5 раз, дизельного топлива — в 1,7 раза. Но, как указывал советский посол в ГДР П.А. Абрасимов в письме, направленном 17 октября 1967 г. секретарю ЦК КПСС А.П. Кириленко, масштабные планы «немецких друзей», основанные на поставках больших объемов природного газа из СССР, мало учитывали наши интересы, экспорт продукции все более ориентировался на капиталистические страны, совершенно недостаточными были научно-технические связи в этой области между СССР и ГДР [6, л. 63–72]. Автор предлагал принять меры по расширению двухсторонней специализации производства и увеличению взаимных поставок продуктов нефтехимии, оборудования [Там же, л. 73–74].

Сотрудники аппарата ЦК КПСС, изучив это письмо, направленное им для составления заключения к заседанию Секретариата ЦК, вынуждены были признать, что тогда как поставки из СССР «наиболее важной продукции» демонстрировали значительный рост, импорт из ГДР особо значимых для СССР химических товаров уменьшался [Там же, л. 77–79]. Одновременно руководство отделов ЦК фиксировало «серьезное отставание» нашей страны по производству полимерных материалов не только от США, но и от ФРГ, Италии, Японии. Между тем, если потребности народного хозяйства в пластмассах и синтетических материалах к 1970 г. составляла 7 млн т., то планировалось их производство вдвое меньше [8, л. 80]. В результате обсуждения Секретариатом ЦК КПСС этой проблемы 17 июля 1968 г. было предложено всем заинтересованным ведомствам и Госплану СССР разработать предложения по дальнейшему развитию научно-технического и экономического сотрудничества с ГДР, а также принять меры с целью ускоренного развития производства синтетических продуктов и материалов в 1971–1980 гг. [Там же, л. 75].

Однако в отчетных документах фиксировался как резкий рост использования углеводородов нефти и за этот счет расширения производства продукции органического синтеза взамен продовольственного сырья и натуральных материалов, значительный поворот к повышению качества конечных продуктов нефтепереработки и продукции нефтехимического синтеза, так и, одновременно, констатировалось отставание в развитии транспортных средств для вывоза нефтепродуктов, совершенно недостаточный уровень подготовки нефти на промыслах, позволяющей перерабатывать нефть с большим содержанием воды и солей. Это обуславливало потери мощностей нефтеперерабатывающих заводов, увеличение затрат на ремонт и восстановление аппаратуры, а также дополнительные расходы по очистке сточных вод [7, л. 11].

В сравнении с США отставание по вторичным процессам оказалось еще более значительным (См. Таблицу).

Таблица 1. Развитие капиталоемких вторичных процессов в %.
Сравнительный анализ [7, л. 15]

	СССР			США (год не ука- зан)	Япония (год не ука- зан)	Италия (год не ука- зан)	Англия (год не ука- зан)
	1959	1967 факт	1968 план				
Первичная переработка нефти	100	100	100	100	100	100	100
Удельный вес Каталитического риформинга	0,8	5,6	6,2	18,7	9,4	10,8	8,6
Каталитического крекинга	6,0	6,1	6,2	52,1	3,5	5,1	12,1
Гидроочистка	0,3	8,0	8,8	28,1	13,5	20,8	9,1

Из-за недостаточного роста вторичных процессов советская промышленность выпускала свыше 60% бензина с октановым числом 66 и высоким содержанием серы и около 31,3% высокосернистого дизельного топлива с содержанием серы до 1,0%. Это приводило к росту потребления топлива. Между тем расчеты экспертов показывали, что повышение октанового числа бензина с 66 до 72 снижало расход топлива до 12% и увеличивало мощность двигателя на 13–15%. Отставание в области развития капиталоемких вторичных процессов, по мнению специалистов, являлось результатом недооценки влияния повышения качества нефтепродуктов на рост народно-хозяйственной эффективности, и как следствие — систематического снижения капиталовложений в развитие нефтеперерабатывающей промышленности.

Из-за недостаточности капиталовложений ввод мощностей по вторичным процессам на 1968 г. предусматривался ниже уровня 1967 г. По каталитическому крекингу снижение вводов составило 2,23 млн т, по каталитическому риформингу — 0,3 млн т, по гидроочистке — 1,8 млн т [7, л. 15].

Особый интерес в ходе нашего исследования представил доклад Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР о достигнутом уровне производства и основных направлениях технического прогресса отраслей нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, направленный руководством ведомства под грифом «секретно» в ЦК КПСС 28 марта 1968 г. В ряду достижений отрасли называлось: увеличение мощностей промышленного производства за счет их реконструкции и использования скрытых резервов; введение в эксплуатацию головных установок мощностью, в 1,5–2 раза превышающей мощности ранее сооруженных установок; создание новых нефтехимических комплексов; разработка новых высокоэффективных процессов, внедрение которых резко увеличивало технико-экономические показатели строительства и эксплуатации новых установок и др. Но определялись и нерешенные проблемы: в частности, нерешенность вопросов поставок нефтеперерабатывающим заводам подготовленных нефтей, что помимо снижения качества нефтепродуктов, вызывало увеличение эксплуатационных затрат, обуславливало повышение коррозии и увеличивало загрузку очистных сооружений сточными водами. Недостаточными оставались объемы капитальных вложений, выделенных Госпланом СССР на текущее пятилетие, что не давало возможности, как и ранее, сбалансировать мощности вторичных процессов с объемом переработки нефти. Это обуславливало выработку и поставку моторных топлив пониженного качества. Наблюдались систематические затруднения с вывозом нефтепродуктов с заводов. Отсутствие в стране производства малогабаритного, высокопроизводительного и качественного оборудования являлось фактором, понижающим технический уровень производства. Не полностью использовались возможности НИИ и проектных институтов, а также промышленных предприятий министерства для решения вопросов технического прогресса отрасли [9, л. 1–6]. В результате достигнутые сравнительные показатели уровня прогресса в нефтеперерабатывающей промышленности, согласно оценке специалистов министерства, представлялись следующим образом (См. таблицу).

Таблица 2. **Динамика роста объема переработки нефти СССР и ведущих капиталистических стран (млн т) [9, л. 7]**

Страна	1965 г.	Отношение 1965 г. к 1960 г., %	1966 г.	1970 г. предполагаемые объемы переработки	Отношение 1970 г. к 1965 г., %
СССР	194,2	151,6	206,8	276,0	142,0
США	447,9	112,2	467,4	534,0	117,0
Великобритания	66,0	151,1	77,7	87,0	132,0
Италия	69,4	226,1	81,2	95,0	138,0

Франция	61,9	186,0	67,1	86,0	139,0
ФРГ	67,5	242,9	72,3	92,0	135,0
Япония	72,0	260,0	84,2	107,0	148,0

По объему переработки нефти СССР занимал по состоянию на 1967 г. второе место в мире (за 10 лет объем переработки нефти и выработки моторного топлива увеличился в 1,9 раза, масел — в 1,7 раза). В 1967 г. в СССР прирост переработки нефти по сравнению с 1966 г. составил 15,8%. Средний годовой прирост объема переработки нефти до 1960 г. был почти в 4 раза выше, чем в США. Это позволяло значительно сократить разрыв между СССР и США по объему переработки нефти. Так, если в 1960 г. в СССР перерабатывалось нефти в 3 раза меньше, чем в США, то в 1967 г. — в 2,13 раза. По предварительным расчетам к 1970 г. этот показатель должен был снизиться до 1,9 раза. Причем, для промышленности СССР характерным оказалось предельное использование мощностей, за рубежом же, как правило, использование мощностей составляло 80–83%. Так, в Японии, например, резерв мощности по вторичным процессам, устанавливался декретом правительства. Это позволяло устойчиво обеспечивать высокое качество продукции, гибко варьировать ассортимент выпускаемых нефтепродуктов в зависимости от сезонных колебаний рынка и независимо от качества перерабатываемой нефти. Кроме того, наличие резерва мощностей позволяло сохранять оборудование в хорошем техническом состоянии как за счет нормальной эксплуатации без перегрузок, так и за счет проведения своевременных планово-предупредительных и капитальных ремонтов [9, л. 8].

Преимуществом СССР являлась обеспеченность промышленности надежной сырьевой базой, источники которой размещались по всей территории страны, что позволяло при размещении нефтеперерабатывающих заводов гибко варьировать близость последних к источникам сырья и центром потребления как внутри страны, так и за рубежом. В 1967 г. СССР экспортировал 22 млн т и обозначились тенденции к увеличению экспорта. Добываемая в СССР нефть соответствовала всему многообразному ассортименту, используемому за рубежом. СССР располагал большими запасами малосернистых, высококачественных нефтей; сернистых и высокосернистых; смолистых нефтей и уникальных по своему химическому составу нефтей Троицко-Анастасьевского (нефтегазоконденсатное, Краснодарский край, было открыто в 1953 г., разрабатывалось с 1954 г.) и других месторождений [Там же, л. 8]. Одновременно различия в качестве нефти требовало применения в нефтеперерабатывающей промышленности всех современных процессов переработки и создания заводов с различным их сочетанием.

Возрастала значимость вторичных процессов переработки нефти, так как это обеспечивало независимо от качества перерабатываемого сырья получение широко ассортимента нефтепродуктов высокого качества. Экспертами в качестве ведущих вторичных процессов нефтепереработки назывались: каталитический крекинг, позволявший увеличить выход светлых нефтепродуктов и получить высокооктановые бензины; каталитический риформинг, повышавший октановую характеристику бензинов; процессы коксования для увеличения глубины переработки нефти и выработки кокса; гидроочистка бензиновых и дизельных топлив от сернистых соединений. Но наиболее современным и универсальным определялся процесс гидрокрекинга, позволявший перерабатывать разнообразный ассортимент сырья с одновременным углублением переработки и повышения качества нефтепродуктов [9, л. 9].

В исследуемый период, согласно изученным документам, промышленность СССР владела всеми современными процессами, за исключением гидрокрекинга, находящегося в стадии разработки. Мощности по каталитическому крекингу увеличились с 11,1 млн т в 1965 г. до 16,8 млн т в 1968 г. (1,5 раза); по каталитическому риформингу — с 8,9 млн т до 16,8 млн т (в 1,9 раз); по гидроочистке дизельных топлив от серы с 12,7 млн т до 24 млн т (в 1,9 раз) [9, л. 10]. Тем не менее, удельный вес вторичных процессов в отечественной промышленности оказался в 1,5–2 раза меньше, чем в японской и промышленности ряда европейских стран, имеющих такую же структуру потребления нефтепродуктов, как в СССР. В сравнении с США отставание по вторичным процессам оказалось еще более значительным (см. Таблицу).

Таблица 3. **Удельный вес вторичных процессов в динамике**
Сравнительный анализ в % [Там же, л. 10]

	СССР			США	Япония	Италия	Англия
	1959	1967 факт	1968 план				
Первичная переработка нефти	100	100	100	100	100	100	100
Удельный вес							
Каталитического риформинга	0,8	5,6	6,2	18,7	9,4	10,8	8,6
Каталитического крекинга	6,0	6,1	6,2	52,1	3,5	5,1	12,1
Гидроочистка	0,3	8,0	8,8	28,1	13,5	20,8	9,1

Значимым для более полного и объективного рассмотрения создавшейся ситуации в этой сфере является заключение экспертов Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР о том, что в отличие от нефтеперерабатывающей промышленности капиталистических стран, промышленность СССР из-за недостатка мощности вторичных процессов не подвергала дополнительному облагораживанию значительную часть прямогонных дистиллятов и использовала их для приготовления товарных моторных масел. Между тем недостаток мощности вторичных процессов являлся главным фактором, определявшим отставание по качеству моторных топлив. Меньший удельный вес вторичных процессов отечественной нефтеперерабатывающей промышленности, требующих больших капиталовложений, явился, прежде всего, следствием, заявляли авторы доклада, складывающейся годами, главным образом, в плановых органах недооценки влияния качества продукции на технический прогресс у потребителя, а, с другой стороны, хроническим невыполнением планов капитального строительства и снижением капитальных вложений в развитие отрасли [9, л. 11].

В результате промышленность СССР резко отличалась от нефтеперерабатывающей промышленности США по глубине переработки и выходу светлых нефтепродуктов на нефть. В СССР общий выход светлых нефтепродуктов составлял 51–52% от нефти против 70–75% в США. Одновременно Минхимпром СССР, владея такими процессами, как каталитический крекинг, контактное коксование и др., имел все возможности при необходимости создать заводы с указанным уровнем выхода светлых бензинов. Так, при создании НПЗ и реконструкции действующих, исходя из опыта отечественной и зарубежной практики, руководство Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР за счет совершенствования технологии, укрупнения и комбинирования процессов и других мер закладывало технико-экономические показатели отечественных заводов на уровне лучших заводов зарубежных фирм. В качестве примера назывались, Рязанский и Мозырские НПЗ, проектные задания по которым было утверждено Советом Министров СССР (См. Таблицу)

Таблица 4. **Сравнительный анализ показателей Рязанского и Мозырского НПЗ и НПЗ в Делавере (США) [9, л. 12]**

Наименование показателей	Наименование НПЗ		
	Мозырский (1967 г.)	Рязанский (1962 г.)	Делавере (США)
Мощность, млн т	12	13	69
Отбор светлых нефтепродуктов	44,85	49,6	76,3
Уд. вес каталитических процессов	39,2	38,8	70,0

Кап. затраты, млн руб.	198,8	217,7	171,0
Срок окупаемости капзатрат, год	1,8	2,2	1,6
Уд. кап. затраты на 1 млн т перераб. нефти, млн руб.	16,0	16,6	25,0
Численность производственного персонала, чел.	2249	4903	700
Кол-во технологических установок	10	47	9
Общая площадь территории, га	249,8	416	200
Площадь на 1 млн т перерабатываемой нефти, га	20,8	32	30

Таким образом, по ряду показателей Мозырский НПЗ превосходил лучший из американских НПЗ. Но при сопоставлении количества работающих на отечественных заводах и зарубежных некорректно ориентироваться на общую численность, так как в состав отечественных заводов включались службы, не имеющие непосредственной связи с процессом производства (отдел рабочего снабжения, медицинского обслуживания, городского транспорта, ЖКХ, детских учреждений и т.д.) Однако численность технологического персонала на установках Мозырского НПЗ, действительно, была в 1,3 раза выше, чем на Делаверском НПЗ. Количество персонала оказалось в лабораториях и подсобных хозяйствах в 3,5 и 3,8 раза больше соответственно. В качестве причин большей численности основного и вспомогательного персонала на советских НПЗ назывались: малая мощность и низкая надежность используемого оборудования и контрольно-измерительных приборов, приводящие к необходимости устанавливать дополнительные агрегаты, в том числе и резервные, к частым ремонтам и обеспечению надежного контроля со стороны обслуживающего персонала; необеспеченность промышленности запасными частями, блоками, агрегатами, в результате чего ремонт изношенного оборудования технологических установок осуществлялся непосредственно на НПЗ, вместо замены новыми блоками и агрегатами, как это было принято в зарубежной практике. Относительно меньшей была и оснащенность отечественных заводов надежными контрольно-измерительными приборами и анализаторами качества нефтепродуктов, ограниченным было применение механизации при производстве ремонтных, погрузочно-разгрузочных и других трудоемких работ [9, л. 14].

В итоге осуществления сравнительной технико-экономической оценки основных процессов нефтеперерабатывающей промышленности СССР и США, экспертами определялись и основные проблемные места: советские атмосферные трубчатки уступали зарубежным установкам, за исключением длительности межремонтного пробега, что вызвалось низким качеством подготовки нефти на промыслах. Максимальная мощность советских трубчаток составляла 6 млн т в год против 10 млн в США. К 1967 г. был разработан проект реконструкции действующих 6-млн установок до 8 млн т в год. По направлению «каталитический крекинг» показатели также свидетельствовали об отставании. Максимальная мощность советских установок составляла 750 тыс. т сырья в год, в США — 5 млн т. В СССР в исследуемый период лишь в стадии разработки находилась установка мощностью в 1,2 млн т [9, л. 15]. В области гидроочистки дизельных топлив в СССР максимальная мощность установки достигала 1,2 млн т, в США — 2,7 млн т [Там же, л. 16]. По сравнению с лучшими зарубежными установками, отечественные отличались не только меньшей единичной мощностью, но и более высокими капитальными затратами и удельными расходами топлива, пара, электроэнергии и катализаторов. В качестве основной причиной отставания признавалось отсутствие в СССР разработок и серийного производства высокопроизводительного малогабаритного оборудования, компрессоров, насосов, реакторов, обеспечивающих надежную (без резерва) и длительную безостановочную работу, другого совершенного оборудования и аппаратуры, уже получивших широкое применение на НПЗ в других странах.

В этой ситуации руководство Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности считало «настоятельно необходимым» организовать в стране разработку и серийного производства надежного высокопроизводительного оборудования и аппаратуры для интенсификации действующих и вновь создаваемых технологических процессов и установок.

Значительное отставание СССР по процессу гидрокрекинга также связывалось с отсутствием надежных разработок в этой области и ограниченными возможностями машиностроительной промышленности. С этой целью предлагалось организовать закупку за границей лицензий на технологические процессы, оборудование и комплектные установки с целью ускорения воспроизводства современного оборудования для дальнейшего развития на этой базе отечественной нефтеперерабатывающей промышленности. Одновременно Министерство на основе разработок отечественных исследовательских и проектных институтов приняло решение о создании совместно с Миннефтехиммашем собственной системы гидрокрекинга мощностью 1–3 млн т/год. Широкое промышленное строительство таких установок предполагалось осуществить после 1970 г. [9, л. 20–21].

Заметим, что по решению правительства за рубежом уже была закуплена комбинированная установка каталитического риформинга и гидроочистки мощностью 1 млн т и 2 млн т соответственно, установка карбамидной депарафинизации дизельных топлив производительностью 1 млн т/год [9, л. 22].

В 1971–1975 гг. Миннефтехимпром СССР, Миннефтехиммаш СССР совместно с другими заинтересованными ведомствами планировали воспроизвести эти установки и заложить в проекты вновь строящихся НПЗ [Там же, л. 22].

Одним из факторов отставания в переработке нефти в докладе называлась «плохая подготовка нефти на промыслах»: содержание пластовой воды оказалось до 2% и выше, хлористых солей — 2000–2500 мг/л. Между тем, в США НПЗ получали нефть, хорошо подготовленную на промыслах, с содержанием воды не более 0,5% и хлористых солей — 30–50 мг/л, и только в отдельных случаях 400–600 мг/л. Так, из 68 выборочно взятых заводов США на 45 из них в 1966 г. перерабатывалась нефть, содержащая от 0 до 3 мг/л, на 17 заводах — до 6 мг/л. В результате переработки такой нефти, например, на установке первичной перегонки фирмы «BP», мощностью 4,4 млн т/год, перерабатывающей сернистую ближневосточную нефть без ингибиторов коррозии, капитальный ремонт производился 1 раз в 5 лет, а пробег установок термического крекинга достигал 90 дней. При таких пробегах время, затрачиваемое на ремонты трубчатых установок, составляло 2% от календарного времени. Между тем в СССР время, затрачиваемое на ремонты трубчатых установок в 1965–1966 гг., составляло 6,8% и 6,5% соответственно, а на установках термического крекинга средняя длительность межремонтных работ составляла 32 дня. Но высокий уровень подготовки нефти на промыслах и на НПЗ был возможен только с применением высокоэффективных современных деэмульгаторов. На предприятиях Минхимпрома СССР лишь планировалась в этот период организация производства высокоэффективных современных деэмульгаторов, не уступающих лучшим зарубежным образцам [9, л. 24].

Таким образом, наряду с констатацией отставания по ряду показателей, руководство ведомства, называло четко проблемные места и предлагало для выполнения намеченной программы повышения технического уровня нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности использовать имеющиеся необходимые разработки технологических процессов, оборудования, конструкций и рецептур изделий. Для ускорения технического прогресса в отрасли и полного обеспечения высококачественной продукцией представлялось необходимым поручить Госплану СССР совместно с Министерствами нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, а также газовой промышленности разработать и осуществить в течение ближайших лет мероприятия по коренному улучшению качества сырой нефти перед ее переработкой; поручить Госплану СССР совместно с Министерством путей сообщений разработать и осуществить меры по улучшению вывоза готовой продукции с заводов; осуществить неотложные меры по развитию трубопроводного транспорта, предусмотрев, в первую очередь, строительство нефтепроводов для снабжения нефтью Полоцкого, Киришского и других заводов, а также продуктопроводов от Полоцкого, Киришского, Грозненского

и других заводов, продуктопроводов, соединяющих НПЗ Башкирии и Куйбышевской областей. Не менее значимым представлялась и организация производства высокопроизводительного оборудования повышенной надежности в эксплуатации, в том числе и малогабаритного, на базе воспроизводства оборудования закупленного у капиталистических стран и собственных разработок, а также по организации комплектных поставок технологических линий, установок и производство, включая технологическое энергетическое, вспомогательное оборудование, системы и средства контроля и автоматики и нестандартного оборудования.

Отдельно, как обязательное условие, определялось поручение Госплану СССР выделить на следующее пятилетие необходимые капитальные вложения для полного сбалансирования мощностей вторичных процессов с объемом производства первичных дистиллятов. В целях ускорения решения отдельных проблем, определяющих технико-экономические показатели отрасли, а также качество отдельных видов продукции, руководство Министерства предлагало закупить в капиталистических странах лицензии и оборудование на гидрокрекинг мазута мощностью 3 млн т/год, производство водорода мощностью 50 тыс. т/год, поточно-механизированное производство сальников фирмы «Фрайденберг», производство рукавов навивочной и обмоточной конструкции фирмы «Астерман», одностадийное дегидрирование бутана в дивинил у фирмы «Гудри», производство резиновых трубок медицинского назначения с предварительным вакуумированием и вулканизацией в расплавах солей и в псевдооживленном слое, производство губчатых изделий инжекторным методом фирмы «Пирелли-Франс» [9, л. 24–25].

На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 декабря 1967 г. № 1175 были разработаны «Основные направления развития нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности в 1971–1975 гг.». В ряду важнейших направлений предусматривалось: коренное перевооружение промышленности на основе обновления морально-устаревшего оборудования, внедрения достижений отечественной и мировой науки и техники в производствах переработки нефти, нефтехимического синтеза, пневматических шин и др.; повышение темпов прироста производства продукции группы «Б» и на основе этого резкое увеличение производства товаров народного потребления. Одновременно подчеркивалась растущая роль таких регионов, как УССР, БССР, районы Северо-Запада, Западная и Восточная Сибирь, КазССР, Средняя Азия, Северный Кавказ в связи с перспективами роста производства синтетического каучука, с точки зрения ресурсов углеводородного сырья [7, л. 47].

Министерством нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР был представлен в ЦК КПСС и проект основных направлений развития отрасли на 1971–1975 гг., включая планы производства нефтепродуктов.

Таблица 5. Проект основных направлений развития отрасли на 1971–1975 гг.
Производство нефтепродуктов по СССР [7, л. 2]

	Ед. изм.	1965 отчет	1970	1971	1972	1973	1974	1975
Сумма светлых нефте-продуктов	Тыс. т	98800	141600	149500	159300	171000	184000	202000
Выход светлы нефте-продуктов	%	50,9	51,1	51	51,1	51,5	51,5	52,1
Авиакеросин	Тыс. т	8951	15100	17900	19700	22100	24900	2800
Выход керосина	%	4,9	5,5	6,1	6,3	6,7	7	7,2

Однако существенного рывка в этой сфере не произошло. В немалой степени потому, что сохранялся значительный удельный вес экспорта топлива, сырья, материалов, главным

образом «в связи с потребностями обеспечения этими товарами стран-членов СЭВ..., а также в связи с трудностями увеличения экспорта машин и оборудования в промышленно развитые капиталистические страны» [5, л. 9, 20, 94]. Изучение архивных документов позволяет согласиться с авторами, которые настаивают на взаимосвязи форсированного нефтеэкспорта и торможения модернизационных процессов в СССР в исследуемый период.

В этой связи интерес представляет документ, направленный 22 апреля 1968 г. руководством Госплана в ЦК КПСС, подготовленным по запросу Отдела химии. В нем содержались данные о планируемых объемах поставок нефти в социалистические страны в 1971–1975 гг. и расчетах эффективности экспорта нефти. (См. Таблица).

Таблица 6. **Предварительные объемы поставок нефти в социалистические страны в 1971–1975 гг. и расчеты эффективности экспорта нефти. Намечаемые объемы поставок, млн т [10, л. 4]**

Страна	1971	1972	1973	1974	1975	Итого
Всего	45	49	54,7	58,3	63,6	270,6
Страны СЭВ:	37,1	40,6	44,9	48,2	52,6	223,4
Болгария	4,5	4,8	5,2	5,6	6,0	26,1
Венгрия	4,4	4,9	5,3	5,7	6,5	26,8
ГДР	9,7	10,9	12,1	13,3	14,5	60,5
Монголия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,5
Польша	7,9	8,4	9,7	10,0	11,0	47,0
Чехословакия	10,5	11,5	12,5	13,5	14,5	62,5
Страны не члены СЭВ:	7,9	8,4	9,8	10,1	11,0	47,2
Корея (КНДР-авторы)	1,0	1,3	1,5	1,7	2,0	7,5
Куба	4,5	4,5	5,5	5,5	6,0	26,0
Югославия	2,4	2,6	2,8	2,9	3,0	13,7

Указанные объемы поставок нефти были определены в соответствии с имеющимися обязательствами СССР. Так, например, с ЧССР было подписано межправительственное Соглашение от 23 сентября 1966 г. о сотрудничестве в развитии добычи нефти в СССР с целью увеличения ее поставок в ЧССР после 1970 г. С ГДР было достигнуто межправительственное Соглашение от 4 апреля 1967 г. о сотрудничестве в развитии нефтедобывающей промышленности в СССР для увеличения поставок нефти в ГДР. В ходе переговоров с партийно-правительственной делегацией ГДР в декабре 1967 г. немецкой стороне было дано принципиальное согласие на увеличение поставок нефти в ГДР к 1975 г. на 1 млн т. Эти поставки должны были осуществляться при условии согласования с немецкой стороной (14 руб./т), как это было предусмотрено соглашением от 4 апреля 1967 г., и оплаты дополнительных количеств нефти поставкой в СССР некоторых видов химической продукции и товаров народного потребления. В это же время Болгария просила об увеличении поставок нефти из СССР в 1975 г. до 12 млн т против 4 млн т в 1970 г., предусмотренных торговым соглашением на 1966–1970 гг., что, по мнению специалистов Госплана, было «нереальным» для нашей страны [10, л. 5].

При определении уровня поставок нефти после 1970 г. в социалистические страны, не являющиеся членами СЭВ, Госплан СССР исходил из следующих соображений. Поставки нефти на Кубу в 1970 г. предусматривались в объеме 4 млн т в соответствии с мощностью существующего там НПЗ. По соглашению с Кубой от 16 ноября 1960 г. СССР должен был построить там в текущем пятилетии НПЗ мощностью 2 млн т. С учетом этого строительства поставка нефти после 1970 г. предусматривалась с постепенным увеличением к 1975 г. до 6 млн т.

В соответствии с соглашением от 20 июня 1966 г. между Правительствами СССР и КНДР при техническом содействии СССР в этой стране строился НПЗ мощностью также в 2 млн

т. В этой связи объем поставок нефти из СССР предусматривался к 1975 г. в объеме 2 млн т. Долгосрочным торговым соглашением с Югославией поставки нефти из СССР определялись в 1970 г. в 13 млн т. Югославская сторона была заинтересована в увеличении поставок и после 1970 г. в размерах свыше 4 млн т. Учитывая возможность получения из Югославии в обмен на нефть цветных металлов и других дефицитных продуктов, Госплан СССР полагал бы целесообразным доведение поставок нефти в 1975 г. до 3 млн т. [10, л. 6].

В ходе изучения этого документа привлекает особое внимание раздел, в котором определялась эффективность экспорта нефти из СССР, согласно расчетам Госплана. Так, эксперты, отдельно подчеркивая, что условия добычи, транспортировки нефти в СССР, особенно в северных районах, по сравнению со странами Ближнего Востока сильно отличались, определили себестоимость добычи и транспортировки 1 т тюменской нефти до западной границы СССР в 7 руб., а в странах Ближнего Востока на побережье Средиземного моря — около 3 руб. [Там же, л. 7].

Заметим, что в исследуемый период в страны СЭВ поставлялась поволжская нефть. Однако расчет эффективности экспорта нефти производился с учетом затрат на добычу и транспортировку тюменской нефти, так как она активно замещала в топливном балансе страны более дешевую поволжскую нефть и тем самым вызывала дополнительные затраты для народного хозяйства СССР. Затраты по нефтедобыче и транспортировке с целью экспорта 1 т нефти в 1968 г. составили, по расчетам специалистов, 21 руб. [Там же]. В этот период в страны СЭВ нефть поставлялась по ценам 13–15 руб. за тонну, в капиталистические страны — 8–11 руб. Указанный уровень цен позволял в среднем по всем странам СЭВ покрывать затраты, связанные с экспортом нефти при существующей структуре импорта из этих стран. Однако, по некоторым странам затраты СССР не возмещались даже с учетом эффекта от импорта товаров. Так, поставки нефти в ГДР, ВНР, ПНР были убыточными. Это объяснялось, с одной стороны, более низким средним коэффициентом эффективности импорта из ВНР и ПНР, а также, более низким уровнем цен на нефть, поставляемую в ГДР и ПНР. При поставке нефти в КНДР, СФРЮ и на Кубу относительный коэффициент эффективности экспорта нефти составлял 0,71; 0,51; 0,49 соответственно [10, л. 8]. (См. Таблицу)

Таблица 7. Экономическая эффективность экспорта нефти в страны СЭВ, кроме МНР [Там же, л. 9]

Страна	Цена, руб.	Относит. эффект. экспорта нефти	Средняя эффект. импорта товаров	Эффект. экспорта с учетом эффект. импорта	Ко-во, млн т		н/х затраты млн руб.	
					1970	1975	1970	1975
Всего				1,0	33,75	52,5	708,8	1102,5
БНР	12,98	0,62	1,8	1,12	4	6	84	126
ВНР	15,18	0,72	1,37	0,99	4	6,5	84	136,5
ГДР	14,00	0,67	1,6	1,07	-	6,0	-	126,0
	13,28	0,63	1,46	0,92	9,25	8,5	194,3	178,5
ПНР	14,29	0,68	1,32	0,9	7,0	11,0	147,0	231,0
ЧССР	15,18	0,72	1,56	1,12	9,5	14,5	199,5	304,5

В приведенном расчете оказался неучтенным тот факт, что, увеличивая поставки нефти, СССР вынужден был заменять ее в своем топливном балансе добычей и потреблением каменного угля. Это приводило к дополнительным затратам около 5 руб. на тонну нефти. Это в расчете на увеличение объема поставок нефти в страны СЭВ в 1975 г. против 1970 г. должно было составить около 95 млн руб. В то же время увеличение кредитов ЧССР и досрочное погашение кредитов, предоставленных ранее ГДР в качестве их доли участия в расходах

по созданию дополнительных производственных мощностей по добыче нефти давало экономии порядка 40 млн руб. в расчете на год [10, л. 8].

ВЫВОДЫ. Таким образом, в исследуемый период наблюдался резкий рост использования углеводородов нефти и за этот счет расширение производства продукции органического синтеза взамен продовольственного сырья и натуральных материалов, произошёл значительный поворот к повышению качества конечных продуктов нефтепереработки и продукции нефтехимического синтеза. Химическая и нефтехимическая отрасли демонстрировали в послевоенный период значительный рост: по сравнению с 1940 г. в 1970 г. объем продукции в отрасли увеличился в 27 раз. Удельный вес отрасли в общем объеме продукции промышленности СССР вырос с 4,9% в 1970 г. до 6,8% в 1987 г. К этому году на 22 предприятиях в химической и нефтехимической промышленности численность промышленно-производственного персонала превышала 10 000 чел. [2, с. 190–192, 196–197]. Но, как свидетельствуют документы, несмотря на предпринимаемые меры, отставание Советского Союза от ведущих капиталистических стран и ряда стран-союзников по многим направлениям развития отрасли нарастало. В качестве факторов торможения назовем дефицит современного оборудования; недостаточность выделяемых средств и просчеты планирования; отставание в развитии транспортных средств для вывоза нефтепродуктов; слабый уровень подготовки сырья на промыслах, позволяющей перерабатывать нефть с большим содержанием воды и солей и др. Произведенная продукция не отличалась качеством, не была достаточно конкурентоспособной. Низкие цены на нефть и нефтепродукты сдерживали разработку и применение ресурсосберегающих технологий. Фактором торможения являлись и политические мотивы, форсированный экспорт нефти в социалистические страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дегтев С.И. Внешнеэкономические аспекты хозяйственной реформы 1965 г. (На примере нефтяной промышленности СССР) // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991) / Под общ. ред. В.Ю. Алекперова. М., 2005. С. 456–490.
2. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. М., 2023. 930 с.
3. Кувалин Д.Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. М.: МАКС пресс, 2009. 319 с.
4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 40. Д. 61.
5. РГАН И. Ф. 5. Оп. 40. Д. 207.
6. РГАН И. Ф. 5. Оп. 59. Д. 106.
7. РГАН И. Ф. 5. Оп. 60. Д. 105.
8. РГАН И. Ф. 5. Оп. 59. Д. 107.
9. РГАН И. Ф. 5. Оп. 60. Д. 112.
10. РГАН И. Ф. 5. Оп. 60. Д. 113.
11. РГА Э. Ф. 9573. Оп. 1. Д. 1392.
12. Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР-России (1939–2008 гг.). Автореф. дисс... д.ист. наук. М., 2013. 47 с.
13. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е — середине 1960-х годов. Дисс... д-ра ист. н. Институт российской истории Российской академии наук. М., 2006. 418 с.
14. Ханин Г.И. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль-XXI. 2002. № 5. С. 72–89.
15. Dienes L., Shabad Th. The Soviet energy system: resource use and policies. New York, 1972. 298 p.
16. Ericson R. The Soviet Union, 1979–1990. San Francisco, 1990. 60 p.

REFERENCES:

1. Degtev S.I. *Vneshneekonomicheskie aspekty hozyajstvennoj reformy 1965 g. (Na primere neftyanoj promyshlennosti SSSR)* [Foreign economic aspects of the economic reform of 1965 (On the example of

- the USSR oil industry)]. Oil of the country of the Soviets. Problems of the history of the oil industry of the USSR (1917–1991). Under the general editorship of V.Y. Alekperov. Moscow, 2005. S. 456–490. (In Russian).
2. Kalabekov I.G. *SSSR i strany mira v cifrah*. [The USSR and the countries of the world in numbers]. M., 2023. 930 s. (In Russian).
 3. Kuvalin D.B. *Ekonomicheskaya politika i povedenie predpriyatij: mekhanizmy vzaimnogo vliyaniya* [Economic policy and behavior of enterprises: mechanisms of mutual influence]. M.: MAKS press, 2009. 319 s. (In Russian).
 4. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii* [The Russian State Archive of Modern History]. (RGANI). F. 5. Op. 40. Ed. xr. 61. (In Russian).
 5. RGAN I. F. 5. Op. 40. Ed. xr. 207. (In Russian).
 6. RGAN I. F. 5. Op. 59. Ed. xr. 106. (In Russian).
 7. RGAN I. F. 5. Op. 60. Ed. xr. 105. (In Russian).
 8. RGAN I. F. 5. Op. 59. Ed. xr. 107. (In Russian).
 9. RGAN I. F. 5. Op. 60. Ed. xr. 112. (In Russian).
 10. RGAN I. F. 5. Op. 60. Ed. xr. 113. (In Russian).
 11. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki*. [The Russian State Archive of Economics]. (RGAE). F. 9573. Op. 1. Ed. xr. 1392. (In Russian).
 12. Slavkina M.V. *Vliyaniye otechestvennogo neftegazovogo kompleksa na modernizacionnye processy v SSSR-Rossii (1939–2008 gg.)*. [The influence of the domestic oil and gas complex on modernization processes in the USSR-Russia (1939–2008)]. Avtoref. diss... d.ist. nauk. M., 2013. 47s. (In Russian).
 13. Shestakov V.A. *Social'no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 1950-e — seredine 1960-h godov*. [Socio-economic policy of the Soviet state in the 1950s — mid-1960s]. Diss... d-ra ist. n. M. 2006. 418 s. (In Russian).
 14. Khanin G.I. *Desyatiletie triumfa sovetskoj ekonomiki. Gody pyatidesyatye* [The decade of the triumph of the Soviet economy. The Fifties]. *Svobodnaya mysl'* — XXI. 2002. № 5. S. 72–89. (In Russian).
 15. Dienes L., Shabad Th. *The Soviet energy system: resource use and policies*. New York, 1972. 298 p. (In English).
 16. Ericson R. *The Soviet Union, 1979–1990*. San Francisco, 1990. 60 p. (In English).

ВОДА И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ СИБИРИ**SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN HISTORY**

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.016

УДК 94(571.1)"17": 639.2(091)

ББК 63.3(253.3)53-2

О.А. МИЛЕВСКИЙ

**РЕКА ОБЬ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.**

O.A. MILEVSKY

**RIVER OB AS OBJECT OF SCIENTIFIC
RESEARCH OF POLITICAL EXILES
THE LATE XIX-EARLY XX CENTURIES**

В статье рассматривается научная деятельность политических ссыльных, направленная на изучение реки Обь. Обращается внимание на то, что в основном они фокусировали свое внимание на выяснении роли реки в социально-экономической жизни населения Севера Западной Сибири. Особое внимание ими уделялось изучению способов рыбной ловли, специфике организации рыболовных промыслов и тяжелому положению рабочих-промысловиков. Анализируются предложения ссыльных по реорганизации рыбного промысла на Оби на более справедливых принципах гуманизации труда, создания артелей и кооперации.

The article examines the scientific activities of political exiles aimed at studying the Ob River. Attention is drawn to the fact that they mainly focused on clarifying the role of the river in the socio-economic life of the population of the North of Western Siberia. They paid special attention to the study of fishing methods, the specifics of the organization of fisheries and the study of the working conditions of fishing workers. The proposals of the exiles for the reorganization of fishing in the Ob on more equitable principles of humanization of labor, the creation of artels and cooperation are analyzed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Север Западной Сибири, река Обь, политическая ссылка, научные исследования, география, рыбные промыслы, кооперация.

KEY WORDS: North of Western Siberia, Ob River, political exile, scientific research, geography, fisheries, cooperation.

ВВЕДЕНИЕ. История изучения Севера Западной Сибири имеет давние традиции. Пионером в этом направлении в XVIII в. выступил естествоиспытатель и филолог из Данцига Д.Г. Мессершмидт. Его сибирские экспедиции, охватившие в том числе и Обской Север, продолжались с 1720 по 1727 гг. Именно по его поручению пленный шведский офицер Ф.Ю. Табберт выполнил описание реки Обь. Продолжателями дела Мессершмидта стали участники Великой Северной экспедиции (1720-1750-х гг.), а затем сибирской экспедиции П.С. Палласа 1768-1774 гг., в рамках которой В.Ф. Зуев совершил поездку к устью Оби и на побережье Ледовитого океана для изучения быта и культуры хантов и ненцев. По ее итогам он подготовил работу «Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцев» [6, с. 351]. Как видим, уже в XVIII в.

исследователи, работавшие на Севере Западной Сибири, уделяли внимание ее главной водной артерии — реке Обь.

В период с XVIII — по первую половину XIX в. проводились изыскания и в рамках топографии и картографирования рек Обь-Иртышского бассейна. В пореформенный период Западносибирский Север, важной составной частью которого являлся Тобольский Север, привлекает все большее внимание государства. Быстро нарождающийся отечественный капитализм также проявляет активный интерес к этому богатому ресурсами, но труднодоступному региону. В 1876 г. состоялась экспедиция, организованная на средства «Общества содействия русскому торговому мореплаванию» в составе Матвеева, Орлова и Васильева для исследования водного и сухопутного пути из Байдарацкой губы на реку Обь, через перешеек полуострова Ямал. Тогда же, в 1876–1877 гг. купцами Сибиряковыми, Трапезниковым и др. под эгидой этого же общества была снаряжена экспедиция в низовья Оби [11, с. 55]. В 1884 г. А.М. Сибиряков совершил путешествие на оленях от реки Печоры через Урал на северную Обь и далее по Югре до Тобольска. Этот путь впоследствии стал называться «сибиряковским трактом» [18, с. 96, 112–116].

И все же ключевым звеном в плане транспортной логистики для представителей торгового капитала оставалась река Обь. Именно она играла важнейшую роль в расширении торгово-экономических коммуникаций в этом краю «лесов и болот», где иных дорог просто не существовало. Причем Обь как транспортную магистраль задействовали и летом, и зимой. Вот что писал об этом в начале XX в. Г.А. Пирожников, служивший в то время сургутским уездным исправником: «Грунтовых дорог на Севере нет. Сообщение осуществлялось зимой на лошадях по магистрали реки Обь до юрт Мурасовых Лумпокольской управы на границе с Томской губернией до города Березова, а далее до Обдорска на лошадях и оленях...Летом сообщение осуществлялось по рекам на пароходах и лодках...Частные пароходы рейсовали до Обдорска в низовьях Оби, главным образом для обслуживания рыбных промыслов» [11, с. 49]. Огромную роль играла Обь и в экономическом развитии Тобольского Севера, именно по берегам этой реки располагались основные населенные пункты — Сургут, Березово, Обдорск, в которых велась активная предпринимательская деятельность купцов, на ней же производился основной рыбный промысел, а как известно, возобновляемые природные ресурсы (рыба, зверь, птица, дикороссы и кедровый орех) являлись тогда главным богатством Обского севера.

Поэтому неудивительно, что интерес к изучению Оби в конце XIX — начале XX вв. не угас, скорее наоборот! Но при этом он обрел новые очертания. Во многом это связано с двумя факторами. Первое — открытие по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова 31 июля 1877 гг. Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО). Именно в его рамках в 1879 г. исследования северных тундр между Обской губой и Сургутом производил сотрудник ЗСОИРГО Н.К. Хондажевский. Он же составил карту пройденного пути [11, с. 56].

Во-вторых, возрождение института политической ссылки в эти места, только теперь вместо декабристов и поляков сюда отправлялись революционеры-народники. Именно эти люди, часто из образованных классов общества, сыграли большую роль в изучении региона, включая реку Обь.

Научная деятельность политссыльных на Севере Западной Сибири начала изучаться сразу после Октябрьской революции 1917 г. В центральном журнале «Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев» — «Каторга и ссылка» уже в 1920-х гг. появляется ряд статей С.П. Швецова [22; 23; 24; 25], статья В.И. Николаева [10], автора под псевдонимом «Сургутянин» [20], а также статья Ю.Н. Подбельского [12], в которых приводились малоизвестные факты об этой стороне жизни ссыльных-народников.

В более поздний период развития советской и постсоветской исторической науки выходят отдельные статьи и работы на эту тему. Среди авторов можно назвать имена Л.П. Ро-

щевской [14; 15; 16; 17], В.К. Белобородова и Т.В. Пуртовой [2], О.А. Милевского [7; 8; 9]. Однако в этих исследованиях не уделялось специального внимания научной деятельности политссыльных, касающихся собственно реки Обь.

ЦЕЛЬЮ статьи является анализ интеллектуального наследия политических ссыльных конца XIX — начала XX вв., непосредственно связанного с изучением реки Обь.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве источниковой базы в статье используются научные труды С.П. Швецова, В.В. Бартенева и дневниковые записи Л.Н. Скалозубова, в период пребывания его в березовской ссылке в 1906 г. При подборе источников учитывалось не только наличие в работах данных исследователей нужного материала, но и, что не менее важно, — география их размещения. С.П. Швецов отбывал ссылку в Сургуте, Л.Н. Скалозубова после Первой русской революции выслали в Березов, а В.В. Бартенов длительное время провел в Обдорске (Салехард).

Таким образом, они располагались в трех ключевых пунктах Обского севера, а это при анализе их материалов дает возможность получить более репрезентативные данные о реке Обь в ее среднем и нижнем течении. Основными методами, используемыми в работе, являются сравнительно-исторический, при помощи которого анализировались имеющиеся в наличии материалы, написанные в разное время, и историко-типологический, его применение способствовало выделению единых типологических черт при анализе рассматриваемых явлений и их последующей систематизации по сходным признакам.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. При рассмотрении научной деятельности ссыльных по изучению Оби необходимо учитывать следующее обстоятельство — в виду невозможности их отлучек из пунктов размещения, а таковое запрещение стало особенно ревностно соблюдаться местными властями после начала деятельности Верховной распорядительной комиссии под председательством М.Т. Лорис-Меликова в 1880 г. и событий 1 марта 1881 г. [26, с. 120], они могли проводить свои изыскания только стационарно.

Можно выделить два направления в их исследованиях. Первое — это собственно географическое, включающее в себя описание флоры и фауны, очертания и геологии береговой линии, влияния реки на климат и проч. Второе, оно же главное — это изучение социально-экономической роли реки в жизни местных жителей. Особое внимание уделялось выявлению способов и организации промысла рыбы, характеру взаимоотношений представителей торгового капитала с местным, в том числе автохтонным населением и т.д.

Что касается организации изучения тех мест, где проживали ссыльные, то в этом вопросе ЗСОИРГО, как могло, старалось помочь. Отмечу, что принципы работы отделений ИРГО и созданных под его покровительством структур с иногородними сотрудниками сводились к следующему: на периферию рассылались анкеты, задания, давались письменные консультации, разыскивались специалисты при помощи объявлений и переписки с широким кругом корреспондентов. То есть отделения ИРГО и музеи выступали как организаторы научных исследований на местах, а политссыльные являлись одними из главных их внешних сотрудников.

Примерно также строились взаимоотношения ЗСОИРГО с «узниками Тобольского севера». Причем нужно отметить, что ЗСОИРГО и Тобольский музей пытались оказывать методическую помощь ссыльным в организации исследований, дабы придать изучению Обского Севера более целостный и комплексный характер. Для этого эти научные учреждения разрабатывали для политссыльных специальные опросники и целые программы по проведению дальнейших работ. Некоторые из анкет были составлены очень квалифицированно, на уровне лучших норм русской и мировой статистической науки; они насчитывали более сотни вопросов, имели грамотно сформулированные четкие и подробные методические рекомендации, что облегчало сбор самых разнообразных сведений.

Одну из таких программ получил в 1893 г. ссыльный А.И. Бородзич для сбора сведений по Обдорскому краю. Программные вопросы группировались вокруг этнографии, экономи-

ки и права. Пункты программы обращали внимание на пережитки первобытных отношений у народов Севера: «существует ли и в какой форме «большая семья», «в брачных отношениях не сохранились ли следы умыкания невест». Другая группа вопросов ориентировала на выяснение особенностей естественного разделения труда, предлагалось собрать сведения о развитии экономики в современную эпоху: «уменьшается ли количество пушного зверя и рыбы», «каковы размеры годовой добычи и ее ценность». Имелся вопрос об индивидуальной и родовой охоте. Пятый пункт был посвящен земельным и промысловым угодьям, кому они принадлежат, как распределяется эта собственность, кто ею распоряжается. В восьмом и девятом разделах говорилось о причинах незначительного увеличения населения на Севере, об отношениях и взаимовлиянии остяков, зырян и русских. О кустарной промышленности упоминалось дважды — в разделе об охоте и рыболовстве (но подробная характеристика здесь не требовалась) и в последней части программы об оленеводстве. Заканчивалась программа словами «Роды (виды) промышленности, связанные с оленеводством. Его доходность» [3, с. 74].

Программа не предлагала исследователю делать выводы по своему материалу, но подводила к необходимости провести самое широкое обследование всех сторон жизни народов Севера. Отчеты об экспедициях и исследованиях публиковались, как в «Записках ЗСОИРГО», так и в ежегодниках Тобольского губернского музея. Немало места в изысканиях, проводимых политссыльными, впоследствии опубликованных, уделялось и крупнейшей транспортной, да и экономической артерии региона — реке Обь.

Открыли череду подобных работ «Очерки Сургутского края», написанные С.П. Швецовым. Они увидели свет в «Записках ЗСОИРГО» в 1888 г.¹ Чуть позднее появилась работа В.В. Бартенева «На крайнем севере Западной Сибири. Очерки Обдорского края». Впервые ее фрагменты опубликовал журнал «Новое слово» (1896. № 8). В этих научных сочинениях, как и в дневниках Н.Л. Скалозубова, немалое место отведено географическому описанию Оби и выявлению ее социально-экономической роли в жизни жителей этих мест.

Так и С.П. Швецов, и В.В. Бартенев обращали внимание на суровый, а главное — очень тяжелый для жизни климат региона. Это длительная восьми-девяти месячная суровая зима, когда морозы за минус 40 градусов не редкость, резко сменяющее ее теплое и сырое лето с огромным количеством кровососущих насекомых. По наблюдениям политссыльных, на формирование такого климата напрямую влияло обилие воды и «сильнейшие разливы орошающих округ рек Оби и ее притоков — Ваха, Агана, Пима, Югана и Салыма» [27, с. 36]. Разливы этих рек, да еще и огромное количество талых вод, приводили к затоплению окрестных мест на сотни верст и надолго превращали их в болота. В свою очередь избыточная влажность делала местный климат крайне нездоровым и приводила к возникновению мириад комаров и мошки, что делало жизнь в этих местах как для людей, так и для скота очень тяжелой [27, с. 36].

Вообще в изучение климата и погоды Обского севера политические ссыльные сыграли важную роль. Фактически, они заложили основы местной метеорологии. Первые метеорологические станции в этих местах были открыты и обслуживались именно ссыльными с конца 1870-х г. Располагались они в Березово, Обдорске, Нахречах (Кондинском) и Сургуте [14, с. 167].

Одной из первых на Обском Севере в 1879 г. открылась метеостанция в Сургуте. Поэтому, анализируя климат Сургутского края, С.П. Швецов делал это вполне репрезентативно, на основе данных местной метеостанции. В Обдорске метеостанция начал работать в 1880 г., с 1882 г. в ней наблюдения вели только политссыльные, а в 1891 г. после отъезда из Обдорска Н.А. Нукермана станцию возглавил В.В. Бартенев. Поэтому он мог также основываться в своих наблюдениях за климатом Обдорского края на объективных данных.

¹ Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1888. Т.Х. С. 1-87.

Изучение географии различных мест Обского севера, через которые несла свои воды могучая Обь, неминуемо приводило политссыльных к необходимости более пристального внимания к анализу природо-ресурсной базы региона. Так, описывая в своих трудах флору этих мест, они попутно оценивали лесные богатства мест, где проживали. Ими отмечалось резкое преобладание в лесу или, как его называли местные, «урмане» хвойных пород, из коих повсеместно распространены кедр, лиственница, местами пихта, а преобладающими являются сосна и ель. Такие урманы тянутся вплоть до Березова, которое стоит «среди прекрасного кедрового леса» [1, с. 116], а далее хвойные леса с наличием кедра простираются на север по низовьям Оби, прерываясь примерно за 300 верст от Обдорска [1, с. 116].

Кроме огромных запасов ценных сортов древесины, которых даже при «самом хищническом и неразумном пользовании хватит на десятки лет» [27, с. 37], политссыльные акцентировали внимание на других возобновляемых сокровищах края — пушной зверь (лисица, росомаха, соболь, песец, рысь, горностаи, бурундук, белка), птицы — мясо, пух и перо которых ценится (рябчики, тетерева, лебеди, гуси, гаги, утки), но главное — это рыба. Из крупных и дорогих промысловых пород в Оби и ее притоках выделялись осетр, нельма, стерлядь, муксун, щокур, сырок [27, с. 37]. К этому Н.Л. Скалозубов добавлял сосвинскую сельдь, указывая, что начало ее промысловому лову положил Сибиряков «объявивший за нее цену 3 руб. (за пуд — О.М.) и приславший бочонки» [19, с. 364]. По описаниям Н.Л. Скалозубова, сельдь «очень жирна и вкусна» [19, с. 365]. Одним из центров ее добычи являлся Березов.

Именно изучение рыбного промысла на Оби и ее притоках объединило интересы исследователей. Особенно преуспел в этом С.П. Швецов, причем для сбора материалов по данной тематике он связывался со своими «друзьями по несчастью» из других мест [22, с. 71]. С.П. Швецов прямо отмечал, что «для обитателей описываемого края, русских или остяков, рыба имеет первенствующее значение: она главная пища... для окружного же населения, сверх того, и один из главнейших предметов сбыта на сторону, почему, естественно, и рыболовству в ряду других занятий и промыслов принадлежит первенствующее место» [27, с. 58].

Поэтому неудивительно, что именно социально-экономическое значение речных промыслов на Оби политссыльные изучали особенно активно. При анализе их научного наследия обращает на себя внимание то обстоятельство, что С.П. Швецов, В.В. Бартнев и Н.Л. Скалозубов несколько иначе, чем В.Я. Богучарский и особенно К.В. Гамолецкий, смотрели на вопросы рыбодобычи. В отличие от двух последних, они практически не ставили вопроса об охране рыбных запасов. Главное, на чем концентрировалось их внимание, — это способы, организация лова и социально-экономическое положение рабочих на промыслах.

И здесь перед ними, как истинными «друзьями народа», вставал вопрос о судьбах русской общины, кустарных промыслов и российском капитализме, традиционно волновавший публицистов народнического лагеря (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон и др.). Однако наблюдения за жизнью «людей реки» не всегда совпадали с традиционными тезисами народничества. На основе своих личных наблюдений за промысловиками-сургутянами С.П. Швецов, в пику традиционным утверждениям народников-экономистов, являющихся убежденными сторонниками общины и везде усматривающими исконное общинное начало, показал, что применительно к рыбному промыслу на Оби — это коллективизм выглядит несколько иначе.

Изучая организацию добычи рыбы, он заметил отличие ее лова на больших и малых реках. Так, на Оби и ее крупных притоках добыча велась громадными неводами, а на малых речках и озерах — сетями, перетягивающими водоемы поперек, а также «мордами» и другими ловушками [27, с. 58]. Снасти для лова второго типа были более дешевы, изготавливались местными умельцами и их имели почти все домохозяева. Иначе дело обстояло с обеспечением таковыми снастями на больших реках, где добывалась самая дорогая

рыба — осетр стерлядь, нельма, муксун, щекур. Здесь ощущалась необходимость в особых лодках, так называемых неводниках, на 15–20 человек, и огромных на 200–300 сажен неводах, железных баграх, канатах и проч. Все это требовало уже больших средств. Цена хорошего невода достигала нескольких сот рублей, лодка-неводник стоила 25–30 рублей [27, с. 59].

В результате, по наблюдениям С.П. Швецова, промысел на Оби сургутяне вели на коллективных артельных началах, хотя слово артель не использовали, заменяя словом «товарищ», то есть «не вступить в артель», а «пойти в товарищи» [27, с. 51]. Однако природа этого «товарищеского коллективизма» оказывалась иной, не исторически сложившейся, а скорее экономически обусловленной. Вывод его гласил: «Таким образом, существование артели в промысловых занятиях сургутян мы объясняем не склонностью местного населения к якобы избранной форме труда, составляющего характерную черту русского племени, а просто физической невозможностью вести промыслы в ином начале, помимо, артельного» [27, с. 59].

И все же при общей оценке экономической ситуации в Сургутском крае народник в С.П. Швецове брал верх. Он, как раз следуя народнической традиции, отмечал фактор разложения общинных начал, указывая как главную причину — фактор кулака, ранее уже хорошо описанный в трудах писателей-народников применительно к Европейской России. В рамках этой литературной традиции С.П. Швецов обращал внимание на то, что «не всякая артель промышленников вполне пользуется результатом промысла, — нередко случаи, когда она бывает вынуждена уступать часть своих заработков, постороннему лицу, скупщику-кулаку» [27, с. 54].

Об усиливающейся роли скупщика-кулака писал и В.В. Бартенев, с грустью отмечавший, что желание нажиться на трудностях ближнего — явление в современной ему России повсеместное — не обошло и жителей Обдорска. «Обдорянин, эксплуатирующий инородца, — писал он. — Ничем не хуже, скупщика Европейской России, обирающего кустарей... Поэтому странно осуждать обдорян за то, что они следуют общей тенденции всей жизни» [1, с. 154].

Отметим, что свои наблюдения С.П. Швецов и В.В. Бартенев делали в тот период, когда капитализм уже активно развился на рыбных промыслах и предстал перед ними во всей своей негативной изнанке. С.П. Швецов, наблюдая реалии промышленного лова дорогих пород рыбы, отмечал, что «трудно представить себе более гибельную обстановку, чем та, которую мы встретили на рыбных песках Оби и ее притоков» [27, с. 66].

Следует отметить, что его нелюбимые оценки в целом совпадали с итогами обследования Тобольского Севера, проведенного И.С. Поляковым по заданию Академии наук в 1876 г. По итогам этой экспедиции, ученый вполне объективно описал крайне тяжелое положение промысловых рабочих. Он прямо указывал на то, что обская рыбопромышленность находится в первобытном состоянии, и чтобы из него выйти, «должна из тех денег, которые хозяева кладут в свои кошельки в Тобольске, Екатеринбурге и после Ирбитской ярмарки, уделять значительную часть остякам, которые остаются в своих убогих юртах и чумах постоянно в долгах; — рабочим, которые уносят из Тобольска по полу-ковриге черного хлеба, лохмотья, болезни, часто не излечимые, с тупым воспоминанием о понесенных трудах, лишениях, о нанесенных оскорблениях, вдобавок к чему, возвращающийся и нищий уже рабочий находит в той же нищете и свою семью» [13, с. 102].

Более того, И.С. Поляков составил рекомендации по улучшению ситуации, на основе которых генерал-губернатор Казнаков распорядился принять меры к насколько возможно исправлению положения дел. В частности, предусматривалось: сокращение продолжительности рабочего дня, требование к хозяевам построить жилые помещения с соблюдением гигиенических норм по планам губернского строительного комитета, столовые, бани, улучшить питание одежду. Но мероприятия эти так и не были осуществлены. Рыбопро-

мышленники не выполнили распоряжений [11, с. 31]. Так что в данном вопросе ссыльные народники выступали заодно с властью, но мало чего добились.

Не менее ярко изобразил проявления «дикого капитализма» на рыбных промыслах в своих «очерках» начала 1890-х гг. В.В. Бартенев: «Большинство обдорских промышленников — мелкие, нанимающие около 5–7–12 рабочих. Некоторые имеют и больше до 100 человек; рабочими являются частью русские и зыряне из обдорских жителей, частью (значительное большинство) — остяки. Рабочая плата колеблется от 5–7 рублей до 30–50 за лето. Как среднюю можно принять 20 рублей» [1, с. 188]. Описал он и использование самого дешевого детского труда, а также стариков и калек [1, с. 213]. В.В. Бартенев как истинный народник, ставший невольным свидетелем активного вторжения торгового капитала в жизнь «людей реки», полагал, что спасение от рабского труда рыболовов в том, чтобы мелкие промышленники соединялись в артели, но видел на этом поприсе много подводных камней [1, с. 213], хотя и полагал, что такое время для Обдорска когда-нибудь наступит [1, с. 210].

Однако в реалиях неумолимое время все дальше отодвигало мечты народников конца 1870–1880-х гг. о справедливых артельных сообществах, заменяя их суровой правдой хищнического русского капитализма «Колупаевых и Разуваевых». Эту ситуацию, связанную как раз с добычей рыбы в Березове, наблюдал уже в 1906 г. Н.Л. Скалозубов. В результате своих бесед с местными жителями и изучения ситуации на месте, он в своем дневнике отмечал, что упадок Березова начался с того, что «жители целиком очутились в кабальной зависимости от тобольских рыбопромышленников» [19, с. 364].

Интерес предпринимательских кругов к Оби, особенно низовой ее части, с огромными рыбными запасами, был действительно очень серьезным. В начале 1890-х гг. А.М. Сибиряков на пароходе «Енисей» обследовал рыбные промыслы на Оби и в Обской губе и побывал в Березове. Как справедливо отмечала историк О.А. Задорожная: «Такие расходы мог позволить себе не каждый предприниматель» [5, с. 87], и, естественно, такие дорогостоящие поездки проводились с дальними прицелом, а именно с целью извлечь максимальную прибыль из эксплуатации рыбных ресурсов Нижней Оби.

О резкой активизации промыслового бизнеса на Оби и ее притоках свидетельствуют и цифры. По данным Н.А. Верпоховского, добыча рыбы в Обь-Иртышском бассейне в 1900-х гг. достигала 1 миллиона пудов [4, с. 84], а ранее в 1876 г. И.С. Поляков приводил вес рыбы, вывозимой в Тобольск «из остяцких земель, в 500 000 пудов» [13, с. 101]. Даже при всей приблизительности подсчетов рост за три десятка лет очевиден.

От хищнической деятельности «акул рыбного бизнеса» в первую очередь страдала та часть населения Обского севера, для которого река служила кормилицей и средством заработка. Всю остроту ситуации понимали даже некоторые из наиболее думающих и заботящихся о будущем рыбопромышленников. В своей дневниковой записи от 29 апреля 1906 г. Н.Л. Скалозубов воспроизвел свой весьма показательный разговор с одним из таковых — по фамилии Никитин. В этой беседе последний говорил «о необходимости, в видах поднятия благосостояния по Оби живущего населения, издания закона, по которому было бы запрещено ловить вонзевую рыбу (живец сеговых пород рыбы, поднимающийся с Обской губы на нерест — О.М.) в низовьях Оби ниже мыса Вангальского (5 верст от Обдорска) до 5 июля. Все крупные и богатые рыбопромышленники захватили пески ниже Вангальского мыса, где Обь соединяется в один рукав. Здесь они ждут рыбу и вычерпывают ее. Рыба идет большими косяками. Отсюда понятна та иногда баснословно высокая арендная плата (до 3000 рублей в год), которую рыбопромышленники в состоянии выплачивать за пески. Из захваченной неводами рыбы в солку идет самая лучшая, остальное идет на присол рабочим и на заготовку «юколы». Поэтому низовой товар всегда лучше верхового. В годы, особенно обильные рыбой, много ее просто бросается и гниет» [19, с. 337]. Стоит добавить, что, по оценкам В.В. Бартенева, тобольские купцы и рыбопромышленники вылавливали 9/10 всей низовой рыбы [1, с. 186].

То есть здесь вам и недобросовестная конкуренция, и хищническая эксплуатация речных угодий, и разорение и закабаление местного населения, в том числе автохтонного. Попутно в приведенной выше дневниковой записи Н.Л. Скалозубов поднял и еще один острый вопрос — о сдача ценнейших рыбных песков низовой Оби, принадлежащих осяткам (хантам), в аренду крупным промышленникам. Казалось бы, все делалось добровольно и за плату. Но на деле оборотистые купцы зачастую просто обирали коренное население Югры, пользуясь его неумением адаптироваться к новой экономической ситуации или используя его слабости, включая алкоголь.

Ссылки не раз заостряли на этом внимание. «Многие остяцкие общества сдают свои ловли в аренду тобольским купцам и некоторым крестьянам-рыбопромышленникам, — писал С.П. Швецов. — Причем сдаются самые лучшие рыболовные пески, славящиеся богатейшим уловом рыбы. Сдавая их, остяки далеко не всегда руководствуются тем соображением, что у них находятся лишние, не нужные им самим, удобные для лова места — чаще всего в этом играет роль крайняя нищета остяков, не имение собственных рыболовных снастей и других принадлежностей промысла, вообще невозможность эксплуатировать собственными силами, находящиеся в их руках богатства. Та же безвыходная нищета заставляет остяков наниматься в работники к рыбопромышленникам и закабаляться им» [27, с. 49].

На такую же незавидную участь коренных жителей Севера Западной Сибири указывал и В.В. Бартенев, отмечая, что «по Оби вниз от Обдорска есть очень много рыболовецких мест, которых остяки, за их сравнительной малочисленностью, сами эксплуатировать не могут и сдают в аренду преимущественно богатым тобольским купцам. При этом остяки получают самую ничтожную плату в силу того, что они совершенно закабалены неоплатными долгами» [1, с. 129]. Слова С.П. Швецова и В.В. Бартенева полностью совпадали с оценкой тогдашней ситуации Г.А. Пирожниковым, отмечавшим что «с развитием товарно-денежных отношений вылов увеличивался, рыба становилась товаром...лучшие угодья аборигенов захватывались русскими рыбопромышленниками, проводившими добычу рыбы в большом количестве, часто хищническим способом, в том числе самоловами. Иногда для видимого соблюдения законности, угодья арендовались, но за самую низкую плату» [11, с. 31].

Как уже выше указывалось, выход из сложившейся ситуации ссылки — народники видели в необходимости создания артелей, организованных на справедливых началах. В.В. Бартенев со ссылкой на статью «Осташи» Красноперова из «Русского богатства» (№ 6, 1894 г.) даже приводил пример подобной рыболовецкой артели латышей, успешно работающей на Западной Двине, построенной на основаниях взаимопомощи и исповедующей принципы равенства и братства [1, с. 208–209]. Но при этом те же политссылки признавали, что пока до этого очень далеко.

Из практических рекомендаций все тот же В.В. Бартенев предлагал учреждение регулярно пароходства по Оби до Обской губы. Он полагал, что если бы пароходы ходили все лето и понемногу забирали рыбу, то «тогда цена на нее поднялась бы, облегчился бы сбыт, привоз стал бы более равномерен и т.д.» [1, с. 210]. Но он сам весьма критично оценивал свое предложение, полагая, что содержание парохода не окупилось бы [1, с. 210].

Хотя здесь он оказался не прав, уже в начале XX в. появились первые маршруты речных судов на Обской север, так «Обдорско-Тобольская компания» получила привилегию на организацию движения судов между Тюменью, Тобольском, Березово и Обдорском в течение последующих 10 лет [5, с. 97]. Практически одновременно с ними на Севере Западной Сибири начал свою деятельность Торговый дом «Плотников и С-я», например, в 1901 г. по маршруту Тюмень-Обдорск курсировало судно этой компании «Почетный», которое «принимало грузы и пассажиров на борт после прибытия поезда, а из Обдорска вывозила продукцию местных промыслов и сырье для рыбоконсервного завода» [5, с. 98]. Как видим, предпринимательские инстинкты и рост капиталов тобольского купечества опрокидывали, казалось бы, даже самые несбыточные идеи народников.

Другой практической рекомендацией от ссыльных, уже в условиях начала XX в., служило вполне разумное предложение Н.Л. Скалозубова о необходимости организации устойчивого кредита, то есть создания кредитных учреждений, в том числе для поддержания вольного рыбного промысла [19, с. 364–365], но это едва ли улучшило положение коренного населения Севера Западной Сибири.

В развитие данной темы стоит также отметить идею В.В. Бартенева, касающуюся более справедливого раздела рыбных угодий в районе Обдорска. Он отталкивался от того, что из того, что остяки владеют землями на родовом начале, а вследствие разных причин (эпидемии и проч.) инородцы вымирают, и очень часто в родах остаются буквально единицы на огромные пространства и «притом получающие самый ничтожный доход, благодаря кабале у тоболяков».

Исходя из такого положения дел, он предлагал: «Вот из этих-то латифундий... произвести наделение, как обдорских крестьян, так и более бедных инородцев. Пострадали бы, в сущности, только крупные рыбопромышленники, в руках которых фактически находится остяцкие земли» [1, с. 130]. Но думается в логику набирающего силу на окраинах Российской империи хищнического капитализма, в целом поддерживаемого официальной властью, такие предложения В.В. Бартенева и остальных едва ли вписывались.

ВЫВОДЫ. Таким образом, при анализе научной деятельности политссыльных отчетливо видно, что они много сделали для изучения Севера Западной Сибири, причем изнутри, проживая в местах ссылки длительное время. Немалое место в их исследованиях уделено главной водной артерии этого региона — реке Обь. Да, ссыльные в силу привязанности к местам своего пребывания не могли, достаточно развернуто проводить свои географические изыскания, изучать геологию прибрежных районов, гидрологию реки и т.д.

Хотя даже в такой ситуации, проживая в населенных пунктах, расположенных по Оби, занимаясь метеонаблюдениями, они обратили внимание на то, какое влияние оказывала речная система Оби на формирование климата этой огромной территории.

Немало политссыльные сделали и для изучения природно-ресурсного потенциала Обского севера, в котором рыбные богатства играли ключевую роль. Опираясь на полученные данные, они обратились к исследованию социально-экономического положения населения, живущего по берегам Оби, и в этом действительно преуспели. Изучая организацию и способы добычи ценных пород рыбы, ссыльные увидели быстрое проникновение капитализма в эту сферу. Конечно, они понимали, что появление крупного капитала в рыбопромысловом деле в целом способствовало развитию экономики края, но, с другой стороны, дикий капитализм нес в себе целую череду социальных издержек, которые ссыльные резко критически обозначили в своих работах:

Во-первых, продвижение фактически бесконтрольного лова богатыми промышленниками дальше на север приводило к разорению промысловиков, добывающих рыбу выше по течению Оби, что способствовало упадку городов, ранее известных как крупные центры рыбодобычи, например, Березово.

Во-вторых, безудержная, практически ничем не регламентированная эксплуатация наемных рабочих на промыслах нуворишами — рыбопромышленниками порождала многочисленные социальные язвы.

В-третьих, тяжелое положение автохтонного населения этих мест — остяков (хантов), исконно связанных с рекой и рыбным промыслом, но оказавшихся не готовыми к новым экономическим реалиям, которые нес с собой хищнический капитализм.

Исходя из этого, исследователи-политссыльные предлагали меры к исправлению ситуации. Они виделись им:

- в использовании новых форм трудовой организации в рыбной ловле, в том числе простейших форм кооперации и артелей, для организации более эффективного промысла;

- в организации системы кредитных учреждений, причем прямо в крупных населенных пунктах Обского севера;
- в притоке колонистов, но на этот раз вольных, богатых энергией и знанием. «Такие колонисты могли бы оживить край, вдохнуть в него душу», — с надеждой писал С.П. Швецов [27, с. 111].

К сожалению, большинство из этих предложений оказались не реализованными, но своими научными публикациями и статьями в местной печати политические ссылки все же обращали внимание власть предержащих на проблемы, имеющиеся на территориях, расположенных в речной системе Оби.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев В.В. На крайнем севере Западной Сибири. Очерки Обдорского края// Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжн. изд-во, 1998. С. 114–217.
2. Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: Библиограф. словарь. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 349 с.
3. Бровина А.А., Рощевская Л.П. Личные библиотеки Севера России (конец XVIII — начало XX вв.). Сыктывкар: Коми научн. центр Уро РАН, 2000. 93 с.
4. Верпоховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби: В 2-х ч. Тюмень: ООО «Изд-во Юрия Мандрики», 2003. 256 с.
5. Задорожная О.А. Речные компании Западной Сибири (1860–1917 гг.). Сургут: Издат. центр СурГУ, 2012. 254 с.
6. История Сибири. С древнейших времен до наших дней в 5-ти томах. Т. 2. Л.: Наука, 1968. 538 с.
7. Милевский О.А. Научная и культурно-просветительская деятельность политических ссыльных на Обском Севере: 1905–1917 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6 (69). 2020. С. 73–82.
8. Милевский О.А. Научно-исследовательская деятельность ссыльных народников по изучению Тобольского Севера: конец 1870-х–1890-е гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие / Сб. стат. Всероссийской научной конференции (г. Сургут, СурГУ, 24–25 ноября 2017 г.). Сургут: Печатный мир г. Сургута, 2017. С. 18–31.
9. Милевский О.А. Политическая ссылка 1860–1890-х гг. на Тобольский Север: социокультурный контекст. Тюмень: Аксиома, 2017. 132 с.
10. Николаев В.И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. 1927. № 5. С. 87–116.
11. Пирожников Г.А. Записки уездного исправника. Сургут: Северо-Сибирское региональное книжн. изд-во, 2002. 104 с.
12. Подбельский Ю.Н. Культурное наследие Сургутской политической ссылки (К столетию смерти декабриста А.И. Шакирева) // Уральское краеведение. 1928. № 2. С. 210–215.
13. Поляков И.С. Путешествие в долину р. Оби. Тюмень ООО «Изд-во Юрия Мандрики», 2002. 200 с.
14. Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 177 с.
15. Рощевская Л.П. Изучение приарктической территории России конца XIX — начала XX в. политическим ссыльным В.В. Бартеневым // Сибирская ссылка: Сб. науч. стат. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 252–273.
16. Рощевская Л.П. К истории изучения Обского Севера в последней четверти XIX в // Природные ресурсы Тюменской области (тезисы докладов на конференции 21–23 ноября 1972 г.). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1973. С. 113–115.
17. Рощевская Л.П. Тобольский губернский музей и политические ссылки конца XIX в // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архивного музея запovedника. Свердловск, 1975.

18. Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях с другими странами. СПб.: Тип М.М. Стасюлевича, 1907. 199 с.
19. Скалозубов Н.Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург: Средне— Уральское книжн. из-во, 1998. С. 359–390.
20. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
21. Ученые и краеведы Югры: библиографический словарь. / Сост. Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Тюмень: Софт Дизайн, 1997. 350 с.
22. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западную Сибирь // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 35–89;
23. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западную Сибирь // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 90–105.
24. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западную Сибирь // Каторга и ссылка. 1928. № 10. С. 96–112.
25. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западную Сибирь // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С. 88–105.
26. Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128.
27. Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжн. из-во, 1998. С. 34–111.

REFERENCES

1. Bartenev V.V. *Na krajnem severe Zapadnoj Sibiri. Ocherki Obdorskogo kraya* [In the far north of Western Siberia. Essays of the Obdorsky region] // *Tobol'skij Sever glazami politicheskikh ssyl'nyh XIX — nachala XX veka*. Ekaterinburg: Sredne— Ural'skoe knizhn. iz-vo, 1998. S. 114–217. (In Russian).
2. Beloborodov V.K. *Puteshestvie so skuki* [Journey from boredom] // *Podorozhnik: kraevedcheskij al'manah*. Vyp.5. Tyumen': Mandri K, 2005. S. 319–324. (In Russian).
3. Brovina A.A., Roshchevskaya L.P. *Lichnye biblioteki Severa Rossii (konec XVIII — nachalo XX vv.)* [Personal libraries of the North of Russia (late XVIII — early XX centuries)]. Syktyvkar: Komi nauchn. Centr Uro RAN, 2000. 93 s. (In Russian).
4. Verpohovskij N.A. *Rybolovstvo v bassejne reki Obi* [Fishing in the Ob River basin]: V 2-h ch. Tyumen': ООО «Izd-vo Yuriya Mandriki», 2003. 256 s. (In Russian).
5. Zadorozhnyaya O.A. *Rechnye kompanii Zapadnoj Sibiri (1860–1917 gg.)* [River companies of Western Siberia (1860–1917)]. Surgut: Izdat. Centr SurGU, 2012. 254 s. (In Russian).
6. *Istoriya Sibiri. S drevnejshih vremen do nashih dnei v 5-ti tomah* [The History of Siberia. From ancient times to the present day in 5 volumes]. T.2. L.: Nauka, 1968. 538 s. (In Russian).
7. Milevsky O.A. *Nauchnaya i kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' politicheskikh ssyl'nyh na Obskom Severe: 1905–1917 gg.* [Scientific and cultural and educational activities of political exiles in the Ob North: 1905–1917] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 6 (69). 2020. S. 73–82. (In Russian).
8. Milevsky O.A. *Nuchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' ssyl'nyh narodnikov po izucheniyu Tobol'skogo Severa: konec 1870-h-1890-e gg.* [Scientific research activity of exiled narodniks on the study of the Tobolsk North: the end of the 1870s-1890s.] // *Revolucionnaya Sibir': istoki, processy, nasledie / Sb. stat. Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Surgut, SurGU, 24–25 noyabrya 2017 g.)*. Surgut: Pechatnyj mir g. Surguta, 2017. S. 18–31. (In Russian).
9. Milevsky O.A. *Politicheskaya ssylka 1860–1890-h gg. Na Tobol'skij Sever: sociokul'turnyj kontekst* [Political exile of the 1860s-1890s to the Tobolsk North: a socio-cultural context]. Tyumen': Aksioma, 2017. 132 s. (In Russian).
10. Nikolaev V.I. *Sibirskaya politicheskaya ssylka i izuchenie mestnogo kraya* [Siberian political exile and the study of the local region] // *Katorga i ssylka*. 1927. № 5. S. 87–116. (In Russian).
11. Pirozhnikov G.A. *Zapiski uezdnogo ispravnika* [Notes of the district police officer]. Surgut: Severo— Sibirskoe regional'noe knizhn. iz-vo, 2002. 104 s. (In Russian).

12. Podbel'skij Y.N. *Kul'turnoe nasledie Surgutskoj politicheskoy ssylki (K stoletiyu smerti dekabrista A.I. Shakireva)* [Cultural heritage of Surgut political exile (To the centenary of the death of the Decembrist A.I. Shakirev)] // *Ural'skoe kraevedenie*. 1928. № 2. S. 210–215. (In Russian).
13. Polyakov I.S. *Puteshestvie v dolinu r. Obi* [Journey to the valley of the Ob River]. Tyumen' OOO «Izd-vo Yuriya Mandriki», 2002. 200 s. (In Russian)
14. Roshchevskaya L.P. *Revolucionery-raznochincy v zapadnosibirskom izgnanii* [Raznochin revolutionaries in West Siberian exile]. L.: Izd-vo LGU, 1983. 177 s. (In Russian).
15. Roshchevskaya L.P. *Izuchenie priarkticheskoy territorii Rossii konca XIX— nachal XX v. politicheskim ssyl'nym V.V. Bartenevym* [The study of the Arctic territory of Russia in the late XIX— early XX century by political exile V.V. Bartenev] // *Sibirskayassylka*: Sb. nauch. stat. Irkutsk: Ottisk, 2017. S. 252–273. (In Russian).
16. Roshchevskaya L.P. *K istorii izucheniya Obskogo Severa v poslednej chetverti XIX v.* [On the history of the study of the Ob North in the last quarter of the XIX century] // *Prirodnye resursy Tyumenskoj oblasti (tezisy dokladov na konferencii 21–23 noyabrya 1972 g.)*. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 1973. S.113–115. (In Russian).
17. Roshchevskaya L.P. *Tobol'skij gubernskij muzej i politicheskie ssyl'nye konca XIX v.* [Tobolsk Provincial Museum and political exiles of the late XIX century] // *Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Tobol'skogo istoriko-arhivnogo muzeya zapovednika*. Sverdlovsk, 1975. (In Russian).
18. Sibiryakov A.M. *O putyah soobshcheniya Sibiri i morskikh snosheniyah s drugimi stranami* [On the ways of communication of Siberia and maritime relations with other countries]. SPb.: Tip M.M. Stasyulevicha, 1907. 199 s. (In Russian).
19. Skalozubov N.L. *Dnevnik* [Diary] // *Tobol'skij Sever glazami politicheskikh ssyl'nyh XIX — nachala XX veka*. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhn. iz-vo, 1998. S. 359–390. (In Russian).
20. Surgutyatinin. *Sto let Surgutskoj ssylke* [Surgutyatinin. One hundred years of Surgut exile] // *Katorga i ssylka*. 1929. № 12. S. 92–117. (In Russian)
21. *Uchenye i kraevedy Yugry: bibliograficheskij slovar* [Scientists and local historians of Ugra: a bibliographic dictionary] / Sost. Beloborodov V.K., Purtova T.V. Tyumen': Soft Dizajn, 1997. 350 s. (In Russian).
22. Shvecov S.P. *Kul'turnoe znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnuyu Sibir'* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 3. S. 35–89. (In Russian).
23. Shvecov S.P. *Kul'turnoe znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnuyu Sibir'* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 4. S. 90–105. (In Russian).
24. Shvecov S.P. *Kul'turnoe znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnuyu Sibir'* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 10. S. 96–112. (In Russian).
25. Shvecov S.P. *Kul'turnoe znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnuyu Sibir'* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 11. S. 88–105. (In Russian).
26. Shvecov S.P. *K «predystorii» Yakutskoj bojni* [On the "prehistory" of the Yakut massacre] // *Katorga i ssylka*. 1929. № 4. S. 119–128. (In Russian).
27. Shvecov S.P. *Tobol'skij Sever glazami politicheskikh ssyl'nyh XIX — nachala XX veka* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the XIX — early XX century]. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhn. iz-vo, 1998. S. 34–111. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.022

УДК 94(571.51)"1953/1964":696.1

ББК 63.3(2)63-22+65.441.352

**Д.Ю. СОЛДАТЕНКО ВОДОПРОВОДНО-КАНАЛИЗАЦИОННАЯ
СИСТЕМА ГОРОДА КРАСНОЯРСКА
В 1953–1964 ГГ.**

**D.Y. SOLDATENKO WATER SUPPLY AND SEWERAGE SYSTEM
OF KRASNOYARSK CITY IN 1953–1964**

В статье рассматривается становление жилищно-коммунального хозяйства, уделяется особое внимание водопроводно-канализационной системе в городе Красноярске в период с 1953 по 1964 год.

Цель — проанализировать становление водопроводно-канализационной системы г. Красноярска в 1953–1964 гг. В работе используются принципы историзма, объективности, а также сравнительно-исторический метод. Также применяется антропологический подход для изучения социокультурных аспектов жизни людей в рассматриваемый период. Статья подчеркивает важность развития водопроводно-канализационной системы для улучшения жизненного уровня населения и обеспечения функционирования промышленности.

В ходе исследования нами были проанализированы имеющиеся источники по истории водопроводно-канализационной системы г. Красноярска в рассматриваемый период, а также были описаны действия местных властей в рамках модернизационных мероприятий по улучшению водопроводно-канализационной системы как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенный период (установка водозаборных колонок и будок, открытие новых трестов, осуществление мероприятий по дезинфекции воды, проведение гидравлических испытаний и т.д.). В ходе анализа имеющейся литературы по истории становления жилищно-коммунального хозяйства города нами были выявлены ключевые характеристики «хрущевско-го» этапа в истории формирования водопроводной и канализационной систем в г. Красноярске, что позволяет значительно расширить представления о повседневной жизни городского населения в данный период. На сегодняшний день нет фундаментальных трудов по истории становления водопроводно-канализационной системы города Красноярска в 1953–1964 гг. Данная работа представляет собой исследование об анализе формирования и эволюции водопроводно-канализационной системы в городе Красноярске. Статья вносит вклад в заполнение пробела в существующей литературе по этому вопросу, предлагая ценные новые данные и перспективы для дальнейших исследований.

The article examines the formation of housing and communal services, focusing on the water supply and sewerage system in Krasnoyarsk from 1953 to 1964. The aim is to analyze the formation of the water supply and sewerage system in Krasnoyarsk in 1953–1964. Several methodological approaches are used, including historicalism, objectivity, and comparative-historical methods. An anthropological approach is also applied to study socio-cultural aspects of people's lives during this period. The article emphasizes the importance of developing a water supply and sewerage system for improving the living standard of the population and ensuring the functioning of industry.

In the course of our research, we analyzed available sources on the history of the water supply and sewerage system in Krasnoyarsk during the specified period, as well as described key measures taken by local authorities within modernization activities to improve the water supply and sewerage system both during the Great Patriotic War and the postwar period (installation of water intake points and booths, opening of new trusts, implementation of water disinfection measures, hydraulic tests,

etc.). In the analysis of existing literature on the history of housing and communal services in the city, we identified key features of the Khrushchev era in the history of the formation of the water supply and sewerage systems in Krasnoyarsk, which significantly expands our understanding of everyday life of urban residents during that period.

To date, there are no fundamental works on the history of the water supply and sewerage system in Krasnoyarsk in 1953–1964. This work is an investigation into the analysis of the formation and evolution of the water supply and sewerage system in Krasnoyarsk. The article contributes to filling the gap in existing literature on this issue, offering valuable new data and perspectives.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жилищно-коммунальное хозяйство, водопроводно-канализационная система, период с 1953 по 1964 год, историзм, антропологический подход, социокультурные аспекты, жизненный уровень, промышленность.

KEY WORDS: housing and communal services, water supply and sewerage system, 1953–1964 period, historicism, anthropological approach, socio-cultural aspects, living standard, industry.

ВВЕДЕНИЕ. Водопроводно-канализационная система являлась одной из важнейших отраслей в истории жилищно-коммунального хозяйства. От ее эффективного и бесперебойного функционирования в годы Великой Отечественной войны зависела работа многих предприятий, а также уровень жизни жителей городов, тружеников тыла. Изучение истории складывания водопроводно-канализационной системы имеет большое значение также и с точки зрения понимания развития городской инфраструктуры, санитарно-гигиенических условий и качества жизни населения в рассматриваемый (послевоенный) период с позиции таких междисциплинарных подходов в исторической науке как городская антропология и урбанистика.

Различные аспекты стратегий финансирования отдельных сфер жилищно-коммунального хозяйства отражали общее состояние социально-экономического развития городов Западной и восточной Сибири в 1953–1964 гг., что и определяет необходимость изучения данной темы с позиции системного подхода. Актуальность выбора темы обусловлена как отсутствием фундаментальных трудов по истории становления водопроводно-канализационной системы в городах Красноярского края, (за исключением работ по истории жилищно-коммунального хозяйства в целом), так и в необходимости изучения ключевых аспектов управления и финансирования жилищно-коммунального хозяйства в исторической ретроспективе для определения новых эффективных стратегий развития городской среды и инфраструктуры на современном этапе развития российских городов.

ЦЕЛЬ статьи — проанализировать становление водопроводно-канализационной системы г. Красноярска в 1953–1964 гг.

Задачи:

- рассмотреть становление водопроводно-канализационной системы города Красноярска в 1953–1964 гг.
- выявить основные механизмы осуществления развития жилищной политики в области водопроводно-канализационной системы г. Красноярска в 1953–1964 гг.;
- определить основные результаты реализации политики ЖКХ в области водопроводно-канализационной системы в рассматриваемый период.

Методы. При написании статьи автор опирается на фундаментальные принципы исторического исследования — принципы историзма и объективности. Данные методологические установки играют важную роль в обеспечении научного анализа исторических процессов, позволяя рассматривать их в контексте развития и взаимосвязи. Рассмотрение истории становления жилищно-коммунального хозяйства через призму документальных источников позволяет более объективно изучить уровень развития его ключевых отраслей.

В статье также используется антропологический подход. Использование антропологического подхода позволяет углубить понимание социокультурных аспектов жизни людей

в рассматриваемый исторический период. Данный подход позволяет рассматривать ключевые системы жилищно-коммунального хозяйства не только как экономическую проблему, но и как составную часть социокультурного контекста, включая изменения в повседневной жизни городских жителей. Использование системного подхода в исследовании позволило рассматривать становление водопроводно-канализационной системы в отдельном регионе не только как отдельный элемент, но и как неотъемлемую часть жилищно-коммунального хозяйства. Данный подход направлен на структурирование элементов объекта исследования, позволяя выявить различные аспекты жилищно-коммунального хозяйства как целостной системы в рассматриваемый период.

Использование сравнительно-исторического метода необходимо для сопоставления особенностей развития водопроводно-канализационной системы в период ВОВ с периодом правления Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.), а также в отдельно взятых регионах Сибири, что позволило выявить общие и различные тенденции в развитии водопроводно-канализационной системы в рассматриваемые периоды.

Состояние жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ), в частности водопроводно-канализационной системы и электричества, в годы Н.С. Хрущева требовало пристального внимания со стороны властей. Финансирование развития водопроводно-канализационной системы было одной из ключевых программ в сфере ЖКХ в послевоенный период. Под руководством Н.С. Хрущева была запущена масштабная кампания по строительству многоквартирных домов, направленная на решение проблемы жилищного дефицита после Второй мировой войны. Данная программа включала в себя модернизацию всей инфраструктуры ЖКХ, в том числе и систем водоснабжения, канализации и отопления, функциональное состояние которых было недостаточным для полного обеспечения всего населения годов Сибири. Данная программа стала частью обширной кампании по модернизации и улучшению жизненного уровня советского населения, которая стала известна как «хрущевская оттепель». Как отмечают сибирские исследователи Р.В. Павлюкевич и Е.В. Бармина [13, с. 107], в городах западной и восточной Сибири развитие жилищно-коммунального хозяйства во второй половине XX века имело свои особенности, которые связаны с как с форсированной индустриализацией, направленной на строительство нового более комфортного жилья, так и с недостаточным финансированием из столицы, что предопределило неравномерность и замедленный темп развития ЖКХ в отдельных регионах Сибири [13, с. 108].

Историография жилищно-коммунального хозяйства в СССР достаточно изучена в трудах отечественных историков и включает в себя исследования различных аспектов повседневной жизни населения в советский период с позиции современной урбанистики. В частности, жилищно-коммунальному хозяйству посвящены работы таких сибирских исследователей, как В.И. Исаев [8], А.С. Шевляков, О.А. Черемных [15], С.С. Букин [3], А.Г. Елизов [6] и др. Авторы с различных позиций рассматривают историю становления жилищно-коммунального хозяйства, однако тематика развития водопроводно-канализационной системы в городах восточной Сибири практически не затрагивалась в работах историков. Исключением, в частности, являются статья О.А. Черемных, посвященная особенностям развития городского водоснабжения в 1941–1945 в городах Западной Сибири, а также монография И.С. Зайцева по истории водоснабжения и водоотведения [7].

Становлению водопровода и канализации в г. Красноярске посвящены неопубликованный труд К.А. Матвеева [9], в котором ключевой акцент смещается к изучению инженерно-технических аспектов, а также статья красноярского историка О.И. Бондаренко [2]. Таким образом, тематика истории становления водопроводно-канализационной системы в г. Красноярске в рассматриваемый период является малоизученной, что определяет актуальность данного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Складывание основ системы канализации и водоснабжения в Красноярском крае.

Индустриализация оказала существенное влияние на облик городов западной и восточной Сибири, однако не принесла существенного изменения в улучшении жилищно-коммунальных условий жителей региона. Развитие водопроводно-канализационной системы также было неравномерным.

В 1936 году был создан городской коммунальный трест «Водоканализация», который был ответственен за эксплуатацию водопровода и развитие системы канализации в городе Красноярске. В конце 1940-х гг. было начато крупное строительство в городе, включая укладку водопроводов по некоторым улицам. Планировалось, что эти водопроводы станут основой для будущей системы канализации. Однако из-за отсутствия финансирования проект водопровода был вынужден приостановиться, и его восстановление началось лишь после окончания Великой Отечественной войны. Очистные сооружения планировались для строительства в устьях реки Кача и на острове Татышев, однако остров Татышев был оставлен для других целей.

Установка водозаборных колонок и будок вдоль водопроводной сети в Красноярске представляла собой важную меру для обеспечения доступа к воде в условиях суровых зимних месяцев. Данный комплекс включал в себя колонку для забора воды, а также строение с печкой, обеспечивающей отоплев водопроводного механизма во время сильных морозов. Подобные меры помогали поддерживать нормальное функционирование водоснабжения даже в условиях сильного холода. Число таких сооружений с каждым годом росло, однако это полностью не решало ключевых проблем с водоснабжением в городах Сибири. Отсутствие централизованной системы канализации и технологии обработки сточных вод указывало на проблемы с санитарией и гигиеной в некоторых районах города.

В годы Великой Отечественной войны финансирование всех отраслей ЖКХ, кроме военных нужд, практически было прекращено. Развитая система водоснабжения была необходима для обеспечения бесперебойной работы предприятий оборонной промышленности и создания нормальных условий проживания для населения, особенно в периоды мобилизации. Система водоснабжения должна была обеспечить доступ к чистой воде для производства, бытовых нужд и поддержания гигиенических стандартов, что являлось важным фактором в условиях повышенной потребности в ресурсах [14, с. 193].

Система канализации и водоснабжения к 1942 году не только в г. Красноярске, но и в городах западной Сибири была неудовлетворительной. Например, на Томском водопроводе случались частые аварии. Самые распространенные причины касались перебоев в водоснабжении, перегрузки систем водоотведения, отсутствие квалифицированных специалистов. В частности, в декабре 1942 года в Новосибирске произошло замерзание водопроводных систем. С существенными трудностями в городах Сибири специалистам пришлось столкнуться и в области очистки сточных вод. Насосно-фильтрованные станции были оборудованы устаревшими установками, что существенно снижало качество их функционирования [14, с. 194].

Начало военных действий, уход трудоспособных мужчин на фронт, эвакуация государственных отраслей жизни в г. Красноярск, и в целом — перевод всей экономики страны на «военные рельсы» — все это не могло не отразиться на состоянии ЖКХ г. Красноярска. В годы ВОВ единственное водозаборное сооружение, расположенное на о. Посадном, не могло обеспечить нужного количества воды потребителям. Наблюдался дефицит воды. Принимались попытки увеличить подачу воды населению и предприятиям, но из-за слабой водопроводно-канализационной системы, особых результатов не достигли. [9, Л. 46].

В связи с нехваткой кадров, отсутствием достаточного финансирования, малой технической оснащенностью водозабора города — все строительство по водопроводно-канализационной системе передали «Крайстройтресту» [9, Л. 55]. У оборонных промышленных предприятий было финансирование для строительства и развития системы водоканала. Например, «Красмаш» в годы ВОВ возвел водозабор, напорный участок водопровода и водопроводную сеть

правобережья г. Красноярска, что в свою очередь заложило основу для дальнейшей модернизации водопроводно-канализационной системы города.

Однако водопроводно-канализационная сеть г. Красноярска в годы ВОВ развивалась слабо. До 1947 г. не было строительство новых водопроводно-канализационных сетей, средства уходили на поддержание старых и изношенных коммуникаций и оборудования.

В послевоенные годы водопроводно-канализационное хозяйство выглядело следующим образом: длина водопровода составляла около 60 км. и примерно 60 штук водоразборных колонок. Водоснабжение правого берега осуществлялось из водозаборов на островах Отдыха и Нижне-атамановском. Водопроводно-канализационная система на этих островах была построена в годы ВОВ, в первую очередь, для обеспечения водой предприятий правобережья. На окраинах правого берега после войны до сих пор не было централизованного водоканала. Люди использовали водокачки и грунтовые колодцы [11, Л. 78].

В 1941–1945 и послевоенные годы система водопровода и канализации не была единой. За все сооружения и водопроводные сети отвечали разные предприятия, тресты и т.д. уровень изношенности и эксплуатации был разным. Далеко не во всех районах была централизованная подача воды. Таким образом, в годы ВОВ водопроводно-канализационная система в городах Сибири не могла полностью удовлетворить потребности населения, что было связано как с переходом стратегически важных предприятий и отраслей на военные нужды, так и с недостаточным уровнем квалифицированных кадров, финансирования, а также отсутствием эффективных систем очистки.

В 1953 году начинается качественно новый этап развития городской среды. В крае наблюдались процессы форсированной интенсивной урбанизации. Вместе с ростом городского населения усиливалась нагрузка на существовавшие ранее системы, не рассчитанные на новые условия работы. К тому же идеология государства требовала обеспечить передовой уровень жизни населению. Это ставило перед местным руководством новые вызовы. К 1953 году стали разрабатываться планы по развитию сетей и сооружений. Работы стали проводиться согласованно, все водопроводно-канализационные сети постепенно стали передаваться в руки компетентных органов, которые отвечали за развитие водопроводно-канализационной инфраструктуры г. Красноярска [4, Л. 18].

В 1953 г. правительство начинает обращать внимание на проблемы жилищно-коммунальной инфраструктуры городов, начинают активнее выделять деньги на восстановление и строительство новых водопроводно-канализационных сетей и сооружений г. Красноярска.

Резкое увеличение капиталовложений говорит о значительных материальных ресурсах, главными из которых являются металлические трубы, выделяемые властями для строительства новых сетей. Одним из самых больших объемов работ в рассматриваемый период были выполнены в 1961 г., когда по решению правительства Красноярску выделили около пяти тысяч тонн металлических труб. [9, Л. 133]. Такой резкий объем масштабных работ по возведению водопроводно-канализационных сетей в городе был обусловлен резким ростом инфраструктуры города, связанным со строительством промышленных, культурно-бытовых учреждений, жилищным строительством и т.д. Водопроводно-канализационная сеть не поспевала за строительством зданий.

За период с 1953 по 1962 гг. объем капиталовложений по строительству объектов городского водопровода резко вырос. Было введено в эксплуатацию 200 км. сетей водопровода. Впоследствии властям удалось достичь одной из главных целей — соединить все районы города (включая окраины) в одну единую зону водоснабжения [9, Л. 133]. Благодаря этому в тех местах, где жители пользовались привозной водой, появилась вода городского водопровода. Возросла производственная мощность водозаборных сооружений и насосных станций, что крайне изменило устаревшую схему водоснабжения.

Были проложены водопроводы крупных диаметров, соединяющие водозаборные сооружения Ленинского и Кировского районов города Красноярска. Это дало возможность на по-

стоянной основе обеспечить гарантированное водоснабжение для жителей вышеуказанных районов. Один из самых затруднительных районов для подачи воды в г. Красноярск являлся район Афонтовой горы (совр. Студенческий городок). Водоснабжение этого района было затруднительно ввиду того, что ряд объектов городского водопровода предназначенных для подачи находился на стадии строительства на момент 1960-х гг., так же сложность обуславливалось еще тем, что новый район располагался на очень высоком рельефном месте. Канализационная система города существует с 1953 г., а время становления и модернизации выдалось на 1960-е гг.

В 1953 г. сети и сооружения канализационных сетей имелись только в центральной части города от ул. Профсоюзов до ул. Вейнбаума. К началу 1960-х гг. сети хозяйственной отходной канализации имелись уже во всех районах левобережной части города от Афонтовой горы до Слободы Весны (совр. район Покровки). Также изменения начинают происходить и на правом берегу города.

Строительство объектов канализации, как и водопроводных сетей, осуществлялось гораздо медленнее, по сравнению с темпами строительства зданий. Еще в начале 1960-х гг. канализационные сети не могли обслужить в 100% объеме население города. Канализационная сеть была сильно перегружена и не могла принять все сточные воды, предназначенные для сброса в канализацию [9, Л. 188].

За период 1953 по 1964 гг. введено в эксплуатацию пять насосных станций перекачки сточных вод. Протяженность канализационных сетей к 1963 г. в Красноярске составил порядка 80 км. — это в 10 раз больше по сравнению с 1953 годом. [9, Л. 189].

Строительство водопроводно-канализационных сетей осуществляется по двум основным источникам финансирования. Первый — за счет государственных средств, выделяемых исполкому городского Совета, второй — за счет долевого участия промышленных предприятий.

Наиболее трудоемким работами при строительстве водопроводно-канализационных сетей является рытье траншей на глубину более 3 м, а для канализационной инфраструктуры — до 10 м. [9, Л. 147].

Выполнение земляных работ в ряде случаев создает целый ряд дополнительных трудностей, вызванных наличием тяжелых грунтов и высокого уровня грунтовых вод. В 60-х гг. прошлого столетия при строительстве главного, на тот момент, коллектора канализационной системы правобережья требовалось ее пересечь через проезжую часть пр-т. им. газеты «Красноярский рабочий» протяженностью 65 м на глубину около 10 м. Основная задача состояла в том, что работы нужно было провести качественно и быстро. Сложно заключалась в том, что на глубине 0,7 м проходили инженерные коммуникации — силовой электрокабель, кабели связи, сети теплотрассы и городского водопровода. [9, Л. 148]. Их внутренние коммуникации пришлось разобрать, отключать, а затем восстановить. Работы были полностью выполнены в течении (около) 46 часов [9, Л. 149].

Перед запуском водопроводов в жилые дома и на предприятия проводились важные гидравлические испытания трубопроводов, после положительных результатов сети должны были быть тщательно промыты и продезинфицированы. Промывка и дезинфекция построенных сетей проводилась путем создания в трубопроводах необходимой скорости движения воды до тех пор, пока органолептические и вкусовые анализы не дадут желаемых результатов. Промывка водопроводов осуществлялась через специальные выпуски, предусмотренные проектом в наиболее удобных местах, или через пожарные гидранты, где это возможно [1, с. 48].

Дезинфекция промытого водопровода производилась строителями совместно с сотрудниками-химиками «Водоканала» путем подачи жидкого хлора из баллонов в трубопроводы. Контакт активного хлора с водой продолжается 24 часа. Доза хлора строго регулировалась госсанинспекторами. После проводилась вторая промывка трубопроводов и в случае положительного результата вода поступала в жилые, промышленные и государственные предприятия и т.д. [1, с. 50].

Несмотря на достаточно чистую воду в городе Красноярске ГОСТ по очистке воды строго соблюдали. Во-первых, вода один из важней источников жизнеобеспечения города, если показатели результатов воды имеют посторонние примеси — это может привести санитарной эпидемии, также вода является одним из переносчиков различных бактерий и микроорганизмов, во-вторых, если концентрация хлора в воде будет превышена, тысячи людей могли бы получить отравление, что могло привести к серьезной катастрофе. Все вышеуказанные причины обязывают сотрудников водоканалов придерживаться строго ГОСТа, для обеспечения безопасности целых городов.

Несмотря на массовое строительство и возведение водопроводно-канализационной системы города, темпы и строительства других сфер жилищно-коммунального хозяйства были в разы выше. Так, например, за 1962 г. в области жилищного, культурного и бытового строительства, сдано в эксплуатацию 360 тыс. кв. м жилой площади. Введены в строй 9 новых школ. Открыто 43 магазина, столовые, буфеты и т.п. [9, Л. 159].

Работы по возведению водопровода, как правило, проводились параллельно со строительством. Введено в действие около 15 км новых магистральных сетей водопровода, более 20 км канализационных сетей [10, с. 64].

Планом капиталовложений на 1963 год было предусмотрено построить 215 тыс. кв м жилья, 6 средних школ, около 15 км. Водопроводно-канализационных сетей, а также начинается строительство главного самотечного коллектора и мощной насосной станции левобережной канализации. Большое значение для развития системы жилищно-коммунального хозяйства также будет иметь строительство тепломагистрали от правобережной ТЭЦ через остров «отдыха» и мост в левобережную часть города до ул. Профсоюзов. Примечательно, что для осуществления наиболее эффективного развития отраслей ЖКХ на территории г. Красноярска, к участию было привлечено подавляющее большинство населения города [10, с. 79].

Объём выполненных капитальных работ по строительству водопроводно-канализационных сетей и сооружений в период с 1953 по 1962 год существенно вырос и составил 8085,0 тысяч рублей, в том числе на строительство водопровода ушло 4047 тысяч рублей и на строительство хозяйственно-фекальной канализации — 4011,0 т.р. [9, Л. 35-37].

Объём работы по строительству водопроводно-канализационной системы в 1962 году выполнен в объеме 1962,0 тыс. р., что было примерно в 10 раз больше, чем в 1953 году. Резкое увеличение капиталовложений говорит о значительном увеличении материальных ресурсов, в частности, металлических труб, выделяемых правительством в большом объеме. К началу 70-х гг. в городе Красноярске было уложено более 5 тыс. тонн металлических труб, что значительно превышало статистику середины 1960 -х гг. [9, Л. 40-41].

Такой значительный размах работ по развитию и строительству сетей водопровода был обусловлен отставанием производственных мощностей городского водопровода от общего роста промышленности, культурно-бытовых учреждений, жилищного строительства и других объектов водопотребления [9, Л. 64]. За десятилетие построено и введено в эксплуатацию 200,0 км. водоводов, магистральных сетей городского водопровода, которые соединили различные районы города с центральной зоной водоснабжения. Благодаря этому в тех местах, где жители пользовались привозной водой, появилась вода городского водопровода. Значительно возросла производственная мощность головных водозаборных сооружений и насосных станций, что изменило в лучшую сторону устаревшую схему водоснабжения [9, Л. 72].

ВЫВОДЫ. Протяженность канализационных сетей на конец 1962 года составляла почти восемьдесят км., т.е. в 10 раз больше, по сравнению с 1953 годом.

Если в 1953 году сети и сооружения хозяйственно-фекальной канализации имелись только в центральной части города, то к концу 1970 -х гг. сети хозяйственно-фекальной канализации имелись во всех районах левобережной части города, активно развивалась также и правобережная система канализации [9, Л. 119]. Уже к концу 1962 года более 60% населения, бытовых нужд предприятий и культурно-бытовых учреждений пользовались единой городской

хозяйственно-фекальной канализацией. Однако, несмотря на определенные успехи, развитие водопроводно-канализационной системы г. Красноярска сталкивалось с определенными трудностями [11, Л. 4]. В частности, строительство объектов хозяйственно-фекальной канализации осуществлялось крайне медленно, по сравнению с темпами строительства промышленных объектов, объектов культурно-бытового назначения и особенно жилищного строительства. В силу данных причин фекальная канализация была значительно перегружена и не могла принять все сточные воды, предназначенные для сброса в городскую канализацию.

К середине 1960-х годов городские власти успешно заложили фундамент единой водопроводно-канализационной системы, что было обусловлено активным строительством и распространением «хрущёвок». К концу 1960-х — началу 1970-х годов была сформирована водопроводно-канализационная система, соответствующая стандартам индустриального общества. Система водоснабжения и канализации развивалась поэтапно, демонстрируя эффективность на каждом этапе своего существования. И сегодня основы этой системы активно используются, подтверждая свою надёжность и функциональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.П. Очерки истории водоснабжения и водоотведения (теоретический, практический и социокультурный аспекты). Монография. Томск: ТГАСУ, 2014. 164 с.
2. Бондаренко О.И. Развитие водопроводно-канализационного хозяйства в Красноярске (1936–1960 гг.) // Красноярский край: 70 лет исторического пути: V краеведческие чтения. / Под ред. Т.И. Матвеева. Красноярск.: Изд-во ГУНБ, 2015. С. 14–15.
3. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х-1950-е гг.). Монография. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1991. 237 с.
4. Годовой отчет Горкомхоза за 1953 год // МКУ «КГА». Ф. 1200. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 1–55.
5. Гонина Н.В. Благоустройство городов и квартирный вопрос в Красноярском крае во второй половине 1950 — начале 1980-х гг. // Известия Алтайского государственного университета: журнал теоретических и прикладных исследований. 2017. № 2 (94). С. 75–80.
6. Елизов А.Г. Повседневная жизнь городского населения Красноярского края в середине 1940-х-1960-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012. 220 с.
7. Зайцев И.С., Зайцева Н.А. История развития водоснабжения и водоотведения. Монография. Кемерово: Кузбасский ГТУ им. Т.Ф. Горбачева, 2011. 91 с.
8. Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920-е — 1960-е гг.). Монография. Новосибирск: Параллель, 2009. 198 с.
9. Матвеев К. История развития водопровода и канализации г. Красноярска // МКУ «КГА». Ф. 1200. Оп. 1. Ед. хр. 95а. 193 л.
10. Матюшенко А.И., Турин Б.Ф., Бондаренко О.И. Красноярский водопровод 1913–2013. Исторические очерки. Монография. Красноярск: ГУНБ, 2013. 164 с.
11. Планы по труду и годовые титульные описи капитального строительства и благоустройства города Красноярска на 1952 г. // МКУ «КГА». Ф. 1200. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 1–12.
12. Планы финансирования капитальных вложений на 1953 год // МКУ «КГА». Ф. 1200. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 1–140.
13. Павлюкевич Р.В., Бармина Е.В., Васютин И.А. Жилищные условия населения крупных региональных центров Сибири в конце 1980-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 2 (Т. 28). С. 105–112.
14. Черемных О.А. Городское водоснабжение Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 190–195.
15. Черемных О.А., Шевляков А.С. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). Монография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 220 с.

REFERENCES

1. Boyko V.P. *Ocherki istorii vodosnabzheniya i vodootvedeniya (teoreticheskij, prakticheskij i sociokul'turny`j aspekty`)* [Sketches on the history of water supply and sewerage (theoretical, practical and socio-cultural aspects)]. Monografiya. Tomsk: TGASU, 2014. 164 s. (In Russian).
2. Bondarenko O.I. *Razvitie vodoprovodno-kanalizacionnogo xozyajstva v Krasnoyarske (1936–1960 gg.)* [Development of water supply and sewerage system in Krasnoyarsk (1936–1960)] // *Krasnoyarskij kraj: 70 let istoricheskogo puti: V kraevedcheskie chteniya.* / Pod. red. T.I. Matveev. Krasnoyarsk: Library of the Krasnoyarsk Territory State University, 2015. S. 14–15. (In Russian).
3. Bukin S.S. *Opy`t social'no-by'tovogo razvitiya gorodov Sibiri (vtoraya polovina 1940-x-1950-e gg.)* [Experience of social and domestic development of Siberian cities (second half of the 1940s — 1950s)]. Monografiya. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1991. 237 s. (In Russian).
4. *Godovoj otchet Gorkomhoza za 1953 god* [Annual report of the Gorkomhoz for 1953] // MKU «KGA». F. 1200. Op. 1. Ed. xr. 66. L. 1–55. (In Russian).
5. Gonina N.V. *Blagoustrojstvo gorodov i kvartirny`j vopros v Krasnoyarskom krae vo vtoroj polovine 1950 — nachale 1980-x gg.* [Urban improvement and housing issues in the Krasnoyarsk Territory in the second half of the 1950s — early 1980s] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta: zhurnal teoreticheskix i prikladny`x issledovanij.* 2017. № 2 (94). S. 75–80. (In Russian).
6. Elisev A.G. *Povsednevnyaya zhizn` gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraja v seredine 1940-x-1960-x gg.* [Everyday life of urban population in the Krasnoyarsk Territory in the mid-1940s — 1960s]: Dis. ... kand. his. nauk. Irkutsk, 2012. 220 s. (In Russian).
7. Zaytsev I.S., Zaytseva N.A. *Istoriya razvitiya vodosnabzheniya i vodootvedeniya* [History of water supply and sewerage development]. Monografiya. Kemerovo: Kuzbasskij GTU im. T.F. Gorbacheva, 2011. 91 s. (In Russian).
8. Isaev V.I. *Zhilishhnaya problema v gorodax Sibiri (1920-e — 1960-e gg.)* [Housing problem in Siberian cities (1920s — 1960s)]. Monografiya. Novosibirsk: Parallel`, 2009. 198 s. (In Russian).
9. Matveev K. *Istoriya razvitiya vodoprovoda i kanalizacii g. Krasnoyarska* [History of water supply and sewerage development in Krasnoyarsk] // MKU «KGA». F. 1200. Op. 1. Ed. xr. 95a. 193 l. (In Russian).
10. Matyushenko A.I., Turin B.F., Bondarenko O.I. *Krasnoyarskij vodoprovod 1913–2013. Istoricheskie ocherki* [Krasnoyarsk water supply 1913–2013. Historical essays]. Monografiya. Krasnoyarsk: GUNB, 2013. 164 s. (In Russian).
11. *Plany` po trudu i godovy`e titul`ny`e opisi kapitel`nogo stroitel`stva i blagoustrojstva goroda Krasnoyarska na 1952 g.* [Plans for labor and annual title lists of capital construction and urban improvement in Krasnoyarsk for 1952] // MKU «KGA». F. 1200. Op. 1. Ed. xr. 58. L. 1–12. (In Russian).
12. *Plany` finansirovaniya kapital`ny`x vlozhenij na 1953 god* [Plans for financing capital investments for 1953] // MKU «KGA». F. 1200. Op. 1. Ed. xr. 63. L. 1–140. (In Russian).
13. Pavlyukevich R.V., Barmina E.V., Vasyutin I.A. *Zhilishhny`e usloviya naseleniya krupny`x regional`ny`x centrov Sibiri v konce 1980-x gg.* [Housing conditions of the population in large regional centers of Siberia in the late 1980s] // *Gumanitarny`e nauki v Sibiri.* 2021. № 2 (Vol. 28). S. 105–112. (In Russian).
14. Cheremnykh O.A. *Gorodskoe vodosnabzhenie Zapadnoj Sibiri v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [City water supply in Western Siberia during the Great Patriotic War] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2015. № 401. S. 190–195. (In Russian).
15. Cheremnykh O.A., Shevlyakov A.S. *Budni ty`lovogo goroda. Material`no-by'tovoe polozhenie gorozhan Zapadnoj Sibiri v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg. (na materialax Novosibirskoj, Kemerovskoj i Tomskoj oblastej)* [Everyday life in a rear city. Material and living conditions of city dwellers in Western Siberia during the Great Patriotic War 1941–1945 (based on the materials of the Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions)]. Monografiya. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2017. 220 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.019

УДК 94(571.1)"1960/1970":502.56(091)

ББК 63.3(253.3)63-3+ 20.1г

**М.С. МОСТОВЕНКО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСТОЯННОЙ
КОМИССИИ ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ
ПРИ ТЮМЕНСКОМ ОБЛАСТНОМ СОВЕТЕ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ПО ОХРАНЕ
ВОДНЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА
В 1960-Е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1970-Х ГОДОВ**

**M.S. MOSTOVENKO ACTIVITIES OF THE PERMANENT
COMMISSION FOR NATURE PROTECTION
UNDER THE TYUMEN REGIONAL COUNCIL
OF WORKERS'DEPUTIES FOR THE
PROTECTION OF WATER RESOURCES
OF THE REGION IN 1960TH –
THE FIRST HALF OF 1970TH**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Югры
в рамках научного проекта № 2023-572-08 «Между охраной и использованием:
проблема компромисса экономических и экологических интересов общества и государства
на примере индустриального развития ХМАО-Югры в 1960-1980-е гг.»*

Созданная в августе 1944 года Тюменская область включала в себя обширные территории юга региона, а также Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов (с 1978 года ставших автономными). Начавшееся в 1960-е годы индустриальное развитие этой территории не могло не сказаться на ее экологическом состоянии. В особенности это коснулось водных ресурсов. Многочисленные озера и протоки служили источником рыбы, реки Иртыш и Обь в границах региона выполняли не только роль транспортных магистралей, но и служили источником питьевого водоснабжения. Принятие в 1960 году закона «Об Охране природы в РСФСР» акцентировало внимание властей региона на состоянии водоемов. Контроль за ними был возложен на постоянные комиссии по охране природы. В связи с этим, целью данной является анализ деятельности государственных органов власти по охране водных ресурсов Тюменской области в 1960-е-1970-е годы, на примере постоянных комиссий по охране природы при тюменском облисполкоме.

В качестве методологического инструментария была использована концепция экологической истории, рассматривающая процесс взаимовлияния человека и природы в историческом контексте. Источниковая база исследования основывается на материалах деятельности комиссии по охране природы при тюменском облисполкоме представленных в фонде Р-814 (Тюменский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет) Государственного архива Тюменской области

В результате делается вывод о том, несмотря на принимаемые меры и обширный круг полномочий, ситуация с охраной водных ресурсов в Тюменской области оставалась напря-

женной. Источниками загрязнения служили не только промышленные предприятия области, но значительное количество вредных веществ приносилось из регионов выше по течению.

Created in August 1944, the Tyumen region included vast territories of the south of the region, as well as the Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets national districts (which became autonomous since 1978). The industrial development of this territory, which began in the 1960s, could not but affect its ecological state. This especially affected water resources. Numerous lakes and channels served as sources of fish, the Irtysh and Ob rivers within the region served not only as transport magistral, but also served as a source of drinking water supply. The adoption in 1960 of the law «On Nature Protection in the RSFSR» focused the attention of the region on the state of water bodies. Control over them was entrusted to the permanent commissions for nature conservation. In this regard, the purpose of this is to analyze the activities of state authorities for the protection of water resources of the Tyumen region in the 1960s-1970s, using the example of standing commissions for nature protection under the Tyumen regional executive committee.

As a methodological tool, the concept of environmental history was used, which considers the process of interaction between man and nature in a historical context. The source base of the study is based on the materials of the activities of the Nature Protection Commission under the Tyumen Regional Executive Committee presented in the R-814 Fund (Tyumen Regional Council of People's Deputies and its Executive Committee) of the State Archives of the Tyumen Region

As a result, it is concluded that, despite the measures taken and the extensive terms of reference, the situation with the protection of water resources in the Tyumen region remained tense. Not only industrial enterprises of the region served as sources of pollution, but a significant amount of harmful substances was brought from the regions upstream.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическая история, Западная Сибирь, Тюменская область, охрана водных ресурсов, постоянные комиссии по охране природы

KEY WORDS: environmental history, Western Siberia, Tyumen region, water resources protection, permanent commissions for nature protection

ВВЕДЕНИЕ. Одним из ключевых факторов, игравших важную роль в становлении и развитии промышленного облика Тюменской области, стали водные ресурсы Обь-Иртышского речного бассейна. Он имел не только важное транспортное значение, связывая северные и южные территории Западной Сибири, но и являлся местом обитания ценных рыбных пород (нельмы, муксуна, осетра). Кроме того, большинство населенных пунктов и промышленных предприятий региона использовало реки Иртыш и Оби, а также их многочисленные притоки в качестве источника водоснабжения. Вместе с тем, период 1960-х-1970-х годов был важным для Тюменской области не только в связи с ее индустриальным развитием, но и с началом формирования системы природоохранного законодательства в стране.

В октябре 1960 года принимается «Закон об «Охране природы в РСФСР»», ставший отправной точкой в данном процессе. В документе впервые системно указывались основные сферы природоохраны с указанием ответственных. В рамках рассматриваемой в статье проблематики, особый интерес представляет четвертая статья закона. В ней указывалось, что «Поверхностные и подземные воды подлежат охране от истощения, загрязнения и засорения, а также регулированию режима как ресурсы водоснабжения населения и народного хозяйства. <...> Запрещается ввод в эксплуатацию предприятий, цехов и агрегатов, сбрасывающих сточные воды, без выполнения мероприятий, обеспечивающих их очистку» [8]. Немаловажным моментом здесь является запрет на эксплуатацию предприятий без запуска очистных сооружений, что в дальнейшем станет одной из ключевых проблем.

Вторым важным моментом, указанным в законе «Об охране природы», стало определение ответственных за его исполнение. В рамках пятнадцатой статьи контроль за ходом выполнения накладывался на «Совет министров РСФСР, советы министров АССР, исполнительные комитеты краевых, областных, городских, районных, поселковых и сельских Советов

депутатов трудящихся, министерства и ведомства» [8]. Примечателен тот факт, что сюда включались не только органы власти, но и различные ведомства. Для этого при исполнительных комитетах всех уровней были созданы постоянные комиссии по охране природы, следившие за соблюдением природоохранного законодательства. В рамках своей работы, комиссии были полномочны вызывать руководителей предприятий и учреждений с отчетом о соблюдении и выполнении мероприятий по охране природы. Кроме того, выданные рекомендации были обязательны к рассмотрению, выявленные нарушения должны были быть устранены в месячный срок.

Становление и развитие нормативно-правовой базы в сфере природоохранны в начале 1960-х годов дало положительный эффект. Так, в протоколе совещания Межведомственной комиссии по использованию и охране водных ресурсов Сибири в январе 1963 года отмечалось, что «Новые законы об охране природы указывают, что охрана природы и водных ресурсов должна быть направлена не только на удовлетворение экономических культурных интересов общества, но и на решение задач охраны здоровья населения и использования водоисточников для хозяйственно-питьевых нужд населения. Можно согласиться с докладчиком, то в связи с все возрастающим значением санитарной охраны водоемов в последние 2-3 года отмечается некоторый прогресс в области их охраны, хотя бы в том характерном для нашего времени почине прииртышских и приволжских совнархозов по социалистическому соревнованию за чистоту водоемов» [14, с. 30]. Тем самым одновременно подчеркивалась необходимость не только использования, но и охраны водных источников.

Важность водных ресурсов Обь-Иртышского бассейна для развития региона в этот период отмечалась и на различных научных совещаниях. В 1970 году в Новосибирске проходит совещание по вопросу комплексного освоения водных ресурсов Обского бассейна, где указывалось: «Наибольшую плотность населения в СССР приходится на западную и среднеазиатскую части. Сибирские области имеют невысокую плотность (Тюменская область — 0,9 чел., Омская — 12,9 чел., Новосибирская — 13,8 чел.). Наибольший расход пресной воды идет на водоснабжение промышленности, коммунальных систем и в сельское хозяйство. С каждым годом предъявляются все более жесткие требования к правильному, экономному использованию водных ресурсов и охране их качества» [3, с. 238]. В особенности это касалось Тюменской области, где в период 1960-х-1970-х годах, благодаря открытию нефтяных и газовых месторождений начинается масштабное индустриальное строительство.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для наиболее полного раскрытия рассматриваемой в данной статье проблематики в качестве методологического инструментария была использована концепция экологической истории, рассматривающая процесс взаимовлияния человека и природы в историческом контексте. Источниковая база исследования основывается на материалах деятельности комиссии по охране природы при тюменском облисполкоме представленных в фонде Р-814 (Тюменский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет) Государственного архива Тюменской области.

Следует отметить, что интерес к водным проблемам региона в последнее время возрастает в отечественной исторической науке. Среди ключевых работ можно выделить исследования Гололобова Е.И. [2], Мостовенко М.С. [9], Прищепы А.И. [11-13], Шмыглевой А.В. [15-18], Барабановой К.С. [1]. Авторами рассматриваются такие проблемы, как санитарное состояние водоемов, деятельность государственных органов власти по охране водных ресурсов, особенности управления бассейновыми системами. Данный аспект является одним из важных моментов для представленного исследования, так как Обь-Иртышский бассейн оказался разделен между несколькими управлениями, которые не только в вопросах охраны, но и эксплуатации водных ресурсов не поддерживали устойчивых контактов. Подобная ситуация серьезным образом осложняла экологическую обстановку в Тюменском регионе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Постоянная комиссия по охране природы при Тюменском областном совете возникла одной из самых первых в регионе

после принятия закона. В силу специфики административно-территориального деления региона в сферу ее контроля входила вся Тюменская область, а также Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, включая все нижнее течение рек Иртыша и Оби. Первоначально комиссию по охране природы в этой части Обь-Иртышского бассейна возглавил начальник «Тюменьнефтегеологии» Эрвье Ю.Г. Сама же комиссия насчитывала в своем составе 9 человек и включала зам. председателя Президиума Областного совета общества охраны природы (Чистоткина М.К.), начальник Нижнеобьрыбвода (Анисимов А.М.), представитель Тюменского горкома КПСС (Лузгин Н.Г.) и т.д.

В октябре 1961 года было проведено одно из первых совещаний по вопросам охраны природы в регионе, на котором отмечалась негативная ситуация с охраной вод характерная для всей Западной Сибири в целом. При этом в рамках выступления Эрвье Ю.Г. отмечалось, что «Закон об охране природы в РСФСР обязывает нас рационально использовать природные богатства. Однако следует отметить, что руководителями наших промышленных предприятий не принимаются надлежащих мер по строительству очистных сооружений, вследствие чего реки засоряются сточными промышленными водами, а это отрицательно отражается на воспроизводство рыбных запасов» [5, Л.6].

На проблему плохой очистки сточных вод и их опасности для водоемов указывал и начальник Нижнеобьрыбвода Анисимов А.М.: «В условиях Тюменской области сильному загрязнению от действия сбрасываемых неочищенных и необезвреженных сточных вод промышленных предприятий подвергается р.Тура в районе г. Тюмени, в которую сбрасывается более 6 000 м³ в сутки загрязненных сточных вод. Проведенным обследованием выявлено, что из 35 промпредприятий на 27 совершенно не имеется очистных сооружений, а у имеющих 8 промпредприятий очистные сооружения очистку и обеззараживание сточных вод не обеспечивают (Кожевенно-шубный, Аккумуляторный, Химфармзавод)» [5, Л.71]. С учетом того факта, что река Тура является основным источником водоснабжения Тюмени, для города это было серьезной проблемой. Следует заметить, что промышленные предприятия города являлись не единственными источниками загрязнения. Серьезный урон наносился и в результате лесосплава, а также утечек нефтепродуктов с судов Нижне-Иртышского пароходства (суда которого оказались не оборудованы емкостями для сбора масел и непригодного горючего, в результате чего жидкости просто сбрасывались в реку) [5, Л.73], кроме того на территорию региона загрязнения поступали и от соседних областей.

Одним из первых решений, принятых комиссией с целью воздействия на нарушителей водного законодательства, стало обращение в органы прокурорского надзора. В обращении к прокурору Тюменской области в 1966 году Журавлеву С.С. указывалось, что необходимо «расследовать причины срыва строительства очистных сооружений и загрязнения водоемов заводами: АТЗ, аккумуляторного, судостроительного, а также засорения рек предприятиями комбината «Тюменьлес» и привлечь виновных к ответственности» [5, Л.64]. Однако здесь стоит отметить, что данное обращение оказалось без внимания, и руководство комиссии в своем решении от 21.06.1967 года отмечало: «Довести до сведения Исполкома Областного Совета, что прокуратурой области (тов. Журавлев) не принимаются меры к выполнению решения Исполкома Областного Совета. До сего времени не приняты меры по расследованию причин срыва строительства очистных сооружений и загрязнения водоемов заводами: АТЭ, Аккумуляторным, Судостроительным, а также засорение рек предприятиями комбината «Тюменьлес» и виновные в этом не привлечены к ответственности» [4, Л.82]. Подобное поведение прокуратуры, на наш взгляд, могло быть связано с тем фактом, что на практике вопросы соблюдения экологического законодательства не были первостепенными и, как правило, их нарушение для виновных ограничивалось лишь наложением штрафа.

Как уже ранее отмечалось, дополнительным источником загрязнения водоемов Тюменской области, согласно архивным материалам деятельности постоянной комиссии по охране природы, служили предприятия других регионов. Данный вопрос был рассмотрен

на заседании комиссии в декабре 1965 года, где в частности указывалось: «В связи с тем, что промышленные предприятия Свердловской, Челябинской, Курганской, Омской, Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края на протяжении ряда лет загрязняют промышленными сточными водами Нижнеобский бассейн, тем самым причиняют ущерб рыбным запасам Тюменской области, просить облисполком войти с ходатайством в Совет Министров РСФСР обязать исполкомы областных советов этих областей и Алтайского края обсудить вопрос о состоянии очистных сооружений на промышленных предприятиях и принять неотложные меры, обеспечивающие предотвращение загрязнений водоемов Тюменской области промышленными сточными водами» [4, Л.54]. Однако данная просьба осталась без внимания со стороны руководства соседних регионов.

В октябре 1966 года Тюменский облисполком обращается уже в вышестоящие инстанции: «Довести до сведения Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР, что промышленные предприятия Свердловской, Челябинской, Курганской, Омской, Томской и Новосибирской областей, Казахской ССР продолжают загрязнять водоемы Обь-Иртышского бассейна неочищенными промышленными сточными водами. Просить Совет Министров СССР и Совет Министров РСФСР потребовать от обкрайисполкомов, вышеуказанных краев и областей и Совета Министров Казахской ССР принять неотлагательные меры к прекращению загрязнения Обь-Иртышского бассейна неочищенными сточными водами» [5, Л.64]. В данном случае, комиссия через обращение в более высокие органы власти пыталась снизить негативное экологическое воздействие на водоемы области, понимая общую взаимосвязи водных источников Обь-Иртышского бассейна. Вместе с тем, использование подобного механизма общую ситуацию с состоянием водных источников региона коренным образом не изменило.

Тогда, чтобы снизить уровень загрязненности водоемов области, в феврале 1969 года принимается постановление Тюменского облисполкома № 119 «О мерах по прекращению загрязнения водоемов Обь-Иртышского бассейна». В рамках этого документа предусматривалось усиление санитарно-эпидемиологического и технического надзора за предприятиями. Это дало определенные положительные сдвиги. Так, ряд предприятий были отключены от прямого сброса загрязненных вод в реку Иртыш, началось строительство площадочных очистных сооружений [6, Л.35]. Кроме того, начала меняться в положительную сторону и ситуация на флоте. В результате проведенных постоянной комиссией проверок в 1972 году отмечалось, что на причалах Главтюменьнефтегаза были «Установлены баржи-амбары по приемке подсланевых вод в Тобольске, Ханты-Мансийске, Сургуте, Нефтеюганске, Нижневартовске, Устье-Аха, Салехарде, Тазовском. В Тюмени работает станция по переработке и очистке подсланевых вод. Осуществляет строительство очистных сооружений в Тобольском порту и на Тобольском СРЗ. 436 судов самоходного флота из 597 оборудованы системами для сбора фекалий» [6, Л.100]. Вместе с тем, общая ситуация с состоянием водоемов продолжала оставаться напряженной.

В архивных материалах о деятельности постоянной комиссии по охране природы отмечалось, что «водоемы области имеют пониженный кислородный режим, особенно в зимнюю межур. Обь — 0,82-0,4 мг/л; р.Иртыш по 0,8 мг/л.; р.Тура до 1,6 мг/л., при норме 4 мг/л.. Это положение подтверждает то, что водоемы Обь-Иртышского бассейна, как никакие другие реки требуют особого внимания и в силу их естественного состояния не могут служить водоприемниками даже недостаточно очищенных сточных вод» [7, Л.162]. Соответственно, любое отступление от этих показателей самым негативным образом сказывалось как на рыбном хозяйстве, так и на общем состоянии водоемов. В особенности это касалось реки Туры. В своем письме Нижнеобское бассейновое управление по регулированию использования и охране вод от 01.02.1976, направленное в Тюменский областной совет, указывалось, что «вторая очередь городских очистных сооружений мощностью 65 тыс. м³ в сутки находится в предпусковой стадии строительства. Но город не готов использовать эти мощности и продолжает сбрасывать неочищенные коммунальные и производственные сточные воды в р.Туру, дозагрязняя ее после

Свердловской области. Затюменская часть города (Калининский район) в год сбрасывает: нефтепродуктов — 103 тонны, фенолов 131 кг, свинца — 8 тонн, железа — 15,3 тонн, цинка — 1,2 тонны, меди — 1,6 тонн, аммиака — 30,4 тонны, взвешенных веществ — 230,4 тонны» [10, Л.41]. Таким образом, становится очевидным, что отсутствие очистных сооружений на предприятиях являлась одной из самых важных, и это не смотря на тот факт, что на их возведение средства выделялись. Вместе с тем, несмотря на многочисленные депутатские проверки, обращения в вышестоящие органы партийной и государственной власти, а также привлечение органов прокуратуры, ситуация не менялась в целом. Предприятиям было важнее запустить новые производственные мощности, перевести дополнительные объемы грузов и т.д., чем соблюдать природоохранное законодательство. Однако необходимо отметить, что и сама постоянная комиссия по охране природы при Тюменском областном совете работала неравномерно. Зачастую ее эффективность зависела от личности ее председателя. Как уже отмечалось ранее, сначала комиссию возглавил глава «Главтюменьгеологии» Ю.Г. Эрвье, с 1963 она возглавлялась А.Г. Романовым, с 1965 года — А.И. Гультевым. При этом под руководством Гультева деятельность постоянной комиссии была подвергнута критике.

Так, в справке о работе комиссии за период с 1965 по 1967 году говорилось о том, что за это время было проведено только 4 заседания, но при этом ни одно решение не было выполнено. Не лучшим образом складывалась обстановка и с дисциплиной. Например, в справке было зафиксировано, что «ни одно из запланированных мероприятий не выполнено, и в течение всего 1966 года комиссия ни разу не собиралась, хотя перед каждой сессией работниками облисполкома оповещались председатель и члены комиссии о времени и месте работы комиссии. Удалось собрать очередное заседание комиссии лишь 26 декабря 1966 года, на котором никаких плановых вопросов не обсуждалось, только утвержден план работы на I квартал 1967 года, в который перенесены вопросы из плана 4 квартал 1966 года, но также план остался не выполненным» [5, Л.64].

Однако со сменой председателя комиссии, ее деятельность активизируется, этот пост занимает сначала А.Н. Виссарев, а затем А.Г. Григорьева. Деятельность комиссии приобретает системный характер, выделяется депутатский актив. Согласно архивным документам, «за период с июня 1971 по июнь 1973 было проведено 8 заседаний, из них 7 совместно с президиумом областного ВООП. За период с июня 1973 по июнь 1974 — проведено 5 заседаний комиссии, из них 4 совместно с президиумом областного ВООП» [7, Л.56]. При этом, согласно отчету о деятельности комиссии 12-ого созыва, все члены присутствовали на заседаниях, а выписки из решения рассылались всем заинтересованным организациям.

ВЫВОДЫ. Подводя итоги, отметим ряд моментов. Во-первых, созданные после принятия «Закона «Об Охране природы в РСФСР», постоянные комиссии по охране природы обладали достаточно широким кругом полномочий. В рамках их реализации они могли привлекать органы санитарно-эпидемиологического и прокурорского надзора, накладывать штрафные санкции в отношении руководителей предприятий-нарушителей.

Во-вторых, широкий круг полномочий, имевшихся у постоянных комиссий по охране природы, в реальности не позволял в полной мере повлиять на текущую ситуацию. Привлечение различных внешних служб, с одной стороны, придавало данным органам экспертность, с другой — депутатские проверки помогали более оперативно отслеживать нарушения природоохранного законодательства, но общую картину они изменить не могли.

В-третьих, водоемы тюменского региона подвергались усиленной антропогенной нагрузке не только из-за масштабного строительства и развития промышленных предприятий в 1960-е-1970-е годы, но и оттого, что значительное количество загрязняющих веществ поступало из соседних регионов. Кроме того, проблема охраны водных ресурсов упиралась не только в нормативно-правовую базу, но и в несовершенство технологического процесса. При этом в результате проверок выяснялось, что многие предприятия работали без очистных сооружений, напрямую сливая отходы в водоемы.

В-четвертых, следует заметить, что деятельности постоянной комиссии по охране природы зависела от активности ее председателя. При некоторых руководителях заседания могли собираться редко, а намеченный план работы не выполнялся. Однако со второй половины 1960-х ситуация начинает изменяться, в связи со сменой руководства. Заседания начинают проводиться на постоянной основе с привлечением руководителей предприятий, а в случае неявки на заседания последних следовало обращение в исполком с запросом объяснительных. При этом исключенный вопрос все равно рассматривался на последующем заседании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанова К.С. Эпидемии, врачи и водопровод: создание водной инфраструктуры в Западной Сибири во второй половине XIX — первой половине XX вв // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6(87). С. 87–94.
2. Гололобов Е.И. Пространство воды как ресурс и как угроза в истории освоения Севера Западной Сибири в XX веке // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6(75). С. 79–92.
3. Давыдов М.М. Водные ресурсы бассейна р. Обь // Комплексное освоение водных ресурсов Обского бассейна. Изд-во «Наука» Сибирское отделение., Новосибирск, 1970 г. 255 с.
4. Документы (отчеты, справки, сведения) о работе постоянной комиссии по охране природы областного Совета // ГАТО Ф. Р-814. Оп.1. Ед.хр. 3868а.
5. Документы (планы, доклады, списки, справки) о работе постоянной комиссии по охране природы // ГАТО Ф.Р-814. Оп.1. Ед.хр. 3516.
6. Документы (протоколы, решения, справки) постоянной комиссии по охране природы и охотничьему промыслу // ГАТО Ф.Р-814. Оп.1. Ед.хр. 5275;
7. Документы (протоколы, решения, справки) постоянной комиссии по охране природы и охотничьему промыслу // ГАТО Ф.Р-814. Оп.1. Ед.хр. 5282.
8. Закон об охране природы в РСФСР. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902066838> (дата обращения 10.05.2024).
9. Мостовенко М.С. Деятельность постоянных комиссий по охране природы по защите водных ресурсов Западной Сибири в 1960-е — 1970-е годы (региональный опыт ХМАО и Омска) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 46–57.
10. Переписка с министерством мелиорации и водного хозяйства, его учреждениями по вопросам водохозяйственного и мелиоративного устройства районов области по охране водных ресурсов // ГАТО Ф. Р-814. Оп.1. Ед.хр. 5766.
11. Прищепа А.И. Качество питьевой воды в городах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (1960-е — 1990-е гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6(81). С. 92–98.
12. Прищепа А.И. Сохранение природных ресурсов и традиционного образа жизни коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 1990-е — 2010 гг. // Вопросы истории. 2023. № 5-1. С. 56–63.
13. Прищепа А.И., Джарычев Т.М. Проблемы экологической безопасности речного бассейна Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 1990–2020 гг. // Вопросы истории. 2022. № 12-2. С. 66–71.
14. Протокол совещания Межведомственной комиссии по использованию и охране водных ресурсов Сибири (15.01.1963) // г. Новосибирск, 1963. 50 с.
15. Шмыглева А.В. Рыбохозяйственные исследования Обь-Иртышского речного бассейна (первая половина XX в.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 17–24.
16. Шмыглева А.В. Теория и практика управления водопользованием: исторический аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6(87). С. 65–75.

17. Шмыглева А.В. Управление водопользованием во второй половине XX в. (на примере Обь-Иртышского бассейна) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 180–190.
18. Шмыглева А.В. Экологическая драма рек Обь-Иртышья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6(75). С. 108–114.

REFERENCE

1. Barabanova K.S. *Epidemii, vrachi i vodoprovod: sozdanie vodnoj infrastruktury v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — pervoj polovine XX vv.* [Epidemics, doctors and water supply: the creation of water infrastructure in Western Siberia in the second half of the XIX — the first half of the XX centuries] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 6(87). S. 87–94. (In Russian).
2. Gololobov E.I. *Prostranstvo vody kak resurs i kak ugroza v isto-rii osvoeniya Severa Zapadnoj Sibiri v XX veke* [Water space as a resource and as a threat in the history of the development of the North of Western Siberia in the XX century] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 6(75). S. 79–92. (In Russian).
3. Davydov M.M. *Vodnye resursy bassejna r. Ob'* [Water resources of the Ob River basin] // Kompleksnoe os-voenie vodnyh resursov Obskogo bassejna. Izd-vo «Nauka» Sibirskoe otde-le-nie., Novosibirsk, 1970 g. 255 s. (In Russian).
4. *Dokumenty (otchety, spravki, svedeniya) o rabote postoyannoj ko-missii po ohrane prirody oblastnogo Soveta* [Documents (reports, certificates, information) on the work of the permanent co-mission for the protection of nature of the regional Council] // GATO F. R-814. Op.1. Ed.hr. 3868a. (In Russian).
5. *Dokumenty (plany, doklady, spiski, spravki) o rabote postoyannoj komissii po ohrane prirody* [Documents (plans, reports, lists, certificates) on the work of the Standing Committee on Nature Protection] // GATO F.R-814. Op.1. Ed.hr. 3516. (In Russian).
6. *Dokumenty (protokoly, resheniya, spravki) postoyannoj komissii po ohrane prirody i ohotnich'emu promyslu* [Documents (protocols, decisions, certificates) of the Standing Committee for Nature Protection and Hunting] // GATO F.R-814. Op.1. Ed.hr. 5275. (In Russian).
7. *Dokumenty (protokoly, resheniya, spravki) postoyannoj komissii po ohrane prirody i ohotnich'emu promyslu* [Documents (protocols, decisions, certificates) of the Standing Committee for Nature Protection and Hunting] // GATO F.R-814. Op.1. Ed.hr. 5282. (In Russian).
8. *Zakon ob ohrane prirody v RSFSR* [Law on Nature Protection in the RSFSR.] URL: <https://docs.cntd.ru/document/902066838> (data obrashcheniya 10.05.2024). (In Russian).
9. Mostovenko M.S. *Deyatel'nost' postoyannyh komissij po ohrane prirody po zashchite vodnyh resursov Zapadnoj Sibiri v 1960-e — 1970-e gody (regional'nyj opyt HMAO i Omska)* [The activities of the standing commissions for nature protection to protect the water resources of Western Siberia in the 1960s — 1970s (regional experience of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Omsk)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 6 (81). S. 46–57. (In Russian).
10. *Perepiska s ministerstvom melioracii i vodnogo hozyajstva, ego uchrezhdeniyami po voprosam vodohozyajstvennogo i meliorativnogo ustrojstva rajonov oblasti po ohrane vodnyh resursov* [Correspondence with the Ministry of Land Reclamation and Water Management, its institutions on issues of water management and reclamation of the regions of the region for the protection of water resources] // GATO F. R-814. Op.1. Ed.hr. 5766. (In Russian).
11. Prishchepa A.I. *Kachestvo pit'evoy vody v gorodah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — YUgry (1960-e — 1990-e gg.)* [The quality of drinking water in the cities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra (1960s — 1990s)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 6(81). S. 92–98. (In Russian).
12. Prishchepa A.I. *Sohranenie prirodnih resursov i tradicionnogo obraza zhizni korennoho naseleniya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — YUgry v 1990-e — 2010 gg.* [Preservation of natural resources and the traditional way of life of the indigenous population of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra in the 1990s — 2010s.] // Voprosy istorii. 2023. № 5-1. S. 56–63. (In Russian).

13. Prishchepa A.I., Dzharychev T.M. *Problemy ekologicheskoy bezopas-nosti rechnogo bassejna Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — YUgry v 1990–2020 gg.* [Problems of ecological safety of the river basin of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra in 1990s-2020s] // *Voprosy istorii*. 2022. № 12-2. S. 66–71. (In Russian).
14. *Protokol soveshchaniya Mezhdudedomstvennoj komissii po ispol'zo-vaniyu i ohrane vodnyh resursov Sibiri* (15.01.1963) [Minutes of the meeting of the Interdepartmental Commission for the Use and Protection of Water Resources of Siberia] // g. Novosibirsk, 1963. 50 s. (In Russian).
15. SHmygleva A. V. *Rybohozyajstvennye issledovaniya Ob'-Irtyshskogo rechnogo bassejna (pervaya polovina XX v.)* [Fishery research of the Ob-Irtysh river basin (first half of the 20th century)] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. № 6(81). S. 17–24. (In Russian).
16. SHmygleva A. V. *Teoriya i praktika upravleniya vodopol'zovaniem: istoricheskij aspect* [Water Management Theory and Practice: Historical Aspect] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023. № 6(87). S. 65–75. (In Russian).
17. SHmygleva A. V. *Upravlenie vodopol'zovaniem vo vtoroj polovine HKH v. (na primere Ob'-Irtyshskogo bassejna)* [Water management in the second half of the 20th century (using the example of the Ob-Irtysh basin)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. № 496. S. 180–190. (In Russian).
18. SHmygleva A. V. *Ekologicheskaya drama rek Ob'-Irtysh'ya* [Ecological drama of the Ob-Irtysh rivers] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021. № 6(75). S. 108–114. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.002

УДК 94(571.1)"1970/1980": 502.17(091)

ББК 63.3(253.3)633-2+20.175г(253.3)

Д.С. АШИХИНА

**ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
В 1970–1980-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ВОДНЫХ
РЕСУРСОВ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

D.S. ASHIKHINA

**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION
OF ENVIRONMENTAL PLANNING
IN THE 1970–1980-S (ON THE EXAMPLE OF
WATER RESOURCES IN THE NORTH
OF WESTERN SIBERIA)**

С 1976 г. мероприятия по охране природы включались в план народного хозяйства СССР. Экологическим планированием занимался отдел Охраны природы при Госплане СССР. Экологическое планирование осуществлялось на основании статистической отчетности, подаваемой предприятиями. Однако, несмотря на ежегодное увеличение бюджетных ассигнований, направляемых на нужды охраны природы, экологическая ситуация практически не улучшалась, что особенно заметно на примере водных ресурсов Севера Западной Сибири: концентрации вредных веществ в местных водоемах превышали нормативы в десятки раз.

Цель статьи — анализ проблем, решаемых СССР в 1970–1980-х гг. при проведении экологического планирования в рамках охраны водных ресурсов Севера Западной Сибири.

Материалы и методы исследования — анализ монографий и публикаций в научных сборниках 1970–1980-х гг., а также архивных документов, входящих в состав фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики.

Проблема советского экологического планирования заключалась в нарушении логики планирования, которое осуществлялось «сверху», в невозможности в короткие сроки обеспечить все предприятия очистными сооружениями, в завышенных нормативах и манипуляции со статистикой. Однако существование в СССР экологического планирования свидетельствует о признании государством экологических проблем и нацеленности на их решение.

Environmental protection measures have been included in the national economic plan of the USSR since 1976. Environmental planning was carried out by the Nature Conservation Department of the USSR State Planning Committee. Environmental planning was carried out on the basis of statistical reporting submitted by enterprises. However, despite the annual increase in budget allocations allocated for environmental protection needs, the environmental situation has practically not improved. This is especially noticeable in the example of the water resources of the North of Western Siberia: the concentrations of harmful substances in local water bodies exceeded the standards tens of times.

The purpose of the article is to analyze the problems solved by the USSR in the 1970–1980s, when carrying out environmental planning within the framework of protecting water resources in the North of Western Siberia.

Materials and methods of research — analysis of monographs and publications in scientific collections of the 1970–1980s, as well as archival documents included in the funds of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Economics.

The problem of Soviet environmental planning was a violation of the logic of planning, which was carried out “from above”, the inability to quickly provide all enterprises with treatment facilities, inflated standards and manipulation of statistics. However, the existence of environmental planning in the USSR indicates that the state recognizes environmental problems and is committed to solving them.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическое планирование, 1970–1980-е гг., природные ресурсы, водные ресурсы, Север Западной Сибири.

KEY WORDS: ecological planning, 1970–1980-s, natural resources, water resources, the North of Western Siberia.

ВВЕДЕНИЕ. Зарождение экологического планирования в СССР началось с преобразования в 1955 г. Комиссии по заповедникам в Комиссию по охране природы и ее дальнейшей передачи в 1961 г. в подчинение Госплана СССР [16, Л. 1]. Г.П. Дементьев, глава Комиссии по охране природы, подчеркивал, что проблемы, связанные с недостаточным вниманием к природоохранной деятельности, отсутствие единых общегосударственных мер по охране природы, а также мер контроля и санкций со стороны государства за несоблюдение природоохранного законодательства возможно решить с помощью экологического планирования [16, лл. 7–12]. В этом вопросе его поддерживал Н.Ф. Реймерс, обосновывавший необходимость экологического планирования тем, что природа — это среда обитания человека, а человеческий капитал — ключевое звено экономики; следовательно, природные ресурсы нужно расходовать рационально, а значит, заниматься их распределением государству выгодно в долгосрочной перспективе [18, с. 6].

ЦЕЛЬ данной статьи заключается в анализе проблем, решаемых СССР в 1970–1980-х гг. при проведении экологического планирования в рамках охраны водных ресурсов Севера Западной Сибири.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ, лежащие в основе исследований, включают анализ монографий и публикаций в научных сборниках 1970–1980-х гг., а также архивных документов, входящих в состав фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Экологическое планирование в СССР, полноценно осуществляемое с 1975 г., подчинялось четкому алгоритму [11, с. 139]:

1. Расчет местными плановыми органами неустранимого негативного антропогенного воздействия с помощью применения для выявления максимально допустимых концентраций вредных веществ;
2. Передача расчетов в местные контролирующие органы, которые определяли предельно допустимый уровень загрязнений и доводили плановые значения до ведомств.
3. Предложение местными контролируемыми органами мероприятий по снижению негативного антропогенного воздействия.
4. Составление местными плановыми органами территориального плана с учетом заключений местных контролирующих органов.

Однако в рамках этой схемы возникал определенный дисбаланс: так, государственные задания доводились до местных исполнителей и практически не влияли на деятельность всей отрасли. Кроме того, министерства отказывались принимать на себя ответственность за разработку предельно допустимых концентраций: так, этим отказались заниматься Министерство сельского хозяйства [14, л. 227] и Министерство здравоохранения [14, л. 234], считавшие, что это задание выходит за рамки их компетенций.

Наблюдалась и разобщенность в действиях органов исполнительной власти. Например, в соответствии с приказом Госплана СССР от 26.01.1976 № 8 отделу Охраны природы совместно с отраслевыми отделами поручена разработка номенклатуры газоочистного, пылеулавливающего оборудования, оборудования для очистки сточных вод и измерений за-

грязнения [15, л. 4]. Интересно, однако, что в письме начальника отдела Охраны природы, П.И. Полетаева, заместителю председателя Госплана СССР, Н.Н. Слюнькову, от 16.04.76 № 94–82 говорится, что отделы машиностроения и сводные отделы Нархозплана не включили в показатели пятилетки только газоочистное и пылеулавливающее оборудование, в связи с чем отделы, планирующие развитие отраслей народного хозяйства, не включили в предварительные расчеты к пятилетке реальную потребность в газоочистном и водоочистном оборудовании [15, лл. 18–19]. А.Кубчик в письме П.И. Полетаеву от 23.02.76 № 32–105 отчитался, что Минстройдормаш не располагает дополнительными мощностями для строительства очистных сооружений [14, л. 173]. А.Г. Руцкой, писал П.И. Полетаеву (письмо от 02.02.76 № ар-54/795), что Министерству химического и нефтяного машиностроения требуется выделение дополнительных капиталовложений на X пятилетку в размере 140 млн руб. для обеспечения его текущих нужд [14, л. 247], но даже в этом случае потребность в оборудовании, необходимом для обеспечения целей защиты окружающей среды, Минхиммаш сможет удовлетворить лишь в 1981–1985 гг. [14, л. 260]. Проблемы наблюдались и у непосредственных исполнителей государственных заданий: у них отсутствовал реальный стимул снижения вредных выбросов [8, с. 31].

Несмотря на это, экологическое планирование продолжало осуществляться. Выделять средства на охрану природы предлагалось с учетом оценки экономического ущерба — совокупности затрат на превентивные меры по охране природы, а также средств, нивелирующих антропогенное воздействие [1, с. 7].

Экономический ущерб рассчитывался как произведение коэффициента стоимости выброса условной тонны (120 руб./усл.т. до 1985 г. и 400 руб./усл.т. после 1985 г.), количества сброшенных примесей, а также безразмерного коэффициента, определяемого по таблице в зависимости от места сброса. Так, например, для р. Обь этот коэффициент составлял 0,92 в Новосибирске и Новосибирской области; 0,7 в Красноярском крае, восточной части Томской области; 0,31 в Тюменской области; 0,12 в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальном округе. Для р. Иртыш в Тюменской области использовался коэффициент 1. Безразмерный коэффициент зависел от антропогенной нагрузки, специфики предприятий, их оснащенности очистными сооружениями, характеристик водного объекта и других факторов [1, с. 26–27].

На меры по охране природы на протяжении X–XII пятилеток выделялись все возрастающие средства. Так, в X пятилетке было выделено 9,24 млрд руб., в XI — около 13 млрд руб., в XII — около 15 млрд руб. [9, с. 40]. В среднем за рассматриваемый период более 76% бюджетных ассигнований направлялись на охрану воды, около 12% — на рекультивацию земель, создание заповедников, 10% — на охрану воздуха, 2% предполагалось расходовать на охрану недр. Интересно, что ежегодные расходы на охрану водных ресурсов постоянно возрастали, а в XII пятилетке ежегодный рост составил около 7%. Так, если в 1985 г. планировалось потратить на меры по охране водных ресурсов 1,68 млрд руб., то в 1986 г. эта сумма составляла 1,8 млрд руб., в 1987–1,9 млрд руб., а к концу пятилетки — 2,09 млрд руб. [7, с. 9]. Это в семь раз превышало затраты на охрану воздуха, которые в XII пятилетке колебались в районе 0,25 млрд руб. [7, с. 9].

Такое внимание к водным ресурсам со стороны государства объяснялось тем, что некоторые регионы СССР испытывали дефицит чистой воды, связанный с нерациональным потреблением из-за устаревших водохозяйственных систем, даже несмотря на то, что экономии водных ресурсов старались обеспечить путем использования оборотного и последовательного водопотребления [7, с. 4].

Государство вкладывало в природоохранные мероприятия топливно-энергетического комплекса стабильно больше средств, чем в другие отрасли промышленности. Так, например, в годы XII пятилетки в природоохранные мероприятия ТЭК было вложено около 2 млрд руб., что значительно больше, чем в химико-лесной комплекс (1,7 млрд руб.), ме-

таллургический комплекс (1,68 млрд руб.), машиностроительный комплекс (470 млн руб.) [7, с. 148]. Рассматривая вложения государства в охрану водных ресурсов по отраслям в XII пятилетке, отмечается то наибольшую сумму бюджетных ассигнований получал химический комплекс (1,27 млрд руб.), топливно-энергетический комплекс (1,19 млрд руб.), мероприятия металлургического (932 млн руб.) и машиностроительного (404 млн руб.) комплексов [7, с. 149]. Таким образом, в XII пятилетке на цели охраны водных ресурсов направлялось около 70% бюджетных ассигнований, выделенных на охрану природы в СССР. С этим распределением не была согласна Главгидрометслужба. Оценивая состояние природных ресурсов в СССР, она отмечала улучшение ситуации на земле и воде на фоне катастрофических масштабов загрязнения воздуха и требовала перераспределения средств на охрану природных ресурсов с учетом проведенного анализа [13, л. 250]. Но средства, доведенные до предприятий, использовались не полностью, в среднем — на 83% в рассматриваемый период X–XII пятилеток [2, л. 11]. Так, около 80% действительно расходовались на охрану водных ресурсов, 10% — на охрану воздуха, 5,8% — на охрану земли, 5,2% — на охрану недр и прочие нужды [12, л. 27].

Несмотря на это, официальная статистика на основании подаваемой предприятиями отчетности утверждала, что экологическое планирование незамедлительно привело к положительным результатам: наблюдалось перевыполнение планов по строительству водоочистных сооружений (110,4%), по количеству газо- и пылеочистных сооружений (103,7%), по рекультивации земель (123,3%) [6, с. 58]. К 1976 г. на фоне роста промышленного производства (на 30%) на 28% снизился сброс неочищенных сточных вод и на 12% — загрязнение воздуха [10, с. 25]. В Сибири на 200% увеличились затраты на создание заповедников, росла площадь рекультивированных земель, включалось в производственный процесс вторичное сырье [10, с. 26].

Однако отчеты Всероссийского общества охраны природы, касающиеся Западной Сибири, не соответствовали официальной статистике. Яркий пример — отчет о состоянии водных ресурсов. Так, по данным ВООП, вода в Тюменской области загрязнена более чем в два раза относительно ПДК, в ХМАО — в четыре раза, в ЯНАО — в восемнадцать раз. В отдельных районах превышение ПДК составляет более чем в тысячу раз [3, л. 24]. На Севере Западной Сибири не были выполнены планы по строительству водоочистных сооружений, а 44% из тех, которые эксплуатировались, были малоэффективны. Водоочистных сооружений, несмотря на неоднократное включение в план их строительства, было крайне мало: например, в ЯНАО имелось только одно сооружение, которое функционировало не на полную мощность [3, л. 38]. На фоне возрастающих темпов экономического развития региона это приводило к возрастанию негативного антропогенного воздействия: загрязнению нефтепродуктами, сточными водами и прочим [4, с. 1319].

Таким образом, экологическое планирование в 1970–1980-х гг. вскрывало некоторые противоречия. Так, например, при общей тенденции на снижение материалоемкости производства, являвшейся одной из главных задач X–XI пятилеток, требовалось осуществлять поиск полезных ископаемых на все новых и новых землях чтобы обеспечивать экономический рост [17, с. 119], а значит, выделять все больше средств на охрану природы: около 10% ВВП [5, с. 11]. Но эти затраты были вполне обоснованы. Оценивая проведение мероприятий по охране природы, Центральный экономико-математический институт АН СССР выявил дополнительную экономию около 40 млрд руб. ежегодно благодаря росту производительности труда, снижению заболеваемости, восстановлению промыслового и сельского хозяйства в местах, где планировалось производить рекультивацию [18, с. 6].

ВЫВОДЫ. Система экологического планирования, применявшаяся с 1975 г., обладала рядом несовершенств. Так, не все министерства поддерживали идею разработки предельно допустимых концентраций вредных веществ для своих отраслей, а включение дополнительных мероприятий, в том числе, разработка и производство оборудования, необходимого

для целей охраны природы, министерства сочли невозможными для выполнения в ближайшей перспективе. В связи с этим нормы и нормативы, доводимые до предприятий для выполнения плана по охране окружающей среды, были исполнены не полностью.

Проблема наблюдалась и в алгоритме планирования. Так, планы составлялись на уровне предприятий, регионов, экономических районов и государства, а значит, избежать неувязок было достаточно сложно. Это отражало общую для СССР проблему планирования «сверху», а не «снизу». Важной проблемой, которая мешала оценить эффективность проводимых природоохранных мероприятий, была статистическая отчетность: каждое предприятие подавало ее в свободной форме, увеличивая временные расходы на сопоставление показателей. Решить проблему удалось путем унификации статистической отчетности с 01.01.1976 и применением ЭВМ для ее анализа.

Однако проблема статистической отчетности, на основании которой осуществлялось планирование, заключалось и в том, что наблюдались определенные манипуляции с ней, которые требовалось вскрывать с помощью дополнительных исследований. В частности, выяснилось, что выделенные государством на охрану природы средства расходовались не полностью, а значит, экологическая ситуация в 1970–1980-е гг. на фоне постоянного экономического роста практически не улучшалась, что особенно заметно было на примере Севера Западной Сибири.

ВЫВОДЫ. Подводя итог, отметим, что, несмотря на все недостатки, внедрение экологического планирования в план народного хозяйства СССР означало принятие экологических проблем и нацеленность на их решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Временная методика определения экономической эффективности природоохранных мероприятий в нефтяной промышленности / Всесоюзный научно-исследовательский институт организации, управления и экономики нефтегазовой промышленности (ВНИИОЭНГ). 1986. 51 с.
2. ГАР Ф. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 306.
3. ГАР Ф. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 5936.
4. Гололобов Е. И. Борьба с промышленными загрязнениями вод Арктического бассейна в Сибири в позднесоветский период (1981–Олдак П. Г. Сохранение окружающей среды и развитие экономических исследований. Новосибирск, 1980. С. 160 с.
5. Олдак П. Г. Сохранение окружающей среды и развитие экономических исследований. Новосибирск, 1980. С. 160 с. -
6. Охрана окружающей среды — важная народнохозяйственная задача // Плановое хозяйство. 1979. № 12. С. 55–59.
7. Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в СССР: стат. Сб. Госкомстат СССР Р. М.: Финансы и статистика, 1989. 174 с.
8. Охрана окружающей среды. Модели управления чистотой природной среды / Под ред. Гофмана К. Г. и Гусева А. А. М., 1977. 224 с.
9. Полетаев П. Перспективы развития охраны природы // Плановое хозяйство. 1982. № 1. С. 38–46.
10. Полетаев П. Реализация мероприятий по охране природы // Плановое хозяйство. № 8. 1984. С. 25–32.
11. Проблемы рационального природопользования в условиях развитого социализма / Сборник обзоров. М., 1987. 166 с.
12. РГА Э. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1761.
13. РГА Э. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 177.
14. РГА Э. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 178.
15. РГА Э. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 182.
16. РГА Э. Ф. 544. Оп. 1. Д. 61.
17. Сидорова В. Рационально использовать природные ресурсы // Плановое хозяйство. 1983. № 1. С. 119–122.

18. Федоренко Н.П., Лемешев М.Я., Реймерс Н.Ф. Социально-экономическая эффективность охраны природы // Природа. 1980. № 10. С. 2-13.

REFERENCE

1. *Vremennaya metodika opredeleniya ekonomicheskoy effektivnosti prirodoohrannykh meropriyatij v neftyanoy promyshlennosti* [Temporary methodology for determining the economic efficiency of environmental protection measures in the oil industry] / Vsesoyuznyj nauchno-issledovatel'skij institut organizacii, upravleniya i ekonomiki neftegazovoy promyshlennosti (VNIIOENG). 1986. 51 s. (In Russian).
2. SAR F. F. A-259. In. 48. F. 306. (In Russian).
3. SAR F. F. A-259. In. 48. F. 5936. (In Russian).
4. Gololobov E.I. *Bor'ba s promyshlennymi zagryazneniyami vod Arkticheskogo bassejna v Sibiri v pozdnesovetskij period (1981-1991 gg.)* [The fight against industrial pollution of the waters of the Arctic basin in Siberia in the late Soviet period (1981-1991)] // Materialy IX Sibirskogo istoricheskogo foruma. 2022. S. 1319-1323. (In Russian).
5. Oldak P.G. *Sohranenie okruzhayushchej sredy i razvitie ekonomicheskikh issledovanij* [Preservation of the environment and development of economic research]. Novosibirsk, 1980. S. 160 s. (In Russian).
6. *Ohrana okruzhayushchej sredy — vazhnaya narodnohozyajstvennaya zadacha* [Environmental protection is an important national economic task] // Planovoe hozyajstvo. 1979. № 12. S. 55-59. (In Russian).
7. *Ohrana okruzhayushchej sredy i racional'noe ispol'zovanie prirodnih resursov v SSSR* [Environmental protection and rational use of natural resources in the USSR]: stat. Sb. Goskomstat SSS R. M.: Finansy i statistika, 1989. 174 s. (In Russian).
8. *Ohrana okruzhayushchej sredy. Modeli upravleniya chistotoj prirodnoj sredy* [Environmental protection. Models for managing the cleanliness of the natural environment] / Pod red. Gofmana K.G. i Guseva A.A. M., 1977. 224 s. (In Russian).
9. Poletaev P. *Perspektivy razvitiya ohrany prirody* [Prospects for the development of nature conservation] // Planovoe hozyajstvo. 1982. № 1. S. 38-46. (In Russian).
10. Poletaev P. *Realizaciya meropriyatij po ohrane prirody* [Implementation of measures for nature conservation] // Planovoe hozyajstvo. № 8. 1984. S. 25-32. (In Russian).
11. *Problemy racional'nogo prirodopol'zovaniya v usloviyah razvitogo socializma* [Problems of rational environmental management in conditions of developed socialism] / Sbornik obzorov. M., 1987. 166 s. (In Russian).
12. RSA E. F. 399. In. 3. File 1761. (In Russian).
13. RSA E. F. 4372. In 67. File 177. (In Russian).
14. RSA E. F. 4372. In 67. File 178. (In Russian).
15. RSA E. F. 4372. In 67. File 182. (In Russian).
16. RSA E. F. 544. In 67. File 61. (In Russian).
17. Sidorova V. *Racional'no ispol'zovat' prirodnye resursy* [Rational use of natural resources] // Planovoe hozyajstvo. 1983. № 1. S. 119-122. (In Russian).
18. Fedorenko N.P., Lemeshev M.YA., Rejmers N.F. *Social'no-ekonomicheskaya effektivnost' ohrany prirody* [Socio-economic efficiency of nature conservation] // Priroda. 1980. № 10. S. 2-13. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.006

УДК 94(571.1)"19":502.17(091)

ББК 63.3(253.3)6-2+20.175г(253.3)

Е.И. ГОЛОЛОБОВ

**ПРОБЛЕМЫ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО
МАТЕРИАЛАМ ФОНДА № 51 «СУРГУТСКИЙ
ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ НАРОДНОГО
КОНТРОЛЯ» МУНИЦИПАЛЬНОГО АРХИВА
ГОРОДА СУРГУТА**

E.I. GOLOLOBOV

**PROBLEMS OF WATER USE IN THE NORTH
OF WESTERN SIBERIA ACCORDING
TO THE MATERIALS OF FUND NO. 51
«SURGUT CITY COMMITTEE OF PEOPLE'S
CONTROL» OF THE SURGUT MUNICIPAL
ARCHIVE**

Данная статья продолжает тематику изучения и сохранения документального историко-культурного наследия ХМАО-Югры. Цель исследования — выявить информационную ценность документов фонда № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля» муниципальным архивом города Сургута по экологической истории Севера Западной Сибири. В статье использовались методы источниковедческого анализа и синтеза. Обращение к материалам Сургутского архива необходимо и оправдано. Во второй половине XX века на Севере Западной Сибири территорией наиболее интенсивного промышленного освоения стало Сургутское Приобье в административных границах Сургутского района.

В фонде были выявлены постановления Ханты-Мансийского окружного комитета народного контроля и протоколы Сургутского городского комитета народного контроля. Комитеты осуществляли контроль выполнения нормативных документов в сфере природоохраны и рационального природопользования: Постановления Совета Министров СССР от 22.04.1960 «О мерах по упорядочению использования и усиления охраны водных ресурсов СССР», Постановления Совета Министров РСФСР от 16.08.1968 № 568 и решения Тюменского Облисполкома от 20.02.1969 № 119 «О мерах по предотвращению загрязнения водоемов Обь-Иртышского бассейна», Постановления Совета Министров РСФСР от 24.03.1975 «О серьезных недостатках в выполнении Закона РСФСР «Об охране природы в РСФСР в Тюменской области», Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15.01.1981 «О мерах по усилению охраны морей, рек и других водоемов Арктического бассейна от загрязнения». Выполняли постановления окружного комитета народного контроля по предупреждению потерь нефти при добыче, транспортировке и хранении; об усилении контроля по предупреждению инфекционной заболеваемости и улучшению санитарного состояния городов и поселков автономных округов. Рассматривали вопросы о засорении водных причалов и несвоевременной их очистке, о ходе строительства городских очистных сооружений и т.д.

Выявленные документы фонда № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля» муниципального архива города Сургута подтверждают сделанный в рамках реализации гранта РНФ № 22-28-20115 по теме «Советское государство и общество в процессе

осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917-1991» вывод о том, что в системе экологического планирования и рационального использования природных ресурсов СССР во второй половине XX в. охрана вод и их рациональное использование играли основную роль.

This article continues the subject of studying and preserving the documentary historical and cultural heritage of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra. The purpose of the study is to identify the information value of the documents of the fund No. 51 "Surgut City Committee of People's Control" by the municipal archive of Surgut on the environmental history of the North of Western Siberia. The methods of source analysis and synthesis were used in the article. The appeal to the materials of the Surgut archive is necessary and justified. In the second half of the XX century in the North of Western Siberia the territory of the most intensive industrial development became the Surgut Priobye within the administrative boundaries of the Surgut district.

The collection contained resolutions of the Khanty-Mansiysk District People's Control Committee and minutes of the Surgut City People's Control Committee. The committees controlled the implementation of normative documents in the sphere of environmental protection and rational use of natural resources: the Decree of the USSR Council of Ministers of 22.04.1960 "On measures to streamline the use and enhance the protection of water resources of the USSR", the Decree of the RSFSR Council of Ministers of 16.08.1968 № 568 and the decision of the Tyumen Oblispolkom of 20.02.1969 № 119 "On measures to prevent pollution of water bodies of the Ob-Irtysh basin", Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR from 24.03.1975 "On serious shortcomings in the implementation of the Law of the RSFSR 'On the protection of nature in the RSFSR in the Tyumen region, Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR from 15.01.1981 'On measures to strengthen the protection of seas, rivers and other water bodies of the Arctic basin from pollution". We implemented the resolutions of the District People's Control Committee on prevention of oil losses during extraction, transportation and storage; on strengthening control over prevention of infectious diseases and improvement of sanitary condition of cities and settlements of autonomous districts. They considered issues on clogging of water berths and their untimely cleaning, on the progress of construction of city treatment facilities, etc.

The revealed documents of the fund No. 51 "Surgut City Committee of People's Control" of the Surgut municipal archive confirm the conclusion made within the framework of the RNF grant No. 22-28-20115 on the theme "The Soviet state and society in the process of understanding and solving environmental problems of the North of Western Siberia in 1917-1991" that in the system of environmental planning and rational use of natural resources of the USSR in the second half of the XX century water protection and its rational use played an important role.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическая история СССР, комитеты народного контроля, охрана и рациональное использование водных ресурсов.

KEY WORDS: ecological history of the USSR, People's Control Committees, protection and rational use of water resources.

ВВЕДЕНИЕ. Данная статья продолжает тему изучения и сохранения документально-го историко-культурного наследия ХМАО-Югры, начатую в прошлом году [2]. В 2023 году научным коллективом СурГПУ была успешно завершена работа над грантом РНФ № 22-28-20115 по теме «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917-1991».

На завершающем этапе реализации проекта был осуществлен сбор и анализ документальных материалов Государственного архива Югры и муниципального архива города Сургута с акцентом на исполнительную власть и контролирующие органы на Севере Западной Сибири, которую осуществляли Советы депутатов трудящихся (и их исполнительные комитеты) и Комитеты народного контроля. Советы занимались вопросами экономического, социального и культурного развития территорий. Естественно, эти

исполнительные органы власти активно занимались вопросами освоения природных ресурсов, рационального природопользования. В основу закона 1960 г. «Об охране природы в РСФСР» были положены Директивы XXI съезда КПСС о более широком вовлечении в хозяйственный оборот природных богатств страны, а также решения правительств СССР и РСФСР по этим вопросам. Основное содержание закона было сосредоточено на правильном комплексном использовании природных ресурсов и охране природы. Для реализации положений закона 1960 г. «Об охране природы в РСФСР» на практике в структуре исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся были созданы постоянные комиссии по охране природы. Проблемы охраны природы комплексно рассматривались на сессиях Советов депутатов трудящихся Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. Эти вопросы были рассмотрены в предыдущей статье [2]. В данной статье речь пойдет о деятельности комитетов народного контроля. **ЦЕЛЬ** статьи — определить информационную ценность документов фонда № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля» муниципального архива города Сургута по экологической истории Севера Западной Сибири.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье использовались методы источниковедческого анализа и синтеза документов фонда № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля». Опора на целостный архивный фонд документов необходима для плодотворных и полноценных изысканий в области прошлого. Без методически поставленной и систематической работы над изучением состава, происхождения и судеб архивных фондов невозможно историческое изучение событий и явлений. Фонд рассматривается генетически и структурно целостным историческим источником [15, с. 765].

Разветвленная система органов контроля в СССР стала складываться с 1930-х гг. Коренная реорганизация контрольных органов была проведена после XX съезда партии. Органам контроля вменялось в обязанность привлекать к своей деятельности широкие слои общественности, чего раньше не делалось. Комитеты партийного и государственного контроля были созданы на основании постановления ноябрьского Пленума ЦК КПСС 1962 г. При комитетах действовали внештатные отделы, постоянные и временные общественные комиссии, общественные бюро жалоб и предложений трудящихся, внештатные инспектора. С 1965 г. комитеты партийного и государственного контроля преобразованы в комитеты народного контроля. Комитеты осуществляли контроль и проверку решений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и РСФСР, руководителей министерств и ведомств и др. Комитеты народного контроля были ликвидированы в соответствии с постановлением Съезда народных депутатов РСФСР «Об упразднении органов народного контроля в РСФСР» от 16 июня 1990 г. [3, с. 336–339].

Местные советы и комитеты народного контроля в деле охраны природы были взаимосвязаны и проводили совместные мероприятия. Такой положительный опыт имел место в Пермской области. Для распространения этого опыта во всесоюзном масштабе было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР «О взаимодействии постоянных комиссий Советов народных депутатов и органов народного контроля в Пермской области» [5, л. 64]. Оно предписывало ежегодно проводить совместные проверки: по подготовке предприятий торговли и общественного питания к завозу и хранению картофеля и овощей; по подготовке причалов и пристаней к летней навигации; по подготовке объектов коммунального хозяйства к работе в зимних условиях. При необходимости по результатам проверок надо было вносить предложения в исполнительные комитеты и комитеты народного контроля, заслушивать отчеты о совместной работе постоянных комиссий и комитетов народного контроля на сессиях Советов. Исходя из требований Закона СССР о народном контроле в СССР и Постановления ЦК КПСС «О мерах дальнейшего улучшению работы органов народного контроля и усилению партийного руководства ими в связи с принятием Закона о народном контроле в СССР», необходимо было систематически анализировать

практику руководства органами народного контроля, обобщать и распространять имеющийся положительный опыт в этом деле [5, л. 65].

С муниципальным архивом города Сургута был заключен договор на подготовку информационной справки по фонду № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля» [4, с. 20]. В фонде были выявлены постановления Ханты-Мансийского окружного комитета народного контроля и протоколы Сургутского городского комитета народного контроля. Комитеты осуществляли контроль выполнения нормативных документов в сфере природоохраны и рационального природопользования: Постановления Совета Министров СССР от 22.04.1960 «О мерах по упорядочению использования и усиления охраны водных ресурсов СССР», Постановления Совета Министров РСФСР от 16.08.1968 № 568 и решения Тюменского Облисполкома от 20.02.1969 № 119 «О мерах по предотвращению загрязнения водоемов Обь-Иртышского бассейна», Постановления Совета Министров РСФСР от 24.03.1975 «О серьезных недостатках в выполнении Закона РСФСР «Об охране природы в РСФСР в Тюменской области», Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15.01.1981 «О мерах по усилению охраны морей, рек и других водоемов Арктического бассейна от загрязнения». Выполняли постановления окружного комитета народного контроля по предупреждению потерь нефти при добыче, транспортировке и хранении; об усилении контроля по предупреждению инфекционной заболеваемости и улучшению санитарного состояния городов и поселков автономного округа. Рассматривали вопросы о засорении водных причалов и несвоевременной их очистке, о ходе строительства городских очистных сооружений и т.д.

Обращение к материалам фонда необходимо и оправдано. Во второй половине XX века на Севере Западной Сибири территорией наиболее интенсивного промышленного освоения стало Сургутское Приобье в административных границах Сургутского района. Быстрыми темпами развивалась нефтяная и газовая промышленность, прокладывались нефтепроводы, железная дорога Тюмень-Сургут-Нижневартовск, возводилась Сургутская ГРЭС и десятки других промышленных предприятий. Многие из них становились всесоюзными комсомольскими стройками. Именно в этот период сформировался Западносибирский нефтегазовый комплекс. Это вызвало большой приток рабочей силы. Только за три года (1964–1966 гг.) оборот населения города Сургута превысил его среднегодовую численность в 1,5–2 раза [1]. Естественно, это приводило к серьезным экологическим проблемам, на которые уже невозможно было не реагировать. Эта ситуация нашла свое отражение в выявленных документах. Остановимся более подробно на информационных возможностях выявленных документов в контексте изучения проблем использования водных ресурсов в процессе промышленного освоения Севера Западной Сибири.

Во второй половине XX в. в связи с активным развитием промышленности и сельского хозяйства в СССР обострились проблемы водопотребления. Не обошли они стороной и Север Западной Сибири. В целях улучшения ситуации было принято постановление Совета Министров СССР от 22.04.1960 г. «О мерах по упорядочению использования и усиления охраны водных ресурсов СССР». Протокол № 6 заседания Сургутского городского комитета народного контроля Тюменской области от 20 сентября 1968 г. был посвящен результатам проверки этого постановления сургутскими предприятиями. Проверкой было установлено, что предприятия промышленности, строительства и транспорта нарушали данное постановление, загрязняли реку Обь и ее притоки нефтью и нефтепродуктами, в результате Обь-Иртышский бассейн стремительно терял свое рыбохозяйственное значение, а государству наносился непоправимый хозяйственный ущерб [6, лл. 54, 60].

Приведем конкретные примеры, о которых говорят документы. Нарушителями законодательства нередко выступали нефтеразведочные и нефтедобывающие организации. Постановление № 8/3 заседания окружного комитета народного контроля от 14 ноября 1968 г. о фактах грубого нарушения постановления Совета Министров СССР от 22.04.1960

«О мерах по упорядочению использования и усиления охраны водных ресурсов СССР» Сургутской нефтеразведочной экспедицией и нефтепромысловым управлением «Сургут-нефть» отмечало, что проведенными проверками были установлены факты загрязнения нефтью и нефтепродуктами рек: Обь, Юганская Обь, Конда, Иртыш, Пим. Сброс нефтепродуктов привел к уничтожению мест нереста, нагула промысловых рыб особенно ценных пород, их промысловых баз. Так с 30 апреля по 5 мая 1968 г. из скважины № 3 на Тайбинской площади Сургутской нефтеразведочной экспедиции был произведен сброс нефти в речки Неух, Тот-Яун и Пим. Скважина фонтанировала в течение шести дней и по низким местам поступала в вышеуказанные рыбопромысловые речки. В водоемы было слито около 500–600 тонн нефти [6, л. 29].

21 мая 1968 г. старшим инспектором Нижнеобьрыбвода П.А. Ревнивых, санитарным инспектором Сургутской инспекции рыбохраны Б.П. Поповым в присутствии представителей Сургутской экспедиции было проведено обследование места, где произошел сброс нефти. В акте проверки отмечалось, что нефть с территории буровой продолжала поступать в водоемы, а на берегах ее было очень много. Поэтому во избежание дальнейшего загрязнения рек экспедиции было предложено в срок до 23 мая сжечь оставшуюся на буровой нефть. Однако это предложение экспедицией не было выполнено. Второе обследование реки Пим и устья реки Тот-Яун было сделано 30 августа 1968 г. и установлено, что пленка нефти продолжала идти по реке Пим, что берега речки сильно замазучены. Рыбаки-ханты, живущие по реке Пим (58 семей), в итоге, были лишены основного трудового промысла и пищи [6, л. 29].

Для определения содержания нефти в воде и грунтах, а также для определения кормовой базы гидрохимиком Л.А. Закуракиной было взято 10 проб воды, грунта, планктона и бентоса. Анализ взятых проб показал, что наличие нефтепродуктов в реке Пим было очень велико от 0,626 до 40 мг/л. В то время как допустимая концентрация нефтепродуктов в воде должна быть не более 0,05 мг/л. Сброс нефти произошел в начале мая. В этот период рыба с верховьев Пима скатывается вниз до сора на нерест. Большая концентрация нефти почти полностью уничтожила кормовую базу. Так по данным СибНИИРХа кормовая база речки снизилась в 29 раз по сравнению с 1963 г. В этом факте были конкретные виновные: главные инженеры экспедиции Р.Х. Багаутдинов и А.А. Гарбар [7, л. 30].

На основании имеющихся материалов и руководствуясь методикой подсчета ущерба, разработанной на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 июня 1966 г. № 462 Обь-Тазовское отделение СибНИИРХа определило ущерб, нанесенный рыбному хозяйству. Прямой разовый ущерб составил 2171,8 центнера рыбы или в денежном выражении 212451 руб. Однако ущерб, нанесенный рыбному хозяйству загрязнением, этим не ограничивался. Загрязнение реки Пим нарушило естественное воспроизводство, погибли как производители, так и ранее воспроизведенное рыбное потомство. Река оказалась обезрыбленной. Общий ущерб, нанесенный сбросом нефти в Пим Сургутской экспедицией с учетом недохода в последующие годы специалистами определялся в 15 тыс. 836 центнеров или в денежном выражении 1594257 руб. [7, л. 30]. Такие случаи были не единичными.

К сожалению, среди нарушителей природоохранного законодательства были не только геологоразведчики и нефтяники. Значительное количество нефтепродуктов попадало в реку Обь с существующих нефтебаз города. Исключительно в бесхозяйственном состоянии содержались базы ГСМ в тресте «Тюменьгазмеханизация», Строительное управление (далее СУ)-4 треста «Нефтепроводмонтаж». Обваловки баз были нарушены, территории замазучены. Засорял реку ведомственный флот предприятий. Суда Сургутского участка ремонтно-эксплуатационной бригады «Главтюменьнефтегаза», леспромхоза, автоводного треста «Главтюменьнефтегазстрой» и др. не были оборудованы средствами по сбору отработанных масел, подсланевых вод, обтирочного материала. Обязательная их сдача на базах

ГСМ не было налажена, команды судов не были знакомы с мероприятиями по охране водоемов [6, л. 29].

Нарушения имели место и при строительстве различных трубопроводов. В своем постановлении Ханты-Мансийский окружной комитет народного контроля от 16 июля 1969 г. отмечал нарушения законодательства дирекцией строящихся трубопроводов Западной и Северо-Западной Сибири, СУ-5 треста «Омскнефтепроводстрой» и СУ-3 треста «Нефтепроводмонтаж» [7, л. 6]. Работая в сложных условиях Севера, они раньше нормативного срока на 7 месяцев, закончили строительство трубопровода Нижневартовск — Сургут, выполнив правительственное задание по подаче нефти с месторождений Нижневартовского района в нефтепровод Усть-Балык — Омск. Но при этом данными организациями были допущены факты грубого нарушения постановления Совета Министров СССР от 22.04.1960. Испытание трубопровода Нижневартовск-Сургут в апреле 1969 г. проводилось нефтью, а не водой, вследствие аварии были допущены сбросы ее на поверхность земли, откуда нефть по наклонной, а затем с тальми водами попала в реку Тром-Аган и речку Малик-Посыл, впадающих в реку Обь и затопляемую пойму указанных рыбохозяйственных водоемов.

Проверкой было установлено, что 15 апреля 1969 г. на участке 127 км нефтепровода произошло фонтанирование нефти из нефтепровода на лес, который в окружности до 50–60 метров от места выбросов был залит ею от вершин до корней. Нефть с берегов стекла в урей, заполнив исток и затем в реку Тром-Аган. Загрязнение на данном участке составило 6 га. По траншее из-под мерзлой земли, которой был засыпан трубопровод, нефть выходила на поверхность и стекала в сторону 126 и 128 км. Общая потеря нефти на участке определилась в пределах 9 тыс. тонн. В соответствии с постановлением Тюменского облисполкома от 8 мая 1968 г. было произведено обследование всей трассы нефтепровода Нижневартовск-Сургут на предмет выявления загрязнения водоемов нефтью. Было установлено, что почти на всем протяжении трассы нефтепровода прилегающая территория была загрязнена нефтью [7, л. 7].

На 45 км нефть разлилась в приток Оби речку Малик-Посыл по поверхности льда протяжением в 200 метров с толщиной слоя нефти в 10 см. На 140 км трассы, оставшаяся после сжигания нефть, из траншеи также стекла в водоемы. Имелись разливы нефти на 20–22 км нефтепровода. Обустройство нефтепровода — установка предупреждающих знаков у переходов, а также другие мероприятия, связанные с охраной водоисточников от загрязнения нефтью, не были выполнены. Проведенными работами по ликвидации аварий нефтепровода не было предотвращено загрязнение рыбохозяйственных водоемов. Прошло более трех месяцев, однако нефть в водоемах имела у места разлива до времени проверки. 24 июня 1969 г. было произведено четвертое обследование вышеуказанных участков нефтепровода и снова было подтверждено, что на 127 км вся площадь загрязнена нефтью, залита прибойной водой и на ее поверхности на площади до 5 га имела нефтяная пленка.

Исследование воды и грунта с речки Малик-Посыл институтом рыбного хозяйства показали, что в одном литре воды нефть превысила допустимую норму свыше 300 раз. Все вышеуказанные факты подтвердили нанесение большого ущерба рыбному хозяйству. Генеральный подрядчик по строительству нефтепровода СУ-5 и дирекция строящихся трубопроводов должны были производить испытания только после 100% окончания работ по трассе, то есть произвести полную изоляцию, укладку и засыпку труб с одновременным проведением мероприятий, исключающих загрязнение водоемов нефтью в случае порыва нефтепровода, тем более что испытание проводилось нефтью, а не водой. Несоблюдение указанных правил привело к загрязнению рыбопромысловых водоемов на громадных площадях. Потеря нефти на 45 км была допущена только по халатности руководителей СУ-3 треста «Нефтепроводмонтаж», которые не проверили состояние отводной задвижки ДУ-500, которая была разморожена, в итоге через трещину корпуса задвижки на землю вытекло 1973 тонны нефти [7, л. 7].

В связи с изменением условий испытания трубопроводов с воды на нефть исполнителями работ и заказчиком не был разработан план мероприятий по предотвращению аварий и попадания нефти в водоемы. Кроме обследования мест аварий, комиссией были изучены документы, из которых следует, что в актах подготовки трубопровода к испытанию нефтью отсутствуют даты опрессовки: актом рабочей комиссии от 28 марта 1969 г. о приеме в эксплуатацию нефтепровода был отмечен большой перечень недоделок, часть из которых не была устранена до времени проверки функционирования трубопровода. Протокол совещания по вопросу продувки трубопровода свидетельствовал о некачественном монтаже работ и плохом контроле со стороны заказчика — дирекции строительства трубопроводов. В общем итоге была допущена потеря 11073 тонны нефти и нанесен огромный ущерб рыбному хозяйству [7, л. 8].

2 августа 1970 г. на протоке «Девкина» был обнаружен порыв второй нитки нефтепровода Нижневартовск-Усть-Балык. Изоляционные работы на данном нефтепроводе были выполнены некачественно. Поэтому представителями эксплуатационной организации акт о приемке объекта не был подписан, то есть трубопровод в эксплуатацию не был введен. По существу, на момент обнаружения порыва объект находился на стадии незавершенного строительства. Несмотря на это с мая по трубопроводу велась промышленная прокачка нефти. По справке Сургутского нефтепроводного управления выход нефти был обнаружен на глубине 4-х метров от горизонта воды. Попавшая в протоку «Девкина» нефть была подожжена ввиду невозможности ее сбора. Нефть горела по всей протоке. По справке Сургутской районной инспекции рыбоохраны зеркальная площадь загрязнения водоема составила 637,5 га (без учета попадания нефти в Обь). Потери нефти были определены в количестве 1440 тонн. Традиционно, к сожалению, в документах констатировался большой ущерб рыбному хозяйству [8, лл. 91-92].

Очень часто в результате бесхозяйственности и халатного отношения к профессиональным обязанностям руководителей различного уровня нефть и нефтепродукты попадали в водоемы непосредственно в городской черте Сургута. В конце октября 1969 г. нефтепромышленным управлением «Сургутнефть» от Сургутского речного порта была принята в аренду нефтеналивная баржа НС-90, в которой находилось 1850 тонн дизельного топлива. Баржа оказалась водотечной. В результате в ноябре 1969 г. из баржи на лед, покрытый снегом, произошел вылив большого количества дизельного топлива. При проверке на месте отстоя нефтеналивных судов речки Черной 20 февраля 1970 г. было установлено, что снег вокруг нефтеналивной баржи НС-90 на площади 1200 м² пропитан дизтопливом. Сургутской группой бассейновой инспекции и районной инспекцией рыбоохраны руководству «Сургутнефть» в срок до 15 марта 1970 г. было предложено произвести зачистку залитой дизтопливом территории, но как показала произведенная 17 апреля 1970 г. проверка, зачистка территории от разлитого дизтоплива не была произведена. В момент проверки на поверхности льда вокруг баржи на площади 2000 м² находился слой дизтоплива, средняя толщина которого составляла 3-5 мм. Такие случаи также были не единичными. Они происходили и с судами сургутского авиаотряда, ГРЭС, СМП-330 у которых также наблюдались случаи разливов топлива в зимнее время и загрязнения водоемов. При разборе данных фактов вышеуказанные организации старались вину отнести только на нефтеуправление. Материалы были переданы в прокуратуру [8, л. 46].

Несоблюдение природоохранного законодательства мешало судоходству. Об этом нам сообщает постановление окружного комитета народного контроля № 389 от 5 августа 1975 г. «О записке группы народного контроля Ханты-Мансийского технического участка и судоходной инспекции» [9, л. 26]. Группа народного контроля Ханты-Мансийского технического участка и судоходная инспекция обратились в окружной комитет народного контроля по вопросу игнорирования отдельными должностными лицами предписаний техучастка и судоходной инспекции по устранению препятствий вождения судов по маги-

стралям рек Иртыш, Обь и их протоков, образовавшихся в результате бесхозяйственного отношения к различного рода оборудованию и материалам (трубы, железобетонные плиты, пригрузки, самоходный и несамоходный флот), затопленных на тех или иных участках бассейна.

До 1975 г. (до постройки железной дороги Тобольск-Сургут) в округе основная поставка грузов осуществляется речным флотом, грузооборот и переработка портами грузов ежегодно росла. Все это требовало со стороны грузополучателей должной организации погрузочно-разгрузочных работ, строительства и оборудования причалов, содержания их в рабочем состоянии. Однако, проверкой было установлено, что многие причалы, подходы к ним не обеспечивали безопасной работы флота. По этой причине имели место случаи неоднократных повреждений корпусов судов их движительно-рулевыми комплексов. Технический участок неоднократно производил траление причалов, но они снова и снова приходили в негодность в результате затопления бетонных изделий, пригрузов и т.д. Серьезную опасность представляли трубы буровых скважин, оказавшихся на судовом ходу рек Северная Сосьва на 40 км., Конда на 625 км., Малая Обь на 655 км. Это свидетельствовало о недисциплинированности должностных лиц организаций грузополучателей их халатном, а во многих случаях, преступно-халатном отношении к своим профессиональным обязанностям [9, л. 27].

Эта проблема была острой и непосредственно для Сургута. Об этом свидетельствует заседание Сургутского городского комитета народного контроля от 1 августа 1975 г. по вопросу «О ходе выполнения Постановления Совета Министров РСФСР от 24.03.1975 «О серьезных недостатках в выполнении Закона РСФСР «Об охране природы в РСФСР в Тюменской области» [10, л. 59]. Предприятия расположенные в черте города Сургута: Сургутгазстрой, Сургуттрубопроводстрой, объединенный авиаотряд, городская нефтебаза грубо нарушали закон. Причалы, расположенные в черте города были сильно захламлены остатками грузов и другими предметами. На требования судоходной инспекции речного порта по зачистке причалов владельцы мер не принимали. Поэтому причалы оставались засоренными трубами, ЖБИ, металлоломом. Подход судов к ним был невозможен. В таком состоянии находились причалы Сургутгазстроя, объединенного авиаотряда, городской нефтебазы. Из-за этого в навигацию 1975 г. произошло ряд аварийных случаев с судами. 11 июня 1975 г. на причале Сургутского аэропорта о подводное препятствие были повреждены корпуса танкеров ТН-720, 721. Оба судна на длительный период были выведены из эксплуатации. Из-за засоренности акватории были закрыты причалы для эксплуатации СУ-16, домостроительного комбината, СУ-4, УПТК треста Сургутгазстрой, городской нефтебазы. Подача судов под выгрузку к ним была запрещена, чем был нанесен ущерб народному хозяйству [10, л. 60].

Загрязнение водных источников, неудовлетворительное состояние канализации и очистных сооружений также приводили к серьезным проблемам. Такого рода факты отражены в постановлении окружного комитета народного контроля № 233 от 5 августа 1975 г. «Об усилении контроля по предупреждению инфекционной заболеваемости и улучшению санитарного состояния городов и поселков округа» (документ отмечен грифом «Секретно»). Окружной комитет народного контроля отмечал следующее. Несмотря на неоднократные предупреждения со стороны партийно-советских органов, отдельные хозяйственные руководители, работники санитарных служб не сделали должных выводов, не приняли мер для наведения санитарного порядка в городах и других населенных пунктах округа. В ряде населенных пунктов не были решены вопросы водоснабжения, канализации, не очищались своевременно территории у объектов торговли, общепита и т.д. Как следствие заболеваемость острой дизентерией и прочими кишечными инфекциями продолжали оставаться на высоком уровне. В мае 1974 г. было зарегистрировано 17 эпидемических вспышек острой дизентерии, охвативших 1177 человек [9, л. 57].

В округе неудовлетворительно выполнялось Постановление Совета Министров СССР от 21 декабря 1971 г. № 919 «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области», решения областного и окружного исполкомов о строительстве очистных сооружений в городах Нижневартовске, Сургуте, Нефтеюганске, рабочих поселках Мегион, Игрим, Белый Яр. В результате резкого отставания строительства этих объектов от гражданского строительства, количество потребляемой воды в поселке Белый Яр березовского района составляло не более 2 литров в сутки на человека, а в Нижневартовске население получало воду не более 1–2 часов в сутки. Неудовлетворительное санитарное состояние жилых территорий городов и поселков приводило, в том числе, к загрязнению открытых водоемов, что в свою очередь, приводило к эпидемическим вспышкам кишечно-желудочных инфекций [9, л. 58]. Это говорит о том, что проблема носила острый характер и не решалась на протяжении длительного времени.

В 1980-е гг. органы народного контроля занимались проверкой выполнения сургутскими предприятиями постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 января 1981 г. «О мерах по усилению охраны морей, рек и других водоемов Арктического бассейна от загрязнения» [11,12,13,14]. Например, в 1987 г. комитет совместно с депутатской постоянной комиссией по охране природы городского Совета народных депутатов, Сургутской гидрохимлабораторией и городской санитарно-эпидемиологической станцией провел 4 проверки. Было обследовано 16 предприятий и организаций [11, лл. 2–4].

По всем указанным случаям нарушения законодательства принимались меры морального воздействия, административного и правового характера. Нерадивые руководители получали денежные штрафы, выговоры. В особо вопиющих случаях материалы проверок направлялись в прокуратуру. Далеко не всегда эти меры приводили к желаемым результатам, многие проблемы не решались годами и десятилетиями. Тем не менее определенный эффект от этих мер был. Постановления народного контроля рассматривались на совещаниях руководителей предприятий и организаций. На них определялись ответственные за устранение выявленных нарушений в установленные сроки. Когда замечания устранялись, в таких случаях постановления городского комитета народного контроля о результатах проверки снимались. Например, постановление городского комитета народного контроля от 30 октября 1987 г. «О результатах проверки состояния охраны природы и окружающей среды при применении системы поддержания пластового давления в НГДУ «Федоровскнефть» после устранения недостатков с контроля было снято 24 июня 1988 г [13, л. 76].

ВЫВОДЫ. Выявленные документы фонда № 51 «Сургутский городской комитет народного контроля» муниципального архива города Сургута подтверждают сделанный в рамках реализации гранта РНФ № 22-28-20115 по теме «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991» вывод о том, что в системе экологического планирования и рационального использования природных ресурсов СССР во второй половине XX в. охрана вод и их рациональное использование играли основную роль. Водопотребление интенсивно росло на протяжении всей второй половины XX в. Большая часть бюджетных средств тратилась на охрану водных ресурсов. Это было связано с использованием воды как в бытовых, так и производственных целях. Нарастание промышленного потенциала постоянно опережало рост мощностей природоохранных объектов. Это приводило к истощению и загрязнению водных ресурсов СССР. Это в полной мере было характерно для Севера Западной Сибири. С одной стороны, регион богат поверхностными водами. Его по праву можно назвать «землей воды». С другой стороны, бурное промышленное развитие региона было невозможно без использования воды как ресурса, особенно в технологии добычи нефти. Анализ выявленных архивных документов это в полной мере подтверждает.

Освоение Советского Севера происходило «сверху», основными акторами этого процесса были государственные структуры: центральные министерства и ведомства, терри-

ториальные органы советской и партийной власти. Это является определяющим в обеспечении эколого-исторических исследований корпусом основных источников. Поэтому в исследованиях по экологической истории Севера Западной Сибири, Сибири в целом, очевидно превалирование источников, так или иначе, отражающих государственную точку зрения на вопросы взаимодействия общества и природы. Совершенно недостаточно используются материалы, которые характеризуют иные точки зрения негосударственных акторов (повседневные практики различных сообществ во взаимодействии с природой, деятельность общественных организаций и т.д.). Во многом это связано с малочисленностью таких документов, либо их отсутствием. Материалы депутатских сессий, в частности, выступления в прениях (стенограммы выступлений депутатов с мест по экологическим проблемам конкретных территорий северных округов, после основного доклада), депутатские запросы, документы общественных бюро жалоб и предложений трудящихся комитетов народного контроля могут помочь, пусть и опосредованно, услышать голос простого человека по отношению к экологическим проблемам. Выявленные архивные материалы дают возможность для актуализации эколого-исторических исследований в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гололобов Е. И. Освоение Севера Западной Сибири в XX в.: от природы к окружающей среде / Проблемы экологической истории / истории окружающей среды. Сб. статей. М.: РГГУ. 2020. Вып. II. С. 431–444.
2. Гололобов Е. И., Рашектаева О. С. Актуальные вопросы информационного обеспечения исторических исследований (на примере взаимодействия Государственного архива Югры и Сургутского государственного педагогического университета) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — Сургут: СурГПУ, 2023. № 6 (87). — С. 10–17.
3. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 — декабрь 1991. М.: РГГУ. 1994. 418 с.
4. Краткий справочник по фондам архивов Югры. Том 2. Краткий справочник по фондам архивного отдела администрации города Сургута / Сост.: А. А. Кайдалова. Ханты-Мансийск, 2010. 222 с.
5. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1477.
6. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 14.
7. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 35.
8. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 37.
9. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 66.
10. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67.
11. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 206.
12. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 207.
13. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 232.
14. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 51. Оп. 1. Д. 233.
15. Хорхордина Т. И. Историк и архивист: взаимодействие в интересах информационного обеспечения исторической науки / Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. В. Ю. Афиани, Ю. А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 757–767.

REFERENCES

1. Gololobov E. I. *Osvoenie Severa Zapadnoj Sibiri v XX v.: ot prirody` k okruzhayushhej srede* [Development of the North of Western Siberia in the 20th century: from nature to environment] / *Problemy` e`kologicheskoy istorii / istorii okruzhayushhej sredy`*. Sb. statej. M.: RGGU. 2020. Vy`p. II. S. 431–444. (In Russian).
2. Gololobov E. I., Rashektaeva O. S. *Aktual`ny`e voprosy` informacionnogo obespecheniya istoricheskix*

- issledovaniy (na primere vzaimodejstviya Gosudarstvennogo arxiva Yugry` i Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta)* [Topical issues of information support of historical research (on the example of interaction between the State Archive of Yugra and Surgut State Pedagogical University)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Surgut: SurGPU, 2023. № 6 (87). S. 10–17. (In Russian).
3. Korzhixina T.P. *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr` 1917 — dekabr` 1991* [The Soviet State and its Institutions: November 1917–December 1991]. M.: RGGU. 1994. 418 s. (In Russian)
 4. *Kratkij spravochnik po fondam arxivov Yugry`. Tom 2. Kratkij spravochnik po fondam arxivnogo otdela administracii goroda Surguta* [Brief guide to the fonds of the archives of Ugra. Volume 2. Brief guide to the fonds of the Archives Department of the Surgut City Administration] / Sost.: A.A. Kajdalova. Xanty`-Mansijsk, 2010. 222 s. (In Russian).
 5. KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry». F. R-1. Op. 1. D. 1477 [KU "State Archive of Yugra"] (In Russian).
 6. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 14. (In Russian).
 7. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 35. (In Russian).
 8. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 37. (In Russian).
 9. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 66. (In Russian).
 10. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 67. (In Russian).
 11. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 206. (In Russian).
 12. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 207. (In Russian).
 13. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 232. (In Russian).
 14. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 51. Op. 1. D. 233. (In Russian).
 15. Khorkhordina T.I. *Istoriik i arkhivist: vzaimodeistvie v interesakh informatsionnogo obespecheniya istoricheskoi nauki* [Historian and Archivist: Interaction for the Information Support of Historical Science]. Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei. M.: Eterna publ, 2017, p. 765. (In Russian).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN HISTORY

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.017

УДК 94(571.1)"19":332.122(091)

ББК 63.3(253.3)6-2

Л.И. МИХЕЕВ

КОНЦЕПТ ПРОСТРАНСТВА в КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ
СИБИРСКОГО СЕВЕРА В XX ВЕКЕ

L.I. MIKHEEV

CONCEPT OF SPACE IN THE CONTEXT
OF HISTORICAL UNDERSTANDING
OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT
OF THE SIBERIAN NORTH IN THE XX CENTURY

Концепт пространства входит в предметную область исследований многих наук и является ключевым для понимания сущности природы происходящих процессов в определяемых рамках. Пространство обладает свойством изменчивости во времени и не имеет четких административных границ. Характерными чертами пространства являются его образы, которые позволяют выделить его особенности. Природно-географические и политико-административные особенности российского пространства формируют новые векторы исследования не только в гуманитарных науках, но и способствуют развитию междисциплинарных исследований.

Основной целью статьи является определение значимости пространства Сибирского Севера для государства и его восприятие в обществе. В качестве методологии за основу был выбран инструментарий экологической истории.

Пространство Сибирского Севера многомерно и состоит из образов: культурного, географического, политико-географического, историко-географического, которые дополняют друг друга.

С начала 1920-х гг. Север прочно вошел в стратегию развития экономики страны благодаря своему ресурсному потенциалу. Изначально пространство Севера представлялось суровым, необжитым, труднодоступным для освоения ввиду сложных природно-климатических условий.

Во второй половине XX века в период промышленного освоения региона произошло изменение восприятия пространства Сибирского Севера как государством, так и обществом. Развитие науки и техники способствовали стремительному, но зачастую нерациональному освоению природных ресурсов, которое привело к серьезным экологическим последствиям. Природа стала ближе и доступнее для человека. Постепенно меняется ментальный образ пространства Сибирского Севера от богатого природными ресурсами, которые надо максимально использовать для развития экономики в направлении защиты и охраны природы, рациональному природопользованию.

The concept of space is the subject of research in many sciences. The space has the property of variability over time and does not have clear administrative boundaries. The characteristic

features of space are its images that highlight the features of space. The natural-geographical and political-administrative features of the Russian space create new vectors of research in the humanities and develop interdisciplinary research.

The main purpose of the article is to determine the significance of the space of the Siberian North for the state and its perception in society. The tools of environmental history were chosen as the basis for the methodology.

In the second half of the twentieth century, during the period of industrial development of the region, the perception of the space of the Siberian North by the state and society changed. The development of science and technology has contributed to the rapid and unsustainable development of natural resources. This has led to serious environmental consequences. Nature has become closer and more accessible to people. The mental image of the space of the Siberian North is gradually changing from one rich in natural resources, which must be used as much as possible for economic development, to protection and conservation of nature, rational environmental management

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пространство, промышленное освоение, природные ресурсы, Сибирский Север.

KEY WORDS: space, industrial development, natural resources, Siberian North.

ВВЕДЕНИЕ. В науке данное понятие изначально являлось частью методологии познания в философии. В дальнейшем категория «пространство» прочно заняла позиции и в других науках, в первую очередь, в географии. Понятие «географическое пространство» как геометрическая интерпретация пространства появилось в среде географов в Европе в 1930-х гг. Об этом пишут Х.М. М.Родригес и Ю.С. Гринфельд, указывая в качестве основоположников концепции географического пространства Августа Лёша и Вальтера Кристаллера [17, с. 85].

Трактовка понятия пространства для современных исследователей будет зависеть от контекста исследуемой проблемы, но зачастую в определении пространства присутствуют такие категории, как общество, ресурс, граница. Для проведения региональных исследований может использоваться определение, сформулированное Р.Ф. Туровским: «Пространство — это совокупность объектов (предметов, явлений), которые рассматриваются с помощью таких атрибутов, как положение относительно друг друга, протяженность, форма, расстояние и ориентация» [20, с. 15].

Стоит отметить, что понятие «пространство» используется и в исследованиях, предметом которых выступает общество, народы, при этом, как отмечает В.В. Симонова, «пространство не является статичной категорией и не может анализироваться с позиции территориальности. Пространство является продуктом социокультурной креативности и социокультурного воображения, политическим конструктом» [19, с. 8].

Исторические исследования, посвященные пространству, способствовали появлению такого понятия, как «историческое пространство». Историческое пространство, по мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, представляет собой «взаимодействие социального пространства с географическим, применительно к прошлому». При этом ученые отмечают многозадачность исторического пространства, его подвижность (способность к перемещению), его разнообразные масштабы от района города до стран и объединения стран [18, с. 161-162].

Ряд ученых отмечает прямую взаимозависимость пространства и власти, например, С.А. Королев формулирует свое определение пространства следующим образом: «Географическое и социальное пространство, организованное, структурированное, стратифицированное определенной исторической сложившейся совокупностью властных технологий» [15, с. 7].

Д.Н. Замятин в своем труде также указывает на особенности взаимовлияния пространства, власти и культуры в истории России. Ученый отмечает, что «пространство видоизме-

няет власть; в свою очередь, контролирует ее и становится в известном смысле этой самой властью, отождествляя себя с ней» [8].

На наш взгляд, данные точки зрения вполне закономерны, поскольку с момента включения пространства в интересы государства, на него начинают распространяться властные отношения. В этом ключе изучение процессов промышленного освоения пространства Сибирского Севера невозможно представить без исследования позиций государства по отношению к нему, инструментов и технологий преобразования пространства. Стоит отметить, что определение понятия «пространство», сформулированное разными науками, вполне применимо и в исторических исследованиях, поскольку исследование пространства, как минимум, будет включать обоснование хронологических рамок, выявление причин и предпосылок возникновения объектов пространства и их взаимодействия.

ЦЕЛЬЮ данной статьи является определение значения пространства Сибирского Севера для государства и изменение его восприятия в период промышленного освоения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве основного метода исследования выступает анализ подходов современного научного знания к определению понятия «пространства». Также используются подходы экологической истории для выявления причин изменения отношения государства и общества к Сибирскому Северу.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Для более эффективного достижения целей со стороны государства в том или ином пространстве создаются его определенные образы. В качестве характерных черт пространства выступают образы: историко-географические, политико-географические и др.

По мнению Д. Н. Замятина, географические образы — это совокупность ярких, характерных символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства. В свою очередь, исходные, фундаментальные политико-географические образы российского пространства оказывают непосредственное влияние на содержание и формы политических процессов в России и за ее пределами [7, с. 29]. Также образы могут являться моделями пространства. На современном этапе понятие пространства продолжает оставаться наиболее употребляемым именно в экономике. Подходы исследователей к раскрытию сущности пространства встречаются в отечественной периодике, примером тому может служить один из номеров журнала «Отечественные записки» за 2002 год, посвященный темам границ, территорий и пространства.

Согласно мнению А. Ахиезера, «пространство — всегда реальный и потенциальный ресурс жизнедеятельности людей, который используется для разрешения проблемных ситуаций, для восполнения дефицита, для преодоления кризисов, возможно угрожающих катастрофой соответствующим сообществам, группам, личностям» [1].

Значительные площади России и большая протяженность ее границы не оставались без внимания со стороны западных коллег в XX веке. Анализируя тенденции мировой истории и роль географического фактора в ней, Х. Маккиндер приходит к выводу, что обширные пространства центральной части евразийского континента, которые в большинстве совпадают с границами Российской империи, позднее — с границами Советского Союза, обладают важным стратегическим потенциалом и образуют определенную ось, вокруг которой выстраивается дальнейшая система взаимоотношений стран [16, с. 162–169]. Имея выгодное месторасположение, осевые страны обладают всеми необходимыми ресурсами для распространения своего влияния за пределы своих границ.

Американские специалисты Ф. Хилл, К. Гэдди в качестве положительных сторон наличия обширного пространства у России отмечают, что это главный фактор международного влияния, при этом уделяют большее внимание недостаткам обладания таких территорий, называя это «бременем»: сложность защиты границ, содержание большой постоянной армии, проблема преодоления дальнего расстояния, неудобство больших территорий для развития экономики [21, с. 22–24].

Стоит отметить, что гипотеза «ресурсного проклятия» была сформулирована еще в 1970-х гг. и предполагала, что страны, обладающие богатым природно-ресурсным потенциалом, демонстрировали слабое развитие экономики в отличие от тех стран, где природных ресурсов меньше, но наблюдается рост экономики. О.Г. Васильева в своем труде проводит анализ эмпирических работ, посвященных определению роли природных ресурсов в экономике страны, и приходит к выводу, что многочисленные исследования носят противоречивый характер. «Направление и характер связи между природными ресурсами и экономическим развитием, а также интерпретация результатов зависят от того, как был рассчитан показатель, использовавшийся как прокси для природных ресурсов, какие виды природных ресурсов были рассмотрены» [3, с. 91].

В целом тема пространства для России является архиважной и определяет ее развитие. На протяжении столетий Русское государство, так или иначе, включало в себя приграничные территории на юге, западе, севере. Наиболее важным этапом в расширении территории государства принято считать присоединение Сибири в XVII веке. Сибирское пространство постепенно колонизировалось центральной Россией, тем самым стремительно увеличивая общую площадь границ. Расширение пространства привело к осознанию его значимости для России и стремлению определить его роль и место в жизни общества, культуры, истории.

С включением новых земель начался поиск наиболее эффективных инструментов управления территориями, что отражалось в череде реформ административно-территориального управления, начиная с 1708 года с первых реформ Петра I. Дальнейшее освоение «безграничного» пространства привело не только к укоренению экстенсивного способа его освоения, но и к усилению административных механизмов.

В Советском Союзе уже в 1920-е гг. активно развивалась научная мысль в этом направлении. Как отмечал Н.Н. Колоссовский, революционная борьба нового со старым предопределила дальнейшее развитие географии, которое заключалось не только в описании мира, но и в его преобразовании [20, с. 15]. Послереволюционный период является важным в плане осмысления идей и задач преобразований, проводимых новой властью.

В руках нового правительства оказались огромные территории Дальнего Востока, Сибири, ресурсы которых можно было обратить в доход государства. Административно-территориальные изменения затронули все сферы жизни общества, в первую очередь, экономику.

В качестве основы для территориальных изменений был взят принцип экономического районирования, которое позволило бы наладить взаимодействие производственно-территориальных объектов, рынки сбыта, взаимосвязь всех звеньев управления. «Изучение хозяйства такой огромной и разнообразной страны, как СССР, невозможно без разделения ее по основным признакам на районы», отмечал Н.Н. Колоссовский [13, с. 103]. Именно в этот период был образован Госплан, который играл главную роль в экономическом развитии советского периода. Для обсуждения решений Госплана созывались специальные конференции по изучению производительных сил и экономическому районированию.

Экономический район представлял собой территорию с установленными границами, в рамках которого имеющиеся природные ресурсы, население и накопленные культурные ценности с учетом достижений техники позволили бы создать мощную хозяйственную систему и, как следствие, развитую экономическую систему.

В 1950-е гг. в СССР наблюдалось активное развитие экономической мысли, направленное на поиск более эффективных методов управления, размещения хозяйственных систем. Как отмечает А.Г. Гранберг, весомый вклад в развитие теории пространственной экономики внесла работа Августа Лёша «Пространственная организация хозяйства», опубликованная в СССР в 1959 году [5, с. 6–7], в которой были представлены идеи пространственного размещения производительных сил.

По мнению А.Г. Гранберга, данная концепция продолжила свое развитие в сфере экономики в 1950-х гг. в Советском Союзе, выделяя экономическое пространство как объект исследований, при этом уделяя значительное внимание возможности применения «математизации экономической практики». Автор объясняет, что в условиях плановой экономики некоторые взгляды А.Лёша получили отклик в научной среде, например, идеи о размещении предприятий в условиях ранее зафиксированного размещения производителей и потребителей, о модернизации расчетных методов, обоснования рыночных зон и др. [10, с. 130–139].

На протяжении многих десятилетий образ пространства страны был связан, в первую очередь, с экономическим сектором. Количественные показатели производства широко транслировались в обществе, создавая благоприятный образ экономической ситуации. Это можно объяснить не только экономическими целями, но и политико-идеологическими, свойственными для второй половины XX века: «догнать и перегнать Запад». Следуя принципу использования природных ресурсов обширных пространств, государство постепенно выстраивает систему их освоения, преобразования и использования.

Первая четверть XX века — это время крупномасштабных преобразований во всех сферах молодого советского государства: экономической, социальной, культурной. Север с его богатым ресурсным потенциалом стал одним из важных векторов развития государственной политики.

Преимущества Севера описывал С.А. Бутурлин, ученый, известный исследователь Русского севера. В своей статье он дал подробное описание Севера всей страны: коренным народам, животному миру, растительному миру, природе, климату. Преимуществом его работы можно считать, что он достаточно убедительно развенчал мифы о суровости Севера и невозможности его освоения, выделил реальные недостатки, которые заключались в необжитости пространства, бездорожье, коротком времени навигации и т.п. При этом он отмечал, что все эти недостатки будут исправлены со временем, когда общество будет осваивать северные территории, как когда-то в древности люди осваивали более южные регионы.

С.А. Бутурлин большое внимание уделил будущему значению Севера, которое он видел не только в более полном хозяйственном освоении природных богатств: организации пушного промысла, развитии оленеводства, рыбного хозяйства, но и в развитии транспортных сетей международного сообщения, аккуратном вовлечении местных народов в процесс освоения [2, с. 63–65]. В этот период экономическое развитие страны характеризовалось полномасштабными процессами модернизации и индустриализации, которые оказали прямое влияние на развитие образа Севера, характерной чертой которого всегда являлась ресурсная составляющая.

Усиление роли Севера для государства прослеживалось в создании в 1954 году Комиссии по проблемам Севера при Совете по изучению производительных сил Академии наук. Главной задачей Комиссии была разработка новых методов управления и освоения Севера, при этом комиссия занималась исследованием ресурсного потенциала северных территорий, научными разработками. С 1962 года комиссию возглавлял С.В. Славин, выдающийся северовед, который с 1930-х гг. принимал активное участие в деятельности различных институтов по освоению Севера.

Славин считал, что Север не просто географическая территория, а, в первую очередь, природно-экономическая территория, и поэтому выделял критерии отнесения местности к Северу: 1) северное расположение относительно старообжитых и географически развитых районов страны; 2) суровые природные условия, затрудняющие развитие сельскохозяйственной деятельности и создание многих отраслей промышленности, что в свою очередь влияет на слабую заселенность территории; 3) слабое развитие транспортной сети на огромных пространствах; 4) повышенные затраты труда по сравнению с южными районами [11, с. 191].

После присоединения Сибири к Русскому государству в XVI в. данный регион на многие столетия стал представлять собой ценную ресурсную базу, однако говорить о каком-либо его развитии не представляется возможным вплоть до начала XX века ввиду наличия естественных

природно-географических и демографических особенностей (удаленность от центра, отсутствие налаженных транспортных путей, низкая плотность населения). В конце XIX — начале XX века на основе промыслов постепенно развивалась хозяйственная деятельность Сибирского Севера, параллельно наблюдалось развитие транспортных путей, связующих Сибирь с центральной Россией.

В этот период общественность, в том числе и научная, обратилась к изучению коренных народов Севера как самобытных, сохранивших свою культуру и образ жизни. О.И. Еремеева отмечает, что огромная роль в изучении народностей Сибирского Севера принадлежала Тобольскому, Енисейскому и Томскому статистическим комитетам, которые собирали многообразные сведения. Центрами многосторонних и плодотворных научных исследований стали Тобольский губернский музей и музей Приенисейского края [6, с. 76]. В числе выдающихся ученых можно отметить А.А. Дунин-Горкавича, Николая Лукича Скалозуба, Николая Львовича Гондатти и др. Их исследования проводились в области этнографии.

В целом стоит отметить, что наличие коренного населения на территории Сибирского Севера в дальнейшем способствовало созданию его историко-культурного образа. «Особо сильную определяющую роль в формировании историко-культурного пространства играют северные ландшафты, в экстремальной природной среде Севера, культурнохозяйственные особенности больше подчинены физико-географическим условиям, нежели традиционно-бытовым занятиям населяющих данный регион этносов [9, с. 562]. С середины 1960-х гг., с началом освоения месторождений нефти и газа на территории Севера Западной Сибири, начался новый индустриальный этап освоения природных ресурсов. Данный этап характеризуется вовлечением всех видов природных ресурсов в хозяйственный оборот, интенсивностью их добычи, кардинальным изменением природных ландшафтов.

Север стал представляться как богатый природными ресурсами регион, с промышленностью набирающей темпы роста. Сложные условия труда и жизни в тайге воспринимались с некоторой долей романтики покорителей, и он стал интенсивно заселяться. Наблюдался рост населения, преимущественного молодого трудоспособного возраста. Однако сложные природно-климатические условия, медленное строительство социальной инфраструктуры, жилплощади обостряли социальную ситуацию. Значительная часть приехавших возвращалась обратно. Однако такая информация не транслировалась через средства массовой информации, тем самым не нарушался задуманный государством образ Сибирского Севера.

При этом традиционные отрасли экономики во второй половине XX века в полной мере ощутили на себе специфику модернизационных процессов, которые выражались «в существенном воздействии минерально-сырьевого сектора экономики на них, на социальные процессы, на весь уклад жизни коренных малочисленных народов Севера [12, с. 680].

Изменение системы хозяйствования привело и к изменению восприятия пространства Севера. Как отмечает Е.И. Гололобов, на изменение образа Севера оказала влияние политическая парадигма «покорения природы», доминировавшая в СССР [4, с. 150]. Север представлялся как природная кладовая, ресурсы которой человек должен изъять и использовать по максимуму. Все это должно было являться подтверждением силы и правильного курса советской власти.

С середины 1970-х гг. произошло некоторое осознание негативного влияния промышленности на природу. В региональной периодической печати стало увеличиваться количество публикаций, посвященных проблемам природы, ее охране. В этой ситуации поменялось отношение к северной природе и природным ресурсам в сторону защиты, охраны и бережного использования. Тем не менее, реальных действий производственных предприятий по сокращению негативного воздействия было катастрофически мало и не изменило общее обострение экологической обстановки.

ВЫВОДЫ. Таким образом, можно сказать, что пространство имеет определенные границы, но они могут быть подвижны как по времени, так и по территории. Внутри пространства

все предметы, явления, события тесно взаимосвязаны друг с другом. Север, обладая значительными природными ресурсами, прочно вписался на долгие годы в экономику страны, в ее экономическое пространство. Следуя политики индустриализации, проводимой государством, Сибирский Север начал, в большей степени, ассоциироваться с производственным регионом, а освоение природных ресурсов как победа над природой.

Пространство Севера, в том числе и Севера Западной Сибири, на протяжении XX века претерпели значительные изменения от неосвоенных территорий и нетронутой природы до крупномасштабного освоения природных ресурсов. Как отмечает А. Ахиезер, «сущность территорий для человека в конечном итоге определяется реальной и потенциальной способностью человека осваивать ее, превращать из внекультурного природного явления в пространство человеческих условий, средств и целей, в сферу реализации человеческих способностей» [1].

В этом ключе стоит согласиться с мнением Е. И. Гололобова о том, что в ходе освоения Севера Сибири произошло сокращение пространства природы и расширение территории окружающей среды. Образ Сибирского Севера в социально-географическом пространстве СССР и в общественном сознании совершил переход от «бесплодной земли» к «северной равнине» [4, с. 150].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 3. Литературный интернет проект «Журнальный зал». URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/rossijskoe-prostranstvo-kak-predmet-osmysleniya.html> (дата обращения 05.04.2024).
2. Бутурлин С. А. Что такое «Север», кто там живет и будущее мировое значение его // Советский Север: первый сборник статей / Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК; под ред. П. Г. Смидовича, С. А. Бутурлина и Н. И. Леонова. М., 1929. 278 с.
3. Васильева О. Г. Проблемы оценки природных ресурсов в эмпирических исследованиях «ресурсного проклятия» // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 67–91.
4. Гололобов Е. И. Сибирский Север: динамика образа — от BarrenGrounds к NorthernPlain // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 137–152.
5. Гранберг А. Г. Идеи Августа Лёши в России // Пространственная экономика. 2006. № 2. С. 5–22.
6. Еремеева О. И. Гуманитарные исследования на Сибирском Севере в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–3. С. 76–81.
7. Замятин Д. Н. Политико-географические образы российского пространства // Политическая наука. 2003. № 3. С. 28–39.
8. Замятин Д. Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Отечественные записки. 2002. № 3. Литературный интернет проект «Журнальный зал». URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/strategii-interpretaczii-istoriko-geograficheskikh-obrazov-rossii.html> (дата обращения 05.04.2024).
9. Зелюткина Л. О. Развитие этнического потенциала историко-культурного пространства Севера России // География: развитие науки и образования: Герценовские чтения, 68: коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию создания ЮНЕСКО, 22–25 апреля 2015 года. Санкт-Петербург, 2015. С. 561–563.
10. К 80-летию со дня рождения Александра Григорьевича Гранберга: Ученый, Учитель, Человек / под ред. чл.-корр. РАН В. И. Сулова, д.э.н. С. А. Суспицына — Новосибирск: ИЗОПП СО РАН, 2016. 324 с.
11. Калеменева Е. А. Смена моделей освоения Советского Севера в 1950-е гг. Случай комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181–198.
12. Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю., Герасимова Г. И. Социализм в тундре: ненцы кочевники Ямала на волнах советской северной политики в 1930-е–1980-е гг. // Новейшая история России. 2018. Том 8. № 3. С. 679–690.
13. Колосовский Н. Н. К вопросу об экономическом районировании // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 102–123.

14. Колоссовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск. 2006. 326 с.
15. Королев С.А. Бесконечное пространство: гео-и социографические образы власти в России. М., 1997. 234 с.
16. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
17. Родригес Х.М.М., Гринфельдт Ю.С. Понятия «пространство» и «территория» в географии Латинской Америки // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 84–92.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во «Алетейя. Историческая книга», 2007. 523 с.
19. Симонова В.В. Интерпретация пространства представителями малочисленных народов Севера в различных социокультурных средах: Автореф... канд.соц.наук. Москва, 2008. 35 с.
20. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: 2006. 784 с.
21. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское время. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.

REFERENCES

1. Ahiezer A. *Rossijskoe prostranstvo kak predmet osmysleniya* [Russian space as a subject of understanding] // *Otechestvennye zapiski*. 2002. № 3. Literaturnyj internet proekt «ZHurnal'nyj zal». URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/rossijskoe-prostranstvo-kak-predmet-osmysleniya.html> (data obrashcheniya 05.04.2024). (In Russian).
2. Buturlin S.A. *CHto takoe «Sever», kto tam zhivet i budushchee mirovye znachenie ego* [What is the “North”, who lives there and its future global significance] // *Sovetskij Sever: pervyj sbornik statej / Komitet sodejstviya narodnostyam severnyh okrain pri Prezidiume VCIK; pod red. P.G. Smidovicha, S.A. Buturlina i N.I. Leonova*. М., 1929. 278 s. (In Russian).
3. Vasil'eva O.G. *Problemy ocenki prirodnyh resursov v empiricheskikh issledovaniyah «resursnogo proklyatiya»* [Problems of natural resource assessment in empirical studies of the «resource curse»] // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2018. № 4. S. 67–91. (In Russian).
4. Gololobov E.I. *Sibirskij Sever: dinamika obraza — ot BarrenGrounds k NorthernPlain* [Siberian North: dynamics of the image — from BarrenGrounds to NorthernPlain] // *QuaestioRossica*. 2017. T. 5. № 1. S.137–152. (In Russian).
5. Granberg A.G. *Idei Avgusta Lyoshi v Rossii* [Ideas of August Lesha in Russia] // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2006. № 2. S. 5–22. (In Russian).
6. Eremeeva O.I. *Gumanitarnye issledovaniya na Sibirskom Severe v konce XIX — nachale XX v.* [Humanitarian research in the Siberian North at the end of the 19th — beginning of the 20th century] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. № 4–3. S.76–81. (In Russian).
7. Zamyatin D.N. *Politiko-geograficheskie obrazy rossijskogo prostranstva* [Political and geographical images of Russian space] // *Politicheskaya nauka*. 2003. № 3. S.28–39. (In Russian).
8. Zamyatin D.N. *Strategii interpretacii istoriko-geograficheskikh obrazov Rossii* [Strategies for interpreting historical and geographical images of Russia] // *Otechestvennye zapiski*. 2002. № 3. Literaturnyj internet proekt «ZHurnal'nyj zal». URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/strategii-interpretacii-istoriko-geograficheskikh-obrazov-rossii.html> (data obrashcheniya 05.04.2024). (In Russian).
9. Zelyutkina L.O. *Razvitie etnicheskogo potenciala istoriko-kul'turnogo prostranstva Severa Rossii* [Development of the ethnic potential of the historical and cultural space of the North of Russia] // *Geografiya: razvitie nauki i obrazovaniya: Gercenovskie chteniya*, 68: kollektivnaya monografiya po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu sozdaniya YUNESKO, 22–25 aprelya 2015 goda. Sankt-Peterburg, 2015. S. 561–563. (In Russian).
10. *K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Grigor'evicha Granberga: Uchenyj, Uchitel', CHelovek* [To the 80th anniversary of the birth of Alexander Grigorievich Granberg: Scientist, Teacher, Person] / pod red. chl.-korr. RAN V.I. Suslova, d.e.n. S.A. Suspicya — Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2016. 324 s. (In Russian).

11. Kalemeneva E.A. *Smena modelej osvoeniya Sovetskogo Severa v 1950-e gg. Sluchaj komissii po problemam Severa* [Change of models of development of the Soviet North in the 1950s. The case of the commission on problems of the North] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2018. № 2. S.181–198. (In Russian).
12. Karpov V.P., Gavrilova N.YU., Gerasimova G.I. *Socializm v tundre: nency kochevniki YAmala na volnah sovetskoj severnoj politiki v 1930-e-1980-e gg.* [Socialism in the tundra: Nenets nomads of Yamal on the waves of Soviet northern policy in the 1930s-1980s.] // *Novejshaya istoriya Rossii*. 2018. Tom 8. № 3. S.679–690. (In Russian).
13. Kolosovskij N.N. *K voprosu ob ekonomicheskom rajonirovanii* [On the issue of economic zoning] // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2009. № 1. S.102–123. (In Russian).
14. Kolosovskij N.N. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Smolensk. 2006. 326 s. (In Russian).
15. Korolev S.A. *Beskonechnoe prostranstvo: geo-i sociograficheskie obrazy vlasti v Rossii* [Infinite space: geo-and sociographic images of power in Russia]. M., 1997. 234 s. (In Russian).
16. Makkinder H. *Geograficheskaya os' istorii* [The Geographical pivot of history] // *Polis*. 1995. № 4. S. 162–169. (In Russian).
17. Rodrigues H.M.M., Grinfel'dt YU.S. *Ponyatiya «prostranstvo» i «territoriya» v geografii Latinskoj Ameriki* [The concepts of “space” and “territory” in the geography of Latin America] // *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov*. 2018. № 7. S.84–92. (In Russian).
18. Savel'eva I. M., Poletaev A.V. *Teoriya istoricheskogo znaniya* [Theory of historical knowledge]: Ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo «Aletejya. Istoricheskaya kniga», 2007. 523 s. (In Russian).
19. Simonova V.V. *Interpretaciya prostranstva predstavitel'nyimi malochislennyh narodov Severa v razlichnyh sociokul'turnyh sredah* [Interpretation of the space of small peoples of the North in various sociocultural environments]: Avtoref... kand.soc.nauk. Moskva, 2008. 35 s. (In Russian).
20. Turovskij R.F. *Politicheskaya regionalistika* [Political regionalism]. M.: 2006. 784 s. (In Russian).
21. Hill F., Geddi K. *Sibirskoe bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushchee Rossii* [Siberian Burden. Miscalculations of Soviet planning and the future of Russia] / Per. s angl. M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007. 328 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.007

УДК 94(571.1)"18/19":379.8:392(091)

ББК 63.3(253.3)53-7

А.И. ДУДКИН

**ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОЖАН
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.:
ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ**

A.I. DUDKIN

**LEISURE PRACTICES OF CITIZENS
OF TOBOLSK PROVINCE AT THE END
OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX
CENTURIES: MEMORIES OF EYEWITNESSES**

В данной статье, на основе воспоминания очевидцев, рассмотрены досуговые практики горожан Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв. Обращение к истории досуга имеет важное научное и практическое значение, так как расширяет наши знания о повседневной жизни людей, позволяет проследить процессы, происходящие в обществе, основные направления его развития. Кроме того, критический анализ досуговых практик прошлого дает возможность использовать накопленный опыт в современных условиях. Значительное внимание в исследовании уделяется различным формам досуга горожан, а также тем проблемам, с которыми сталкивались люди при организации своего свободного времени. Установлено, что, несмотря на модернизационные процессы, происходившие в жизни российских пореформенных городов, значительная доля досуговых практик городского населения Тобольской губернии в это время сохраняла свои традиционные черты.

This article, based on the memories of eyewitnesses, examines the leisure practices of the townspeople of the Tobolsk province in the late 19th — early 20th centuries. Turning to the history of leisure has important scientific and practical significance, as it expands our knowledge about the everyday life of people and allows us to trace the processes occurring in society and the main directions of its development. In addition, a critical analysis of past leisure practices makes it possible to use the accumulated experience in modern conditions. Considerable attention in the study is paid to various forms of leisure for city residents, as well as to the problems that people faced when organizing their free time. It has been established that despite the modernization processes taking place in the life of Russian post-reform cities, a significant proportion of the leisure practices of the urban population of the Tobolsk province at that time retained their traditional features.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Досуг, горожане, Тобольская губерния, традиции, воспоминания очевидцев, праздники, развлечения

KEY WORDS: Leisure, townspeople, Tobolsk province, traditions, memories of eyewitnesses, holidays, entertainment

ВВЕДЕНИЕ. При изучении истории повседневности, наряду с архивными документами, статистическими материалами, периодической печатью, важнейшим видом исторического источника являются воспоминания, написанные участниками или современниками каких-либо событий. Данные материалы позволяют реконструировать культурный облик дореволюционных городов Тобольской губернии, изучить досуговую деятельность проживающих там людей, а также их нравственные качества, обычаи и традиции. Используемые нами воспоминания взяты из очерков и путевых заметок, написанных наблюдательными

людьми, родившихся и живших в Тобольской губернии, либо совершивших путешествие по ее территории. Социальный состав очевидцев достаточно разнообразен. Это выходец из купеческой семьи, писатель Н. Д. Телешов, русская писательница Н. А. Лухманова, жена тюменского инженера А. Ф. Колмогорова, Н. М. Чукмалдин — купец, меценат, писатель, родом из деревни Кулаково, Д. И. Менделеев — ученый, химик, Кочнев П. Ф. — выходец из мещан, служивший приказчиком у разных крупных предпринимателей, Шевцов С. П. — народник, бывший с 1879 г. в ссылке в Тобольской губернии и другие.

ЦЕЛЬЮ настоящей статьи является реконструкция досуговых практик горожан Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в. на основе воспоминаний современников.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для достижения поставленной цели нами был использован модернизационный подход, уделяющий значительное внимание социальным изменениям, включая трансформацию социальных структур, практик, форм взаимодействия и поведения, а также повседневную жизнь и культуру индивидов, их мирозерцание, ценности, мотивации поступков. Применение данного подхода позволяет изучить изменения в обществе с учетом модернизационных новаций, объяснить важные тенденции в развитии форм проведения досуговой деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В рамках исследуемого периода в Тобольской губернии было 10 населенных пунктов, имевших статус города — Тобольск, Тюмень, Курган, Ишим, Ялуторовск, Тюкалинск, Туринск, Тара, Сургут и Березов. Из них лишь первые три, в соответствии с официальной статистикой МВД России начала XX в., имели статус среднего города, в то время как остальные поселения оставались на позициях малых городов и городов-сел. Заметное влияние на всю жизнь горожан, в том числе и их досуговую деятельность, оказывало православие, которое являлось государственной религией. Люди разной социальной и возрастной принадлежности в выходные и праздничные дни массово посещали церковь, участвовали в крестных ходах, отмечали религиозные праздники. Выдающийся ученый Д. И. Менделеев, наблюдая в конце XIX в. многочисленный крестный ход в своем родном Тобольске, писал: «Вспомнилось опять детство, потому что и тогда все то же совершалось, и все мы вместе со всем городом принимали свое участие» [5, с. 40].

О религиозности горожан пореформенного периода свидетельствует и практика раздачи милостыни нуждающимся, что было широко распространено в городах Тобольской губернии. Как следует из воспоминаний сибирской писательницы Н. А. Лухмановой, во всех богатых домах города Тюмени нищие щедро оделялись «хлебом насущным» [7, с. 25]. При этом современники нередко указывали на формальное соблюдение церковных ритуалов горожанами. Л. Н. Толстой писал: «Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедовали предо мной большие; но доверие это было очень шатко» [16, с. 5]. Ссылный С. П. Швецов, проживая в 1880-е гг. в Сургуте, заметил, что его жители, постоянно посещая церковные службы и соблюдая религиозные предписания, в то же самое время не имели практически никакого представления о сущности православия и его догматов. В частности, они отождествляли всех святых с самим Господом, не понимали значения икон и содержание основной идеи о едином Боге [18, с. 77].

Параллельно с традиционной приверженностью общества христианским ценностям в изучаемое время шел процесс «обмирщения» массового сознания. Важнейшую роль в этом движении сыграло увеличение количества учебных заведений и, соответственно, рост числа грамотных людей. По наблюдениям К. Голодникова, в 1880-е гг. значительно усилилось стремление жителей Тобольска к чтению периодических изданий и других полезных книг [2, с. 139]. Однако в малых городах губернии, население которых занималось преимущественно традиционными видами хозяйствования, отношение людей к образованию менялось очень медленно. По замечанию современника, в конце XIX в. жители Сургута к школе относились безучастно, а к женскому обучению даже отрицательно, видя в этом порчу нравов и развращение [18, с. 74].

Необходимо отметить, что приверженность к традициям у горожан Тобольской губернии сохранялась на протяжении всего исследуемого периода. По справедливому замечанию А.В. Литягиной, данное обстоятельство во многом было обусловлено тем, что основным источником пополнения городского населения являлись сельские жители — хранители крестьянских традиций и нравов [6, с. 192]. Переехав в город, вчерашние крестьяне старались в новых условиях воспроизвести привычные им, традиционные формы досуговой деятельности — кулачные бои, вечеринки, посиделки, народные гуляния. По наблюдениям современника, зимой жители Сургута свое свободное время проводили на вечерках, где они пели песни и плясали, нередко подражая при этом движениям различных животных и птиц [18, с. 83].

Важными факторами, во многом определявшими досуговые практики горожан, являлись продолжительность их рабочего времени и уровень заработной платы. Очевидцы указывали на тяжелое материальное положение рабочих и служащих, при этом отмечая, что трудовой день у них доходил до 14 часов в сутки [9, с. 11]. Финансовые трудности, физическое и психологическое перенапряжение нередко приводили к распространению социальных девиаций в рабочей среде. Как отмечал современник: «Наиболее прискорбные явления в жизни тюменских рабочих — это пьянство и проституция» [9, с. 11]. При этом, по утверждению П.М. Головачева, пьянство в праздники являлось результатом не столько привычки к спиртным напиткам либо дурного воспитания, сколько невысокого уровня культурного развития, не позволяющего наполнить праздничное время чтением, благочестивыми размышлениями, пением псалмов в кругу семьи [1, с. 52–53].

Бедность большинства городских семей вынуждала их членов искать дополнительные источники дохода. По воспоминаниям П.Ф. Кочнева, родившегося и выросшего в семье тюменского ремесленника-башмачника, ему, в свободное от учебы время, приходилось вместе с родителями подрабатывать — продавать на рынке сельскохозяйственную продукцию и свечи [4, с. 29–30]. Известный тюменский спортсмен Н.В. Калугин вспоминал, что в детстве вместо игры с соседскими ребятами ему зачастую приходилось трудиться — крутить большое колесо токарного станка [8, с. 71].

Разумеется, среди горожан выделялись и весьма зажиточные семейства. К примеру, писательница Надежда Лухманова описывала богатство тюменского купца 1-й гильдии Ф.С. Колмогорова следующим образом: «сам он одевался по-европейски, жене наряды выписывал из Москвы, читал газеты и журналы, почти ежегодно ездил в столицу, побывал даже в Париже и у себя в доме завел такие «новшества», от которых ахнул весь город» [7, с. 5].

Ряд воспоминаний очевидцев содержит описание массовых праздничных развлечений горожан. Как указывал житель Тары К.А. Калугин, в зимний период по праздникам высокой популярностью у местной молодежи пользовались катания с ледяных гор, а летом — качели, игра в мяч и городки [13, с. 161]. На Масленицу одной из любимых забав горожан являлось катание на лошадях. Коренной житель Тюмени, заслуженный врач РСФСР С.И. Карначевич вспоминал, как в начале XX в. во время Масленицы целыми днями разъезжали по центральным улицам города многочисленные лошади, запряженные в разукрашенные сани [8, с. 94].

Особое внимание в своих воспоминаниях современники уделяли карточной игре, являвшейся широко распространенной формой досуга городских жителей. Как отмечал Н.М. Чукмалдин, все разговоры и интересы тюменского купечества во время их отдыха сводились к картам, игра в которые, по замечанию Н.М. Ядринцева, постепенно вырождалась из развлечения в коммерческое предприятие [17, с. 134–135; 11, с. 74]. При этом очевидцы подчеркивали, что горожане играли в карты повсеместно — дома, в клубах приказчиков, залах общественных собраний и т.д. [12, с. 30–31].

Распространенными публичными формами досуга горожан Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв. являлись посещение театральных постановок и цирковых представ-

лений. Спектакли ставились как силами местных актеров-любителей, так и гастролирующими профессиональными труппами. По наблюдениям краеведа К.М. Голодникова, в дни приезда известных артистов Тобольск избавлялся от своей апатии и оживал для более разумной, эстетической жизни [2, с. 139]. Как свидетельствуют материалы периодической печати и воспоминания современников, повышенным спросом горожан Тобольской губернии пользовались цирковые представления, нередко проходившие при аншлагах в зрительных залах. Захваткин Н.С. вспоминал, что в начале XX в. он, будучи ребенком, вместе со сверстниками стремился попасть на цирковое представление, но отсутствие необходимых денежных средств, заставляло их смотреть выступления артистов через щель входной двери тюменского цирка [8, с. 31].

В городах, не имевших зданий цирка, представления проходили во временных деревянных постройках — балаганах. Описание одного из таких балаганов, размещавшегося на Базарной площади Тюмени в начале XX в. дошло до нас в записках очевидца. Согласно им, данное сооружение вмещало около ста человек. Внутри помещения находились скамьи для зрителей и сцена, где ставились танцевальные номера, играли музыканты на русских народных инструментах и выступали клоуны. Цена билета составляла 5–10 коп. «И народ шел в балаган со своими трудовыми пятаками и был доволен», — подводил итог современник, одновременно указывая, что данная форма досуга была широко распространена среди большинства простых горожан, посещавших городскую площадь каждое воскресенье и в церковные праздники [8, с. 109–110].

В воспоминаниях очевидцев содержится ценная информация о семейно-индивидуальных формах досуга горожан, среди которых значительный сегмент приходился на поход в гости к родственникам, друзьям, знакомым. Как вспоминала выросшая в семье сибирского купца Лидия Тамм: «В праздники без приглашения в гости не ходили. Мы приглашали и нас приглашали в определенное время. При этом нужно обязательно отбыть очередь: если тебя приглашали, то и ты должен пригласить» [3, с. 98–99].

Алексей Улыбин оставил описание одного из праздничных дней тюменской зажиточной мещанской семьи в начале XX в. Так, сбор гостей назначался обычно к часу дня. Обменявшись подарками и поздравив друг друга с праздником, люди проходили к столу обедать. Затем собравшиеся слушали граммофон, пели песни и танцевали под аккомпанемент гармони, а также играли в азартные игры. Развлекательная программа заканчивалась ужином и чаепитием, после которых, в 8–9 часов вечера, все приглашенные лица разъезжались по своим домам [8, с. 121–122].

Помимо праздников, состоятельные горожане собирали гостей также по случаю повышения по службе, юбилея и т.д. По воспоминаниям учителя русского языка Березовского уездного училища Фёдора Ларионова, на званый вечер у штатного смотрителя уездного училища собралась почти вся верхушка города. Кроме ужина и чаепития для приглашенных была организована карточная игра, а также в исполнении отдельных гостей прозвучали популярные песни и романсы [15, с. 89–91]. Закончился вечер традиционным угощением чаем. Необходимо подчеркнуть, что современники неоднократно обращали внимание на любовь сибиряков к чаепитию, а также на обилие рыбных и мясных блюд, приготовляемых специально для праздничного стола [10, с. 74; 11, с. 73].

Летом излюбленной досуговой практикой горожан являлись прогулки на открытом воздухе. Те, кто имел материальную возможность выезжали за город, на природу с едой, напитками, гитарой, гармоникой, либо проводили теплые дни на дачах [2, с. 138]. Одним из популярных летних развлечений было купание в реке и катание на лодках. Как вспоминал Н.М. Чукмалдин, летом он вместе с друзьями любил совершать плавание на лодке по р. Туре, во время которых они хором распевали песни [17, с. 10]. В записках современников встречаются упоминания о том, что, совершая прогулки, городские жители сталкивались с нарушениями правопорядка. К примеру, по свидетельству

Н.Д. Телешова, в городском саду Тары постоянно дежурили полицейские, потому как там часто происходили драки [14, с. 94].

Часть городского населения посвящала свой досуг чтению газет и журналов. Основными потребителями платной печатной продукции являлись, в основном, обеспеченные слои населения. Житель Тюмени А.А. Иванов, с 1908 г. работавший в типографии Крылова разносчиком сибирской торговой газеты, отмечал, что среди её читателей были представители различных социальных групп — пароходовладельцы, хозяева домов терпимости, торговцы, учителя, священнослужители, полицейские. Исключение составляли только рабочие, которые не выписывали местную газету [8, с. 39].

У некоторых зажиточных семейств имелись собственные домашние библиотеки. Из воспоминаний П.Ф. Кочнева следует, что в частной библиотеке тюменского пароходовладельца Н.А. Тюфина содержались произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.Ф. Писемского, Д.В. Григоровича, а также переводная литература [4, с. 91–92].

ВЫВОДЫ. Таким образом, воспоминания очевидцев свидетельствуют о том, что набор досуговых практик горожан Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв. был достаточно разнообразным. Распространенными формами свободного времяпрепровождения городского населения являлись посещение церкви, чтение книг и периодических изданий, поход в гости, игра в карты, просмотр театральных и цирковых представлений, прогулки на свежем воздухе и др. Важными детерминантами досуговой деятельности многих горожан являлись их религиозность и традиционализм, сохранявшие свою жизнеспособность на протяжении всего исследуемого времени. Преградой на пути к качественному и разнообразному проведению досуга для большинства городского населения Тобольской губернии выступали незначительное количество у них свободного времени и тяжелое материальное положение, затруднявшее посещение коммерческих культурно-развлекательных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головачев П.М. Народный театр, как одно из средств борьбы с пьянством // Тобольские губернские ведомости (часть неофициальная). 1896. № 3. С. 52–53.
2. Голодников К. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. Тобольск, 1887. 139 с.
3. Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул: Типография некоммерческого партнерства «Азбука», 2004. 132 с.
4. Кочнев П.Ф. Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 388 с.
5. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: «АИРО-XX», 1995. 160 с.
6. Литягина А.В. Сословные ценности и нормы горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2009. № 3 (25). С. 189–203.
7. Лухманова Н.А. Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 464 с.
8. Очерки старой Тюмени: воспоминания старожилов (Н. Захваткин, А. Иванов, Н. Калугин, С. Карнацевич, А. Улыбин) / сост. Л.В. Боярский. Тюмень: П.П.Ш., 2011. 144 с.
9. Павлов А.А. 3000 верст по рекам Западной Сибири: Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Издание И.И. Игнатова, 1878. 164 с.
10. Рубакин Н.А. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской, и как там живут люди. М.: Посредник, 1915. 198 с.
11. Семилужинский Н (Ядринцев Н.М.) Письма о сибирской жизни // Дело: учётно-литературный журнал. СПб., 1868. № 5. С. 72–110.

12. Суровикин В.А. От Острогужска до Тобольска: путевые впечатления (Из писем к Л.М. Савелову). М.: Типо-Литография Г.И. Простакова, 1905. 32 с.
13. Тарская мозаика: (История края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск: Кн. изд-во, 1994. 197 с.
14. Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: очерки. М., 2017. 158 с.
15. Тобольск и вся Сибирь: альманах (Кн. 22. Берёзов). Тобольск: Возрождение Тобольска, 2013. 520 с.
16. Толстой Л.Н. Исповедь. О жизни. М.: АСТ, 2021. 288 с.
17. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
18. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. Омск, 1888. 87 с.

REFERENCES

1. Golovachev P.M. *Narodnyy teatr, kak odno iz sredstv bor'by s p'yanstvom* [Folk theater as one of the means to combat drunkenness] // *Tobol'skie gubernskie vedomosti (chast' neoficial'naya)*. 1896. № 3. S. 52–53. (In Russian).
2. Golodnikov K. *Gorod Tobol'sk i ego okrestnosti: istoricheskij ocherk* [The city of Tobolsk and its surroundings: a historical sketch]. Tobol'sk, 1887. 139 s. (In Russian).
3. Goncharov, Yu.M. *Semejnyy byt gorozhan Sibiri vtoroj poloviny XIX — nachala XX v.* [Family life of Siberian townspeople in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Barnaul: Tipografiya nekommercheskogo partnerstva «Azbuka», 2004. 132 s. (In Russian).
4. Kochnev P.F. *Zhizn' na Bol'shoj Reke: zapiski sibirskogo prikazchika* [Life on the Big River: notes of a Siberian clerk]. Novosibirsk: ID «Sova», 2006. 388 s. (In Russian).
5. Kupriyanov A.I. *Russkij gorod v pervoj polovine XIX veka: obshchestvennyy byt i kul'tura gorozhan Zapadnoj Sibiri* [Russian city in the first half of the 19th century: social life and culture of the townspeople of Western Siberia]. M.: «AIRO-HH», 1995. 160 s. (In Russian).
6. Lityagina A.V. *Soslovnye cennosti i normy gorozhan Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.* [Class values and norms of the townspeople of Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2009. № 3 (25). S. 189–203. (In Russian).
7. Luhmanova N.A. *Ocherki iz zhizni v Sibiri: Izbrannye proizvedeniya* [Essays from life in Siberia: Selected works]. Tyumen': SoftDizajn, 1997. 464 s. (In Russian).
8. *Ocherki staroj Tyumeni: vospominaniya starozhilov* (N. Zakhvatkin, A. Ivanov, N. Kalugin, S. Karnacevich, A. Ulybin) [Sketches of old Tyumen: memories of old-timers (N. Zakhvatkin, A. Ivanov, N. Kalugin, S. Karnatsevich, A. Ulybin)] / sost. L.V. Boyarskij. Tyumen': P.P. Sh., 2011. 144 s. (In Russian).
9. Pavlov A.A. *3000 verst po rekam Zapadnoj Sibiri: Ocherki i zametki iz skitanij po beregam Tury, Tobola, Irtysha i Obi* [3000 miles along the rivers of Western Siberia: Sketches and notes from wanderings along the banks of the Tura, Tobol, Irtysh and Ob]. Tyumen': Izdanie I.I. Ignatova, 1878. 164 s. (In Russian).
10. Rubakin N.A. *Rasskazy o Zapadnoj Sibiri ili o guberniyah Tobol'skoj i Tomskoj, i kak tam zhivut lyudi* [Stories about Western Siberia or the provinces of Tobolsk and Tomsk, and how people live there]. M.: Posrednik, 1915. 198 s. (In Russian).
11. Semiluzhinskij N (Yadrincev N.M.) *Pis'ma o sibirskoj zhizni* [Letters about Siberian life] // *Delo: uchytno-literaturnyj zhurnal*. SPb., 1868. № 5. S. 72–110. (In Russian).
12. Surovikin V.A. *Ot Ostrogozhskaja do Tobol'ska: putevye vpechatleniya (Iz pisem k L.M. Savelovu)* [From Ostrogozhsk to Tobolsk: travel impressions (From letters to L.M. Savelov)]. M.: Tipo-Litografiya G.I. Prostakova, 1905. 32 s. (In Russian).
13. *Tarskaya mozaika: (Istoriya kraja v ocherkah i dokumentah 1594–1917 gg.)* [Tara mosaic: (History of the region in essays and documents 1594–1917)]. Омск: Кн. изд-во, 1994. 197 с. (In Russian).
14. Teleshov N. *Za Ural. Iz skitanij po Zapadnoj Sibiri: ocherki* [For the Urals. From wanderings in Western Siberia: essays]. М., 2017. 158 с. (In Russian).
15. *Tobol'sk i vsya Sibir': al'manah* (Kn. 22. Beryozov) [Tobolsk and all Siberia: almanac (Book 22. Berezov)]. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska, 2013. 520 s. (In Russian).

16. Tolstoj L.N. *Ispoved'. O zhizni* [Confession. About life]. M.: AST, 2021. 288 s. (In Russian).
17. Chukmaldin N.M. *Moi vospominaniya: Izbrannye proizvedeniya* [My Memories: Selected Works]. Tyumen': SoftDizajn, 1997. 368 s. (In Russian).
18. Shvecov S.P. *Ocherk Surgutskogo kraja* [Essay on the Surgut region]. Omsk, 1888. 87 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.012

УДК 930.2(571.1): 394.014(091)

ББК63.3(253.3)64–2

А.В. КУЗНЕЦОВА,
В.Г. РЫЖЕНКО**ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ
ПОСЕЛЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ СОВЕТСКОЙ
ЭПОХИ К СОВРЕМЕННОСТИ: ОБРАЗЫ
И СИМВОЛЫ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**A.V. KUZNETSOVA,
V.G. RYZHENKO**FEATURES OF THE TRANSFORMATION
OF LOCAL CULTURAL SPACES
OF SETTLEMENTS IN WESTERN SIBERIA
DURING THE TRANSITION FROM
THE SOVIET ERA TO THE PRESENT: IMAGES
AND SYMBOLS OF MEMORY OF THE PAST
(METHODOLOGICAL ASPECT)**

В статье рассматриваются возможности применения междисциплинарной исследовательской модели, соединяющей в себе наработки истории, культурологии, гуманитарной географии, при изучении трансформаций локальных культурных пространств в период перехода от советской к постсоветской эпохе. Использование методик натурного обследования, анализ источников, применение методов устной истории позволили зафиксировать происходившие трансформации применительно к их пространственному распределению в поселениях разных типов (город-миллионник, малый город, рабочий поселок, сельское поселение). Выявлено соотношение мест и фигур памяти национального, регионального и локального значения в культурном пространстве разных типов поселений в изучаемый период.

The article examines the possibilities of applying an interdisciplinary research model combining the achievements of history, cultural studies, and humanitarian geography in studying the transformations of local cultural spaces during the transition from the Soviet to the post-Soviet era. The use of field survey techniques, analysis of sources, and the use of oral history methods made it possible to record the transformations that took place in relation to their spatial distribution in settlements of different types (millionaire city, small town, work settlement, rural settlement). The correlation of places and memory figures of national, regional and local significance in the cultural space of different types of settlements in the studied period was revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: локальное культурное пространство; историческая память; коммеморация; мемориальная культура; фигуры и места памяти; натурное обследование.

KEY WORDS: local cultural space; historical memory; commemoration; memorial culture; figures and places of memory; field survey.

ВВЕДЕНИЕ. Современная ситуация в области социально-гуманитарных наук характеризуется размытием дисциплинарных границ и продолжением влияния череды так называемых познавательных поворотов — антропологического, культурного, простран-

ственного, мемориального и др. Антропологический поворот позволил развернуться от изучения социально-экономических процессов в сторону микроистории, истории повседневности, оказал влияние и на становление новой локальной истории, для которой характерно изучение региона через изучение регионального сообщества, а также — внимание к пространству и пространственным образам. Культурный поворот привлек внимание историков к важности обращения к культурному контексту.

ЦЕЛЬ статьи — проанализировать особенности трансформации локальных культурных пространств поселений Западной Сибири в период перехода от советской эпохи к современности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Использованы методики натурного обследования, анализ источников, методы устной истории, которые позволили зафиксировать происходившие трансформации применительно к их пространственному распределению в поселениях разных типов (город-миллионник, малый город, рабочий поселок, сельское поселение).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Пространственный поворот привел к изменению понимания категории «пространство»: если раньше оно воспринималось как контекст, то теперь пространство само становится объектом исследования. Мемориальный поворот привлек внимание к проблемам исторической памяти: процессам ее формирования, функциям. Востребованными стали такие направления исследований, как изучение механизмов коммеморации, путей формирования исторических образов в массовой и групповой памяти, в мемориальной политике.

Изучение трансформаций локальных культурных пространств с позиции парадигмы памяти — актуальная тема современных исследований, включающая в себя наработки таких направлений, как новая локальная история, новая культурная история, новая интеллектуальная история, и др. Интересна работа М.Я. Рожанского, рассматривающего Сибирь (в первую очередь, Иркутск) как пространство памяти [11]. Для выявления постсоветских трансформаций ученый привлекает методы устной истории. Уделяется внимание особенностям постсоветской мемориальной культуры и в труде А.В. Святославского [15], который в главе «Мемориальная культура постсоветской эпохи» обращается к таким методам, как «полевые исследования» — опросы и интервью.

Заслуживают внимания исследования Е.И. Красильниковой, посвященные динамике коммемораций в городах Западной Сибири (преимущественно в первой половине XX в.) [8]. Она выделяет две основные формы коммемораций: памятные места (городской исторический некрополь, скульптурные памятники и монументы, установленные в честь исторических деятелей и событий, а также экспозиционно-выставочное пространство краеведческих музеев) и коммеморативные практики (похоронно-поминальные практики, торжества, посвященные годовщинам и юбилеям исторических событий, деятельность музеев, связанная с увековечением памяти). Важной частью исследовательской модели Е.И. Красильниковой тоже стали материалы опросов и интервью.

К сюжетам, связанным с проблематикой памяти на Сибирском материале, обращаются также П.П. Вибе [2; 3], Рыженко В.Г. [14], О.В. Гефнер [4] и др.

Отметим и опыт зарубежных исследователей городских ландшафтов, в частности, авторов сборника научных трудов «P.S. Ландшафты: оптики городских исследований» [10]. Авторы обращаются к изучению постсоветского городского пространства, уделяется внимание проблемам памяти/забвения о советском прошлом, реализованном в ландшафте городов. Помимо этого, поднимается вопрос о степени влияния постсоветских трансформаций городского пространства на сельские поселения.

В фокусе нашего исследования — выявление основных черт и динамики трансформаций локального культурного пространства поселений Западной Сибири в конце XX — начале XXI вв. Основанием для выборки поселений стало особое влияние Дороги как «живого», ди-

намично меняющегося места памяти и важного фактора трансформаций социокультурного ландшафта. Выбор конкретных поселений в качестве объекта исследования связан с их местоположением на транспортных и/или торговых путях сообщения, а также с их символической ролью в региональном пространстве Западной Сибири. Мы обращаемся к культурному пространству двух городов-миллионников Западной Сибири, на темпы развития которых оказала особое влияние Сибирская железная дорога (Омск и Новосибирск), двух малых городов, большое значение для развития которых оказал Московско-Сибирский тракт, а в дальнейшем — строительство Транссиба (Барабинск и Куйбышев (Каинск) Новосибирской области). В качестве зоны притяжения к Московско-Сибирскому тракту рассматривается специфическое локальное поселение — деревня Окунево Муромцевского района Омской области; а также рабочий поселок Большережье, в которых под воздействием разных социокультурных процессов, практик и различными способами активно развивается туристическая деятельность.

Наибольшее влияние на выбор методологической стратегии нашего исследования оказали ряд концепций. В частности, теория П. Нора о «местах памяти» [16]. «Места памяти», по определению П. Нора, это «всякое значимое единство, материального или иного порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [16, с. 79]. При этом «местом памяти» могут быть не только собственно места, но и люди, празднества, топонимические наименования, здания и т. д.

Еще одной опорой стала созданная В. Г. Рыженко модель изучения образа города, в которой в качестве опорного элемента матрицы образа используется понятие «культурно-цивилизационный ландшафт». Согласно данной концепции, связи между различными элементами матрицы образа города и их преобразования обеспечивает целенаправленная деятельность людей [13, с. 12–17]. Также значимой для нас стала условная типология «фигур памяти» в пространстве регионов, в рамках которой обозначены три уровня: фигуры и места общегосударственной значимости, отражающие национально-государственную версию исторической памяти; фигуры и места регионального значения, направленные на конструирование региональными элитами особой региональной идентичности, «бренда региона»; и фигуры локального значения, в которых выражается местная коллективная или индивидуальная идентичность, конструируемая «снизу», преимущественно без участия региональных элит [12].

Помимо этого, мы опирались на концепцию общегородской «loci-совокупности», разработанную А. В. Дахиным [6]. Понятием общегородская «Loci-совокупность» А. В. Дахин обозначает совокупность известных горожанам мест (loci), являющихся частью общегородской идентичности.

Для выявления и систематизации знаковых мест локального культурного пространства выбранных поселений применялись методы гуманитарной географии, представленные в работах основателей этого направления — Д. Н. Замятина [7] и И. И. Митина [9]. В частности, разработанная И. И. Митиным модель составления комплексной культурно-географической характеристики территории, включающая в себя:

- представление территории как совокупности признаков;
- отбор доминантных признаков места, которые определяют его специфику и объединяют вокруг себя менее значимые признаки;
- выявление связей доминантных и второстепенных признаков, а также их контекстов;
- построение иерархической схемы места: от доминантных признаков к второстепенным [9, с. 16].

Также в ходе исследования применялись элементы натурного обследования, разработанные на основе наследия И. М. Гревса [5] и Н. П. Анциферова [1] и топографического метода К. Шлёгеля [17]. Они соединяют методики «включенного наблюдения» и натурных обследований в терминологию «исследовательских экскурсий». Применялись также методы устной истории, в частности, анкетирование.

Применительно к городам-миллионникам была использована методика раскладываемости локального пространства (в терминологии петроградско-ленинградской экскурсионистики 1920-х гг. — изучение города «по частям»). Для малого города — топографическое обследование исторического центра. Для сельского поселения — методика натурного обследования в совокупности с анкетированием.

В качестве источников нами привлекалась местная периодическая печать; визуальные материалы, как уже существующие, так и создаваемые нами в ходе натурных обследований; неопубликованные материалы — в частности, фонды редакций местных газет, содержащие письма читателей; интернет-ресурсы (новостные сайты, краеведческие порталы, тематические группы в социальных сетях); справочные издания; туристические путеводители; а также устные источники — материалы проведенного анкетирования жителей и туристов деревни Окунево Омской области.

Таким образом, оформилась междисциплинарная историко-культурологическая модель изучения трансформаций локальных культурных пространств поселений разных типов в переходный период. Использование методик натурного обследования позволило зафиксировать происходившие трансформации применительно к их пространственному распределению в поселениях разных типов. Проверена и подтверждена гипотеза о степени влияния типа поселения на темпы и специфику трансформаций локальных культурных пространств. Выявлено соотношение мест и фигур памяти национального, регионального и локального значения в культурном пространстве разных типов поселений в изучаемый период.

Проведенный анализ показал, что в городах в процессе увековечивания исторических событий и имен по-прежнему преобладает национально-государственная версия исторической памяти: создаются памятники и мемориалы, посвященные героям войн и крупным государственным деятелям. Память о событиях Великой Отечественной войны к середине 2000-х гг. стала главным объединяющим звеном между советским прошлым и современностью, подтверждающим правопреемственность современной Россией достижений СССР. Места памяти, связанные с Великой Отечественной войной, поддерживаются в удовлетворительном состоянии, что отличает их от памятников, посвященных истории Революции и Гражданской войны.

Помимо этого, в 1990-е гг. начинают появляться памятники и мемориалы, увековечивающие память о политических репрессиях, локальных конфликтах и катастрофах XX в. Новым явлением стали попытки более объективного взгляда на события Гражданской войны и революции, выразившиеся в увековечивании памяти о героях «Белого движения» (это выразилось, например, в установке мемориальной доски А.В. Колчаку в Омске в 2019 г., или появлении новой экспозиций в мемориальном музее В.В. Куйбышева в Куйбышеве, посвященных истории Гражданской войны со стороны Белого движения). Все это относится к первому уровню в матрице иерархии «фигур памяти»: к фигурам национально-государственного значения. Еще одним направлением государственной политики памяти является общероссийская постсоветская тенденция воссоздания разрушенных храмов, возвращения церкви храмовых зданий (например, в 1990 г. Церкви был возвращен Иоанно-Предтеченский храм в Куйбышеве, в здании которого в советский период размещался краеведческий музей).

Для малых городов характерен рост интереса к сохранению старой архитектуры и памятников деревянного зодчества (что относится уже к местам памяти регионального значения). К этому же уровню можно отнести появление новых мест памяти, связанных с деятелями науки и искусства, что характерно для городов обоих типов. В качестве примера можно привести памятник Д.К. Беляеву, крупному ученому-генетику, установленный в Новосибирске в 2017 г., или фигуру памяти, которой стал П.В. Мартыненко в Куйбышеве (скульптор, участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин города);

В 2000-е гг. начинают активно создаваться памятные места, инициированные «снизу»: например, памятник электромонтеру на фонарном столбе в Новосибирске, установленный

в 2013 г. рядом с офисом Новосибирских городских электрических сетей), аллеи и скверы (например, аллея Учителя, созданная в Новосибирске в 2020 г.), «народная» топонимика (как пример — «Нефты» — народное название района городка нефтяников в Омске, или «Богданка/Богдашка» — улица Богдана Хмельницкого в Новосибирске и в Омске).

Для малых городов и рассмотренных сельских поселений характерно появление мест памяти, связанных с общей стратегией конструирования бренда региона, с целью развития его туристической привлекательности. В частности, характерной чертой выявленных трансформаций пространства Куйбышева в изучаемый период можно считать возвращение памяти о его дореволюционном «купеческом» прошлом. Применительно к Барабинску, более характерно стало стремление увековечить и подчеркнуть значение для города Транссибирской железнодорожной магистрали. В рабочем поселке Большеречье формирование бренда территории строится вокруг развития историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская», а также единственного в России сельского зоопарка. Для специфического сельского поселения — деревни Окунево — трансформация пространства оказалась наиболее значительной. Здесь практически не осталось мест памяти, связанных с советским периодом, а новые конструируются в соответствии со спецификой этого места.

Проведенное исследование показало, что каждому из рассмотренных типов поселений присуща собственная специфика трансформаций культурного пространства в условиях перехода от советской эпохи к образам и символам современной России. Для городов обоих типов подтверждено достаточно «мирное» сосуществование дореволюционной, советской символики памяти о прошлом, и современных тенденций. Причем в малых городах это сосуществование представляется более заметным и более органичным.

ВЫВОДЫ. В заключение отметим, что опыт применения междисциплинарной историко-культурологической модели при изучении трансформаций локального культурного пространства поселений в переходный период показал ее жизнеспособность и эффективность. В ходе работы были выявлены новые перспективы и возможные ракурсы для продолжения и углубления работы над данной темой: в частности, за счет расширения базы источников применительно к уже выбранным поселениям (материалов анкетирования, привлечение источников личного происхождения и др.), а также расширения территориальных рамок исследования — включения других поселений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анциферов Н.П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925. 151 с.
2. Вибе П.П. Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. Омск: ОГИК музеев, 2019. 68 с.
3. Вибе П.П. Омск в годы Гражданской войны: мифологизация в пространстве публичной истории. Омск: ОГИК музеев, 2020. 56 с.
4. Гефнер О.В. История страны в памятниках современного Новосибирска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 3. URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00761.pdf>. Дата обращения: 16.03.2022
5. Гревс И.М. Очередные задачи краевого культуроведения // Краеведение. Т.V. 1928. № 6. С. 368–376
6. Дахин А.В. Город как место памятования // Аналитика культурологии. № 19, 2011. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2011. С. 164–172
7. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т. 9, № 3. 2010. С. 26–50
8. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.

9. Митин И.И. Методика комплексной культурно-географической характеристики территории: Автореферат дис. ... канд. геогр. наук.:25.00.24 / Митин И.И. Москва, 2007. 25 с.
10. P.S. Ландшафты: оптики городских исследований: сб. науч. трудов /отв. ред. Н.Милерюс, Б.Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. 474 с.
11. Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: «Оттиск», 2013. 180 с.
12. Рыженко В.Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С. 339–340
13. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 340 с.
14. Рыженко В.Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве Западной Сибири (конец XX — начало XXI в.): Ишимская версия // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2019, № 1 (21). Омск: ОмГУ, 2019. С. 134–141.
15. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.
16. Франция-память / П.Нора, М.Озуф, Ж. де Пюимеж, М.Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999, 328 с.
17. Шлэгель К.Постигая Москву. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 311 с.

REFERENCES

1. Anciferov N.P. *Puti izucheniya goroda, kak social'nogo organizma Opy't kompleksnogo podkhoda* [Ways of studying the city as a social organism. The experience of an integrated approach]. L.: Seyatel', 1925. 151 s. (In Russian).
2. Vibe P.P. *Monumental'naya istoriya Omska: zagadki i novy'e otkry'tiya* [The monumental history of Omsk: riddles and new discoveries]. Omsk: OGIK muzej, 2019. 68 s. (In Russian).
3. Vibe P.P. *Omsk v gody` Grazhdanskoj vojny`: mifologizaciya v prostranstve publichnoj istorii* [Omsk during the Civil War: mythologization in the space of public history]. Omsk: OGIK muzej, 2020. 56 s. (In Russian).
4. Gefner O.V. *Istoriya strany` v pamyatnikax sovremennogo Novosibirsk* [The history of the country in the monuments of modern Novosibirsk] // E`lektronny`j nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU. 2019. № 3. URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00761.pdf>. Data obrashheniya: 16.03.2022. (In Russian).
5. Grevs I.M. *Ocheredny`e zadachi kraevogo kul`turovedeniya* [The next tasks of regional cultural studies] // Kraevedenie. T.V. 1928. № 6. S. 368–376. (In Russian).
6. Daxin A.V. *Gorod kak mesto pamyatovaniya* [The city as a place of remembrance] // Analitika kul`turologii. № 19, 2011. Tambov: Izd-vo Tambovskogo gos. un-ta im. G.R. Derzhavina, 2011. S. 164–172. (In Russian).
7. Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremenny`x humanitarny`x nauk* [Humanitarian geography: space, imagination and interaction of modern humanities] // Sociologicheskoe obozrenie. T.9, № 3. 2010. S. 26–50. (In Russian).
8. Krasil`nikova E.I. *Pomnit` nel`zya zabyt`? Pamyatny`e mesta i kommemorativny`e praktiki v gorodax Zapadnoj Sibiri (konecz 1919 — seredina 1941 g.)* [Is it impossible to remember and forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 — mid-1941)]. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2015. 572 s. (In Russian).
9. Mitin I.I. *Metodika kompleksnoj kul`turno-geograficheskoy xarakteristiki territorii* [Methodology of complex cultural and geographical characteristics of the territory]: Avtoreferat dis. ... kand. geogr. nauk.:25.00.24 / Mitin I.I. Moskva, 2007. 25 s. (In Russian).
10. P.S. *Landshafty`: optiki gorodskix issledovanij* [P.S. Landscapes: optics of urban research: collection of scientific works]: sb. nauch. trudov /otv. red. N. Mileryus, B. Koup. Vil`nyus: EGU, 2008. 474 s. (In Russian).

11. Rozhanskij M.Ya. *Sibir` kak prostranstvo pamyati* [Siberia as a memory space]. Irkutsk: «Ottisk», 2013. 180 s. (In Russian).
12. Ry`zhenko V.G. *Istoricheskaya nauka, regionovedenie, kul`turologiya: vozmozhnosti kooperacii vokrug problemy` «prisvoeniya proshlogo»* [Historical science, regional studies, cultural studies: possibilities of cooperation around the problem of «appropriation of the past»] // *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody`, perspektivy` / pod red. L.P. Repinoj*. M.: Izdatel`stvo LKI, 2011. S. 339–340. (In Russian).
13. Ry`zhenko V.G. *Obrazy` i simvol`y` sovetского goroda v sovremenny`x issledovatel`skix opy`tax: regional`ny`j aspekt* [Images and symbols of the Soviet city in modern research experiments: regional aspect]: monografiya. Omsk: izd-vo Om. gos. un-ta, 2010. 340 s. (In Russian).
14. Ry`zhenko V.G. *Figury` i simvol`y` pamyati o proshlom v lokal`nom kul`turnom prostranstve Zapadnoj Sibiri (konecz XX — nachalo XXI v.): Ishimskaya versiya* [Figures and symbols of memory of the past in the local cultural space of Western Siberia (late XX — early XXI century): Ishim version] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2019, № 1 (21). Omsk: OmGU, 2019. S. 134–141. (In Russian).
15. Svyatoslavskij A.V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mexanizmy` formirovaniya istoricheskix obrazov* [The history of Russia in the mirror of memory. Mechanisms of formation of historical images]. M.: Drevlexranilishhe, 2013. 592 s. (In Russian).
16. *Franciya-pamyat`* [France-memory] / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok / Per. s fr.: Dina Xapaeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999, 328 s. (In Russian).
17. Shlyogel` K. *Postigaya Moskvu* [Comprehending Moscow]. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya, 2010. 311 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.026

УДК 316.356.2:379.874(091)

ББК 60.542.17г

Н.И. ЧУРКИНА

**«ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ» В ФОРМИРОВАНИИ
ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСЛЕДНЕГО
СОВЕТСКОГО ПОКОЛЕНИЯ**

N.I. CHURKINA

**«SUMMER IN THE VILLAGE»
IN THE FORMATION OF IDENTITY
OF THE LAST SOVIET GENERATION**

В статье, на основе сравнения механизмов и факторов формирования поколений (социологических, психологических и др.), делается вывод о возможности исследования летних практик взросления представителей поколения X, которые рассматриваются как один из системных факторов. Цель статьи состоит в выявлении повседневных практик летнего досуга городских детей, которые могли оказать влияние на формирование компонентов ментальности поколения X. Материалами анализа стали тексты 31 включенного интервью с представителями поколения X (1964–1978 г.р.). Проведенный анализ показал, что бытовые условия, культура питания, транслируемые в деревенской культуре ценности, взаимодействие с деревенскими сверстниками и родственниками, оказали влияние на когнитивные, аксиологические и поведенческие черты поколения.

The article, based on a comparison of the mechanisms and factors of the formation of generations (sociological, psychological, etc.), concludes that it is possible to study the summer practices of growing up of representatives of generation X, which are considered as one of the systemic factors. The purpose of the article is to identify the everyday practices of summer leisure of urban children that could influence the formation of components of the mentality of Generation X. The materials of the analysis were the texts of 31 included interviews with representatives of Generation X (born 1964–1978). The analysis showed that living conditions, food culture, values transmitted in village culture, interaction with village peers and relatives influenced the cognitive, axiological and behavioral traits of the generation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поколение, советское детство, летние практики, идентичность, теория идентичности.

KEY WORDS: generation, Soviet childhood, summer practices, identity, identity theory.

ВВЕДЕНИЕ. Представители поколения «X» в современной России играют значимую роль, они составляют около 30% в составе населения, но если посмотреть по составам групп, то по материалам переписи 2020 года они составляли более 60% трудоспособного населения России [1]. Представители этого поколения во многом определяют современное состояние экономики, политики, образования. Все это детерминирует обращение к факторам формирования данной поколенческой общности. Добавляет актуальности этому проекту повышенный научный и общественный интерес к советскому прошлому, феномену советского образования и воспитания. Носителями исторической памяти о недавнем прошлом являются представители старших поколений. К последнему советскому поколению относят поколение X (1964–84 г.р.), несмотря на то, что сознательная часть жизни этого поколения прошла в постсоветский период, как показали исследования психологов, большинство представителей поколения X отождествляют себя с советским поколением [6].

Вокруг теории поколений в научном сообществе сложился противоречивый дискурс: с одной стороны, ее используют представители многих наук и направлений (социологи,

антропологи, философы, историки, психологи), с другой стороны, у теории много противников и критиков, которые стремятся разрушить «мифы о поколениях» [4]. Если научная продуктивность теории подвергается сомнению, то ее практическая польза давно оценена маркетологами и руководителями предприятий.

Ученые, изучая большие общности, акцентируют внимание на разных факторах формирования поколенческой идентичности: историки на общности исторического контекста взросления; социологи на социально-экономических процессах; антропологи на социокультурных явлениях. К. Маннгейм, размышляя о природе поколений, его общих чертах, называет в качестве фактора формирования поколения-сходство местоположения «множества индивидов в социальном пространстве» [3, с. 26–27]. Маннгейм писал о местоположении, имея в виду социальные процессы, историческое время, которое было общим для людей.

Психологи выделяют в качестве маркеров идентичности поколения общую культурно-историческую локализацию. В.И. Пищик признаком поколения называет «не столько близость возраста, сколько общность жизненного опыта, культурно-историческую ситуацию развития, единство идейно-нравственных составляющих, близкую психологию» [5, с. 19]. Интегральной характеристикой поколения она называет ментальность, указывая, что определенные историко-культурные события влияют на тип ментальности (традиционный или инновационный). В рамках данного подхода, ментальность представителей поколения X ученые относят к традиционной, которая выражается в склонности игнорировать негативные стороны жизни, сдерживать страх, позитивно воспринимать себя и окружающий мир, анализировать собственные поступки [7, с. 9].

Для представителей последнего советского поколения (поколения X), одним из общих мест детства было «лето в деревне». В это понятие мы включаем массовую практику отправки детей в 1970–80 гг. на время летних каникул в деревню к родственникам. Особенность социального состава данного поколения состояла в том, что более половины горожан составляло первое или максимум второе поколение переселенцев из села. В исследовании В.М. Чижикова приводятся данные, что даже в конце XX века «более половины горожан составляет первое или максимум второе поколение переселенцев из села» [10]. В 1970–80 гг. этот процент был еще выше. Это означает, что у значительной части городских школьников были близкие родственники (бабушки, дедушки) в деревне.

Мы можем предположить, что традиционный тип ментальности поколения X сложился благодаря тому, что у значительной части представителей данного поколения был детский опыт проживания не только в стабильном (читай, традиционном) советском обществе, но еще в более архаичной деревенской культуре. Это не только повлияло на формирование признаков поколения, но и породило «радость узнавания», когда общность культурных практик детства помогает взрослым представителям одного поколения идентифицировать сверстников как «своих». Указанные теоретические предположения определили **ЦЕЛЬ** данной работы, которая состоит в выявлении повседневных практик летнего досуга городских детей, которые могли оказать влияние на формирование компонентов ментальности поколения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Материалами для статьи стали тексты включенного интервью, которое проводилось в рамках межрегионального проекта 2023 года «Жизненный мир советского школьника вт. пол. XX века в контексте воспитания и социализации». Членами проектной группы было собрано более 100 интервью респондентов, чье детство прошло в период 1960–80 гг., один из модулей интервью был связан летними каникулами в деревне. Из этого массива материалов мы отобрали 31 интервью, респондентами которого стали представители поколения X (1964–1978 г.р.). Наши респонденты узнали советскую деревню в тот период, когда она восстановилась, окрепла после войны. География воспоминаний обширная: Новосибирск, Казахстан, Омск, Кострома, Чебоксары, Москва и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Анализ социальных и экономических условий взросления представителей поколения X позволяет сделать выводы об устойчивости и распространенности культурной практики «дето в деревне», так как:

- у значительной части городских школьников были близкие родственники (бабушки, дедушки) в деревне;
- повседневная жизнь и культура части горожан имела черты сельской культуры, исследователи называют ее «слободская культура», сохранившая массу «атавизмов» крестьянского образа жизни, привязанности к приусадебной сельскохозяйственной деятельности;
- массовая миграция в города приводила к тому, что даже традиционные городские локальные субкультуры приобретали за счёт этого налёт маргинальности, что тормозило качественные урбанизационные процессы [9];
- появились населенные пункты (крупные села, поселки городского типа), в которых стали строить благоустроенные дома, проводить воду, развивать сферу услуг, поэтому культура таких поселений тоже была маргинальной «полусельской».

Этот опыт хорошо укладывается в философскую трактовку понятия «со-бытие» как совместного присутствия. У значительной части поколений был опыт совместного бытия с представителями другой культуры. Но, как отмечал Л.С. Выготский, только та ситуация является развивающей для человека, с которой он взаимодействует. При всей массовости таких практик, не на всех детей эта встреча с деревенской культурой действовала одинаково, были и те, кто старался от нее дистанцироваться. Но при этом деревенская культура оказывала влияние и на этих детей, она становилась рамкой для сравнения собственной жизни и другой культурной традиции, помогала ценить собственный культурный опыт.

Может быть, и еще один аргумент в защиту перспективности оценки исследуемых культурных практик поколения как важного со-бытия, он связан с изменением самого процесса формирования идентичности. Как пишут ученые, «исчезает и привычный проект человека. Теперь схема идентификации меняется. Идентичность не спускается, а конструируется. И не просто конструируется, а самосозидается» [12]. Этот процесс связан не только с тем, что человек выделяет себя из близкой общности, но и начинается в условиях «изменения действительности» [10, с. 73]. Попадая в чужую культуру, человек гораздо быстрее осознает свои особенности, понимает отличия близкой ему группы от другой культурной общности.

Для последнего советского поколения практики аккультурации в деревенской культуре, которые происходили в период летних каникул в деревне, имели иной смысл и содержание, по сравнению с представителями предшествующих поколений. Во время этих практик городские дети получали опыт взаимодействия со своими бабушками и дедушками, носителями традиционной культуры (часто еще и этнической). В традиционной культуре роль старшего поколения «связана с необходимостью передачи опыта, адаптивных реакции молодому для его выживания..., успешной социализации, усвоения имеющихся норм, правил, традиций» [2, с. 75]. Эти нормы способствовали формированию традиционной ментальности поколения X.

Развивая позицию, что ментальность рассматривается «как исторически сложившееся групповое долговременное единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» [6, с. 153]. Через данные компоненты можно представить характерные черты поколения: когнитивные (образ Мира, или внутренняя картина Мира, социальные представления, особенности восприятия); аксиологические (ценностные и смысложизненные ориентации, особенности отношения к объектам и субъектам окружающего мира); поведенческие (стиль жизни, стратегии поведения, особенности взаимодействия с людьми, социальные установки) [8]. Для нашего исследования эти линии зададут рамку для выявления возможного «вклада» деревенских культурных практик в характеристики поколения X.

Это влияние было обусловлено очевидной необычностью деревенской культуры для городского ребенка. Об этом говорило большинство наших респондентов, не зависимо от природно-климатических особенностей самой местности: «Да, это все для нас было другим миром» (Женщина, 1966 г.р. Шымкент (Республика Казахстан); «Ну да, конечно, все очень отличалась, то есть совсем другая жизнь начиналась» (Женщина, 1970 г.р., Москва); «Ну, конечно, всё по-другому» (Мужчина, 1965 г.р., Кострома).

Разрыв между городской и деревенской культурой в период 1970–80 гг. был уже достаточно сильный. Так, на когнитивный компонент наибольшее влияние оказал разрыв бытовых условий жизни, культуры питания. Как показывают материалы интервью, большинство быстро адаптировалось к новым для себя условиям жизни. В результате чего формировались поколенческие черты, связанные с готовностью к некоторым (коротким) ограничениям (в комфорте, питании). «Да, были принципиальные отличия деревенского быта от городской культуры. Вот, например, горница. И там, например, помимо стола, стульев и сундуков, стояли кровати. Когда были рабочие дни, я спала вдвоем со своим братишкой или со своими двоюродными братьями и сестрами. На одной кровати спали девочки, на другой — мальчики. А когда приезжали бабушкины дети, то нам стелили на лавках, сундуках. Стелили зимнюю одежду. Когда мне впервые предложили такое место для сна, я была в шоке. Я взбунтовалась. Но потом я привыкла, и мне даже стало интересно. Туалет был на улице. Так называемая «дырка». Мне, городской жительнице, было очень сложно туда ходить. Раз в неделю была баня, где бабушкам нас парила веником. Мы с двоюродной сестрой визжали, не хотели. Но нас никто не спрашивал, отправляли в баню» (Женщина, 1964 г.р., Тараз (Республика Казахстан). «Непривычно было питание, еда была очень непривычной. До недавнего времени ведь деревня летом мясо, вообще, не ела, основное питание это молочные продукты, яйца, картошка, какие-то другие овощи. Регулярно какой-то куриный суп варили. Только когда приезжали взрослые, папа или мама, или собиралось много родни, тогда могли зарубить барана. Кроме деревенской печи была еще плитка электрическая. Я часто отказывалась от их еды и просила сделать омлет, а бабушка не могла понять, что я от нее хочу. Все эти особенности мешали мне полюбить деревню» (Женщина, 1968 г.р., Омск).

Лето в деревне было связано с общением со старшим поколением, которые пережили войну, голод (в отличие от родителей), поэтому во всех воспоминаниях большое место занимает еда, старшие родственники стремились накормить своих близких. Если в городской культуре того времени уже присутствовало много полуфабрикатов (сосиски, колбасы, котлеты, пельмени и др.), то в традиционной пищевой культуре деревни в 1970–80 гг. основу питания составляли продукты домашнего хозяйства (молоко, масло, творог, сметана, овощи, фрукты) и дикоросы (ягоды, грибы, рыба, мед). В воспоминаниях о практиках деревенского отдыха практически все респонденты вспоминали о парном молоке, деревенском хлебе, который пекли один раз в неделю, вкусной выпечке и национальных блюдах (вареники, шанежки, пироги и др.). В результате системных практик формировалось традиционное (крестьянское) отношение к самому процессу еды, составу продуктов, простоте ее получения (сорвал в огороде или лесу; взял кусок хлеба и стакан молока и др.).

Формирование аксиологического компонента поколения происходило в парадоксальных условиях: трансляция ценности деревенского труда и неучастие в самом процессе труда. Это поколение в деревенском труде, чаще всего, не участвовало: «Особо я ничему не научилась. На кухне нас бабушка от всего оберегала. Радовалась, что мы приехали. Позже, когда стала взрослой я, конечно, помогала. Но я научилась косить траву. Они держали кроликов, и мы ходили косить траву. Там трава была просто бесподобной. Мы пасли коров. И я до сих пор помню этот запах навоза. Стадо было большое. С сестрой поднимались в пять часов утра. Бабушка собирала нам в котомочку поесть, и мы до обеда пасли коров, затем приводили обратно, доили, затем еще раз пасли... Напротив, бабушкиного дома было кукурузное поле. И мы ходили, собирали кукурузу, а затем варили. Собирали мак. Бабушка

собирала его для выпечки... Собирали черные подсолнечные семечки. Собирали картошку, перебирали ее. Мы еще научились ездить на велосипеде («Урал»). Но самое интересное было то, что был колодец. Коромыслом мы не пользовались. Вообще, самое интересное было ходить за водой. Бабушка говорила «по воду». Самое интересное было — набирание воды из колодца» (Женщина, 1966 г.р., Шымкент (Республика Казахстан). Можно сделать вывод, что в практиках деревенской жизни городские дети осваивали простейшие навыки ручного труда, формирование ценности труда.

Родители поколения X как первые поколения взрослых горожан не понимали важности животных в воспитании своих детей. Выросшие в культуре, где животные были частью тяжелого труда, постоянной заботы и источником питания, родители-горожане, не стремились приобретать для своих детей собак, кошек и другую живность. Поэтому городских детей в деревне удивляли животные, которые становились частью их новой повседневности. «Поразило обилие живности — хряки гигантские (от которых надо было беречься), индюки (для меня это была невидаль полная!), аисты на коньках крыш в больших гнёздах» (Мужчина, 1965 г.р., Мурино). Кроме домашних, были дикие животные: «Часто ходили в лес, там были всякие дикие животные, которых мы тоже видели, лисьи норы. На ферме было тоже очень интересно, там животных много было, для городских жителей все было в диковинку. Лошади были, на которых постоянно ездили, то есть запрягали телегу и ехали на лошадях» (Женщина, 1970 г.р. Москва). Формировалось особое отношение к животным, в результате чего, представители поколения X чаще поддерживали собственных детей в желании иметь домашних животных.

Поведенческие характеристики поколения формировались в деревне не только в результате общения со старшими родственниками, но и с деревенскими сверстниками. Многие респонденты отмечали отличия в повседневной жизни деревенских сверстников, которые должны были помогать родителям, ухаживать за домашними животными: «Я так думаю, что много сверстников (детей) было занято на производстве. Младше нас дети были. С ними мы и подружались. И местная девочка, с которой мы подружались, показывала нам земляничные места. Но долго она не могла нас сопровождать: была занята по хозяйству. Редко ей удавалось проводить с нами время» (Женщина, 1959 г.р., Шымкент (Республика Казахстан). Сельские дети в летний период могли позволить отдых только вечером: «Собирались по вечерам, разговаривали. Они не играли в классики, как в городе. Любимое увлечение — катание на мопедах. Друзья все время помогали родителям: сажали, огребали картошку, помогали заготавливать сено, они все лето трудились, в отличие от городских» (Женщина, 1964 г.р., Горький). «Да, в деревне у меня была компания сверстников. Это было интересное общение с деревенскими детьми. Мне было с ними так интересно, что хотелось играть с утра до вечера. Но после того как я с ними познакомилась и подружилась (мы один вечер поиграли), то утром, когда я встала, я никого не увидела на улице. Днем никто не играл. Все были заняты работой. Это было видно, когда я шла мимо какого-либо дома. Кто-то носил воду, кто-то таскал уголь, кто-то полыл в огороде, кто-то развешивал с мамой белье. И я не видела в деревне таких детей, которые слонялись без дела. Только приезжие ходили без дела, так как им особо не давали поручений» (Женщина, 1964 г.р., Тараз (Республика Казахстан). Во время летнего отдыха городские ребята осваивали не всегда типичные для русской деревни занятия: «У русской бабки в Ванновке были дети (в основном казахи), с которыми мы общались по-русски. Научились торговать. Летом было очень много урожая. И выходили на центральную дорогу продавать. Сначала мы немного стеснялись, а потом привыкли. И вот за то, что ты сам продал, то получал деньги, которые были твоими. И вот за лето можно собрать приличную сумму. Осенью купить пальто, сапожки» (Женщина, 1959 г.р., Шымкент (Республика Казахстан).

ВЫВОДЫ. Таким образом, проведенный сравнительный анализ теоретических положений и исследовательских материалов позволил сделать заключение, что многие черты

поколения «Х», которое определяют как последнее советское поколение, формировались под влиянием регулярных практик «лето в деревне» в позднесоветский период. Эти встречи с новой для себя культурой способствовали формированию мировоззрения поколения традиционного типа. Что подтвердил анализ материалов включенного интервью с представителями этого поколения. Особые бытовые условия, состав продуктов и культура питания, осознание ценности труда в жизни человека, транслируемые деревенскими родственниками и сверстниками, способствовали формированию признаков поколения (уважение к физическому труду, готовность к некоторым ограничениям в комфорте и др.). А тесное взаимодействие с деревенскими сверстниками обогащало его поведенческие навыки. Все это еще раз подтверждает выводы многих исследователей о важности не только общего социально-политического контекста в формировании признаков поколения, но и общих повседневных практик взросления поколения, важной частью которых для городских детей становилось «лето в деревне».

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_pолоvoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake
2. Мамычева Д.И. Статус детства в преемственности поколений // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2010. № 2. С. 75–81.
3. Маннгейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М. 2000. С. 26–27.
4. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е.В. Сивак; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64с.
5. Пищик В.И. Психология трансформации ментальности поколений: Автореф. дисс. докт. псих. наук. Ростов на Дону. 2010. 45с.
6. Семенов В.Е. Будущее России в контексте российской полиментальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 3-1. С. 153–165.
7. Сиврикова Н.В. Социально-психологические особенности поколений 70–90-х гг.: Автореф. дисс. канд. псих. наук. Ростов на Дону. 2015. 22с.
8. Сиврикова Н.В. Проблемы изучения поколений в психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 2. С. 100–107.
9. Сидорова Г.П. Советская повседневность: «Преодоление различий между городом и деревней», или культура городская vs сельской // Вестник УлГТУ. 2018. № 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-povsednevnost-preodolenie-razlichiy-mezhdu-gorodom-i-derevney-ili-kultura-gorodskaya-vs-selskoy> (дата обращения: 19.07.2023).
10. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2005. 240с.
11. Чижиков В.М. Диалектика взаимодействия социокультурных систем города и села: Автореф. дисс... докт. культурол. наук. 1999. 32с.
12. Шакурова М.В. Социально-педагогические условия становления социокультурной идентичности личности: монография. Воронеж: ВГПУ, 2006. 200с.

REFERENCES

1. *Itogi VPN-2020. Tom 2. Vozrastno-pолоvoj sostav i sostoyanie v brake* [Results of VPN-2020. Volume 2. Age, sex composition and marital status] URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_pолоvoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (data obrashcheniya: 19.12.2023). (In Russian).
2. Mamychева D.I. *Status detstva v preemstvennosti pokolenij* [The status of childhood in the continuity of generations] // Vestnik Taganrogskego instituta im. A.P. Chekhova. 2010. № 2. S. 75–81. (In Russian).
3. Manngejm K. *Oчерki sociologii znaniya: problema pokolenij — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambicii* [Essays on the sociology of knowledge: the problem of generations — competition — economic ambitions]. M. 2000. S. 26–27. (In Russian).

4. *Mify o «pokolenii Z»* [Myths about “generation Z”] / N.V. Bogacheva, E.V. Sivak; Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. M.: NIU VSHE, 2019. 64 s. (In Russian).
5. Pishchik V.I. *Psihologiya transformacii mental'nosti pokolenij* [Psychology of transformation of the mentality of generations]: Avtoref. diss. dokt. psih. nauk. Rostov na Donu. 2010. 45 s. (In Russian).
6. Semenov V.E. *Budushchee Rossii v kontekste Rossijskoj polimental'nosti* [The future of Russia in the context of Russian polymentality] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2009. № 3–1. S. 153–165. (In Russian).
7. Sivrikova N.V. *Social'no-psihologicheskie osobennosti pokolenij 70–90-h gg.* [Problems of studying generations in psychology]: Avtoref. diss. kand. psih. nauk. Rostov na Donu. 2015. 22 s. (In Russian).
8. Sivrikova N.V. *Problemy izucheniya pokolenij v psihologii* [Problems of studying generations in psychology] // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2015. Tom 11. № 2. S. 100–107. (In Russian).
9. Sidorova G.P. *Sovetskaya povsednevnost': «Preodolenie razlichij mezhdur gorodom i derevnej», ili kul'tura gorodskaya vs sel'skoj* [Soviet everyday life: “Overcoming the differences between city and country,” or urban vs rural culture] // Vestnik UIGT U. 2018. № 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-povsednevnost-preodolenie-razlichij-mezhdur-gorodom-i-derevnej-ili-kultura-gorodskaya-vs-selskoj> (data obrashcheniya: 19.12.2023). (In Russian).
10. Slavskaya A.N. *Lichnost' kak sub"ekt interpretacii* [Personality as a subject of interpretation]. Dubna: Feniks+, 2005. 240 s. (In Russian).
11. Chizhikov V. M. *Dialektika vzaimodejstviya sociokul'turnyh sistem goroda i sela* [Dialectics of interaction between sociocultural systems of town and village]: Avtoref. diss... dokt kul'turo. nauk. 1999. 32 s. (In Russian).
12. SHakurova M. V. *Social'no-pedagogicheskie usloviya stanovleniya sociokul'turnoj identichnosti lichnosti* [Socio-pedagogical conditions for the formation of a person's sociocultural identity]: monografiya. Voronezh: VGPU, 2006. 200 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.024

ББК 63.3(2Рос-4Тюм)63-283.4

УДК 94(571.12) "1964/1985": 316.334.56(091)

Д.А. ФЕДОРОВА

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ
СУБЪЕКТИВНОСТИ ТЮМЕНЦЕВ
В 1964–1985 ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ ДОСУВЫХ ПРАКТИК)**

D.A. FEDOROVA

**THE FORMATION OF URBAN SUBJECTIVITY
OF TYUMEN RESIDENTS IN 1964–1985
(USING THE EXAMPLE
OF LEISURE PRACTICES)**

Статья посвящена исследованию городской субъективности тюменцев — индивидуальному восприятию города каждым жителем, связанному с его потребностями, интересами и ценностями. Изучение городской субъективности позволяет лучше понять жизненный мир, мотивы поступков и поведение горожан, открывает возможность интерпретировать явления, связанные с современными социокультурными процессами городского пространства.

Цель исследования — определение факторов формирования характерных черт, присущих городской субъективности тюменцев в 1964–1985 гг. Основой работы стали архивные документы, материалы статистики, периодической печати, источники личного происхождения. Основными методами исследования являются: нарративный (описательный), сравнительно-исторический, историко-генетический. Также применены субъектно-деятельностный и культурно-антропологический подходы. Впервые выявлен комплекс факторов формирования городской субъективности тюменцев в 1964–1985 гг., среди которых большую роль играли повышение статуса Тюмени и последующая за ним смена нарратива. В результате, с одной стороны, происходит становление восприятия Тюмени как «нефтяной столицы», промышленного, интеллектуального и культурного центра, служащего для удовлетворения социокультурных потребностей, в том числе, в рамках досуговой деятельности. С другой стороны, среди горожан проявляется определенная степень неудовлетворенности условиями городской среды, одной из причин которой являлась фрагментарность в развитии внутригородской территории.

The paper examines the urban subjectivity of Tyumen residents. The research subject is the individual perception of the city by each resident associated with his needs, interests, and life values. The study of urban subjectivity provides a deeper understanding of the lifeworld, motives of actions, and behavior of the city residents. It lets us explain the phenomena associated with modern socio-cultural processes of urban space.

The purpose of the study is to determine the formation factors of the urban subjectivity of the Tyumen residents in 1964–1985 and identify the features of the urban subjectivity. The study is based on archival documents, statistical materials, periodicals, and sources of personal origin. I applied the subject-activity and cultural-anthropological approaches in the study. The main research methods are narrative (descriptive), comparative-historical, historical-genetic. For the first time, I identified a complex of factors impacting the formation of the urban subjectivity of Tyumen residents in 1964–1985. In the study, I emphasize the increase of Tyumen status and the change of narrative as the main factors. As a result, I discovered a contradiction. On one hand, Tyumen became the “oil capital”, the industrial, intellectual, and cultural center. The city played

a significant role in satisfying the sociocultural needs of its residents, including leisure activities. On the other hand, a certain level of dissatisfaction occurred among the citizens. One of the reasons for this dissatisfaction was the uneven development of the urban space.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: городская субъективность, нарратив, городская среда, досуг, досуговые практики, повседневная деятельность.

KEY WORDS: urban subjectivity, narrative, urban environment, leisure, leisure practices, daily activities.

ВВЕДЕНИЕ. Город — это и реальное физическое, социальное пространство, и компонент картины мира, в котором отражаются трансформации интересов, мнений, ценностей и переживаний горожан, в том числе формируется субъективность, относящаяся к индивидуальному опыту, ощущениям и восприятиям, уникальным для каждого человека [15].

Городская среда обладает не только характеристиками материального пространства для жизнедеятельности, она наделена личностно-смысловыми свойствами, как конструкция сознания субъектов городской жизни. Горожанин не просто живет в среде, он к ней относится, воспринимает ее на основе личностных установок и запросов [9.]. Таким образом, формируется городская субъективность, которую мы понимаем как индивидуальное восприятие города каждым жителем, связанное с его потребностями, интересами и ценностями. Каждый человек имеет свои собственные взгляды, предпочтения и впечатления относительно городской среды, которые могут быть основаны на личном опыте, культурных установках и других факторах. Думается, что в основе понятия «городская субъективность» лежит идея единства, взаимосвязи и взаимообусловленности среды и сознания человека, когда при взаимодействии с внешними условиями посредством практической деятельности формируется образ города на основе личностных представлений, а также объективных параметров окружающей обстановки.

Изучение городской субъективности позволяет лучше понять жизненный мир, мотивы поступков и поведение горожан, открывает возможность интерпретировать явления, связанные с современными социокультурными процессами городского пространства.

ЦЕЛЬ исследования — определение факторов формирования характерных черт, присущих городской субъективности тюменцев в 1964–1985 гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Работа основана на комплексе источников. В первую очередь, это документы региональных государственных органов — городского Совета и городского комитета КПСС, отложившиеся в фондах Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГБУТО ГАСПИТО) и Государственного архива Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Обращение к данным источникам позволяет изучить тенденции и проблемы развития внутригородской территории, в частности, культурно-досуговой среды.

В документации Тюменского областного статистического управления содержатся сведения о развитии городского пространства. Весомы в исследовательском плане материалы периодической печати: региональной газеты «Тюменская правда» [14], где были опубликованы критические заметки и отзывы, передающие настроения городского социума.

В ходе исследования нами изучены документы личного происхождения — письма и обращения граждан в газеты, партийные и городские органы власти, в которых отражаются интересы и потребности тюменцев. Исследование устных источников — записей интервью с респондентами, способствует обращению к внутренним установкам и мотивациям индивида.

Основными методами, примененными при подготовке данной работы, являются нарративный (описательный), сравнительно-исторический, историко-генетический. Важный вклад в написание работы вносит культурно-антропологический подход, направленный на изучение комплекса условий материальной жизни, социально-культурной практики, умонастроений людей и их влияния на поведение индивида.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Городская среда в контексте нашего исследования понимается как пространство обитания, которое существует и постигается в зависимости от различных культурных практик, установок и ориентаций [8]. В свою очередь, осмысление, восприятие этой среды зависит от ряда факторов, в том числе, связанных с тенденциями развития, пространственно-материальными характеристиками города, в котором проживают его обитатели.

Городская среда Тюмени подверглась значительным преобразованиям после 1964 г., когда началось промышленное освоение нефтегазовых богатств на севере области. В это время город из «столицы деревень», преобразовывается в административный и интеллектуальный центр крупнейшего в стране Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Существенно увеличилась и численность населения Тюмени: если в 1964 г. здесь проживали 200,4 тыс. человек, то к 1 января 1986 г. — 487,9 тыс., т. е. на 144% больше [14].

Новый статус города приводит к появлению нарратива Тюмени как «нефтяной столицы», претерпевшей мощный толчок развития, когда «купеческий уездный город бывшей Тобольской губернии стал центром огромной — по территории, по топливным, энергетическим и прочим ресурсам — области» [13].

С одной стороны, заявленный нарратив проявлялся во внушительном территориальном росте. В 1964–1985 гг. были застроены многоэтажными домами районы Заречья, Дома Обороны, появились новые жилые массивы: 1–5 микрорайоны, Южный, Восточный, крупнопанельных домов, молодежно-жилищный комплекс [14]. В связи с этим Тюмень заслуженно предстает в сознании горожан как динамичный развивающийся город. Так, А.Г. Малых вспоминает: «С 1963 по 1969 гг. я училась и работала в Свердловске. Вернувшись в родной город, я заметила, что он стал преображаться, активно развиваться. Если до начала 1960-х годов я воспринимала Тюмень как «столицу деревень», то к концу 1960-х она предстает передо мной как город развитый, который приближается по своему уровню к Свердловску» [3].

С другой стороны, новые жилые кварталы нередко соседствовали со старыми районами, где отставали темпы развития социально-бытовой инфраструктуры. Так, в 1980 г. на окраинах Тюмени — в поселках Строителей, Парфеново, Войновка более 500 семей проживали в домах, не подлежавших капитальному ремонту: их износ составлял более 60% [14].

Итак, в 1964–1985 гг. городская среда Тюмени претерпела определенные трансформации. В первую очередь, укрупнилась городская территория, образовались новые микрорайоны, что привело к изменению облика города. Впрочем, продолжал сохраняться контраст в развитии центра и окраин, который заключался в замедленном становлении социально-бытовой инфраструктуры в районах, отдаленных от центральной части города [14].

В результате, описанные тенденции развития городского пространства Тюмени не всегда соответствовали заявленному нарративу, что оказывало влияние и на восприятие горожанами Тюмени. Каким образом оно формировалось, рассмотрим через взаимодействие городской среды и социума, осуществляемое посредством практической деятельности.

Одной из практических форм освоения действительности, в которой проявляется взаимообусловленность городской среды и сознания человека представляется досуг, который мы рассматриваем в качестве деятельности человека, направленной на удовлетворение социокультурных потребностей, творческую реализацию в свободное время [14]. Кроме того, в досуге зачастую проявляется самореализация личности, во многом определяющая отношение к городу, в зависимости от возможностей, предоставляемых городской средой.

Для начала рассмотрим условия, в которых формировались досуговые практики. В 1964–1985 гг., одновременно с эволюцией общегородского пространства, претерпела определенные изменения и досуговая сфера Тюмени. В первую очередь, это увеличение числа культурно-досуговых учреждений. Так, если в 1964 г. в городе работало четыре кинотеатра, то в 1985 г. — пять. В рассматриваемый период в 2,5 раза выросла численность клубов,

в 2,2 раза — библиотек [14]. Также начали функционировать детские кукольный театр и областная библиотека, а также концертно-танцевальный и выставочный залы [6].

Основная масса досуговых учреждений располагалась в центре, а в окраинных районах, таких, как Войновка, Букино, Заречный, поселке Калинина, остро стоял вопрос, связанный с регулярным функционированием общественного транспорта. По оценке респондентов, «автобусное сообщение было отвратительное», в силу чего было тяжело добраться, а затем вернуться с мероприятий, особенно вечером [2].

Также отмечались проблемы в развитии отдельных отраслей культурно-досуговой среды. Так, для тюменского кинопроката типичен был постоянный «дефицит» мест для зрителей. При официальной норме 44 места на тысячу жителей, в 1969 г. этот показатель составлял 10, а в 1981 г. — 34,9 [5]. Недочеты в развитии сети клубных учреждений нередко были связаны с их ведомственностью, когда реальную культурно-массовую работу вели немногие: клубы аккумуляторного завода, им. Ильича, ДОКа «Красный Октябрь», Водников, Дома Офицеров. Так, в 1980 г. на заседании городского комитета КПСС отмечалось, что «в некоторые клубы люди не идут на мероприятия. Там тесно, мрачно и грязно» [7]. Требовали дополнительного ухода и зоны отдыха, такие как сад Судостроителей, парк им. Гагарина, Гилевская роща.

Таким образом, Тюмень в 1964–1985 гг. превращается в город «контрастов», где развитый, обустроенный центр, новые микрорайоны города соседствуют с нелицеприятного вида окраинами. Схожие тенденции отмечаются и в досуговой сфере: с одной стороны, это развитые культурно-досуговые центры и зоны отдыха, с другой — заводские клубы и библиотеки, где десятилетиями не проводился капитальный ремонт [14], «запущенный» сад Судостроителей, неухоженные дворы жилых домов.

Кроме материальных условий, горожане с укором характеризовали выстраивание работы с посетителями культурных заведений, критикуя низкий уровень организации мероприятий, «упавший до нуля». Вне всякого сомнения, такого рода «культурное обслуживание» не отвечало чаяниям тюменцев, ожидавшим высокого уровня работы досуговых учреждений «нефтяной столицы», где будет обеспечена грамотная достойная организация мероприятий в надлежащих материальных условиях.

Повышение статуса Тюмени и последующая за ним смена нарратива оказывает влияние на восприятие городской среды, степень удовлетворенности ее условиями, в том числе, и на идентичность обитателей областного центра. В изучаемый период тюменцы начинают осознавать себя не просто горожанами, но жителями города, в котором, в соответствии с его положением, должны быть предоставлены соответствующие условия как для жизнедеятельности в целом, так и для проведения досуга.

Постепенно городская субъективность тюменцев эволюционирует на фоне возрастания культурных запросов, духовных факторов в структуре личности. Так, в 1960-е гг. в отношении Тюмени распространены такие утверждения: «Мрачный город, я как переехала сюда, зато сковала» [4]. «Что мешает нам проводить досуг, как хотелось бы? Провинциальность города и наша собственная» [11]. Уже в 1970-е годы настроения тюменцев меняются. К примеру, В.В. Трушков на основе проведенных исследований заключил, что развитие досуговой сферы оказало влияние на формирование восприятия Тюмени как места для удовлетворения культурных потребностей [14]. Недаром респонденты отмечают: «Культурная жизнь в Тюмени была ключом» [4].

Также отметим феноменологический фактор формирования субъективности, когда восприятие городской сферы досуга во многом определялось жизненным опытом, формировавшим установки, запросы и требования к условиям, предлагаемым внутригородской средой. Тюменцы, знакомившиеся с пространством населенных пунктов статуса ниже, могли идеализировать «нефтяную столицу»: «Приехав в Ханты-Мансийск, я попал как будто на век назад. Там вечером не было света, Тюмень была явно лучше» [2].

А вот мнение обывателей, воочию наблюдавших другие условия проживания в крупных городах или за границей, отличалось: «Приезжаешь из столицы, где все чистенько, и сердце болит. А у нас все в грязи, мусор валяется» [4].

Сравнительные ассоциации формировали у горожан взволнованность явлениями провинциализма в родном городе: «Из-за того, что в Тюмени отсутствовал такой же спектр возможностей, из-за того, что в чем-то мы хуже разбирались, чем москвичи и ленинградцы, возникало чувство обиды, чувство ущербности — все это было. Но из-за этого мы шли на концерты, из-за этого и читали много» [1].

Во многом вследствие расширения возможности путешествовать и обращаться к средствам массовой информации расширялся кругозор, соответственно, появлялись новые потребности и запросы, в том числе, связанные с желанием быть информированным о важных событиях. К примеру, студент сельскохозяйственного института Д. Черкашин в обращении в газету «Тюменский комсомолец» указал, что «не во всех комнатах общежития есть "динамики", совсем нет телевизоров. Так, о полете "Восхода-2" мы узнали на следующий день» [10]. То есть ситуация отсутствия информированности воспринимается нестандартная, как отклонение от нормы.

На фоне общего повышения благосостояния, стоит отметить и тенденцию возрастания потребительского отношения к городской среде, которая на основе факта своего существования «обязана» предоставить надлежащие условия, в том числе для проведения досуга. Так, в газете «Тюменская правда» было опубликовано письмо со следующим комментарием: «Мы слишком привыкли, что многое делается для нас, и как-то слабее стали спрашивать себя, что мы должны сделать для себя сами. В плохой танцплощадке, старой киноленте, дважды прокрученной в клубе, в том, что нет молодежного кафе, мы подчас видим чуть ли не первопричину всех своих бед, скуки» [12].

Среди основных тенденций, присущих развитию городской субъективности тюменцев, отметим повышение требовательности к условиям, предоставляемым внутригородским пространством, что вызвано рядом причин. Это повышение материального достатка, уровня образования и культуры, приращение знаний и интеллектуальный рост. В целом, в выстраивании субъективности горожан большую роль играл феноменологический аспект — влияние жизненного опыта на отношение к городскому пространству, что формировало установки и запросы, которые все больше повышаются, во многом в силу осознания себя жителями динамично развивающегося города, где можно в полной мере удовлетворить социокультурные потребности.

Немаловажную роль в формировании городской субъективности играло повышение статуса Тюмени и последующая за ним смена нарратива, когда «столица деревень» превращается в «нефтяную столицу». Механизм влияния нарратива на субъективность заключался в том, что приводил к возникновению определенных установок в сознании по отношению к городской среде, в немалой степени связанных с увеличением запросов к предоставляемым условиям. В какой-то мере этому способствовали противоречия в развитии городской территории, такие, как контраст в развитии центра и окраин, в том числе в культурно-досуговой сфере, что стимулировало усиление сравнительных ассоциаций, повышение требовательности, порой потребительского отношения к городской среде, должной, исходя из-за своего статуса, обеспечивать надлежащие условия для жизнедеятельности в целом и для проведения досуга в частности.

Стоит отметить, что неудовлетворенность условиями нередко могла выступать толчком для самосовершенствования, когда стремление к определенной степени самореализации вызывало желание расширить круг познания, видов деятельности и интересов.

ВЫВОДЫ. Таким образом, при анализе формирования городской субъективности нами выявлен комплекс факторов, как внешних, связанных с развитием городской территории, изменением статуса Тюмени, так и внутренних, связанных с характеристиками личности.

В целом, данные показатели представляли собой детерминанты, влиявшие на складывание установок в сознании, определявших восприятие Тюмени горожанами.

В результате, в означенный период, с одной стороны, происходит становление восприятия Тюмени как промышленного, интеллектуального и культурного центра, служащего для удовлетворения социокультурных потребностей, в том числе, в рамках досуговой деятельности. С другой стороны, среди горожан проявляется определенная степень неудовлетворенности предоставляемыми городской средой условиями, что во многом происходило на фоне динамичного повышения статуса «нефтяной столицы», смены нарратива и наличия фрагментарности в развитии внутригородской территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Бакулиной Т.И. (запись беседы).
2. Воспоминания Гаврилюка М.П. (запись беседы).
3. Воспоминания Малых А.Г. (запись беседы).
4. Воспоминания Пяльченковой Т.А. (запись беседы).
5. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1140. Л. 21.
6. ГАТО. Ф. 5. Оп.1. Д. 94. Л. 61.
7. ГАСПИТО. Ф. 7. Оп.1. Д. 2335. Л. 38.
8. Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 3–9.
9. Пирогов С.В. Феноменологическая социология и урбанистика // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 97–103.
10. Тюменская правда. 1965. 4 апреля.
11. Тюменская правда. 1967. 14 января.
12. Тюменская правда. 1972. 20 февраля.
13. Тюмень. Справочник-путеводитель. Ред. В.Клепиков. Свердловск, 1970. 175 с.
14. Федорова Д.А. Досуг жителей Тюмени: 1964–1985 годы. Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2016. 250 с.
15. Dobrenko E.A., Naiman E. (eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle: University of Washington Press, 2005. P. 315.

REFERENCES

1. *Vospominaniya T.I. Bakulinoj (zapis' besedy)*. [Memories of T.I. Bakulina (recording of the conversation)]. (In Russian).
2. *Vospominaniya Gavriilyuka M.P. (zapis' besedy)*. [Memories of Gavriilyuk M.P. (recording of the conversation)]. (In Russian).
3. *Vospominaniya Malyh A.G. (zapis' besedy)*. [Memories of Malykh A.G. (recording of the conversation)]. (In Russian).
4. *Vospominaniya Pyal'chenkovoij T.A. (zapis' besedy)*. [Memoirs of Pyalchenkova T.A. (recording of the conversation)]. (In Russian).
5. *GATO. F. 5. Op. 1. D. 1140. L. 21.* (In Russian).
6. *GATO. F. 5. Op.1. D. 94. L. 61.* (In Russian).
7. *GASPIITO. F. 7. Op.1. D. 2335. L. 38.* (In Russian).
8. Kaganskij V.L. *Landshaft i kul'tura* [Landscape and culture] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 1997. № 1. S. 3–9. (In Russian).
9. Pirogov S.V. *Fenomenologicheskaya sociologiya i urbanistika* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. № 282. S. 97–103. [Phenomenological sociology and urban studies // Bulletin of Tomsk State University. S. 97–103]. (In Russian).
10. *Tyumenskaya pravda*. 1965. 4 aprelya. [The Tyumen pravda. 1965. April 4]. (In Russian).
11. *Tyumenskaya pravda*. 1967. 14 yanvarya. [The Tyumen pravda. 1967. January 14]. (In Russian).
12. *Tyumenskaya pravda*. 1972. 20 fevralya. [The Tyumen pravda. 1972. February 20]. (In Russian).

13. Tyumen'. *Spravochnik-putevoditel'*. [Guidebook] Red. V.Klepikov. Sverdlovsk, 1970. 175 s. (In Russian).
14. Fedorova D.A. *Dosug zhitelej Tyumeni: 1964–1985 gody*. [Leisure of residents of Tyumen: 1964–1985.] Dis. ... kand. ist. nauk. Tyumen', 2016. 250 s. (In Russian).
15. Dobrenko E.A., Naiman E. (eds.). *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space*. Seattle: University of Washington Press, 2005. P. 315. (In English).

ЭТНИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ETHNIC, LEGAL AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF RUSSIAN HISTORY

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.009

УДК 94(=511.14): 39(091)

ББК 63.521(=665.1)

М.Ф. ЕРШОВ

ОБРАЗ МИР СУСНЭ ХУМА: ИСТОРИЧЕСКИЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

M.F. ERSHOV

IMAGE OF MIR SUSE KHUMA: HISTORICAL
AND SOCIOCULTURAL PARALLELS

В публикации рассмотрены сведения, которые присутствуют в образах *Мир Суснэ хума*. Он занимает особенное место в пантеоне обских угров. Историко-этнографическая критика фольклорных источников об этом мифическом персонаже способствует большему пониманию социально-политических процессов в среде жителей уральской и западносибирской тайги в дорусскую эпоху. Целью исследования стало выявление и характеристика исторических реалий о *Мир Сусне хуме*.

При изучении фольклорных и эпических текстов применён системный анализ для раскрытия смысловых наслоений в образе *Мир Суснэ хума* с абстрагированием от той мифической составляющей, которая препятствует реконструкции компонентов подлинного прошлого. Методологической базой выступил комплексный подход с привлечением ряда методов: исторической компаративистики, историко-генетического и сравнительно-типологического анализа.

Благодаря рассмотрению мифических обско-угорских богатырей уточнена специфика существования и поведения «верхов» в потестарных обществах. Научная новизна заключена в использовании компаративистского подхода. Он позволил обнаружить родственные черты у военных элит в различных этносах периода политогенеза: отчуждение от ближних родственников, пренебрежение к ценностям родоплеменного общества, а также элементы трикстерства и демонстративная агрессия.

The publication examines the information that is present in the images of Mir Susne Khuma. He occupies a special place in the pantheon of the Ob Ugrians. Historical and ethnographic criticism of folklore sources about this mythical character contributes to a greater understanding of socio-political processes among the inhabitants of the Ural and West Siberian taiga in the pre-Russian era. The purpose of the study was to identify and characterize the historical realities about Mir Susna Khum.

When studying folklore and epic texts, systematic analysis was used to reveal the semantic layers in the image of Mir Susne Khuma, abstracting from the mythical component that prevents the reconstruction of the components of the true past. The methodological basis was an integrated approach involving a number of methods: historical comparative studies, historical-genetic and comparative-typological analysis.

Thanks to the consideration of the mythical Ob-Ugric heroes, the specifics of the existence and behavior of the “tops” in potestar societies have been clarified. Scientific novelty lies in the use of a comparative approach. It made it possible to discover related traits among military elites in

various ethnic groups of the period of political genesis: alienation from close relatives, disregard for the values of tribal society, as well as elements of tricksterism and demonstrative aggression.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: богатырь, вождество, герой, Мир Суснэ хум, обские угры, политогенез, трикстер, фольклор.

KEY WORDS: hero, chiefdom, hero, Mir Susne Khum, Ob Ugrians, politogenesis, trickster, folklore.

ВВЕДЕНИЕ. В публикации рассмотрены фольклорные материалы о *Мир Суснэ хуме*.

ЦЕЛЬ исследования заключается в выявлении и характеристике исторических реалий в обско-угорском фольклоре об этом мифическом герое. Её достижение предполагает решение следующих задач:

- историко-этнографическая критика информации, содержащейся в обско-угорском фольклоре;
- сравнительный анализ образов мифических и исторических персонажей, связанных с эпохой политогенеза;
- соотнесение ценностей мифических героев и исторического контекста, с которыми они были взаимосвязаны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами исследования стали священные (героические) песни обских угров, представленные в фольклорных сборниках: «Героический эпос манси: песни святых покровителей» (2010) [31], книги из серии «Именитые богатыри Обского края» (2012, 2018) [18], сборник «Мифы, предания, сказки хантов и манси» (1990) [25], материалы, собранные С.К. Паткановым [27]. Сведения из скандинавских саг [14] и из русского фольклора (былины) [17] использованы как вспомогательные историко-этнографические источники.

Для раскрытия множества смысловых наслоений в образе Мир Суснэ хума применён системный анализ с диалектическим «снятием» внешней мифической составляющей, которая препятствует реконструкции компонентов подлинного прошлого в фольклоре. Методологическим основанием выступил комплексный подход с привлечением методов: исторической компаративистики, историко-генетического, и сравнительно-типологического анализа. Исползованные в публикации работы специалистов по фольклору выступили отправной точкой исследования [4; 5; 6; 8; 9; 10; 28; 29]. Их дополнили работы этнологов [2; 7; 11; 12; 13; 21; 22; 26; 27; 30; 34; 35; 36; 37; 38; 39], археологов [19; 20] и историков, занятых изучением проблем культуры и политогенеза [1; 3; 14; 15; 16; 32; 33].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Вне сомнения, в пантеоне обских угров *Мир Суснэ хум* — самый яркий персонаж. *Сын Торума* обладает множеством имён. Перечислим лишь некоторую их часть. Они имеют орнито— (гусь, журавль, трясогузка) или антропоморфные названия: *Орт-лунк* “Князь-дух”, *Мастерко*, *Ворт* “Господин, Князь, Герой”, *Нум-сорни* “Верхний-золотой”, *Сорни-орт* “Золотой князь”, *Кон-ики* “Господин-старик”, *Кантых-кан* “Хантыйский князь”, *Торум-пах* “Торума сын”, *Торум-тонх-ики* “Бог-дух-старик”, *Эны-ики* “Большой старик”. Известны также: *Альвали*, *Мир шэтивви-хо*, *Кан-ики*, *Орт ики*, *Мир вантты хэ*, *Мир савите хо*, *Мир Суснэ хум*, “Мир осматривающий человек” [5, с. 537; 7, с. 89; 21, с. 106–107; 22, с. 176–177].

Кроме того, *Мир Суснэ хум* — носитель уничижительных прозвищ. Они говорят о его социальной неполноценности и безотцовщине. К ним относятся: *Эква-пырись* “Женщины сынок”, *Ими хиты* “Старухи внук племянник”. *Мир Суснэ хум* — маргинал по рождению. Он появился между небом и землёй: его мать *Калтась-торум* из-за «нехорошей жизни» (супружеской измены) сброшена на землю с небес своим мужем *Нуми-Торумом* [11, с. 550; 13, с. 27]. Характерно и то, что в ряде фольклорных произведений обнаруживается связь *Мир Суснэ хума* с представителями других этносов. Наличие множества имен есть свидетельство, что этот мифический герой существует с глубокой древности. Исследователями установлены его связи с иранскими культурами [34, 44–52]. Соответственно, нет возможности

однозначно реконструировать каноническую версию его жизни и его функции. Имя *Мир Суснэ хум* (как и его написание) в статье достаточно условно, из-за распространенности различных вариантов.

В эпической «*Мир Суснэ хума — Торума Сыне*, песне о его росте» отец и мать отдают его родне, дедушке-бабушке, но когда к последним приходит *Сын Русского богатыря* и просит его продать, то мальчишку передают ему даром. Новый хозяин выплёскивает грязные помои на подопечного. Затем мальчика приобретает *Нёхсын Ёрын* — «Соболиный ненец». Но и он относится к ребёнку бесчеловечно. Однако юный герой быстро проявляет богатырские способности, он находит лыжи, кольчугу, лук со стрелами, саблю. С их помощью он мстит обидчикам, включая деда, и разрушает семь городищ по Казыму. Далее герой приходит в «дом отца Нуми Торума». Иногда контакты *Мир Суснэ хума* с иноплемениками реализуются благодаря его русской матери [31, с. 29, 37–47].

Биография *Мир Суснэ хума* в чем-то типична для определённых периодов в истории. В одной из героических песен, он, отомстив за детские обиды, убивает брата *Нуми-Торума*, своего дядю *Орлиное перо* и его жену [18, II, с. 31]. *Мир Суснэ хум* — младший из сыновей *Нуми-Торума*, но, одновременно, он самый перспективный. Наш герой выигрывает конное состязание со своими братьями, получая верховенство над ними и почётный титул «*Наблюдающего за миром*».

Ещё один сын *Торума* также вырос без отцовского воспитания. Богатырь *Тагт котиль ойка* выловил налима. Внутри рыбы оказалась живая плачущая лягушка. Богатырь вместе со своей женой устроили люльку для лягушки, и она превратилась ребёнка, ставшего за три дня богатырём. Подлинный отец юноши — *Нуми-Торум*. Его сын *Тагт котиль Торум* (названный в честь воспитателя) строит деревянный городок и сражается с другими богатырями, которым не понравилось появление соперника. *Тагт котиль* побеждает ужасного менква и активно участвует в войнах и сражениях, что, однако не устроило отца *Нуми-Торума*, ограничившего его агрессию [13, с. 22–23].

Одна из ипостасей *Мир Суснэ хума* — сказочный персонаж *Эква-пырись*. Он первоначально внешне невзрачный, занят успешными обманами противников. Но в финале герой достигает благополучия и даже становится демиургом. Итак, ничто не препятствует бесчисленным воплощениям *Мир Суснэ хума* с детства проявлять незаурядные качества. Лишённые отцовского крова, они совершают внезапные изменения, преодолевая невообразимые препятствия. Эти персонажи в фольклорных вариантах видоизменяются из социально ущемлённых, в победителей и обретают утерянного божественного отца.

Выбрасывание ребёнка из родительского крова куда-то, не вполне понятно к кому, «вниз», в мир, противоположный ранее привычному существованию, в логике мифа несомненно жертвоприношение или некое послание [30]. Его цель — искупление неблагополучия в мире людей. Помощь от сверхъестественных сил, хитрость, напористость, удача содействуют успехам и победам героя над врагами и, в конечном итоге, его воскрешению. Отныне *Мир Суснэ хум* теряет сдержанность только из-за женщин, что неудивительно. Женщина в его среде — это не столько эротический объект, сколько предмет престижа [11, с. 552]. *Мир Суснэ хум* создаёт мир, отличный от жизни предков. Добившись успеха, он становится самостоятельным и не возвращается к отцу *Нуми-Торуму*. Более того, время от времени, он нарушает повеления отца и даже вступает с ним в конфликты [13, с. 19; 27, с. 364–366; 34, с. 45)].

В финале сказаний, для Среднего мира наступает эпоха смертных людей «с кукольными лицами». Данное обстоятельство указывает, что в фольклоре зафиксировано начало размежевания с ценностями родоплеменного общества [16, с. 169]. Непривычные реалии художественно переосмыслены через мифы и традиционное восприятие, но это отображение принципиально не отменяет свершившихся социальных сдвигов. Интересно, что *Мир Суснэ хум* отчасти маргинален и в новом мире. Он обречен быть посредником между мирами: Верхним божественным миром, Средним миром людей и Нижним подземным миром.

Божественного покоя «Желанный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света» лишён. В одной из хантыйских сказок говорится, что он «много сотен зимних дней, много сотен летних дней ходит по своей купеческой дороге нижнего света, по своей купеческой дороге верхнего света» [25, с. 105]. В человеческом мире его жизнь непрерывное передвижение между локальными сообществами. Обычные люди остро нуждаются в его помощи, в том числе и от военных бедствий. «Мир Суснэ хум — Торума Сыну призывная в Няксимволе» содержит следующие слова:

«В бедных шубах много несчастных,
В бедной обуви много несчастных,
Неодолимые войны,
Неодолимая нищета
[Наши] косточки стали истощать» [31, с. 59].

В «Мир Суснэ хуму призывная песня в Мувынгкесе» молящиеся просят героя как Хона (царя, князя, предводителя войска) защитить их от насылаемых духом Хинь болезней, и при-
давить «стрелу беды» [18, IV, с. 75–85].

Существуют ли исторические и социокультурные параллели с жизненной судьбой наших героев? Ответ на этот вопрос будет безусловно положительным. Исследователи установили, черты сходства между *Мир Суснэ хумом* и Дарием Великим. И старшинство первого над своими братьями, и избрание на царство второго в Персии основывались на традиции гиппомансии: выбора монарха с помощью коня [3, с. 102–103]. Близкие сюжеты имеются в русских былинах. Так, *Илья Муромец* отчуждён не только от родителей, он практически никогда не принимает участия и в воспитании своих детей. В разных вариантах его сын рождается после отъезда *Ильи Муромца*. Взрослый сын богатыря погибает от столкновения с отцом. Изредка конфликт оканчивается благополучно — когда *Муромец* зачал сына «не в тае», а открыто, законно [6, с. 159–161]. Прощения нет и для дочери-богатырши *Ильи Муромца*, попытавшейся убить отца [17, с. 207–217].

И в скандинавских сагах имеется немало сюжетов о безотцовщине героя. Так, Т.Н. Джаксон рассматривает фольклорные сведения пребывания в конце X — первой половине XI вв. норвежских конунгов на Руси: Олава Трюггвасона, Олава Харальдссона, Магнуса Олавссона и Харальда Сигурдарсона. Трое из четырёх персонажей (кроме Олава Харальдссона) оказались здесь в детском возрасте. Все четверо очень рано (в 12–15 лет) проявляли агрессивные качества воинов и лидеров. В сагах упоминается участие знатных подростков в походах и убийства обидчиков. По мнению Т.Н. Джаксон, тогда в раннесредневековой Европе был распространён институт «кормильства». Знатные люди отдавали менее знатным своих сыновей на воспитание [14, с. 99].

Основываясь на исторических свидетельствах, Г.С. Лебедев считал, что следствием межэтнических контактов пришлых варягов и славянских женщин, накануне и в начальный период складывания древнерусского государства, было рождение «детей зимних постоев», которые впитывали культуру нескольких этносов. Вероятно, что фактическим «зимним ребёнком» оказался князь Игорь, безотцовщиной вырос его сын Святослав, что передал эту эстафету Владимиру [23, с. 503]. Буйная личная жизнь и высокая смертность у создателей нашей государственности не способствовали прочным семейным связям в их среде [15].

Такие межэтнические контакты-конфликты и брачные связи в мобильной среде были достаточно типичными в период политогенеза. Ограничимся рядом примеров. В последней четверти III — первой трети II тыс. до н.э. в предгорьях Алтая и в соседних лесостепях проживали племена Елунинской культуры. Археологи зафиксировали: в захоронениях елунинцев европеоидные мужские черепа соседствуют с женскими, по преимуществу монголоидными [19, с. 73–74, 85–88]. Н.В. Брагинская замечает о дружине Ахилла, участвующей в осаде Трои, что его мирмидонцы, в первую очередь, изгой: «Ни в одном месте Гомер не даёт оснований однозначно понимать мирмидонцев как народ, как племя» [4, с. 240].

А.К. Акишев акцентирует внимание на связи культа *Митры* и культа *Мир Суснэ хума*. Он считает, что в I тыс. до н.э. культ *Митры* был универсальным выражением различных связей у пестрого этнокультурного комплекса, который определяли обобщающим этнонимом «саки» [1, с. 89]. При анализе иранского влияния на обских угров, и в том числе обрядах поклонения *Мир Суснэ хуму*, процессы ассимиляции древнего уральского населения угорскими племенами считаются доказанными [26, с. 62]. Е.Е. Кузьмина отмечает, что в древности могли быть элитарная ассимиляция и интеграция, при миграции небольшой группы имеющей военное превосходство [20, с. 260]. Иногда представители проигравших в военных конфликтах славянских родов, по наблюдениям Г.Г. Литаврина, вынужденно эмигрировали в Византию, где вступали в ряды наёмников [24, с. 42].

ВЫВОДЫ. Исследование дает возможности для неоднозначных выводов. Образ *Мир Суснэ хума* полисемантичен. Тем не менее, он несёт значительное количество определённых свойств. Знатность его происхождения не упраздняет маргинального статуса в детстве. Социализация *Мир Суснэ хума* является результатом его предприимчивости, удачи и мифической благосклонности обожещённых предков. *Мир Суснэ хум* — посредник между запредельным божественным миром и обычными людьми, и, одновременно, он — посредник между социально неоднородными кланами, гарант соблюдения заключённых соглашений. По мнению В.Б. Яшина, *Митра* и *Мир суснэ хум* предстают новой «парадигмой идеального правителя на стадии ранней государственности. В основе этих воззрений лежит идея божественного покровителя и создателя общественной структуры, обеспечивающего гармонию отношений в обществе» [34, с. 47].

Характерно, что герой отвергает общественный порядок, основанный на прежних родоплеменных отношениях, и создаёт новые, пока ещё непривычные социальные реалии. Его действия «неправильные», насильственные, нередко, внеморальные, смешные. Свойства трикстера органично совмещаются у *Мир Суснэ хума* с признаками культурного героя. Присутствие противоположных качеств свидетельствует о соотнесённости с переломной исторической эпохой. В художественных образах *Мир Суснэ хума* запечатлено мифологическое восприятие бунта жертвенных посланцев против отвергающего их «грешного» родоплеменного общества.

На дряхлеющей основе вызревали новые достаточно агрессивные социальные отношения, совершалось изъятие и перераспределение излишков, формирование вождей и институтов политогенеза. Личность *Мир Суснэ хума* типичная, но далеко не единственная в пантеоне богатырей обских угров, что противостоят родоплеменным отношениям. Данное обстоятельство не отменяет присутствия в этих образах иных, зачастую противоположных свойств, рассмотрение которых не входит в структуру настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
2. Бауло А.В. Тагт котиль Торум // Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 136–137.
3. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М.: Мысль, 1983. 206 с.
4. Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского. М.: Российский университет, 1993. С. 231–256.
5. Вртанесян Г.С. Жёлтой трясогузки богатырь: корни образа // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 536–545.
6. Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М. Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.
7. Гемуев И.Н. Мир-суснэ-хум // Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 89–91.
8. Герасимова С.А. Образ богатыря в мансийских героических песнях (сюжет о защите от внешних

- врагов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 233–241.
9. Герасимова С.А. Образ богатыря в мансийских героических песнях (сюжет о нападении богатырей на чужие городища) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 624–631.
 10. Герасимова С.А. Сюжеты и мотивы мансийских героических песен // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 10. С. 111–117. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/10/Gerasimova.pdf> (дата обращения: 28.12. 2023).
 11. Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
 12. Головнёв А.В., Перевалова Е.В. Вожди обских угров и ненцев (по данным фольклора) // Вестник Томского университета. История. 2017. № 49. С. 115–122.
 13. Гондатти Л.Н. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Тип. Е.Г. Протасова, 1888. 91 с.
 14. Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М.: Языки русской культуры, 2000. 192 с.
 15. Ершов М.Ф. Маргинальность трикстера и транзитивность политогенеза // Горизонты цивилизации. 2023. Том 14. Вып. 1. С. 51–68.
 16. Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск, 2013. 275 с.
 17. Илья Муромец. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 559 с.
 18. Именитые Богатыри Обского края. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ; Юграфика; Югорский формат. Кн. 2, 2012, 171 с.; Кн. 4, 2018, 212 с.
 19. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
 20. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. М: Восточная литература, 1994. 464 с.
 21. Кулемзин В.М. Альвали // Мифология хантов. Томск: изд-во Том. ун-та, 2000. С. 106–107.
 22. Кулемзин В.М. Мир савите хо // Мифология хантов. Томск: изд-во Том. ун-та, 2000. С. 172–174.
 23. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
 24. Литаврин Г.Г. Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М.: Наука, 1987. 223 с.
 25. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, 1990. 568 с.
 26. Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М.: Институт антропологии и этнологии РАН, 1995. 222 с.
 27. Патканов С.К. Сочинения в 5 т. Т. 5: Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 416 с.
 28. Петров Н.В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Неолит, 2020. 280 с.
 29. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Колибри, 2021. 796 с.
 30. Рене Жирар. Козёл отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
 31. Ромбандеева Е.И. Героический эпос манси (вогулов). Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2010. 648 с.
 32. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания, Былины, Летописи. М.: Академический проект, 2022. 495 с.
 33. Фёдорова Е.Г. Лидеры в традиционном мансийском обществе // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.). — СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 214–247.
 34. Яшин В.Б. Еще раз о митраических истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 44–52.
 35. Golovnev A.V. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations // Arctic Anthropology. 1997. Vol. 34. N 1. Pp. 149–166.
 36. Hatto A.T. (Arthur Thomas) The world of the Khanty epic hero-princes: an exploration of a Siberian oral

- tradition. New York: Cambridge University Press, 2016. 246 p.
37. Kannisto A., Liimola M. *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura 1958. 443 p.
 38. Mingazova L.I., Galimullin F.G., Galimullina A.F. Folk in the poetry of the people of the Volga and Ural regions // *Journal of Language and Literature* 2014. Vol. 5. N 4. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F90539772/JLL2014_4_54_.pdf (дата обращения: 28.12. 2023).
 39. Naumova Elena V. The Image of Bogatyrs in Yakut and Russian Folklore Texts // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки*. 2018. 11(7). Pp. 1113-1126.

REFERENCES

1. Akishev A.K. *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Saka art and mythology]. Alma-Ata: Science. 1984. 176 s. (In Russian).
2. Baulo A.V. *A. Tagt kotil' Torum* [Tagt kotil Torum]. *Mifologiya mansi* [Mansi mythology]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 2001. S. 136-137. (In Russian).
3. Bongard-Levin G.M., Grantovskiy E.A. *Ot Skifii do Indii. Drevniye arii: mify i istoriya* [From Scythia to India. Ancient Aryans: Myths and History]. M.: Mysl, 1983. 206 s. (In Russian).
4. Braginskaya N.V. *Kto takiye mirmidontsy?* [Who are the Myrmidons?] // *Ot mifa k literature: Sbornik v chest' semidesyatiyatietya Ye.M. Meletinskogo*. M.: Rossiyskiy universitet. 1993. S. 231-256. (In Russian).
5. Vrtanesyan G.S. *Zholtoy tryasoguzki bogatyr': korni obraza* [The Hero of the Yellow Wagtail: roots of the image] // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies*. 2021. Vol. 11. N 3. S. 536-545. (In Russian).
6. Gavrilov D.A. *Trikster. Litsedey v yevroaziatskom fol'klore* [Trickster. Actor in Eurasian folklore]. M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl, 2006. 239 s. (In Russian).
7. Gemuyev I.N. *Mir-susne-khum* [Mir-susne-khum] // *Mifologiya mansi*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 2001. S. 89-91. (In Russian).
8. Gerasimova S.A. *Obraz bogatyrya v mansiyskikh geroicheskikh pesnyakh (syuzhet o zashchite ot vneshnikh vragov)* [The image of a bogatyr in the Mansi heroic songs (plot about protection from external enemies)] // *Bulletin of Ugric Studies*. 2021. Vol. 11. N 2. S. 233-241. (In Russian).
9. Gerasimova S.A. *Obraz bogatyrya v mansiyskikh geroicheskikh pesnyakh (syuzhet o napadenii bogatyrey na chuzhiye gorodishcha)* [The image of a bogatyr in Mansi heroic songs (plot about the attack of the heroes on other people's settlements)] // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2021. Vol. 11. N 4. S. 624-631. (In Russian).
10. Gerasimova S.A. *Syuzhety i motivy mansiyskikh geroicheskikh pesen* [Plots and motifs of Mansi heroic songs]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 2021. N 10. S. 111-117. (In Russian).
11. Golovnov A.V. *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995. 606 s. (In Russian).
12. Golovnov A.V., Perevalova Ye.V. *Vozhdi obskikh ugrov i nentsev (po dannym fol'klora)* [Leaders of the Ob Ugrians and Nenets (according to folklore)]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya*. 2017. N 49. S. 115-122. (In Russian).
13. Gondatti P.L. *Sledy yazychestva u inorodcev Severo-Zapadnoj Sibiri* [Traces of paganism among the foreigners of North-Western Siberia]. M.: Tip. E.G. Potapova, 1888. 91 s. (In Russian).
14. Jackson T.N. *Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi: Iz istorii russko-norvezhskikh politicheskikh otnosheniy posledney treti X — pervoy poloviny XI v.* [Four Norwegian kings in Rus': From the history of Russian-Norwegian political relations of the last third of the 10th — first half of the 10th century.]. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 192 s. (In Russian).
15. Ershov M.F. *Marginal'nost' trikstera i tranzitivnost' politogeneza* [Marginality of the trickster and transitivity of politogenesis] // *Gorizonty tsivilizatsii*, 2023, Vol. 14. N 1. S. 51-68. (In Russian).
16. Ershov M. F. *Sotsiokul'turnaya evolyutsiya obrazov ochelovechennogo prostranstva:*

- obshcheteoreticheskiye i konkretno-istoricheskiye aspekty* [Sociocultural evolution of images of humanized space: general theoretical and specific historical aspects]. Khanty-Mansiysk, 2014. 275 s. (In Russian).
17. Ilya Muromets [Ilya Muromets]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1958. 559 s. (In Russian).
 18. *Imenitnye Bogatyri Obskogo kraja* [Famous Bogatyrs of the Ob Region]. Khanty-Mansiysk: Jugrafika, 2012. Book 2. 2012. 171 s.; Book 4. 2018. 212 s. (In Russian, Mansi).
 19. Kiryushin Yu.F. *Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [Chalcolithic and Early Bronze Age of the south of Western Siberia]. Nauchnyy zhurnal Nova Um. Ru. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294 s. (In Russian).
 20. Kuzmina E.E. *Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemon andronovskoy obshchnosti i proiskhozhdeniye indoirantsev* [Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of the Andronovo tribes and the origin of the Indo-Iranians]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994. 464 s. (In Russian).
 21. Kulemzin V.M. *Alvali* [Alvali]. Mifologiya khantov [Mythology of the Khanty], Tomsk: izd-vo Tom. un-ta, 200. S. 106–107. (In Russian).
 22. Kulemzin V.M. *Mir savite kho* [Mir savite kho]. Mifologiya khantov. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta, 2000. S. 172–174. (In Russian).
 23. Lebedev G.S. *Epokha vikingov v Severnoy Yevrope i na Rusi* [The Viking Age in Northern Europe and Rus]. Saint-Petersburg: Eurasia, 2005. 640 s. (In Russian).
 24. Litavrin G.G. *Etnosotsial'naya struktura slavyanskogo obshchestva v epokhu poseleniya na Balkanakh (VI–VII vv.)* [Ethnosocial structure of Slavic society during the era of settlement in the Balkans (VI–VII centuries)]. Etnosotsial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nykh gosudarstv i narodnostey. M.: Nauka, 1987. 223 s. (In Russian).
 25. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. M.: Nauka, 1990. 568 s. (In Russian).
 26. Novikova N.I. *Traditsionnyye prazdniki mansi* [Traditional holidays of Mansi]. Moscow: Institut antropologii i etnologii RAN, 1995. 222 p. (In Russian).
 27. Patkanov S.K. *Sochineniya v 5 t. T. 5: Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam. Irtyshskiy ostyak i ikh narodnaya poeziya* [Works in 5 volumes. Vol. 5: Type of Ostyak hero according to Ostyak epics and heroic tales. Irtysh Ostyaks and their folk poetry]. Tyumen: Mandr i K^o, 2003. 416 s. (In Russian).
 28. Petrov N.V. *Russkiy epos: geroi i syuzhety* [Russian epic: heroes and plots]. Moscow: Neolit, 2020. 280 s. (In Russian).
 29. Propp V.Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. Moscow: KoLibri, 2021. 796 s. (In Russian).
 30. René Girard. *Kozol otpushcheniya* [Scapegoat]. Saint-Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha, 2010. 336 s. (In Russian).
 31. Rombandeeva E.I. *Geroicheskiy jepos mansi (vogulov): Pesni svjatykh pokrovitelej* [Heroic epic of the Mansi (Voguls)]. Hanty-Mansiysk: Print-Klass, 2010. 648 s. (In Russian, Mansi).
 32. Rybakov B.A. *Drevnyaya Rus: Skazaniya, Byliny, Letopisi* [Ancient Rus': Legends, Epics, Chronicles]. Moscow: Akademicheskiiy proyekt, 2022. 495 p. (In Russian).
 33. Fedorova E.G. *Lidery v traditsionnom mansiyskom obshchestve* [Leaders in traditional Mansi society] // *Sibir v kontekste russkoy modeli kolonizatsii (XVII — nachalo XX v.)*. Saint-Petersburg: MAE RAN, 2014. S. 214–247. (In Russian).
 34. Yashin V.B. *Yeshche raz o mitraicheskikh istokakh kul'ta Mir-susne-khuma u obskikh ugrov* [Once again about the Mithraic origins of the cult of Mir-susne-khum among the Ob Ugrians] // *Narody Sibiri: istoriya i kultura*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 1997. S. 44–52. (In Russian).
 35. Golovnev A.V. *Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations Arctic Anthropology*. 1997. Vol. 34. N 1. S.149–166. (In English)
 36. Hatto A.T. (Arthur Thomas) *The world of the Khanty epic hero-princes: an exploration of a Siberian oral tradition*. New York: Cambridge University Press, 2016. 246 p. (In English).

37. Kannisto A., Liimola M. *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 443 s. (In German).
38. Mingazova L. I., Galimullin F. G., Galimullina A. F. *Folk in the poetry of the people of the Volga and Ural regions* // Journal of Language and Literature 2014. Vol. 5. N 4. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F90539772/JLL2014_4_54_.pdf (data obrashcheniya: 28.12. 2023). (In English).
39. Naumova Elena V. *The Image of Bogatyrs in Yakut and Russian Folklore Texts* // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Humanities and social sciences]. 2018. N 11(7). P. 1113–1126. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.001

УДК 94(470)''17/19'':39 (091)

ББК 63.529(235.5)

И.Р. АТНАГУЛОВ

**ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
ФАКТОР ГЕНЕЗИСА ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: НАГАЙБАКСКИЙ
ЭПИЗОД XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА**

I.R. ATNAGULOV

**THE STATE-ADMINISTRATIVE FACTOR
OF THE GENESIS OF ETHNIC IDENTITY:
NAGAYBAKS EPISODE OF THE XVIII – EARLY
XX CENTURY**

Дан краткий анализ этнической карты Среднего Поволжья и Приуралья, сложившейся к началу XX в. Обращено внимание на появление новых идентичностей и их дальнейшие судьбы. Среди прочих на сегодняшний день в наибольшей степени сохранили и транслируют оригинальную этническую идентичность нагайбаки, поэтому данная группа является удобным материалом для изучения подобных процессов. Целью статьи является оценка степени участия государственного (военно-административного) аппарата в процессе формирования новых идентичностей в волго-уральском регионе. Корпус источников представлен опубликованными документами XVIII–XX вв. под авторством П.И. Рычкова, И.Г. Георги, М.А. Круковского и др., а также материалами переписей населения 1926, 2002, 2010 и 2020 гг. Появление новых идентичностей в регионе связано с усилившимися после 1552 г. миграционными процессами — стихийными народной и государственной колонизациями. Задачей последней было социальное строительство новых территорий. Результатом христианизации стали новые идентичности: кряшены, восточные мари, закамские удмурты, некрещенные чуваш, чуваш-мусульмане. В процессе сословного строительства возникли тептяри, мешчеры и нагайбаки, расселенные по административному делению казачьих войск. Именно эти три группы в 1897 и 1926 гг. были выделены как отдельные идентичности. Из перечисленных только нагайбаки в своей истории были подвержены государственному влиянию трижды: христианизации, обращению в казачество и объединению в составе Нагайбакского района. Эти события и заложили в фундамент нагайбакской идентичности три опорных точки — конфессиональную, сословную и этническую.

A brief analysis of the ethnic map of the Middle Volga region and the Urals, formed by the beginning of the XX century, is given. Attention is drawn to the emergence of new identities and their future destinies. Among others, today the Nagaybaks have preserved and broadcast the original ethnic identity to the greatest extent, so this group is a convenient material for studying such processes. Assessment of the degree of participation of the state (military-administrative) apparatus in the process of forming new identities in the Volga-Ural region. The corpus of sources is represented by published documents of the XVIII–XX centuries under the authorship of P.I. Rychkov, I.G. Georgi, M.A. Krukovsky, etc., as well as materials of the population censuses of 1926, 2002, 2010 and 2020. The emergence of new identities in the region is associated with the migration processes that intensified after 1552 — spontaneous national and state colonization. The task of the latter was the social construction of new territories. The result of Christianization were new identities: Kryashens, Eastern Mari, Zakamskiy Udmurts, unbaptized Chuvash, Muslim Chuvash. In the process of estate construction, Teptyars, Meshcheryaks and Nagaybaks appeared,

settled according to the administrative division of the Cossack troops. These three groups were singled out as separate identities in 1897 and 1926. Of these, only the Nagaybaks in their history were subjected to state influence three times: Christianization, conversion to the Cossacks and unification as part of the Nagaybak district. These events laid the foundation of the Nagaybak identity with three reference points — confessional, class and ethnic.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этническая история, политическая история, идентичности, нагайбаки, русские.

KEY WORDS: ethnic history, political history, identities, Nagaybaks, Russians.

ВВЕДЕНИЕ. В этнической истории Северной Евразии за прошедшее тысячелетие определяющая роль принадлежала славяно-тюрко-финноугорским контактам, особенно славяно-тюркским взаимодействиям — военным, политическим, экономическим, культурным, этническим и прочим. После присоединения к Русскому государству территорий Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири эти процессы получили дальнейшее развитие. Включение народов тюркской — башкир, татар и чувашей, а также финноугорской групп — мордвы, марийцев, удмуртов, коми-зырян и пермяков значительно усложнило этнический состав населения России. Вместе со стихийным русским крестьянским освоением на новых землях шел процесс государственного строительства.

Результатом этого, к рубежу XIX–XX вв. стала новая этническая карта региона. Во-первых, изменилась конфигурация расселения народов. Например, в Южном Приуралье на местах бывшего сплошного расселения башкир появились анклавные и сравнительно большие территории с русским, татарским, чувашским, мордовским, марийским и удмуртским населением. Во-вторых, в результате русских влияний и межэтнических контактов появились новые идентичности — кряшены, нагайбаки, мещеряки, тептяри, каратаи, закамские удмурты, восточные марийцы своеобразные группы чувашей Западного Приуралья — некрещенные и мусульмане. Некоторые из них, перечисленные выше группы удмуртов, марийцев и чувашей, сохранив оригинальные черты культуры, при этом не утратили общенациональное самосознание. Другие — кряшены, нагайбаки, мещеряки и тептяри выработали собственные культурные комплексы, отчетливо выраженное самосознание и различными наблюдателями воспринимались уже как отдельные народы, статус которых был отражен в материалах переписей 1897 и 1926 гг.

ЦЕЛЬ статьи — оценка степени участия государственного (военно-административного) аппарата в процессе формирования новых идентичностей в волго-уральском регионе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Корпус источников представлен опубликованными документами XVIII–XX вв. под авторством П. И. Рычкова, И. Г. Георги, М. А. Круковского и др., а также материалами переписей населения 1926, 2002, 2010 и 2020 гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Перепись 1897 г., как известно, фиксировала идентичность лингвистическую, которая в соответствии с культурно-языковой ситуацией того времени вполне отражала реальную этническую картину. Среди прочих тюркских народов Южного Приуралья с языками чувашским, татарским и башкирским были отмечены группы с языками тептярским и мещерякским [13, с. X]. В материалах переписи 1926 г., уже как отдельные народы, были зафиксированы мишари, кряшены, нагайбаки и тептяри [14]. В настоящее время тептяри и мишари Южного Урала транслируют татарскую, отчасти башкирскую идентичности, помня, вместе с тем, о своей бывшей принадлежности. Кряшены и нагайбаки сохранили собственные самоназвания и осознание отличной от татар этнической принадлежности. Среди кряшен этот параметр имеет разные степени актуализации. Кряшены Республики Татарстан транслируют скорее амбивалентную идентичность, кряшены других регионов проявляют стремление к этнической сепарации. В наибольшей степени это проявилось среди нагайбаков — группы, сформировавшейся в XVIII в. на базе кряшен Уфимской провинции, переведённых в казацкое сословие [1, с. 218–261].

Представляет научный интерес вопрос формирования и развития новых идентичностей. Нагайбаки, в отличие от прочих групп, сложившихся по тем же причинам и в тех же условиях, к настоящему времени в наибольшей степени сохранили оригинальный комплекс этнокультурных черт и собственное этническое самосознание. Поэтому история нагайбаков является весьма удобным материалом для изучения подобных процессов.

Целью статьи является определение степени участия государственного (военно-административного) аппарата в процессе формирования новых идентичностей в волго-уральском регионе на материале истории формирования нагайбаков. Глубину изученности этнической истории региона, и нагайбакской идентичности в частности, отражает корпус источников и литературы, накопленный со второй половины XVIII в. по настоящее время. Это материалы, содержащиеся в книгах, написанных в XVIII — начале XX вв. П.И. Рычковым [9, с. 206–207], И.Г. Георги [4, с. 75–84]¹, Ф.М. Стариковым [10, с. 191–249], М.А. Круковским [8, с. 261–268]² и др., в первой трети XXI в. — в монографиях И.Р. Атнагулова [1] и С.Ю. Белоруссовой [3], а также коллективной монографии, посвящённой истории кряшен [6]. Кроме того, за весь период изучения вопроса был опубликован ряд статей в научных сборниках и периодических изданиях. Проблемы генезиса, изменчивости и диагностики идентичностей рассматриваются в работах зарубежных — Б.Андерсона [15], Ф.Барта [16], Э.Геллнера [17], Э.Хобсбаума [18], российских — В.А. Тишкова [12], М.Н. Губогло [5], и многих других авторов.

Методологической основой исследования является комплекс подходов, базирующихся на разных концептуальных платформах, сочетающих как примордиалистское, так и конструктивистское понимание феномена этноса. Позиция автора заключается в том, что оба методологических подхода не являются взаимоисключающими, а их эффективное применение там, где это оправдано, является продуктивным. В частности, при решении проблем изучения истории, связанных с интересующими нас генезисом и трансформацией идентичностей.

Генезис нагайбакской идентичности происходил под воздействием двух, задавших ее параметры формообразующих — административной и социокультурной. Ее параметрические характеристики определяются тремя измерениями, возникшими в строго последовательной хронологической последовательности и в соответствии с внутривнутриполитическими реалиями соответствующих периодов становления нагайбакской идентичности — конфессиональной, социальной и этнической. Все три показателя вплоть до настоящего времени составляют структуру нагайбакской идентичности. Каждый из них в разные периоды истории народа являлся доминантным (Таблица 1).

Таблица 1. Структура идентичностей нагайбаков в динамике.

1552-1736	1736-1843	1843-1926	1926 - наст. время
Крещёные татары в составе волго-уральских татар	Сословие казаков в составе уфимских крещёных татар	Этническая группа в составе Оренбургских казаков	Народ в списке национальностей СССР и России
Доминантные идентичности			
Конфессиональная	Сословная в сочетании с конфессиональной	Этническая в сочетании с сословной и конфессиональной	Этническая

Конфессиональный параметр

Основы конфессиональной идентичности нагайбаков стали закладываться во второй половине XVI в., когда новый политический режим принудительно обращал в христианство

¹ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч II. О народах татарского племени. СПб.: Изд-во К.В. Миллера, 1776.

² Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М.: Издание К.И. Тихомирова, 1909.

население бывшего Казанского ханства. Эта акция задала вектор развития этнической истории в регионе на многие столетия вперед. Как известно, процесс христианизации финноугров и тюрок Волго-Камья, привел к разным результатам. Часть татар, принявших православие, эволюционировала в несколько территориально разрозненных и весьма самобытных по культуре групп — молькеевских, елабужских, бакалинских и других кряшен. Общее самоназвание — конфессионим *керәшён* (мн.ч. — *керәшеннәр*) (от русск. «крещёный», «крещён») постепенно стал этнонимом, что и было зафиксировано в материалах переписей населения 1926, 2002, 2010 и 2020 [14] гг. Дискуссия о легитимности использования его в качестве этнонима своего кульминационного момента достигла накануне первой постсоветской переписи населения в 2002 г. Сами кряшены по-разному транслируют собственную этническую идентичность — от амбивалентной (татарско-кряшенской) до исключительно кряшенской. Последняя характерна, в основном, для кряшен, проживающих за пределами Татарстана.

Первыми событиями, последствия которых привели к возникновению субстрата нагайбаков были акции по христианизации поволжских татар во второй половине XVI в. В XVII в. в результате нескольких волн переселений казанских татар на восток одна из групп кряшен оказалась в нескольких деревнях между Уфой и Мензелинском. В первой трети XVIII в. произошла вторая волна массовой христианизации, в результате которой к кряшам Уфимской провинции примкнула часть новокрещенных чувашей, удмуртов и, возможно, марийцев [9, с. 206–207]. В то время все они фиксировались как новокрещенные и старокрещенные [9, с. 206–207]. По свидетельству П.И. Рычкова новокрещенные вместе со старокрещёнными составляли население одних и тех же деревень. Общим у них было самоназвание-конфессионим (см. выше), усвоенное очевидно извне. Таким образом, государственная политика по сближению народов Поволжья и Приуралья с русскими через принудительную христианизацию привела к появлению новой идентичности с особым комплексом культурных черт.

Сословный параметр

Дальнейшие действия государства в регионе были направлены на территориально-административное и военное устройство региона. Вместе со строительством сетки населенных пунктов во вновь образованной Оренбургской губернии, формировалось ее население. Одной из главных задач государства было обеспечение безопасности в приграничном регионе, в том числе подавление башкирских восстаний и защита от набегов из степи. Оренбургское казачье войско создавалось как из русского, так и из инородческого населения. Указом Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. в число казаков были переведены ясачные крещенные татары, для которых сразу же была срублена крепость Нагайбацкая³, по наименованию которой эта группа получила новое название. Казаки-нагайбаки были организованы в крепости и нескольких деревнях вокруг нее. Войсковое начальство, беспокоясь о влиянии со стороны мусульманского населения старалось православных татар-казаков селить вместе с единоверцами [7, с. 9].

С 1798 г. по инициативе губернатора О.А. Игельстрома и указу императора Павла I все казачье население Оренбургской губернии получило новую систему территориально-административного устройства — кантонную. Казаки-мусульмане (башкиры и мещеряки) были объединены в собственные кантоны, составлявшие отдельное Башкиро-мещеряцкое войско. Казаки-нагайбаки вошли в состав III кантона, в котором находились, также и казаки-русские. Такая последовательно проводимая сегрегация, безусловно, оказала влияние на дальнейшее развитие нагайбакской идентичности. В период с 1736 по 1843 гг. в ее структуре доминирующими были конфессиональный и сословный параметры (Таблица 1). С татарами-мусульманами они говорили на одном языке, и даже сохраняли множество общих культурно-этнографических черт, но при этом православное вероисповедание и принадлеж-

³ О происхождении названия крепости см. Рычков П.И. Указ. соч. Ч. II. С. 205.

ность к казачеству являлись главными идентификационными признаками, отличавшими их от татар иных сословий, в том числе крещеных.

Этнический параметр

Следующей масштабной государственной реформой в территориальном устройстве губернии было создание, так называемой Новой линии казачьих поселений восточнее р. Урал. Казаков внутренних уездов губернии, в том числе всех нагайбаков, переселили в юго-восточную степную часть региона. Вектор дальнейшей истории развития нагайбакской идентичности, как и прежде, определялся решениями Правительства и войскового командования. На новом месте их селили отдельными моноэтническими поселками, расположенными поблизости друг к другу, но в окружении русских казачьих поселений. Каждый нагайбакский поселок входил в состав разных станичных юртов с русским начальством. Кроме того, соседями нагайбаков теперь стали казахи нескольких родов Младшего и Среднего Жузов. Таким образом, этническим окружением нагайбаков стали теперь почти исключительно русские и казахи. Русские казаки, несмотря на общую сословно-конфессиональную принадлежность, воспринимали их как другой народ, со своим языком и оригинальными этнографическими чертами. Между нагайбаками и казахами, не смотря на языковое родство, существовала социальная дистанция по причине той же сословно-конфессиональной принадлежности. Перечисленные обстоятельства дали импульс развитию у нагайбаков этнической идентичности. К концу XIX — началу XX в. она сочеталась и конкурировала с конфессиональной и сословной. Свидетельством тому является ряд публикаций того времени, где фиксируется нагайбакская идентичность, а для непосвящённого читателя делается уточнение: «нагайбаки — крещёные татары-казаки Оренбургской губернии» [2, с. 165] и т.п. Этническая идентичность теперь является доминантной в сочетании с конфессиональной и сословной (Таблица 1).

Кульминационным моментом в формировании этнической идентичности становится включение нагайбаков в список народов СССР в 1926 г. и вслед за этим создание Нагайбакского района в 1927 г. Советское государство, ликвидировав сословия и проводя атеистическую политику, создало благоприятные условия для усиления этнического параметра нагайбакской идентичности, который с этого времени становится доминантным окончательно. Даже формальная замена в 1930-х гг. этнонима «нагайбак/нагайбачка» в переписных документах и паспортах на «татарин/татарка» не повлияла на этническое самосознание народа. Подтверждением чему являются результаты переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. (Таблица 2).

Таблица 2. Численность нагайбаков по переписям населения [14]

Переписи населения по годам	1926	2002	2010	2020
Численность нагайбаков (человек)	10949	9600	8148	5719

В 1930-х гг. происходила ликвидация, созданных ранее национальных районов и сельсоветов для малочисленных народов РСФСР, например, вепсов, шорцев и др. По какой-то причине Нагайбакский район не был ни ликвидирован, ни переименован. Созданием данного административно-территориального субъекта государственная власть легитимировала нагайбакскую этническую идентичность. У народа появилось ощущение этнической родины в пределах конкретных, законодательно утвержденных географических границ. Не случайно в начале 1990-х гг., на пике «этнического ренессанса» лидер нагайбакской общественности, ветеран Великой Отечественной войны, основатель и директор районного историко-краеведческого музея А.М. Маметьев обращался за поддержкой к верховным властям страны, сначала лично к Р.Н. Нишанову, затем Р.Г. Абдулатипову. Нагайбаки — народ, возникший в результате государственных проектов XVIII–XX вв. по социальному строитель-

ству, состоявший на государственной службе, верный военной присяге и политическому руководству страны, особенно остро осознавал необходимость поддержки факта наличия собственной этнической идентичности со стороны властей.

Векторы, определяющие динамику этнической карты Северной Евразии за прошедшее тысячелетие, формировались в процессе славяно-тюрко-финноугорских взаимодействий. Начавшись в эпоху средневековья, они продолжают по настоящее время. Одним из результатов этих процессов стало появление в разное время новых идентичностей — славянских, тюркских и финноугорских по языку и культуре — казачество во всех его этнических вариациях, кряшены, тептяри, мешеряки, нагайбаки, бесермяне, лугово-восточные марийцы, закамские удмурты и прочие. Причинами их появления были как естественные этнические процессы, связанные с миграциями и культурно-хозяйственными контактами, так и деятельность государственно-административного аппарата. Развитие этих идентичностей в XVIII–XX вв. происходило в русле общих социальных процессов, но, по всей видимости, с разной интенсивностью. Одни из них — лугово-восточные марийцы, закамские удмурты, некрещеные чуваш и чуваш-мусульмане, несмотря на культурные своеобразия, сохранили общезнающее самосознание и этнонимы. Другие — кряшены, тептяри, мешеряки и нагайбаки, сохраняя общую с материнским этносом языковую идентичность, к XX в. уже обладали самосознанием собственным. Перечисленные идентичности — это продукты славяно-тюркских (русско-татарских) взаимодействий второй половины XVI — начала XX вв., а история их становления является эпизодом большой исторической картины контактов между индоевропейцами, алтайцами и уральцами за последние примерно два тысячелетия.

Появление новых тюркоязычных (татароязычных) идентичностей в различных социальных и конфессиональных амплуа свидетельствует о высокой степени резистентности поволжских татар, их устойчивости к сменам политических режимов, а сами эти идентичности — это множество модификаций одного народа. Этническая диагностика этих групп дает различные результаты в зависимости от выбора методологической платформы. Онтологический подход в инструментарии примордиализма четко определяет место каждой группы на генеалогическом древе татар [11, с. 24] (татарского этноса, татарской нации и т.п.), обозначая их как субэтноты, этноконфессиональные, этносословные группы и т.д. Он удобен тем, что объясняет историческую преемственность народов и культур, показывает логику событий, повлиявших на генезис той или иной идентичности, привлекает большой фактологический материал. Недостатком данного подхода является проблема в объяснении феномена изменчивости этнического самосознания. Примером тому служат современные обсуждения проблемы кряшен, разворачиваемые в академической, политической и общественной дискурсивных плоскостях. Конструктивистский подход, нередко оппонируя примордиалистскому, предлагает иное теоретическое осмысление феномена этнического, а именно — его способность к трансформациям вплоть до смены самосознания вместе с этнонимом. Такой подход продуктивен при объяснении степени участия и силе воздействия на этнические процессы со стороны государственной власти.

ВЫВОДЫ. Таким образом, появление новых идентичностей на этнической карте волго-уральского региона связано в первую очередь с резко усилившейся динамикой миграционных процессов после 1552 г. Происходило это под воздействием стихийной народной и государственной колонизации региона. Последняя носила системный характер, и одной из её главных задач был социальный дизайн новых территорий, а именно: усиление славянского компонента, христианизация тюрков и финноугров, создание казачьих войск для охраны внешних границ и обеспечения государственной безопасности в приграничных уездах, формирование сетки новых населенных пунктов. Результатом политики христианизации стало появление новых идентичностей: татар-кряшен, восточных марийцев, закамских удмуртов, некрещеных чувашей, чувашей-мусульман. В процессе сословного строительства возникли тептяри, мешеряки и нагайбаки, состоявшие в казачестве, расселенные в строгом

соответствии с административным делением Оренбургского и Башкиро-мещеряцкого войск в восточных уездах Оренбургской губернии. Именно эти три группы переписями 1897 и 1926 гг. были выделены как отдельные идентичности. Из всех перечисленных групп только нагайбаки в своей истории были подвержены государственному влиянию трижды: сначала принудительной христианизации, затем обращению в казачество и в финале — объединению в составе административного Нагайбакского района. Эти события и заложили в фундамент нагайбакской идентичности три опорных точки — конфессиональную, сословную и этническую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атнагулов И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII — начале XXI века: становление и трансформация идентичностей. Челябинск: Абрис, 2018. 436 с.
2. Бектеева Е.А. Нагайбаки (Крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества. Под ред. Ламанского В.И. 1902. Вып. II. С. 165–181.
3. Белоруссова С.Ю. Нагайбаки: динамика этничности. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2019. 424 с.
4. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч II. О народах татарского племени. СПб.: Изд-во К.В. Миллера, 1776. 188 с.
5. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 736 с.
6. История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.) / Гл. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 960 с.
7. Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки. Отв. ред. Исхаков Д.М. Казань: ИЯИЛ им. Ибрагимова, 1995. С. 9. с. 4–18.
8. Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М.: Издание К.И. Тихомирова, 1909. 311 с.
9. Рычков П.И. Топография Оренбургская то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым / П.И. Рычков. Часть II. СПб: Императорская Академия наук, 1762. 262 с.
10. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты. Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1891. 249 с.
11. Татары / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова. М.: Наука, 2017. 799 с.
12. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 184 с.
13. Тройницкий Н.А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб: Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел, 1904. 173 с.
14. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 25.04.2024).
15. Anderson, B. Imagined communities: reflection on the origin and spread of nationalism. London — New York, 2006. 256 p.
16. Barth, F. Introduction. Ethnic Groups and Boundaries. In The Social Organisation of Culture Difference, edited by F. Barth. Bergen-Oslo: Universitets Forlaget, 1969. P. 9–38.
17. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford UK & Cambridge USA, 1993. 152 p.
18. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge University Press, 2012. 206 p.

REFERENCES

1. Atnagulov I.R. *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII–XXI vekakh: stanovleniye i transformatsiya identichnostey* [Ethnic history of Nagaybaks in the XVIII–XXI centuries: formation and transformation of identities]. Chelyabinsk: Abris, 2018. 436 s. (In Russian).
2. Bekteyeva Y.A. *Nagaybaki. (Kreshchyenye tatary Oryenburgskoy gubyrnii)* [Nagaybaks. (Baptized Tatars of Orenburg province)] // Zhivaya starina. 1902. Vol. 2. S. 165–181 (In Russian).

3. Belorussova S.Y. *Nagaybaki: dinamika etnichnosti* [Nagaybaks: dynamic of ethnicity]. Saint Petersburg: MAE RAS, 2019. 424 s. (In Russian).
4. Georgi I.G. *Opisanie vseh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov. Chast' II. O narodakh tatarskogo pelmeni*. [Description of all the peoples living in the Russian state. Part II. About the peoples of the Tatar tribe]. Saint Petersburg: Miller K.V. Printing, 1776. 188 s. (In Russian).
5. Guboglo M.N. *Identifikatsiya identichnosti: Etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of identity: Ethnosociological essays]. Moscow: Nauka, 2003. 736 s. (In Russian).
6. *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI-XX vv.)*. [History and culture of Tatar-kryashens (XVI-XX centuries)]. Ed. R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 960 s. (In Russian).
7. Iskhakov D.M. *Etnodemograficheskoye razvitiye nagaybakov do pervoy chetverti XX v.* [Ethnodemographic development of the Nagaibaks until the first quarter of the 20th century] // Nagaybaks. Kazan: Institute of Language, Literature and History Academy of Science of Republic of Tatarstan, 1995. S. 4–18. (In Russian).
8. Krukovskiy M.A. *Yuzhnyi Ural. Putevye ocherki* [The Southern Urals. Travel essays]. Moscow: Tikhomirov K.I. Printing, 1909. 311 s. (In Russian).
9. Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskaya* [Topography of Orenburg]. P. II. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1762. 262 s. (In Russian).
10. Starikov F.M. *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'ego voyska* [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army]. Orenburg: Breslin B. Printing, 1891. 249 s. (In Russian).
11. *Tatary* [Tatars]. Ed. G.F. Gabdrakhmanova, V.V. Trepavlov, R.K. Urazmanova. Moscow: Nauka Publ., 2017. 799 s. (In Russian).
12. Tishkov V.A. *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia]. Moscow: Russkiy Mir, 1997. 184 s. (In Russian).
13. Troynitskiy N.A. *Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. Tom XXVIII. Orenburgskaya guberniya* [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. Vol. XXVIII. Orenburg Province]. Saint Petersburg: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 173 s. (In Russian).
14. *Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv* [Population censuses of the Russian Empire, the USSR, 15 newly independent states]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (data obrashcheniya: 25.04.2024). (In Russian).
15. Anderson B. *Imagined communities: reflection on the origin and spread of nationalism*. London–New York, (1983) 2003. 256 p. (In English).
16. Barth F. *Introduction* // Ethnic Groups and Boundaries. In *The Social Organisation of Culture Difference*, edited by F. Barth. Bergen-Oslo: Universitets Forlaget, 1969. Pp. 9–38. (In English).
17. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford UK & Cambridge USA, (1983) 1993. 152 p. (In English).
18. Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge University Press; Second edition (March 26, 2012). 206 p. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.003

УДК 94(470+571)“1932/1938”:331.109(091)

ББК 63.3(2)61-36

М.В. БИЛЛЬ

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА СССР
В 1932–1938 ГГ.**

M.V. BILL

**ON SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF
THE USSR STATE ARBITRATION IN 1932–1938**

Становление системы органов Государственного арбитража в СССР протекало в непростой исторический период. Будучи учреждённой в 1931 г., она столкнулась с целым спектром экономических, социальных и культурных проблем, вызванных последствиями революционных событий, Гражданской и Первой Мировой войны.

В таких условиях необходимость эффективно и в кратчайшие сроки решать задачи по рассмотрению хозяйственных споров между субъектами плановой экономики послужила причиной наделения Государственного арбитража широким кругом полномочий и функций, характерным как для судебных органов, так и для органов административного управления.

В этом симбиозе разнонаправленных функций Государственного арбитража кроется уникальность этого института. Она позволила данному органу эффективно осуществлять разрешение споров между субъектами экономических правоотношений, а также по правовому обеспечению их деятельности.

Длительное время руководство страны пыталось выработать инструменты, создать механизмы и основать государственные органы, которые могли бы осуществлять полномочия, возложенные впоследствии на органы Государственного Арбитража СССР. Его создание стало, по нашему мнению, закономерным итогом государственных усилий, направленных на создание института, отвечающего существующим историческим вызовам, в рамках которых он должен был способствовать экономическому развитию страны.

Основываясь на широком круге исторической литературы и архивных источниках, посредством использования нарративного, историко-сравнительного, хронологического и статистического методов исторического исследования осуществляется анализ социально-экономических причин создания и особенностей деятельности Государственного арбитража СССР.

Большое внимание уделяется изучению социально-экономических процессов, протекающих в Советском Союзе в рассматриваемый период.

В статье делается акцент на установлении того факта, что формирование системы органов государственного арбитража стало закономерным итогом поиска механизмов и методов обеспечения эффективного функционирования плановой экономики в условиях имеющихся социальных, экономических и культурных трудностей в рассматриваемый исторический период. Автором делается вывод о том, что государственный арбитраж СССР стал органом, отвечавшим историческим вызовам исследуемого периода и в значительной мере способствовавшим росту экономического потенциала страны.

Научная новизна исследования обусловлена введением в научный оборот ряда источников, не использованных ранее в ходе изучения заявленной темы, а также осуществленным впервые историографическим анализом опубликованной литературы.

The formation of the system of State arbitration bodies in the USSR took place during a difficult historical period. Having been established in 1931, it faced a whole range of economic, social and

cultural problems caused by the consequences of the revolutionary events, the Civil War and the First World War.

In such circumstances, the need to effectively and in the shortest possible time solve the tasks of resolving economic disputes between subjects of the planned economy was the reason for granting State Arbitration a wide range of powers and functions characteristic of both judicial bodies and administrative management bodies.

The uniqueness of this institution lies in this symbiosis of the multidirectional functions of State Arbitration. It allowed this body to effectively resolve disputes between subjects of economic relations, as well as legal support for their activities.

For a long time, the country's leadership tried to develop tools, create mechanisms and establish state bodies that could exercise the powers subsequently assigned to the bodies of State Arbitration of the USSR. Its creation, in our opinion, was a natural result of government efforts aimed at creating an institution that meets the existing historical challenges, within which it was supposed to contribute to the economic development of the country.

Based on a wide range of historical literature and archival sources, through the use of narrative, historical-comparative, chronological and statistical methods of historical research, the analysis of the socio-economic reasons for the creation and features of the activities of the USSR State Arbitration is carried out.

Much attention is paid to the study of socio-economic processes taking place in the Soviet Union during the period under review.

The article focuses on establishing the fact that the formation of a system of state arbitration bodies has become a natural result of the search for mechanisms and methods to ensure the effective functioning of a planned economy in the conditions of existing social, economic and cultural difficulties in the historical period under consideration. The author concludes that the state arbitration of the USSR has become a body that meets the historical challenges of the period under study and significantly contributed to the growth of the country's economic potential.

The scientific novelty of the research is due to the introduction into scientific circulation of a number of sources that were not previously used during the study of the stated topic, as well as the historiographical analysis of the published literature carried out for the first time.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Государственный арбитраж СССР, арбитражные комиссии, плановая экономика, индустриализация, социально-экономические причины, архивные материалы, статистика рассмотрения арбитражных споров.

KEY WORDS. State arbitration of the USSR, arbitration commissions, planned economy, industrialization, socio-economic reasons, archival materials, statistics of arbitration disputes.

ВВЕДЕНИЕ. Становление системы органов Государственного арбитража в СССР протекало в непростой исторический период. Будучи учреждённой в 1931 г. она столкнулась с целым спектром экономических, социальных и культурных проблем, вызванных последствиями революционных событий, Гражданской и Первой Мировой войны.

В таких условиях необходимость эффективно и в кратчайшие сроки решать задачи по рассмотрению хозяйственных споров между субъектами плановой экономики послужила причиной наделения Государственного арбитража широким кругом полномочий и функций, характерным, как для судебных органов, так и для органов административного управления.

В этом симбиозе разнонаправленных функций Государственного арбитража кроется уникальность этого института. Она позволила данному органу эффективно осуществлять разрешение споров между субъектами экономических правоотношений, а также по правовому обеспечению их деятельности.

Длительное время руководство страны пыталось выработать инструменты, создать механизмы и основать государственные органы, которые могли бы осуществлять полномочия, возложенные впоследствии на органы Государственного Арбитража СССР. Его создание

стало, по нашему мнению, закономерным итогом государственных усилий, направленных на создание института, отвечающего существующим историческим вызовам, в рамках которых он должен был способствовать экономическому развитию страны.

ЦЕЛЬ статьи — определение некоторых социальных и экономических явлений и событий, послуживших причинами создания Государственного Арбитража СССР, а также характеристика его деятельности в период 1932–1938 гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основываясь на широком круге исторической литературы и архивных источниках, посредством использования нарративного, историко-сравнительного, хронологического и статистического методов исторического исследования осуществляется анализ социально-экономических причин создания и особенностей деятельности Государственного арбитража СССР.

Большое внимание уделяется изучению социально-экономических процессов, протекающих в Советском Союзе в рассматриваемый период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. После создания в 1931 г. основными направлениями деятельности Государственного арбитража при СНК СССР стали борьба за повышение качества работы хозяйственных предприятий и учреждений, соблюдение ими хозрасчёта и договорной дисциплины, а также повышение скорости и качества рассмотрения экономических споров органами Государственного арбитража.

В 1932 г. Государственным арбитражем СССР продолжена работа по повышению уровня договорной и преддоговорной дисциплины, которая зачастую не соблюдалась участниками хозяйственного оборота в силу правового нигилизма, низкой правовой культуры и грамотности, что приводило к нарушениям сроков исполнения обязательств, к выполнению их некачественным образом и негативно сказывалось на выполнении госплана и на социально-экономическом развитии страны в целом.

Главный арбитр Государственного арбитража СССР В.В. Шмидт писал о проблеме отсутствия договорной и правовой культуры следующее: «Первые же дела, которые поступали к нам в Госарбитраж, показали возмутительную картину отношения к договору. Гендоговоры по такому важному вопросу, как жилищное строительство для рабочих Донецкого бассейна, чёрной металлургии и транспорта были составлены таким образом, что на первом заседании мы вообще ничего в гендоговоре, заключённом Союзстандартжилстроем с Центрожилсоюзом, не могли понять, зачем им этот договор, на какой предмет они его заключили» [10, с. 3].

В связи с изложенным, в 1932 г. были разработаны методы урегулирования неблагоприятных ситуаций в сфере договорной дисциплины, которые заключались в нестандартном подходе к вынесению решений, совмещавших в себе судебные и административные предписания.

В данном контексте представляют интерес решения по вопросам о мероприятиях, обеспечивающих компенсацию недопоставок. Наиболее распространёнными мерами по борьбе с недопоставками было установление в договорах условий о пени и неустойках. Однако, с одной стороны, получение пени и неустойки не заменяло для покупателей неполученного товара, а с другой стороны, генеральные договоры заключались объединениями, пени же и неустойка уплачивались входящими в их состав предприятиями, между тем, как объединение в целом никакой ответственности за нарушения не несло.

Интересен следующий пример принятого решения: «Для того, чтобы устранить безответственность центральных органов объединений, сделать реально ответственными за недопоставку не только отдельное предприятие, но и объединение в целом, по гендоговору ЦУС НКПС–Стальсбыт было принято следующее решение: «В случае заявления НКПС о невыполнении филиалом или заводом Стальсбыта обязательств, принятых им на себя по реализации локального договора, Стальсбыт обязан перенести выполнение этого обязательства на другой завод или филиал, а в случае невозможности, войти через президиум ВСНХ СССР в правительство с докладом об этом. При переносе выполнения локального договора на другой завод, срок выполнения соответствующих обязательств продлевается, но не более чем

на месяц со дня заявления, сделанного НКПС. Завод, на который отказ перенесён, имеет право взыскать с завода, с которого заказ снят, пени и неустойку, причитающиеся с него НКПС, для покрытия убытков, причинённых второму заводу вследствие возложения на него новой обязанности» [8, с. 9].

Одной из радикальных мер, обеспечивавших выполнение планов и договоров, являлась замена суммарных, крупных поквартальных и месячных сроков более дробными, например подекадными.

Дифференцируя сроки поставки, необходимо было в то же время обеспечить выполнение годового плана, возлагая обязанность на поставщика поставить в последующее время то, что было недопоставлено в предыдущие годы.

Проблема договора в социалистическом секторе народного хозяйства рассматривалась как вопрос о правильном сочетании договора и плана. Исходя из рассмотрения договора в свете его связи с планом, а не в абстрактно-юридическом смысле, выделялись три основных признака, характеризующих договор как «плановый документ»: во-первых, договор выступал в качестве документа контроля исполнения. На место отдельных документов, в которых фиксировался план, становился конкретный договор в определённой, удобной для контроля форме, выражающей плановые задания. Во-вторых, договор выступал как акт подтверждения данных в плане заданий, как выражение воли, направленной на выполнение и перевыполнение плана. В-третьих, договор характеризовался как документ, углубляющий план в двухсторонней форме, устанавливающий этот план и развивающий его по ряду сопутствующих условий, связанных с выполнением основного задания.

С целью реализации Государственного плана декларировалась необходимость изучения споров, рассматриваемых в Госарбитраже с точки зрения выявления и пресечения причин их возникновения. Государственный арбитраж СССР был нацелен на рассмотрение споров, не ограничиваясь их финансовой составляющей, а путём погружения в коренные хозяйственные вопросы предприятий с целью предотвращения самой возможности возникновения споров.

Естественно, что такое направление работы Госарбитража СССР обеспечивалось предоставлением ему широких административно-управленческих полномочий с целью вынесения обязательных к выполнению для участников споров предписаний, являвшихся, по сути, не просто частью судебного решения, но и оптимизации управленческих, производственных, хозяйственных и иных процессов на предприятии. Управленческий характер выносимых Государственным арбитражем решений проявлялся и в выборе мер ответственности, применяемым к стороне, нарушившей законные права и интересы истца или третьих лиц. Данный метод работы Госарбитража с трудом был воспринят юридическим сообществом на первоначальном этапе. Пример такой реакции приводит исследователь Г. Амфитеатров, который пишет: «Не налагая на ответчика никаких взысканий за нарушение договора, Госарбитраж ограничился лишь тем, что возложил уплату госпошлины на Станколит. Что же делает Станколит? Его юрисконсульт Кривицкий-Ростовцев сочиняет жалобу, существо которой сводится к следующему: раз Госарбитраж в иске Московстрою отказал, то по всем-де нормам ГПК возлагать уплату на ответчика нельзя, и потому решение незаконно и подлежит отмене» [1, с. 5].

Однако попытки некоторых юристов рассматривать деятельность Госарбитража как исключительно судебного органа и заключить её в узкое процессуальное русло пресекались в связи с тем, что сама цель создания нового органа по рассмотрению споров между хозяйствующими субъектами была намного шире, чем судебнопроцессуальная и, изначально, подразумевала наделение Госарбитража широкими управленческими полномочиями для его эффективного функционирования в формате плановой экономики и выполнения Госплана.

Подтверждением этому служит следующий вывод Г. Амфитеатрова: «...часть нашего юрисконсультского аппарата не желает и не умеет вникнуть в существо работы Госарбитража, живёт ещё юридическими навыками и представлениями прошлого и тащит старый

хлам буржуазной юриспруденции в нашу работу, пытаюсь подновить его на советский лад и выдать за революционную законность» [1, с. 5].

Описанная ситуация, на наш взгляд, иллюстрирует процесс формирования посредством деятельности, в том числе Государственного арбитража СССР, нового типа правовой культуры и правосознания как среди советских граждан в целом, так и у представителей юридического сообщества и руководителей субъектов хозяйственной деятельности в частности.

Отчёт Государственного арбитража СССР за 1933 г. во многом содержал ответы на вопрос, как решаются проблемы в работе Госарбитража, сформулированные в Циркулярном письме Госарбитража при СНК Союза ССР от 8 апреля 1933 г [2, л. 1-75.]. Согласно данному письму к 1933 г. основными недостатками работы органов Государственного и ведомственного арбитража являлись:

- 1) невысокое качество работы по рассмотрению поступающих в органы арбитража имущественных споров между хозяйственными организациями и недостаточная их предварительная подготовка к рассмотрению;
- 2) оставление без изучения и обобщения того богатого материала, который имеется в распоряжении органов арбитража, и совершенно недостаточная сигнализация правительству и руководителям соответствующих ведомств о выявленных работой государственного и ведомственного арбитража прорывах в выполнении народнохозяйственного плана и о структурных недостатках в системе хозяйственных и договорных взаимоотношений;
- 3) неиспользование предоставленного Госарбитражу права возбуждения дел по собственной инициативе, в особенности по делам о поставке недоброкачественной продукции;
- 4) недостаточное использование карательных мер по отношению к лицам, виновным в нарушении советской хозяйственной политики и договорной дисциплины;
- 5) слабая связь между отдельными органами арбитража и отсутствие инструктажа всей системы государственного и ведомственного арбитража со стороны вышестоящих звеньев арбитража;
- 6) недостаточное обслуживание системой арбитража низовых звеньев наших хозяйственных организаций (колхозов, совхозов, промысловых артелей, райпотребсоюзов и т.п.).

Согласно отчёту за 1933 г., этот год стал переломным в работе Госарбитража. В соответствии с постановлением январского пленума ЦК и ЦКК 1933 года, Госарбитраж при СНК СССР провёл ряд мероприятий, направленных на решительное улучшение качества своей работы, а также республиканских, местных и ведомственных органов арбитража. Вместе с тем объём нагрузки на Госарбитраж значительно изменился вследствие того, что постановлением СНК от 3 января 1933 года на органы Госарбитража была возложена дополнительно новая задача — рассмотрение преддоговорных споров. В предшествующие годы, преддоговорные споры разрешались по поручению одного из заместителей председателя СНК СССР отдельными ответственными хозработниками. Органы Госарбитража в этой работе участия не принимали. Не учитывался ими и опыт рассмотрения преддоговорных споров.

Республиканские и областные Государственные арбитражи, провели ряд совещаний с хозяйственными руководителями в целях наилучшего инструктирования их по вопросам преддоговорной кампании. Подобные мероприятия были проведены по линии органов Государственного арбитража СССР. Кроме того, Госарбитражем совместно с хозяйственными наркоматами было произведено обследование качества заключённых договоров, в результате чего в уже заключённые договоры был внесён целый ряд поправок и изменений тех пунктов договоров, которые противоречили директивам правительства и утверждённым планам".

В 1933 г. Госарбитражем при СНК СССР было рассмотрено 5482 дела на сумму 660 663, 4 тыс. р. Кроме того, было разрешено 1185 преддоговорных споров и 123 спора по изменению договоров, что в совокупности составляло 6790 дел.

В сентябре 1934 г. согласно указу советского Правительства на основании статьи 12 Положения о Госарбитраже были утверждены Правила рассмотрения и разрешения имущественных споров органами Госарбитража. Помимо процессуальных целей упорядочивания процедур рассмотрения споров в Госарбитраже и унификации арбитражного процесса данные Правила преследовали социально-политические и экономические цели. Они прямо указывались в пункте первом упомянутых правил и звучали следующим образом: «В целях дальнейшего укрепления в работе органов Госарбитража революционной законности, установления единства практики, обеспечения их решениями плано-договорной дисциплины и хозрасчёта во взаимодействиях хозорганов устанавливаются нижеследующие, обязательные для всех органов правила приёма, подготовки и разрешения дел» [7, с. 1].

С целью реализации своих социально-экономических и политических задач Государственный арбитраж СССР проводил многочисленные преддоговорные совещания, как на высшем уровне, так и на уровне областных подразделений. Такие совещания проходили при значительном участии хозяйствующих субъектов и органов. С ними отдельные рабочие группы из числа сотрудников Госарбитража прорабатывали вопросы договорных компаний. Затем, ведомственные арбитражи с привлечением выделенных арбитров и референтов Госарбитража более углублённо прорабатывали сформулированные планы и способы их реализации. Следующим этапом проводились общие совещания при Главгосарбитре хозяйственников и ведомственных арбитров. Облгосарбитражами также организовывался оперативный контроль за ходом заключения договоров и консультации на местах по вопросам составления договоров.

Прделанная работа принесла свои плоды. Исследователь М.Липецкер отмечал: «Даже при самом поверхностном ознакомлении с итогами договорной компании 1935 г. бросается в глаза тот странный на первый взгляд факт, что в этом году почти не было преддоговорных споров по наиболее крупным и важным хозяйственным договорам. Так, например, без обращения в арбитраж подписано большинство самых серьёзных договоров по снабжению сельского хозяйства средствами производства (в том числе договоры между Сельхозснабжением и Сельмшснабсбытом, Метизсбытом и Стальсбытом, между Совхозснабжением и Сельмашснабсбытом... Это указывает на то, что в текущем году крупнейшие хозорганы значительно лучше подготовились к перезаключению договоров и провели договорную компанию более организованно, чем в предыдущие годы» [6, с. 3].

При подготовке к договорной компании 1936 г. констатировалось, что условия, при которых данная подготовка осуществлялась существенно отличалась в лучшую сторону от условий 1935 года. Советское правительство отменило ограничения в снабжении продуктами питания как городского, так и сельского хозяйства. Ликвидация карточной системы свидетельствовала о значительных успехах Советского союза в экономике, таких как увеличение роста товарной массы и переход от дефицитности к достаточности. Достижение рентабельности хозяйств, отказ от дотаций стали результатами повышения производственной дисциплины и повышения производительности труда. Все перечисленные достижения советской экономики стали осуществимы, в том числе, при активном участии Государственного арбитража, чья деятельность способствовала развитию и упорядочиванию связей между экономическими субъектами внутри страны, повышению уровня правовой и процессуальной культуры и грамотности, договорной и производственной дисциплины.

Успехи в названных направлениях отразились и на статистике Государственного арбитража СССР, приведённой в отчётном документе «Данные о работе системы Госарбитража в 1936 г.». Согласно данного документа в 1936 году имелся значительный рост удовлетворённости претензий по санкциям (на 60 процентов), средний же процент удовлетворённости претензий оставался стабильным. При этом, 1936 год характеризовался дальнейшим снижением сроков прохождения дел [3, л. 7–8]. То есть, организации стали предъявлять более обоснованные требования и пользоваться механизмом арбитражного судопроизводства с должным уровнем компетентности.

Деятельность Государственного арбитража СССР в 1937 году продолжила работу в направлениях, описанных нами выше. При этом наблюдается укрепление единообразия арбитражной практики. Заместитель управляющего треста «Заводстрой» Казакин отмечал: «Большой материал, проходящий перед Госарбитражем в обилии разрешаемых им споров, обеспечивает ему разносторонний опыт и возможность давать не только конкретные указания по данному спору, но и ценные руководящие указания в работе хозяйствующих организаций, могущие предупредить возникновение ошибок и споров... Очень важно добиться единства арбитражных решений по идентичным вопросам и единства точек зрения на одно и то же дело, по тем или иным причинам рассматриваемое несколькими арбитрами» [4, с. 15].

В деятельности государственного арбитража СССР нашла отражение репрессивная практика политики Большого террора 1937–1938 годов. На это указывают характерные публикации, издаваемые в журнале «Арбитраж» в названный период времени. Одним из примеров таких публикаций является статья К. Каравайкина «Борьба за хозрасчёт и Госарбитраж», содержащая следующий текст: «Контрреволюционные троцкистско-бухаринские элементы всячески тормозили внедрение хозрасчёта в социалистическое строительство. Необходимо повысить политическую бдительность и вести решительную борьбу по ликвидации последствий вредительства. Извращения хозрасчёта на практике направлены на отрыв хозрасчёта от плана. Контрреволюционный троцкизм рассматривает хозрасчёт, как капиталистическую категорию... В результате «левацких» загибов в осуществлении хозрасчёта появляются энпманские, чисто коммерческие вывихи в деятельности предприятий» [5, с. 24].

Борьба с описанными в приведённой публикации проявлениями осуществлялась Государственным арбитражем посредством «сигнализаций» — системе мер по сообщению о выявленных нарушениях в правоохранительные органы. Заметки о таких сигнализациях были сделаны в седьмом номере журнала «Арбитраж» в 1937 году. В них отмечалось следующее: «Вообще, опыт показывает, что в некоторых случаях о недостатках в работе аппарата более целесообразно сигнализировать руководителю этого же предприятия, а не вышестоящей организации. Направлять сообщения вышестоящим организациям необходимо лишь по особо важным вопросам или о недостатках в работе самого руководства предприятия... Рядом сигнализаций арбитражи вскрыли крупнейшие недочёты в работе предприятий, поставили вопросы об исправлении и улучшении их работы. Ответы по ряду сигнализаций. Постановления и распоряжения краевых организаций и наркоматов, основанные на сигнализациях (по колхозным делам, по работе предприятий Наркомлеса, по сбыту угля, по практике использования подъездных путей и т.п.) подтверждают огромное значение этой работы и необходимость её дальнейшего усиления» [9, с. 10].

В 1938 году были сформулированы задачи Госарбитража в деле ликвидации последствий вредительства. К их числу было отнесено следующее: проявление революционной бдительности в отношении кадров, проверка их, «выкорчёвывание» врагов, которые «засели» в арбитраже; проявление революционной бдительности и политической «заострённости» в решениях Госарбитража и его сигнализациях; выявление каналов и методов, при помощи которых «окопавшиеся» в органах Госарбитража враги народа проводили вредительскую работу, прикрывая решениями Госарбитража вредительство и бесхозяйственность.

Таким образом, помимо приведённых социально-экономических направлений деятельности Государственного арбитража СССР можно выделить и работу по борьбе с вредительством в процессе выполнения плана, осуществления хозрасчёта и укрепления договорной дисциплины.

Для достижения целей форсированного экономического развития, повышения производительности труда в стране развернулась компания по организации различных форм социалистического соревнования. В 1938 г. Государственный арбитраж активно включился в этот процесс с целью повысить степень ответственности сотрудников за повышение уровня профессиональной квалификации и компетентности. Соцсоревнование должно было концен-

трировать внимание соревнующихся на основных участках работы, ставя перед ними задачи достижения высоких производственных показателей.

Подводя хозяйственные и политические итоги 1938 года, руководство страны отмечало заслуги Государственного арбитража СССР в достижении крупных побед социализма. Обращалось внимание не то, что промышленность в 1938 году работала на значительно более высоком уровне, чем в предшествующем году. Первые 10 месяцев 1938 года дали подъём промышленности на 12,5%. Продукция возросла на 7 миллиардов 150 миллионов рублей. Констатировалось, что рост промышленной продукции равен 8-месячной продукции всей крупной промышленности царской России в 1913 г.

В целом, в 1939–1940 годах социально-экономическая направленность в деятельности Госарбитража СССР продолжала основываться на комплексе мероприятий по обеспечению выполнения плана, проведению договорных компаний, налаживанию хозрасчёта, преодолению правового нигилизма и повышению процессуальной и правовой культуры и грамотности.

ВЫВОДЫ. Результаты проведённого исследования позволяют прийти к следующим выводам.

Существенное снижение уровня юридической и экономической грамотности населения, включая руководителей организаций и предприятий, вследствие человеческих потерь в годы гражданской войны и упадка в сфере образования, послужило причиной наделения Государственного арбитража рядом полномочий для осуществления им не только просветительской функции, но и контроля за выполнением его решений.

Острая необходимость государства в форсированном развитии экономики в условиях проводимой коллективизации и индустриализации, требовала предоставления Государственному арбитражу права вынесения неподлежащих обжалованию решений и рассмотрения споров в кратчайшие сроки.

Кроме того, темпы и характер деятельности Государственного арбитража отвечали задаче подготовить страну к возможной агрессии со стороны враждебных государств.

Низкий уровень договорной дисциплины на предприятиях диктовал необходимость наделения Государственного арбитража полномочиями по самостоятельному возбуждению дел, по проверке хозяйственной документации предприятий, по проведению договорных и преддоговорных компаний.

На наш взгляд, в рассматриваемый исторический период чётко прослеживается соответствие деятельности Государственного арбитража потребностям социально-экономического развития страны, что явилось основой его эффективной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амфитеатров Г. Надо положить конец // Бюллетень Госарбитража при СНК СССР, № 9–10. М.: Советское законодательство. 1932. С. 4–6.
2. ГАРФ, ф. Р-8424, оп. 1, д. 5, 75 л.
3. ГАРФ, ф. Р-8424, оп. 1, д. 22, 54 л.
4. Казакин. За единство арбитражной практики // Арбитраж, № 17. М.: Юрическое издательство. 1937. С. 14–15.
5. Каравайкин А. Борьба за хозрасчёт и Госарбитраж // Арбитраж, № 21. М.: Юрическое издательство. 1937. С. 21–26.
6. Липецкер М. Заметки о договорах 1935 года // Бюллетень Госарбитража при СНК СССР, № 8. М.: Советское законодательство. 1935. С. 3–5.
7. Правила рассмотрения и разрешения имущественных споров органами Госарбитража. // Бюллетень Госарбитража при СНК СССР, № 18. М.: Советское законодательство. 1934. С. 1–8.
8. Преддоговорные споры в Госарбитраже при СНК СССР. // Бюллетень Госарбитража при СНК СССР, № 1. М.: Советское законодательство. 1932. С. 8.
9. Чирков Г. Заметки о сигнализациях // Арбитраж, № 7. М.: Юрическое издательство. 1937. С. 10–11.

10. Шмидт В.В. Хозрасчёт и Госарбитраж // Бюллетень Госарбитража при СНК СССР, № 4. М.: Советское законодательство. 1932. С. 1-9.

REFERENCES:

1. Amfiteatrov G. *Nado polozhit' konec* [We must put an end to it] // Byulleten' Gosarbitrazha pri SNK SSSR, № 9-10. М.: Sovetskoe zakonodatel'stvo. 1932. S. 4-6. (In Russian).
2. GARF, f. R-8424, op. 1, d. 5, 75 l. (In Russian).
3. GARF, f. R-8424, op. 1, d. 22, 54 l. (In Russian).
4. Kazakin. *Za edinstvo arbitrazhnoj praktiki* [For the unity of arbitration practice] // Arbitrazh, № 17. М.: Yuridicheskoe izdatel'stvo. 1937. S. 14-15. (In Russian).
5. Karavajkin A. *Bor'ba za hozraschyot i Gosarbitrazh* [The struggle for self-financing and State Arbitration] // Arbitrazh, № 21. М.: Yuridicheskoe izdatel'stvo. 1937. S. 21-26. (In Russian).
6. Lipecker M. *Zametki o dogovorah 1935 goda* [Notes on the treaties of 1935] // Byulleten' Gosarbitrazha pri SNK SSSR, № 8. М.: Sovetskoe zakonodatel'stvo. 1935. S. 3-5. (In Russian).
7. *Pravila rassmotreniya i razresheniya imushchestvennyh sporov organami Gosarbitrazha*. [Rules for the consideration and resolution of property disputes by the State Arbitration bodies] // Byulleten' Gosarbitrazha pri SNK SSSR, № 18. М.: Sovetskoe zakonodatel'stvo. 1934. S. 1-8. (In Russian).
8. *Preddogovornye spory v Gosarbitrazhe pri SNK SSSR*. [Pre-contractual disputes in the State Arbitration under the Council of People's Commissars of the USSR] // Byulleten' Gosarbitrazha pri SNK SSSR, № 1. М.: Sovetskoe zakonodatel'stvo. 1932. S. 8. (In Russian).
9. Chirkov G. *Zametki o signalizaciyah* [Notes on alarms] // Arbitrazh, № 7. М.: Yuridicheskoe izdatel'stvo. 1937. S. 10-11. (In Russian).
10. Shmidt V.V. *Hozraschyot i Gosarbitrazh* [Self-financing and State arbitration] // Byulleten' Gosarbitrazha pri SNK SSSR, № 4. М.: Sovetskoe zakonodatel'stvo. 1932. S. 1-9.

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.023

УДК 94(470+571)"1940/1950" (091):396.9

ББК 63.3(2) 63-445

Е. И. ТУРОВА,
Р. С. ТУРОВ**ОТЧЕТЫ КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН
О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИН В ЗАРУБЕЖНЫХ
СТРАНАХ как ИНСТРУМЕНТ ПРОПАГАНДЫ
В 1940-Е – 1950-Е ГГ.**E. I. TUROVA,
R. S. TUROV**REPORTS OF THE SOVIET WOMEN
COMMITTEE ABOUT THE STATUS
OF WOMEN IN FOREIGN COUNTRIES AS
A PROPAGANDA TOOL IN THE 1940S – 1950S**

Статья посвящена анализу отчетов Комитета советских женщин по экономическому и правовому положению женщин за рубежом послевоенного периода (1946–1950 гг.) как инструменту пропаганды. Помимо отчетов Комитета советских женщин, источниковую базу исследования составили: материалы Государственного архива в г. Тобольске и Государственного архива общественных и политических объединений Тюменской области. Гендерный подход явился основой методологии исследования. Кроме того, применялись базовые принципы исторического исследования: объективность, историзм, социальный подход в изучении истории, всестороннее изучение проблемы. На пути эмансипации женщин в СССР, безусловно, были достигнуты значимые результаты: равная оплата за равный труд, социальное страхование, охрана материнства и детства. Не удивительно, что эти достижения использовались в пропаганде преимуществ социалистической общественно-экономической системы. В статье впервые сделана попытка рассмотреть отчеты Комитета советских женщин о положении женщин за рубежом как инструмента пропаганды. В отчетах мы находим критику государственной политики капиталистических стран в женском вопросе. Пропагандистский эффект достигался необъективным освещением реального положения, замалчиванием объективных трудностей послевоенного периода и педалированием имевших место быть социальных конфликтов. Только в положительном ключе освещалась государственная политика в женском вопросе в странах социалистической ориентации — советской зоне оккупации Германии и Северной Кореи, а также в СССР.

The article is devoted to the analysis of the Committee of Soviet Women reports on the economic and legal status of women abroad during the post-war period (1946–1950) as a propaganda tool. In addition to the reports of the Committee of Soviet Women the research source base consisted of materials from the State Archive in Tobolsk and the State Archive of Public and Political Associations of the Tyumen Region. The gender approach was the basis of the research methodology. In addition, the basic principles of historical research were applied: objectivity, historicism, a social approach to the study of history, and a comprehensive study of the problem. Significant results have certainly been achieved on the path of women's emancipation in the USSR: equal pay for equal work, social insurance, protection of motherhood and childhood. It is not surprising that these achievements were used to promote the advantages of the socialist socio-economic system. For the first time the article attempts to consider the reports of the Committee of Soviet Women on the status of women abroad as a propaganda tool. In the reports we find criticism of the capitalist countries state policy on the women's issue. The propaganda effect was achieved by biased coverage of the real situation, silencing the objective difficulties of the post-war period and emphasis of the social conflicts that took place. Yet only in the countries

of socialist orientation — the Soviet occupation zone of Germany and North Korea, as well as in the USSR, the state policy on the women's issue was highlighted in a positive way.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: женщины, дискриминация, Комитет советских женщин, пропаганда.

KEY WORDS: women, discrimination, the Soviet women Committee, propaganda.

ВВЕДЕНИЕ. Женщины на протяжении многих десятилетий боролись за свои права и пытались добиться равенства с сильным полом. Однако гендерное неравенство не искоренилось и в наши дни. В современном мире до сих пор существуют предрассудки в отношении женского пола, и мы довольно часто сталкиваемся с такими стереотипами, как «место женщины — у плиты», «это неженское дело» и т.д. Гендерное неравенство существует прежде всего на рынке труда, это дискриминация по отношению к женщинам при найме на работу, разница в оценке оплаты труда и т.д. Причем гендерное неравенство на рынке труда проявляется практически во всех странах.

ЦЕЛЬЮ нашего исследования является показать пропагандистские приемы Комитета советских женщин для формирования положительного общественно-политического климата в СССР.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниками исследования послужили отчеты Комитета советских женщин из фондов Государственного архива Российской Федерации; материалы артели «Труженица» из фондов Государственного архива в г. Тобольске и материалы Ямало-Ненецкого окружкома КПСС из фондов Государственного архива социально-политической истории Тюменской области.

Особое внимание в работе уделяется гендерному подходу, который позволяет изучить социально-экономические явления с учетом фактора пола.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.

«Если в капиталистических странах женщина экономически зависит от мужчины, отца, не имеет своих собственных личных средств и доходов, то в СССР колхозный строй сделал женщину равноправной и независимой в экономическом отношении. Она — хозяйка своей судьбы» [5, л. 135] — к такому заключению в 1946 г. пришел Антифашистский комитет советских женщин (далее Комитет советских женщин), который был создан еще в годы Великой Отечественной войны. После войны его деятельность усилилась и была направлена на установление тесных дружественных связей с зарубежными женскими организациями. Это реализовывалось через массовые мероприятия, международные съезды, пленумы, обмен литературных материалов, обращений к зарубежным женским организациям [8]. Комитет поддерживал отношения со многими женскими организациями Италии, Германии, Англии и др. Более того он входил в Международную демократическую федерацию женщин (МДФЖ), которая была образована в 1945 г. и проводила международные женские конгрессы, обсуждая насущные проблемы женщин. Основной задачей МДФЖ было установление сотрудничества с различными женскими организациями для «отстаивания интересов защиты мира» [6, л. 13]. Однако не все организации шли на контакт. Так, например, Международная женская лига за мир и свободу, состоящая из 20 стран, таких как, Англия, Австралия, Западная Германия, Голландия, Дания, Исландия, Норвегия, США и др. категорически отказывалась сотрудничать с МДФЖ [6, л. 13]. Дело в том, что позиция этой организации носила политический характер: «прогрессивный» Запад и США видели новую угрозу в лице «тоталитарного коммунистического режима» СССР.

Однако трудно было не замечать успехи страны Советов в деле женской эмансипации. Одним из первых еще в 1945 г. признал советский опыт женской эмансипации передовым в мире «Союз итальянских женщин» [11, с. 22]. Первым делом итальянки отправились в Советский Союз, чтобы воочию познакомиться с советским опытом. Итальянские женщины посетили детские, образовательные и медицинские учреждения, фабрики, заводы [11,

с. 22]. В 1947 г. советские женщины отправились в Италию с ответным визитом, в связи с чем в соответствующем отчете был сделан вывод, что «женщины, как правило, используются на производстве только в качестве обслуживающего персонала» [5, л. 97]. В отчете так же было сказано, что 40% итальянских семей ведут голодное существование [5, л. 164]. На самом деле жизненный уровень итальянских семей оставлял желать лучшего, за 10 лет с 1938 по 1948 гг. в Италии выросли цены в 25 раз, а стоимость жизни увеличилась в 26 раз [2, с. 102]. Значительно в Италии вырос уровень безработицы по сравнению с другими западноевропейскими странами и составил 8,2%. Это, прежде всего, связано с тем, что после войны население переезжало с экономически отсталого Юга страны на промышленно развитый Север [2, с. 102]. Как говорилось в отчете «забитые и отсталые женщины, недовольные своим рабским положением», выходили на забастовки. Далее в отчете это утверждение иллюстрировалось яркими примерами: в 1949 г. в одной из деревушек Ломбардии похороны 78-летнего батрака Пасквалино, убитого аграрием Ринальди во время сельскохозяйственной забастовки, переросли в огромную демонстрацию, в которой активную роль сыграли женщины-батрачки. На демонстрацию вышло 30 тыс. человек [5, л. 164]. Во время визита Комитета советских женщин в Италию уделялось особое внимание вопросам поддержки материнства и детства, и поэтому поводу в отчете мы находим справедливую критику [12, с. 25]. О том, что необходимо поддерживать семьи социальными пособиями и выплатами, говорилось в Конституции Италии, но на практике это не реализовывалось в полном объеме. Например, многие страны подписали Конвенцию о запрете детского труда еще в 1919 г., однако подобный закон в Италии был принят только в 1975 г. [18, с. 130]. Обсуждение законопроектов о защите материнства началось еще в 1947 г., однако ситуация по женскому вопросу стала меняться только в 1950–1960-е гг. [12, с. 25].

Еще в годы Великой Отечественной войны Комитет советских женщин получает приглашение посетить Англию для участия в конгрессе женщин деловых и свободных профессий. По результатам поездки были сделаны следующие выводы. В 1946 г. одинокий мужчина в Англии получал пособие по безработице 20 шиллингов в неделю, а одинокая женщина — 18 шиллингов; по болезни мужчина — 18 шиллингов, женщина — 15 шиллингов, замужняя женщина — 13 шиллингов [5, л. 31]. Из материалов Комитета советских женщин мы узнаем, что в течение двух лет в Англии с 1946 г. была создана комиссия, которая вела исследовательскую работу для выявления причин различия в заработной плате мужчин и женщин. Так, например, женщины государственные служащие получали примерно 80% зарплаты мужчин той же профессии, учительницы получали 90% зарплаты мужчин [5, л. 2]. Комитет советских женщин докладывал, что английские женщины подвергались различным видам дискриминации: замужние женщины не получали пособие по безработице, более того при покупке порошка для бритья не нужно было платить дополнительного налога, а при покупке губной помады, надо [5, л. 209]. Кроме вопроса о равной оплате труда в независимости пола, был еще и рост безработицы. В промышленности было вытеснение женского труда. В 1949 г. ежемесячно от 200 до 500 женщин увольнялись с работы [5, л. 181]. Неравенство на рынке труда, низкая заработная плата, гендерная дискриминация в сфере образования — все это действительно имело место быть в послевоенной Англии и решить эти проблемы в Англии смогли только в 1960-е — 1970-е гг. [13, с. 94–95].

Большинство проблем, характерных для Англии и Италии, Комитет советских женщин находил в западной зоне оккупации Германии: «В советской зоне оккупации Германии беременным женщинам предоставляется отпуск на 6 недель до родов и на 6 недель после родов. В западных зонах оккупации не то, что отпуска нет, заработная плата женщин на 30–40% ниже, чем у мужчин» — читаем в докладе комиссии по экономическому и правовому положению женщин в Германии за 1946 г. [5, л. 102]. Однако в отчете замалчивались причины сложившегося положения. Дело в том, что мужчины вернулись из плена и потеснили женщин со своих рабочих мест. Даже если женщины выполняли одну и ту же работу наравне с муж-

чинами, им все равно платили меньше, ведь считалось, что мужчина — это главный кормилец в семье, а женщина лишь подрабатывает, поэтому ее работа является менее ценной [15]. Если в данном случае мы имеем дело с предубеждением, то приглашение в послевоенную Германию для восстановления страны исключительно мужчин продиктовано прагматическими соображениями. В 1959 г. в ФРГ работало 166 800 иностранных граждан, из которых 48800 были итальянцами [15].

В Советской зоне оккупации руководствовались не столько только прагматикой, сколько задачей вовлечения женщин в процесс строительства нового социалистического общества. Женское движение рассматривалось в качестве влиятельной силы общественного и политического характера, т.к. женщин было намного больше, чем мужчин в послевоенной Восточной Германии. Однако всего 20% женщин были членами партий и профсоюзов в Германии [18]. В 1946 г. в Берлине был создан Центральный комитет женщин Советской зоны оккупации [19]. Исходя в том числе из политических задач, советское правительство усиливает кампанию вокруг лозунга «Равная оплата за равный труд» [19].

Таким образом, согласно отчетам Комитета советских женщин, в странах Западной Европы женщины были угнетены, безграмотны, и постоянно боролись за свои права с капиталистическим государством [5, л. 33–36].

Что касается Востока, здесь с точки зрения Комитета советских женщин, степень дискриминации женщин также напрямую зависела от общественно-экономического уклада, и увязывалась с наследием колониальных режимов. В 1949 г. МДФЖ выступила с призывом помочь сирийским женщинам в их борьбе за политические и социальные права [5, л. 247]. «Сирийская женщина находится в отсталом положении...женщина из народа живет в очень тяжелых условиях. Сотни тысяч женщин в городах и деревнях находятся в состоянии нищеты и невежества и лишены самых элементарных прав. Это состояние не может быть объяснено, как некоторые это утверждают, нетерпимостью. Это результат трехсотлетнего турецкого владычества и 20-ти летнего под мандатом империалистического угнетателя. Между тем надо отметить, что после ухода из Сирии английских и французских войск и провозглашения политической независимости, можно было сделать многое для улучшения положения сирийской женщины и облегчения тяжелого бремени этого наследия» [5, л. 247]. Далее в отчете рисовалась безрадостная картина положения сирийских женщин. Рабочий день женщины в Сирии достигает 9–14 часов, а зарплата ниже зарплаты мужчин на 50% [5, л. 249]. Самая низкооплачиваемая работа -швейный мастер. Мунира Азар — ткачиха, работает 14 часов и зарабатывает 150 сирийских пиастров [5, л. 249]. Столько же получают работницы завода для обделки искусственного шелка в предместьях Хомса, работая при этом 16 часов в день [5, л. 252]. С женщинами обращаются как с рабынями: «надзиратель ходит с палкой и каждый раз, что работница повернется направо или налево, он ее бьет палкой, а сыновья владельцев этих заводов из работниц делают предмет развлечений, иногда их жестоко избивают» [5, л. 252].

Не лучше обстояли дела, с точки зрения Комитета советских женщин, в Южной Корее. Там женщины вообще бесправны и находятся под гнетом американцев [5, л. 34]. А вот в Северной Корее, наоборот, за женщинами признано полное равноправие, установлена равная плата за равный труд, «отменен институт гейши и проституция, отменено насильственное бракосочетание, признано право на развод» [5, л. 34]. В докладе комиссии по вопросу о равной оплате труда мужчин и женщин за 1946 г. из всех вышеназванных стран, только одна Северная Корея наряду с СССР уделяют особое внимание экономическим правам женщин и предоставляют им равную оплату за равный труд. В Северной Корее в 1946 г. был принят закон, который уравнивал в правах женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни. Так же закон провозглашал равную плату за равный труд, право на социальное страхование и образование [16]. Более того, в Северной Корее предусматривалась пожизненная пенсия в связи с профессиональным заболеванием или увечьем, полученным в результате несчаст-

ного случая на производстве. В Южной Корее такой закон был принят только через 10 лет [16]. Законы о труде и о равноправии женщин помогли сформировать в массовом сознании новый образ северо-корейской женщины — они стали социально активными членами общества наравне с мужчинами [9, с. 182]. Закон о труде содействовал росту занятости корейских женщин в экономике. До Корейской войны всего было 11% работающих женщин, с началом войны количество женщин среди рабочих составляло 15,9%, а в 1952 г. — 27%, в 1960 г. — 34% [10, с. 91]. Правда, следует отметить, что такой рост трудовой занятости женщин после 1953 г. объясняется прежде всего восстановлением разрушенного за годы войны народного хозяйства и острой нехваткой, в связи с этим кадров.

В отчетах Комитета наряду с проблемами женщин за рубежом, приводятся данные, как решаются эти вопросы в СССР в 1946–1947 гг. Например, «советские женщины свободны, равноправны и экономически независимы от мужей, так как зарабатывают наравне с мужчинами». Так на фабрике имени Маркова ткачиха Ирина Козлова в среднем зарабатывает до 900 руб. в месяц, а ее муж, работая на той же фабрике — 1000 руб. [5, л. 142]. «Елизавета Муханова, работая на Московском заводе «Шарикоподшибник», не имея никакой специальности, быстро овладела квалификацией и стала руководителем отделения в одном из цехов завода. Основной оклад ее составляет 1500 рублей в месяц, так же ежемесячно она получает до 500 рублей премии за перевыполнение плана за рационализаторские предложения. Муж и два сына Мухановой работают на этом же заводе, и каждый из них зарабатывает в среднем примерно столько же, что и мать. Таким образом, общий бюджет семьи Мухановых составляет 6 тыс. рублей в месяц. Причем вся эта семья учится: Елизавета Муханова в вечернем институте, сыновья ее в вечернем техникуме и за учебу каждого из них платит государство. Таким образом, рабочая семья Мухановых живет культурной, зажиточной жизнью» [5, л. 141–142]. «В то время как в капиталистических странах существует дискриминация женщин в смысле оплаты труда и женщины в среднем получают 60–65% заработной платы мужчин, в Советском Союзе полностью осуществляется принцип равной оплаты за равный труд во всех областях работы» [5, л. 137].

Однако в реальности бывало и по-другому. Так, в начале 1950-х гг. в колхозе имени Калинина Сургутского района Тюменской области женщины получали заработную плату вдвое меньше, чем мужчины, хотя наравне с ними занимались промыслом рыбы [4, л. 23]. Кроме этого, в колхозе каждый работник получал пай, но если муж и жена работали вместе, то пай выписывались только на главу семьи [4, л. 23].

Еще одним поводом для критики положения женщин на Западе стало социальная защищенность женщины — вопросы материнства и детства. Изучая экономическое и правовое положение женщин, Комитет советских женщин пришел к выводу, что в западных странах женщина не только лишена права голоса, не только не получает равную оплату за равный труд, но еще и лишена помощи со стороны государства, нет никаких социальных пособий, выплат по беременности и родам. В Советском Союзе же «ни одной заработной платой определяется жизненный уровень трудящихся, а существует следующая помощь государства: социальные страхования всех видов, бесплатная медицинская помощь, обеспечение на льготных условиях путевками в дома отдыха и санатории и т.д.» [5, л. 138]. И вновь краски сгущались и о движении к решению этих проблем на Западе в отчетах умалчивалось. Так, в Англии в 1946 г. был принят закон о создании Национальной службы здравоохранения и впервые в истории страны появилась государственная бесплатная медицинская помощь населению. Правда через несколько лет ситуация изменилась, и частично медицинская помощь становится платной. Например, нужно было платить за выписку рецепта, за посещение стоматологов [7, с. 57]. В Италии в послевоенное время была введена государственная поддержка семей в форме выплат пособий и налоговых льгот [18]. Вместо объективного освещения положения женщины-матери на Западе, в отчетах мы находим безусловную констатацию превосходства советской системы в данной сфере. В Советском Союзе еще в 1944 г. был установлен почетный

знак «Мать-героиня», учрежден орден «Материнская слава» и «Медаль материнства», которые сопровождалась денежными выплатами. Советское правительство тем самым пыталось способствовать увеличению рождаемости в стране. Провозглашалось, что «ни в одной стране мира женщина не пользуется таким полным равноправием; ни в одной стране мира женщина как мать и гражданка, на которой лежит большая и ответственная обязанность рождения и воспитания граждан, не пользуется таким уважением и защитой закона, как в СССР; и только Советский Союз мог поставить женщину на такую высоту, на какой она не стоит ни в какой другой стране» [14, С. 185]. Одиноким матерям, не состоящих в браке, выплачивали 100 руб. в месяц на одного ребенка; 150 руб. на двух детей и 200 руб. — на трех и более [1, С. 40]. Казалось бы, что государственная материальная поддержка была весьма существенной. Однако в 1944 г. цены на некоторые продукты подорожали в 10 раз, например, говядина, молоко, мука, а яйца и картофель стали дороже в 20 раз. Кроме того, приобрести эти продукты можно было по продуктовым карточкам, которых на месяц не хватало. Средняя официальная заработная плата составляла 750 руб. [1, с. 41]. Зимнее пальто в 1947 г. стоило 840 руб. 90 коп., демисезонное — 569 руб. 31 коп., брюки — 84 руб., ботинки — 97 руб. [3, л. 22; 17, С. 176] Как мы видим, прокормить и одеть ребенка на одно пособие было делом безнадежным. Государственные пособия не могли обеспечить многодетной семье необходимый прожиточный минимум на месяц. Так же можно еще сюда добавить нередкие случаи хищения, что подтверждается нашими исследованиями по Тюменской области. Так, в Приуральском районе только за 1950 г. было расхищено государственных пособий на сумму 8698 руб. [17, с. 176]

ВЫВОДЫ. Таким образом, отчеты Комитета советских женщин как инструмент пропаганды были направлены на критику Западных стран в отношении положения женщин. Женщины, по мнению Комитета, испытывали дискриминацию и постоянно боролись за свои права. Реальное положение дел в этих странах в послевоенное время Комитетом сознательно умалчивалось и не освещалось. Однако положительно оценивалось экономическое и правовое положение женщин в таких странах, как в советской зоне оккупации Германии и Северной Кореи. Здесь, по мнению Комитета, был использован советский опыт эмансипации женщин и успешно была реализована государственная политика в отношении женского вопроса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беленко О. Н. Государственная поддержка семей с детьми: история и современность // Право современной России: состояние, проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, студентов. Курск, 2019. С. 38–45.
2. Вербец Ю. В. Италия после Второй мировой войны: социально-экономические преобразования христианско-демократической партии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук М., 2015. С. 101–108.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске) Ф. 401. Оп. 1. Д. 782.
4. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО ГАСПИТО) Ф. 135. Оп. 35. Д. 74.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 7928 Оп. 2. Д. 166.
6. ГАРФ Ф. 7928 Оп. 3. Д. 36.
7. Долгова М. Ю. Становление системы социального страхования в Великобритании (1944–1948) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 4. С. 52–60.
8. Каменева Г. Н. Деятельность антифашистского комитета советских женщин // <https://studik.net/deyatelnost-antifashistskogo-komiteta-sovetskix-zhenshhin-19411945-gg/> (дата обращения: 30.01.2024 г.)
9. Ким Н. Н. Проблемы развития прав и возможностей женщин Северной Кореи в южнокорейской историографии // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 2. С 182–190.

10. Ким Н.Н. Эволюция гендерной политики в КНДР // Проблемы Дальнего Востока № 4, 2018 г. С. 90–101.
11. Козлова С. Ю. Антифашистский комитет советских женщин и «Союз итальянских женщин»: обмен делегациями во второй половине 1940-х годов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 4 (50). С. 21–25.
12. Козлова С.Ю. Итальянское женское движение (1946–1956-е годы): ориентир-Советский Союз // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки Архангельск, 2015. № 3. С. 22–30.
13. Колесникова А.Л. Женское освободительное движение в Великобритании конца 1960-х — начала 1970-х гг. и гендерная политика // Женщина в Российском обществе. Иваново, 2013. № 2 (67). С. 93–100.
14. Митина О.В. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 179–191.
15. Про социальную роль женщин в послевоенной Германии <https://homaaxel.livejournal.com/1328337.html> (дата обращения: 30.01.2024 г.)
16. Трудовое законодательство КНДР и его особенности <https://megalektsii.ru/s13729t6.html> (дата обращения: 30.01.2024 г.)
17. Турова Е.И., Турова Р.С. Охрана материнства и детства на территории Тюменской области: к вопросу о демографической политике в 1940–1960-е гг. // Социальная безопасность в Евразийском пространстве. Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием. Тюмень, 2019. С. 175–181.
18. Хижный Э.К. Политика поддержки семей с детьми и пожилыми домохозяйцами в Италии [file:///C:/Users/MSI%20Modern/Downloads/politika-podderzhki-semej-s-detmi-i-pozhilyimi-domochadtsami-v-italii%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/MSI%20Modern/Downloads/politika-podderzhki-semej-s-detmi-i-pozhilyimi-domochadtsami-v-italii%20(1).pdf) (дата обращения: 30.01.2024 г.)
19. Чередникова А.Ю. Женские немецкие общественные организации в советской оккупационной зоне: к вопросу о формировании новой «идеологической интеллигенции» (1945–1949 гг.) <file:///C:/Users/MSI%20Modern/Downloads/zhenskie-nemetskie-obschestvennye-organizatsii-v-sovetskoj-okkupatsionnoy-zone-k-voprosu-o-formirovanii-novoy-ideologicheskoy-intelligentsii-1945-1949-gg.pdf> (дата обращения: 30.01.2024 г.)

REFERENCES

1. Belenko O.N. *Gosudarstvennaya podderzhka semej s det'mi: istoriya i sovremennost'* [State support for families with children: history and modernity] // *Pravo sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, aspirantov, studentov. Kursk, 2019. S. 38–45. (In Russian).*
2. Verbecz Yu.V. *Italiya posle Vtoroj mirovoj vojny': social'no-e'konomicheskie preobrazovaniya xristiansko-demokraticeskoy partii* [Italy after World War II: Socio-economic transformations of the Christian Democratic Party] // *Aktual'ny'e problemy gumanitarny'x i estestvenny'x nauk M., 2015. S. 101–108. (In Russian).*
3. *Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie Tyumenskoj oblasti «Gosudarstvennyj arxiv v g. Tobol'ske» (GBUTO GA v g. Tobol'ske)* [The State Budgetary Institution of the Tyumen region "State Archive in Tobolsk" (GBUTO GA in Tobolsk)] F. 401. Op. 1. D. 782. (In Russian).
4. *Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie Tyumenskoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti» (GBUTO GASPITO)* [The State Budgetary Institution of the Tyumen region "State Archive of socio-political history of the Tyumen region" (GBUTO GASPITO)] F. 135. Op. 35. D.74. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyj arxiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation (GARF)] F. 7928 Op. 2. D. 166.
6. *GARF* [GARF] F. 7928 Op. 3. D. 36. (In Russian).
7. Dolgova M.Yu. *Stanovlenie sistemy social'nogo straxovaniya v Velikobritanii (1944–1948)* [The formation of the social insurance system in Great Britain (1944–1948)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 2009. № 4. S. 52–60. (In Russian).*

8. Kameneva G.N. *Deyatel'nost' antifashistskogo komiteta sovetskix zhenshhin* [Activities of the Anti-fascist Committee of Soviet Women] // <https://studik.net/deyatelnost-antifashistskogo-komiteta-sovetskix-zhenshhin-19411945-gg/> (data obrashheniya: 30.01.2024 g.). (In Russian).
9. Kim N.N. *Problemy razvitiya prav i vozmozhnostej zhenshhin Severnoj Korei v yuzhnokorejskoj istoriografii* [Problems of the development of the rights and opportunities of North Korean women in South Korean historiography] // *Vostok. Afro-aziatskie obshhestva: istoriya i sovremennost'*. 2018. № 2. S. 182–190. (In Russian).
10. Kim N.N. *E'voljuciya gendernoj politiki v KNDR* [The evolution of gender policy in the DPRK] // *Problemy Dal'nego Vostoka* № 4, 2018 g. S. 90–101. (In Russian).
11. Kozlova S.Yu. *Antifashistskij komitet sovetskix zhenshhin i «Soyuz ital'yanskix zhenshhin»: obmen delegacijami vo vtoroj polovine 1940-x godov* [The Anti-Fascist Committee of Soviet Women and the Union of Italian Women: the exchange of delegations in the second half of the 1940s] // *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarny'e nauki*. 2019. № 4 (50). S. 21–25. (In Russian).
12. Kozlova S.Yu. *Ital'yanskoe zhenskoe dvizhenie (1946–1956-e gody'): orientir-Sovetskij Soyuz* [Italian Women's Movement (1946–1956-ies): landmark-the Soviet Union] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: humanitarny'e i social'ny'e nauki Arxangel'sk*, 2015. № 3. S. 22–30. (In Russian).
13. Kolesnikova A.L. *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Velikobritanii konca 1960-x — nachala 1970-x gg. i gendernaya politika* [The Women's Liberation Movement in Great Britain in the late 1960s and early 1970s and gender politics] // *Zhenshhina v Rossijskom obshhestve*. Ivanovo, 2013. № 2 (67). S. 93–100. (In Russian).
14. Mitina O.V. *Zhenskoe gendernoe povedenie v social'nom i krosskul'turnom aspektax* [Female gender behavior in social and cross-cultural aspects] // *Obshchestvenny'e nauki i sovremennost'*. 1999. № 3. S. 179–191. (In Russian).
15. *Pro social'nuyu rol' zhenshhin v poslevoennoj Germanii* [About the social role of women in post-war Germany] <https://homaaxel.livejournal.com/1328337.html> (data obrashheniya: 30.01.2024 g.). (In Russian).
16. *Trudovoe zakonodatel'stvo KNDR i ego osobennosti* [The labor legislation of the DPRK and its feature] <https://megalektsii.ru/s13729t6.html> (data obrashheniya: 30.01.2024 g.). (In Russian).
17. Turova E.I., Turova R.S. *Oxrana materinstva i detstva na territorii Tyumenskoj oblasti: k voprosu o demograficheskoy politike v 1940–1960-e gg.* [Protection of motherhood and childhood in the Tyumen Region: on the issue of demographic policy in the 1940s and 1960s.] // *Social'naya bezopasnost' v Evrazijskom prostranstve. Materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem*. Tyumen', 2019. S. 175–181. (In Russian).
18. Xizhnyj E'.K. *Politika podderzhki semej s det'mi i pozhily'mi domochadczami v Italii* [Support policy for families with children and elderly households in Italy] file:///C:/Users/MSI%20Modern/Downloads/politika-podderzhki-semej-s-detmi-i-pozhilymi-domochadtsami-v-italii%20(1).pdf (data obrashheniya: 30.01.2024 g.). (In Russian).
19. Cherednikova A.Yu. *Zhenskie nemeczkije obshchestvenny'e organizacii v sovetskoj okkupacionnoj zone: k voprosu o formirovanii novoj «ideologicheskoy intelligencii» (1945–1949 gg.)* [German Women's Public organizations in the Soviet occupation zone: on the formation of a new "ideological intelligentsia" (1945–1949)] file:///C:/Users/MSI%20Modern/Downloads/zhenskie-nemetskie-obschestvennye-organizatsii-v-sovetskoy-okkupantsionnoj-zone-k-voprosu-o-formirovanii-novoy-ideologicheskoy-intelligentsii-1945–1949-gg.pdf (data obrashheniya: 30.01.2024 g.). (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.008

УДК 94(470+571)"1950/1960": 329.78(091)

ББК 74.273(2)6

А.С. ДЬЯЧИН

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАССОВЫХ ДЕТСКИХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА:
ОПЫТ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ**

A.S. DYACHIN

**THE ACTIVITIES OF MASS CHILDREN'S
ASSOCIATIONS IN THE CONTEXT
OF ACCELERATING SCIENTIFIC AND
TECHNOLOGICAL PROGRESS: THE
EXPERIENCE OF THE PAST AND THE PRESENT**

Исследование посвящено вопросу функционирования массовых детских организаций в СССР второй половины 50-х — начала 60-х годов и современной России в условиях возрастающей роли науки. Внимание сконцентрировано на установлении логических связей ключевых аспектов в работе массовых детских организаций выбранных периодов: реализация социального заказа государства, приоритетные направления, формируемые образовательные компетенции. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты регламентирующие деятельность массовых детских организаций СССР 50-х — 60-х годов и Российской Федерации на современном этапе развития. Научная новизна исследования заключается в сравнении деятельности структур массовых детских организаций Советского Союза с современностью с точки зрения реализации социального заказа общества и государства в условиях быстро меняющейся социальной обстановки, а не на основе идеологии.

The study is devoted to the issue of the functioning of mass children's organizations in the USSR in the second half of the 50s — early 60s and modern Russia in the context of the increasing role of science. Attention is focused on establishing logical connections of key aspects in the work of mass children's organizations of the selected periods: the implementation of the social order of the state, priority areas, formed educational competencies. The main normative legal acts regulating the activities of mass children's organizations of the USSR of the 50s — 60s and the Russian Federation at the present stage of development are considered.

The scientific novelty of the study lies in comparing the activities of the structures of mass children's organizations of the Secular Union with modernity in terms of implementing the social order of society and the state in a rapidly changing social environment, and not on the basis of ideology.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: массовые детские организации, пионерия, Российское Движение Детей и Молодежи, социальный заказ государства, научно-техническая революция, ключевые образовательные компетенции, внеурочная и воспитательная работа.

KEY WORDS: mass children's organizations, pioneers, the Russian Movement of Children and Youth, the social order of the state, the scientific and technical revolution, key educational competencies, extracurricular and educational work.

ВВЕДЕНИЕ. Функционирование современного общества неразрывно связано с развитием науки. Вызовы, с которыми столкнулось человечество в последние годы, еще раз доказали колоссальную значимость научной сферы. Развитие исследовательской инфраструктуры и научного потенциала сегодня выступают в роли национальных приоритетов

Российской Федерации. Указом президента России период с 2022 по 2031 годы был объявлен Десятилетием науки и технологий [13]. Была поставлена задача привлечь одаренную и талантливую молодежь в сферу научной деятельности. Реализовать выполнение государственного заказа в данной области возможно лишь в результате долгосрочной и системной работы.

Для качественного развития и обновления науки в масштабах страны необходимы структурные изменения в системе образования. Приказом Министерства просвещения № 287 от 31 мая 2021 года утвержден новый федеральный государственный образовательный стандарт. Данный документ призван обеспечить развитие качеств, которые будут необходимы современному человеку для решения нетиповых задач, сформировать культуру непрерывного образования [7]. Также стандарт указывает на укрепление социального партнерства, расширение взаимодействия общеобразовательных школ с общественными организациями и объединениями, учреждениями дополнительного образования.

В этой связи обращение к опыту деятельности массовых детских объединений в условиях проходившей научно-технической революции является особенно актуальным, так как позволяет на практике использовать наиболее ценный опыт, накопленный в данной сфере.

ЦЕЛЬЮ исследования является проведение сравнительного анализа деятельности массовых детских организаций Советского Союза второй половины 50-х — 60-х годов XX века и современной России в условиях возрастающей роли науки.

Цель исследования определила круг приоритетных задач:

- определить возможности реализации социального заказа общества и государства системами массовых детских объединений и организаций в условиях повышения значимости научной сферы во второй половине 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия и на современном этапе развития образования в России;
- провести сравнительный анализ документов, регламентирующих работу массовых детских объединений в СССР 50-х — 60-х годов и современной Российской Федерации в условиях быстро меняющейся социальной ситуации;
- сравнить приоритетные направления деятельности и ключевые образовательные компетенции, формируемые массовыми детскими организациями выбранных исторических периодов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследование построено на основе метода сопоставительного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Социальный заказ государства не является статичным, а меняется под воздействием глобальных вызовов и процессов, происходящих в обществе, для наиболее эффективной его реализации была модернизирована система и структура деятельности массовых детских организаций как в Советском Союзе во второй половине 50-х — начале 60-х годов, так и в современной России;

Анализ документов, регламентирующих деятельность массовых детских организаций выбранных исторических периодов, показывает, что в деле воспитания подрастающего поколения прослеживается преемственность и последовательность в нормативно-правовой базе практически на всех уровнях — от общегосударственного до локального.

При реализации социального заказа общества и государства массовые детские организации СССР 50-х — 60-х гг. и современной Российской Федерации определяли ключевые образовательные компетенции, формируемые у воспитанников, исходя из реалий меняющейся социальной действительности.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов Советский Союз вступил в эпоху научно-технической революции. Небывалые темпы развития наблюдались в ракетостроении, металлургии, атомной энергетике, химической промышленности. Объем производства в данных областях увеличился в пять раз в сравнении с предыдущим десятилетием [14, с 16]. В стране увеличилось количество введенных в эксплуатацию научных центров, в жизнь

входила энергия мирного атома, СССР покорял космическое пространство, технические новинки активно внедрялись в производство.

Дальнейшее развитие научной сферы требовало революционных изменений в системе образования. Технический прогресс также предъявлял принципиально иные требования к личности выпускника. В указанный период в Советском Союзе прошла масштабная реформа образования, которая коренным образом изменила существовавшую образовательную парадигму — изменились сроки обучения, методологические подходы при работе с обучающимися, были заложены основы концепции непрерывного образования, многократно возросла роль воспитательной и внеклассной работы.

Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина приняла самое активное участие в процессе модернизации системы образования. В 50-х — 60-х годах XX века в масштабах всей страны массово открывались Дворцы и Дома пионеров, которые взяли на себя роль организационных центров воспитательной работы. Деятельность таких организаций была направлена на обеспечение методической помощи учреждениям общего образования — организация досуга школьников, популяризация олимпиадного движения, создание научных обществ учащихся [10, с 104]. Особой популярностью пользовались созданные школы юных космонавтов, Дворцы и Дома пионеров имели льготную и бессрочную подписку на передовые научно-технические журналы Советского Союза, например, «Юный техник» [9, с 99].

Российская Федерация на современном этапе развития столкнулась с серьезными и глобальными вызовами. Для своевременного и эффективного ответа на поставленные задачи необходимы принципиально новые и нестандартные подходы, формирование которых возможно только через развитие науки и технологий. Сегодня наука является одним из основных факторов социальной и политической стабильности государства, поскольку в значительной степени обеспечивает его конкурентоспособность на мировой арене.

Государство финансово поддерживает развитие науки — увеличен объем капиталовложений в данную отрасль, который распределяется на фундаментальные исследования, оплату труда научных работников, создание и закупку дорогостоящего оборудования. Помимо существующих научных центров в Дубне, Обнинске, Пущино запланировано создание таких учреждений на базе ведущих вузов в Поволжье, Сибири, Калининграде, Дальнем Востоке [5, с 48].

Важной задачей является популяризация науки — это необходимое условие для дальнейшего развития данной сферы. Принципиальное обновление технологий предъявляет новые требования к качествам личности граждан России. Современный человек должен не только обладать базовыми знаниями, но и освоить навыки и компетенции, которые позволят ему успешно социализироваться в условиях быстро меняющейся жизненной ситуации. Данную задачу государство возлагает на систему образования.

Содействовать реализации государственной политики в области воспитания подрастающего поколения призвано созданное в 2022 году общероссийское общественно-государственное движение — Российское движение детей и молодежи «Движение первых» (РДДМ). В условиях становления информационного общества и возрастающей роли науки РДДМ в качестве основных направлений своей работы определяет личностное развитие, гражданскую активность, работу в области формирования информационно-медийного пространства [1].

Преемственность и последовательность в реализации социального заказа государства в области воспитания подрастающего поколения с учетом изменений и вызовов времени можно проследить и в нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность системы образования.

Так, принятый 24 декабря 1958 года Верховным Советом СССР закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»

прямо указывал, что достижения науки и техники коренным образом изменили жизнь советского гражданина, вследствие чего разностороннее образование и умение в кратчайшие сроки овладеть современными технологиями становятся насущной потребностью [3]. Документ подчеркивал необходимость повышения квалификации трудящихся в условиях научно-технической революции [3]. Перед системой образования ставилась задача подготовки разносторонне образованного выпускника.

Закон дал импульс изменениям в работе Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина. Проходивший в Феврале 1959 года IV пленум ЦК ВЛКСМ утвердил постановление «Об участии комсомольских организаций в выполнении закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Данное постановление обращало самое пристальное внимание на научно-техническое образование молодежи. Пионерская и комсомольская организации для реализации поставленной задачи должны были вести систематическую пропаганду научных знаний, развивать техническое мышление, содействовать овладению учащимися достижений научно-технического прогресса [2, с 148].

Следующим шагом на пути модернизации общего образования в Советском Союзе с учетом вызовов времени стало утверждение Советом Министров РСФСР 29 декабря 1959 года постановления «Об утверждении положений о восьмилетней школе, средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением и вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе».

Постановление определяло, что изучение основ наук должно проводиться с применением разнообразных методов обучения и побуждению учащихся к активной деятельности [6]. Статья 14 данного нормативно-правового акта указывала на то, что воспитание учащихся должно осуществляться в тесном сотрудничестве с пионерской организацией [6].

В соответствии с реалиями времени и основываясь на указе президента России от 1 декабря 2016 года в нашей стране утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Согласно документу научные и образовательные организации должны обеспечить единство и целостность научно-технологического развития государства [12].

Указывая на ключевую роль науки в жизни страны Стратегия определяет возможности и стратегические ориентиры развития Российской Федерации, среди которых выделяется направление по привлечению выпускников с высоким уровнем одаренности в научную деятельность и повышению квалификации занятых работников [12].

Ставится задача повышения интеллектуального потенциала страны путем создания возможностей для построения успешной карьеры в области науки для талантливой молодежи [12]. Принятая стратегия обращает внимание на открытость и системность государственного запроса в данной области [12].

Утвержденный федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения ставит цель по формированию представлений обучающихся о высоком уровне технологического и научного развития страны и овладение ими современными технологическими средствами [7]. Материальная база общеобразовательных школ Российской Федерации получит значительное укрепление, а педагоги при проведении учебных занятий и воспитательных мероприятий будут показывать учащимся особую ценность научного познания [7].

Российское движение детей и молодежи «Движение первых» на практике выполняя социальный заказ общества и государства, а также учитывая вызовы времени реализует несколько масштабных проектов федерального уровня, направленных на популяризацию науки и формирование у школьников основ научного познания. Данные проекты разработаны с применением самых передовых технологий и направлены на изучение космоса, тайн микромира, конструирование и создание моделей робототехники, беспилотных летательных аппаратов и многое другое [1].

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов XX века Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина была по-настоящему массовой детской организацией и объединяла в своих рядах к 1962 году 18,5 миллионов юных ленинцев [4, с 81]. В целях наиболее полной реализации социального заказа государства и соответствия требованиям времени в июле 1958 года был утвержден Примерный перечень умений и навыков для пионеров. В документе нашли свое отражение ключевые образовательные компетенции и надпредметные умения, необходимые воспитаннику для успешной социализации в условиях быстро меняющейся социальной действительности.

Примерный перечень умений и навыков пионеров во многом носил инновационный педагогический характер, поскольку учитывал физиологические, психологические и личностные особенности детей применяемые для дифференциации уровней освоения метапредметных компетенций. При освоении умений и навыков использовались не только групповые, но и индивидуальные формы работы с детьми.

Юные пионеры должны были не только знакомиться с научно-популярной литературой, но и делать отзывы о прочитанном, участвовать в обсуждении [8, с 2]. Воспитанников в обязательном порядке знакомили с достижениями советской науки, передовыми технологическими решениями, которые вошли в жизнь в результате научно-технической революции [8, с 2]. Такие формы воспитательной работы отвечали духу времени, несли в себе функцию популяризации науки.

Одним из ключевых аспектов проходившей в СССР во второй половине 50-х — начале 60-х годов XX века масштабной реформы образования было изменение соотношения теории и практики при изучении учебных дисциплин. Обучение все больше носило практико-ориентированный характер. Данная тенденция прослеживается и в работе Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина. Пионеры старшей ступени должны были освоить умения по устранению неисправностей в работе электрических приборов, учились управлять автомобилем, мотоциклом, трактором, осваивали фотографию и киноаппаратуру [8, с 2].

Утвержденный перечень примерных умений и навыков пионеров включил в себя требования, которые были призваны дать школьникам необходимую базу для успешной интеграции в индустриальное общество, готовил подрастающее поколение к жизни в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса.

Одной из основных целей Российского движения детей и молодежи является совершенствование государственной политики в области воспитания подрастающего поколения [1]. Это означает, что новая детско-юношеская организация призвана содействовать государству в реализации программы воспитания. Данная задача осуществляется через функционирование детско-юношеских центров, пропаганду знаний с использованием современных образовательных технологий, а также взаимодействие с научными организациями.

Российское движение детей и молодежи «Движение первых» сегодня можно рассматривать как массовую детскую организацию. Председатель правления движения Григорий Гуров на форуме «Будь в движении», который проходил на базе детского центра «Артек» 6 ноября 2023 года, сообщил, что на сегодняшний день создано более 30 тысяч первичных отделений, к движению присоединилось более 3 миллионов человек [11]. Российское общество является частью глобального информационного пространства и Российское движение детей и молодежи представляет собой консолидирующую силу по созданию развивающего информационного контента для подростков, выступает в роли навигатора создающихся возможностей для самореализации личности подростка, является связующим звеном в деле воспитания школьников, способствует формированию необходимых универсальных учебных действий.

ВЫВОДЫ. Массовые детские организации и объединения берут на себя реализацию социального заказа государства в области воспитания подрастающего поколения с учетом реалий времени как в Советском Союзе 50-х — 60-х годов, так и в современной России.

Анализ документов, определяющих порядок функционирования массовых детских организаций, позволяет сделать вывод о том, что в нормативно-правовой базе современной Российской Федерации и в Советском Союзе второй половины 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия можно проследить преемственность и последовательность при реализации социального заказа государства в области воспитания школьников с учетом реалий времени.

Массовые детские организации Советского Союза 50-х — 60-х годов и Российской Федерации на современном этапе развития ставят задачу формирования у воспитанников ключевых образовательных компетенций с учетом изменений, происходящих в обществе. Формы и методы воспитательной работы массовых детских организаций СССР сегодня не утратили своей актуальности, но были модернизированы в связи с вызовами и веяниями времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Движение первых // Официальный сайт РДШ. URL: (дата обращения 06.01. 2024).
2. Директивы и документы по вопросам пионерского движения / Издательство Академии педагогических наук РСФСР. М., 1959 г. 311 с.
3. Закон 24.12.1958 года Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный доступ]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5337.htm (дата обращения 27.12. 2023).
4. Лебедев Д. Н. Пионерия: путь из прошлого в будущее... Размышления об истории и современных проблемах пионерского движения // Материалы международной научно-практической конференции Феномен ВЛКСМ: социокультурный опыт и преемственность в воспитании молодежи. Орел. 2019. С. 76–99.
5. Наумова Т. В. История развития науки в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 42–55.
6. Постановление Совмина РСФСР от 29.12.1959 № 2027 Об утверждении положений о восьмилетней школе, средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением и вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5481.htm (дата обращения 21.12. 2023).
7. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Информационно-правовой портал Гарант.ру URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/#review> (дата обращения 24.12. 2023).
8. Примерный перечень умений и навыков пионеров // Газета «Молодой ленинец». 1958. 1 августа. С. 1–2.
9. Семивеличенко Е. А. Иванова А. Д. Муругова О. В. Вопросы профессиональной ориентации и воспитания инженерно-технических интересов молодежи и предложения по развитию журнала «Юный техник» (по результатам экономического и педагогического исследований, проведенных для «Союза машиностроителей России») // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7. С. 98–106.
10. Соколова А. Н. Историко-педагогический анализ развития системы дополнительного образования детей в России // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 102–107.
11. ТАСС // Официальный сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19214843> (дата обращения 06.01. 2024).
12. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения 12.12. 2023).

13. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «О проведении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения 03.01. 2024).
14. Ульянова В.С. Орельчикова, А.Ю. Реформы и преобразования в СССР во второй половине 50-х — 60-х годов: Учебное пособие. М.: МИИТ, 2007. 23 с.

REFERENCES

1. *Dvizhenie pervy`x* [The movement of the first] // Oficial`ny`j sajt RDSH. URL: <https://xn-90acagbhgpca7c8c7f.xn—p1ai/> (data obrashheniya 06.01. 2024). (In Russian).
2. *Direktivы` i dokumenty` po voprosam pionerskogo dvizheniya* [Directives and documents on the issues of the pioneer movement] / Izdatel`stvo Akademii pedagogicheskix nauk RSFS R. M., 1959 g. 311 s. (In Russian).
3. *Zakon 24.12.1958 goda Ob ukreplenii svyazi shkoly` s zhizn`yu i o dal`nejshem razvitii sistemy` narodnogo obrazovaniya v SSSR* [The Law of 12/24/1958 On strengthening the connection of schools with life and on the further development of the public education system in the USSR] // Biblioteka normativno-pravovy`x aktov SSSR. [E`lektronny`j dostup]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm (data obrashheniya 27.12. 2023). (In Russian).
4. Lebedev D.N. *Pioneriya: put` iz proshlogo v budushhee... Razmy`shleniya ob istorii i sovremenny`x problemax pionerskogo dvizheniya* [Pioneer: the path from the past to the future... Reflections on the history and modern problems of the pioneer movement] // Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Fenomen VLKSM: sociokul`turny`j opy`t i preemstvennost` v vospitanii molodezhi. Orel. 2019. S. 76–99. (In Russian).
5. Naumova T.V. *Istoriya razvitiya nauki v sovremennoj Rossii* [The history of the development of science in modern Russia] // Social`no-gumanitarny`e znaniya. 2019. № 4. S. 42–55. (In Russian).
6. *Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 29.12.1959 № 2027 Ob utverzhdenii polozhenij o vos`miletnej shkole, srednej obshheobrazovatel`noj trudovoj politexnicheskoy shkole s proizvodstvenny`m obucheniem i vechernej (smennoj) srednej obshheobrazovatel`noj shkole* [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR dated 12/29/1959 No. 2027 On Approval of the Regulations on an eight-year school, a secondary general education polytechnic school with Industrial Training and an evening (shift) secondary school] // Biblioteka normativno-pravovy`x aktov SSSR. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5481.htm (data obrashheniya 21.12. 2023). (In Russian).
7. *Prikaz Ministerstva prosveshheniya RF ot 31 maya 2021 g. № 287 «Ob utverzhdenii federal`nogo gosudarstvennogo obrazovatel`nogo standarta osnovnogo obshhego obrazovaniya»* [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. 287 "On Approval of the Federal State Educational Standard of basic general Education"] // Informacionno-pravovoj portal Garant.ru URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/#review> (data obrashheniya 24.12. 2023). (In Russian).
8. *Primerny`j perechen` umenij i navy`kov pionerov* [An approximate list of skills and abilities of pioneers] // Gazeta «Molodoj leninecz». 1958. 1 avgusta. S. 1–2. (In Russian).
9. Semivelichenko E.A. Ivanova A.D. Murugova O.V. *Voprosy` professional`noj orientacii i vospitaniya inzhenerno-texnicheskix interesov molodezhi i predlozheniya po razvitiyu zhurnala «Yuny`j texnik» (po rezul`tata e`konomicheskogo i pedagogicheskogo issledovanij, provedenny`x dlya «Soyuza mashinostroitelej Rossii»)* [Issues of professional orientation and education of engineering and technical interests of young people and proposals for the development of the journal "Young Technician" (based on the results of economic and pedagogical research conducted for the "Union of Machine Builders of Russia")] // Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava. 2019. № 7. S. 98–106. (In Russian).
10. Sokolova A.N. *Istoriko-pedagogicheskij analiz razvitiya sistemy` dopolnitel`nogo obrazovaniya detej v Rossii* [Historical and pedagogical analysis of the development of the system of additional education for

- children in Russia] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 9. S. 102–107. (In Russian).
11. TASS [TASS] // Oficial'nyj sajt. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19214843> (data obrashheniya 06.01. 2024). (In Russian).
 12. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.12.2016 № 642 «O strategii nauchno-texnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii»* [Decree of the President of the Russian Federation No. 642 dated December 01, 2016 "On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation"] // Prezident Rossii. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (data obrashheniya 12.12. 2023). (In Russian).
 13. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 25.04.2022 № 231 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Desyatiletija nauki i texnologij»* [Decree of the President of the Russian Federation No. 231 dated 04/25/2022 "On Holding the Decade of Science and Technology in the Russian Federation"] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (data obrashheniya 03.01. 2024). (In Russian).
 14. Ul'yanova V.S. Orel'chikova, A.Yu. *Reformy i preobrazovaniya v SSSR vo vtoroj polovine 50-x — 60-x godov* [Reforms and transformations in the USSR in the second half of the 50s — 60s]. Uchebnoe posobie. M.: MIIT, 2007. 23 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.010
УДК 94(478)''1988/1991'':172.15(091)
ББК 63.3(4Мол)63-4

М.П. КОВАЛЕВСКАЯ **О КЛЮЧЕВЫХ ТЕМАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ДИСКУССИИ В МОЛДАВИИ В 1988–1991 ГГ.**

M.P. KOVALEVSKAYA **ON THE KEY TOPICS OF PUBLIC DISCUSSION
IN MOLDOVA
IN 1988–1991**

В статье на основе архивных и опубликованных материалов проанализированы темы и направления общественной дискуссии в Молдавии в разгар перестройки, вращавшиеся по различным аспектам вокруг дальнейших перспектив существования Советского государства. Выделены основные этапы развития дискуссии в молдавском общественном пространстве, фундаментальные противоречия между ведущими общественно-политическими движениями в Днестровском регионе в 1988–1991 гг. Полученные в ходе исследования сведения позволили определить вклад молдавской интеллигенции прорумынского толка в развитие дезинтеграционных процессов в Молдавии, а также выделить специфику молдавского национализма.

The article analyzes the topics and directions of public discussion in Moldova at the middle of perestroika. It based on the basis of archival and published materials, which revolved around the further prospects of the existence of the Soviet state in various aspects. In 1988–1991 the main stages of development of the discussion in the Moldovian public space, also the fundamental contradictions between the leading social and political movements were identified in the Transnistrian region. The data obtained in the course of the research allowed us to determine the contribution of Moldovian intellectuals of pro-Romanian tone to the development of disintegration processes in Moldova, as well as to identify the specifics of Moldovian nationalism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Молдавия, перестройка, национальные отношения, общественная дискуссия, национализм, гагаузы, Приднестровье

KEY WORDS: Moldova, perestroika, national relations, public discussion, nationalism, gagauzes, Transnistria

ВВЕДЕНИЕ. Проблемы сохранения СССР по-прежнему являются одной из самых дискуссионных тем в современной России. Возможно ли было избежать «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» [14]? В контексте текущего украинского кризиса эти вопросы приобретают большое общественное значение. Начало отечественной дискуссии о перспективах Союза уходит своими корнями в период перестройки в Советском Союзе. **ЦЕЛЬЮ** статьи является анализ основных направлений полемики внутри окраинной юго-западной советской республики — Молдавии. Актуальность обращения к теме обусловлена историческим значением Днестровского региона для национальной безопасности России. Это, в свою очередь, позволит уйти от стереотипных подходов к анализу современной обстановки на обоих берегах Днестра.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Материалами для настоящего исследования выступили протоколы заседаний Тираспольского городского Совета народных депутатов, извлеченные из Центрального государственного архива Приднестровской Молдавской республики (ЦГА ПМР), а также отдельные извлечения из неправленного варианта доклада М.С. Горбачева на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС из Российского государствен-

ного архива новейшей истории (РГАНИ). Необходимые для раскрытия темы данные были получены на основе изучения законодательных актов Молдавской ССР по языковому вопросу и другим значимым вопросам проходившей в республике общественной дискуссии. Большую роль в анализе ее ключевых направлений сыграло привлечение публицистики и мемуаров участников перестроечных процессов в СССР и конкретно — в самой Молдавии. В ходе работы применялись системно-структурный метод, благодаря которому удалось выявить ключевые темы развернувшейся в республике общественной дискуссии в 1988–1991 гг., а также источниковедческий метод анализа правовых норм, позволивший обстоятельно изучить Законы о языке Молдавии 1989 г. и иные республиканские нормативные акты.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. В период перестройки побудительное движение к дискуссиям о выборе дальнейшего пути развития СССР по всей стране задавалось из Москвы. После объявления курса на ускорение социально-экономического развития внимание советского общества стали привлекать различные аспекты жизни в субъектах союзной федерации. Начиная с 1988 г., специфическая ситуация в рамках общественной дискуссии складывалась в Молдавской ССР.

Динамика дискуссий заключалась в переходе от первоначального привлечения внимания общества к проблемам различных сфер социальной жизни — в виде развития культур и языков народов СССР, защиты экологии, культурных памятников и сохранения исторической памяти (1988–1989 гг.) — к политическим вопросам дискуссий о государственных языках в советских республиках (1989–1990 гг.). Наконец, заключительный этап общественных дискуссий по вопросам дальнейшего пути развития СССР включает в себя различные варианты сохранения федеративного государства, а также проблемы децентрализации государства и создания суверенных республик из числа союзных. Примечательно, что со II этапа дискуссий, как правило, Москвой поддерживалась защита прав, прежде всего, титульных наций в субъектах Союза ССР.

По всему СССР с 1988 г. поднималась волна митингов Народных фронтов и Интернациональных движений по вопросам закрепления государственного статуса языков титульных наций в республиках, а затем — и провозглашения своей независимости от Центра. Известный партийный и государственный деятель М.С. Соломенцев писал в своих воспоминаниях: «Национализм стал разменной картой в деле разрушения СССР и орудием в руках антисоветских сил» [17, с. 41]. При этом применительно к Молдавии специфика национализма титульной нации заключалась в его политическом, во-многом популистском, содержании.

Как отмечал российский историк А.П. Мясков, восстановление исторической справедливости по отношению к ущемленным правам этносов мыслилось такими общественными объединениями, как Народные фронты, прежде всего, в рамках создания «своей собственной национальной бюрократии» [11, с. 261]. Соответственно, понимание принципа равенства как одинаковости в получении «этнических» территорий, границ, обязательности наличия в первую очередь своего национального государственно-бюрократического аппарата было свойственно всем национальным движениям в СССР [11, с. 261].

Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Молдавии в 1961–1980 гг. И.И. Бодюл в своих перестроечных воспоминаниях отмечал: «русский язык никому не навязывался... в то время внимание к нему было ослаблено. Это не значит, однако, что это было явлением положительным. С другой стороны, именно этот период — с 60-х до 70-х годов — молдавский язык получил всеобщее распространение. Был период его расцвета» [3, с. 539].

В условиях гласности в Молдавской ССР (как, впрочем, и по всему Союзу) растет интерес к национальным культурам, открываются многочисленные неформальные общественные объединения — молдавские, гагаузские, болгарские и др. Стержнем объединений, как правило, выступала художественная интеллигенция.

Печатный орган Союза писателей МССР «Литература ши арта» («Литература и искусство») во второй половине 1980-х гг. активнее начинает печатать материалы на молдавском

языке (пока еще на кириллице). В 1988 г. было опубликовано «Письмо 66», в котором молдавские деятели культуры решительно выступили в поддержку молдавского языка как государственного в республике. Тогда же, в конце 1988 г., в отделе организационно-партийной работы ЦК КПМ была составлена записка о результатах обсуждения в республике тезисов руководства Молдавии «Конкретными делами строить перестройку».

В рамках общественного подъема были образованы ряд кружков, возглавляемых художественной интеллигенцией и изучавших национальную молдавскую культуру. Крупнейшим из них стал клуб имени А. Матеевича. В 1989 г. кружки во главе с клубом имени Матеевича были преобразованы в Народный фронт Молдавии. Действуя в идеологическом пространстве, эти объединения предлагали свои варианты дальнейшего развития советского общества, прежде всего применительно к Молдавии.

Дискуссия вокруг языковых вопросов в Молдавии легла на подготовленную почву. Играя на национальном подъеме, НФМ на начальном этапе требовал для молдавского языка статус государственного в республике.

Российский исследователь из РГГУ Н. И. Харитонов писал, что еще «осенью 1988 г. «румынысты» приступили к обоснованию идей о придании государственного статуса только молдавскому языку, о признании его идентичности с румынским и о его переводе на латинскую графику. Появились лозунги типа «Один язык — один народ!» [20]. Один из ведущих историков современного Днестровского региона и создателей Интернационального движения «Унитате — Единство» П. М. Шорников подчеркивал, что «первое требование представляло собой покушение на национальное равноправие, выполнение других лишало молдавскую нацию культурного суверенитета и национальной идентичности» [23, с. 191].

Более того, все настойчивее в этот период в прессе проводилась мысль о том, что всенародное волеизъявление здесь ни к чему: «Впервые такая мысль была изложена доцентом госуниверситета Г. Руснаком. Свое неверие в способность народа решать государственно важные вопросы он выразил вопросительным восклицанием: «Разве интеллигенция не в счет? Разве не является она самой сознательной частью населения?» («Литература ши арта», 22 декабря 1988 г.)» [25, с. 21].

При погружении в молдавскую действительность второй половины 1980-х гг. становится понятно, что приниженное положение молдавского народа было явно надуманным и политизирующим явлением, в то время как проживающие на территории Молдавии гагаузы притеснения как раз на себе ощущали.

Принятая на Пленуме ЦК КПСС (19–20 сентября 1988 г.) Платформа по вопросам национальной политики конкретных рекомендаций по урегулированию межнациональных проблем не предложила. Напряжение в молдавско-гагаузских отношениях росло. Оно в полной мере проявилось в столкновении движения гагаузов «Гагауз Халкы» с молдавским парламентом за обретение национальной автономии. При дальнейшем расширении автономии развивается децентрализация, и в руководстве Молдавской республики это понимали. Потому не признавали результатов Чрезвычайного съезда представителей гагаузского народа, состоявшегося 12 ноября 1989 г. в Комрате [1, с. 38].

Гагаузский дипломат и журналист Ф. Ангели, ссылаясь на партийный архив Компартии Молдавии, цитирует постановление ЦК КПМ: «Резкому осложнению общественно-политической обстановки способствовали решения 1-го съезда сельских, поселковых, городских, районных, ССР Молдова и Союза СССР народных депутатов, состоявшегося в Комрате. Играя на чувствах национального самосознания гагаузского народа, его стремлении к самостоятельности, созданию в составе ССР Молдова национально-автономного образования, отдельные лидеры торопят события, разжигают ненужные страсти и эмоции, пытаются увести от конституционного, демократического решения вопроса» (партархив, фонд 151, опись 73, дело 162, стр. 138)» [1, с. 38–39].

Известный отечественный этнолог и историк М.Н. Губогло указывал на стремление молдавских националистов попасть в верхние эшелоны власти, в рамках чего ими максимально использовалась обработка общественного мнения через доступные СМИ [4, с. 254–255]. Инакомыслящие в таких случаях рассматривались в качестве «врагов нации». Сторонники Народного фронта Молдавии к «врагам нации» относили и тех молдаван, которые не желали румынизироваться: их обозначали манкуртами, изувеченными коммунистическим режимом [13, с. 448]. Представители левобережья Днестра пользовались недоверием народнофронтистов, чье представительство во властных структурах увеличивалось от года к году. Обновление кадрового состава в полной мере не происходило, и во второй половине 1980-х гг. на гребне общественной волны оказывались те представители партийной номенклатуры, интеллигенции, которые ранее уже были частью властной системы.

Для Молдавии открытым началом общественного противостояния по языковой проблеме стало вынесение Верховным Советом Молдавской ССР (ВС МССР) весной 1988 г. на всенародное обсуждение законопроекты «О статусе государственного языка МССР» и «О функционировании языков на территории МССР». В республике не наблюдалось межнационального единства по данному вопросу. Многонациональное большинство Приднестровского региона выступило категорически против молдавского языка как основного для всех. Для местных властей большое значение имело выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на Съезде народных депутатов СССР 25 мая 1989 г. Лидер Советского государства представил делегатам съезда свой доклад «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». По оценкам приднестровских авторов, уже на Съезде народных депутатов СССР Генеральным секретарем «в завуалированной форме была предложена идея расчленения государства по этническому принципу» [2, с. 150].

Следует учитывать официальную позицию ЦК КПСС по национальным отношениям в стране. Так, на XIX партийной конференции 28 июня — 1 июля 1988 г. в докладе М.С. Горбачева прозвучало, что «развитие нашего многонационального государства, естественно, сопровождается ростом национального самосознания. Явление это позитивное, но, поскольку возникающим в связи с ним новым потребностям не всегда уделялось должное внимание, некоторые вопросы начали осложняться, приобретать в ряде случаев националистическую окраску» [9, с. 60]. Таким образом, республиканским партийным организациям был послан недвусмысленный сигнал о необходимости идти навстречу различным общественным организациям, желающим развивать национальную культуру.

Другим значимым тезисом XIX партконференции стало предложение расширения прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенций Союза ССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социально и культурного развития, охраны природы [9, с. 135]. Собственно, тезис о расширении прав административных субъектов федерации и децентрализации здесь внутренне противоречив — в конечном итоге произойдет столкновение интересов, что будет наблюдаться в молдавско-гагаузских взаимоотношениях и отчасти — взаимоотношениях Кишинева и Тирасполя.

На заседании городского Совета народных депутатов в Тирасполе 11 марта 1989 г. отмечалась нездоровая атмосфера, сложившаяся в Кишиневе и ряде городов МССР: «напряженная обстановка, характеризующаяся взрывоопасным характером, непредсказуемым развитием» [21, л. 26]. Тираспольские депутаты связывали растущий накал в обществе Молдавии с действиями отдельных экстремистски настроенных элементов, которые «подстрекают людей на несанкционированные выступления под

националистическими лозунгами, играют на болевых проблемах и национальных чувствах» [21, л. 26].

Принятие Закона о статусе государственного языка Молдавской ССР № 3464-XI 31 августа 1989 г. сопровождалось огромным общественным напряжением. Указанный статус получил только молдавский язык, хотя при этом в тексте были прописаны гарантии для развития и использования русского языка и родных языков других национальностей, проживающих на территории Молдавии. С учетом подъема национального движения в Гагаузии в преамбулу Закона вошли также гарантии для развития гагаузского языка: «В целях государственной охраны и обеспечения развития гагаузского языка Молдавской ССР создает необходимые гарантии для последовательного расширения его социальных функций. Молдавская ССР обеспечивает на своей территории условия для использования и развития русского языка как языка межнационального общения в СССР, а также языков населения других национальностей, проживающего в республике» [8].

Проект Закона о языке вносился Союзом писателей МССР (СП МССР). Согласно ему, предусматривалась административная и уголовная ответственность должностных лиц, не владеющих государственным языком на официальном уровне. Государственные посты могли занимать только лица, владеющие молдавским языком. Однако наличествовала серьезная проблема: очень многие представители властных структур не владели молдавским языком на достаточном для официального общения уровне, в т. ч. и такие ярые унионисты как будущий министр образования Н. Маткаш. Многие представители власти, в т. ч. из числа румынистов, практически не говорили на родном языке, используя только русский язык.

Однако именно такой законопроект обеспечивал лидирующие позиции той части властных структур, которые выступали за обособление Молдавии и перспективное ее вхождение в состав Румынии. Как отмечала Н. И. Харитоновна со ссылкой на академика М. Н. Губогло, «Молдавская ССР была первой из советских республик, которая инициировала перевод алфавита с кириллицы на латиницу, что отразило важность языка для молдаван в возрождении национального самосознания и в вытеснении конкурентов с арены борьбы за власть. Языковые требования были сконцентрированы на трех пунктах: 1) молдавский язык должен быть провозглашен государственным языком республики; 2) должно произойти общественное признание того, что молдавский и румынский языки представляют собой один и тот же язык; 3) отказ от кириллицы и возвращение к латинице» [20].

Несмотря на бурное недовольство населения Молдавии, на заседаниях ВС МССР законопроект получал поддержку большинства. В ответ на это 21 августа 1989 г. левобережные предприятия инициировали небывалую по масштабу республики политическую забастовку. Современный приднестровский автор Г. Е. Слободянюк в своих работах раскрывает большой протестный потенциал общественного движения на левом берегу Днестра, в котором координатором выступали Объединенные советы трудовых коллективов (ОСТК) в основных промышленных центрах — Рыбницах, Тирасполе, Бендерах [16, с. 25]. Протест был поддержан рядом предприятий бывшей Бессарабии и отдельными предприятиями по Союзу в целом. Главными требованиями забастовки стали исполнение Конституции СССР и законодательства СССР и организации референдума в Молдавии по самому острому для республики вопросу — о языках.

Закон «О возврате молдавскому языку латинской графики» был принят тогда же, 31 августа 1989 г. Вступление его в силу на деле закрепляло ориентацию Молдавии на Румынию, поскольку латиница уравнивала молдавский и румынский языки. В преамбуле закона указывалось, что латинская графика более адекватна структуре молдавского языка: «Trecerea limbii moldovenești ... structură romanică la grafia latină» [7].

В контексте разворачивавшихся в Молдавии событий в 1989 г. в Кишиневе был проведен социологический опрос для выявления распространенности молдавского языка. В ходе исследования было выявлено, что «в государственных учреждениях на молдавском языке

постоянно говорили только 7,7% служащих, а 45,5% вообще никогда не использовали его» [24, с. 141]. Значение русского языка для всего Молдавского региона как средства межнационального общения привело к тому, что он стал самым используемым в этом многонациональном крае.

1 сентября 1989 г. был принят Закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» № 3465-XI. В нем ярко отразилась борьба за власть в 1989 г. в виде требования в статье 9 об обязательном владении молдавским языком государственными служащими в республике [6]. В.Н. Стати отмечает в то время имевшую место острейшую конкуренцию между лицами, называвшими себя румынами, и русскими [10, с. 105]. Важное значение имели, помимо трех законов о языке, Постановления Верховного Совета Молдавской ССР о порядке введения в действия Закона «О функционировании языков...» и о проекте Государственной комплексной программы обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР, датируемые 1 сентября 1989 г.

Принятие законов о языке происходило в условиях, когда еще в 1987 г. молдавскими социологами отмечалось, что в Молдавии наибольшее среди союзных республик количество смешанных браков [18, с. 164], что, в свою очередь, предполагает наличие языка межнационального общения — в условиях СССР таковым являлся русский язык. Именно в 1989 г. впервые открыто зазвучал лозунг Народного фронта Молдавии: «Русских — за Днестр, евреев — в Днестр!». Сюда же следует добавить не менее громкие лозунги: «Чемодан! Вокзал! Россия!», «Молдова вам не сточная канава!», «Мы — румыны!», «Манкурты, вон из нашего дома!» [13, с. 4].

Законы о языке 1989 г., зачастую называемые в качестве первоначальной причины конфликта, — лишь часть центробежных процессов, развивавшихся в Молдавской ССР во второй половине 1980-х гг. По оценкам А.В. Стамплевского, конечная цель политических групп, взявших на вооружение идею придать статус государственного республиканского языка только молдавскому, было стремление выйти из состава Союза [19, с. 79]. В то же время, как отмечает автор, крупнейшие общественные объединения в Молдавской ССР — НФМ и «Унитатя-Единство» корень проблем видели в одном и том же.

Таковой выступала «проводимая в годы сталинизма и застоя политика по национальному вопросу» [19, с. 79]. Только для «народнофронтистов» во главу угла был поставлен факт присоединения Молдавии к СССР, а «интернационалы» считали, что при проведении национальной политики были нарушены принципы равноправия наций, заложенные В.И. Лениным при создании Союзного государства.

К необходимости защиты права на автономию в рамках Молдавии апеллировали и гагаузы. 12 ноября 1989 г. в Гагаузии прошел Чрезвычайный съезд представителей гагаузского народа. Именно здесь было объявлено о создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР. События вызвали панику в Кишиневе. 13 ноября 1989 г. Президиум Верховного Совета Молдавской ССР признал действия Чрезвычайного съезда антиконституционными [1, с. 45]. Следует учитывать, что будущее Приднестровье к активным действиям перешло позже гагаузов.

Поводом для многочисленных дебатов на национальной почве в Молдавии стала Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергнутых насильственному переселению, и обеспечении их прав», принятая 14 ноября 1989 г. 11 июня 1990 г. публикуется Постановление № 175 «Об упразднении Управления Делами Совета Министров МССР», за которым последовала попытка лингвистической чистки. Впрочем, ее неудачу отмечали даже сами народнофронтисты.

Проект нового союзного государства, разработанный в 1990-м году, предлагал следующий формат взаимоотношений республик Союза — Союз Суверенных государств (ССГ). В процессе разработки и обсуждения вначале планировалось создание федеративного го-

сударства, затем — конфедеративного. В обоих случаях из названия объединенного государства в любом случае выводилась идейная компонента: отсылка к социализму в новой версии государства в предложенном проекте более не фигурировала. Предлагаемые проекты предполагали трансформацию Союза ССР, что активно было поддержано Кишиневом.

Затем последовало провозглашение ВС МССР Советской Социалистической Республики Молдова (ССРМ). 23 июня 1990 г. ВС ССРМ принял Декларацию независимости ССРМ. В тексте Декларации было указано, что «Настоящая Декларация является ... позицией ССР Молдова при подготовке и заключении Союзного Договора в рамках сообщества суверенных государств» [5]. Вслед за Москвой власти республики приняли Заключение комиссии по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года и Дополнительного секретного протокола, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины.

На основании Заключения Верховный Совет республики принял решение о нелегитимности Закона от 2 августа 1940 г. «Об образовании Молдавской Советской Социалистической республики». Едва ли кишиневские власти, крепко стоявшие в то время на позициях румынизма, предполагали устойчивость левобережного протеста, а также то, что денонсацией Закона 1940 г. создают правовую основу для отделения бывшей Молдавской автономии 1924 г. — будущего Приднестровья.

В республике росло общественное напряжение. 19 августа 1990 г. на I Съезде народных депутатов степного юга Молдавской ССР была принята Декларация о свободе и независимости гагаузского народа от Республики Молдова. 2 сентября 1990 г. на II Съезде народных депутатов всех уровней левобережья Днестра было провозглашено о создании Приднестровской Молдавской Советской Социалистической республики (ПМССР). При этом созданные в 1990 г. Приднестровская МССР и Гагаузская ССР рассматривали себя только в рамках СССР и придерживались варианта сохранения советской государственности. Эту идею поддерживали и на парламентском уровне. Так, современный молдавский историк Р.Шевченко указывает, что «левые депутаты (группы «Советская Молдавия», «Realitatea» и т.д.), политические формирования на востоке и юге республики поддерживали идею сохранения СССР и пребывание Молдовы в его составе» [22]. Российский историк и политолог К.Г. Мяло, говоря о создании Приднестровья, особо выделила, что «именно благодаря позиции молдаван реакция на дискриминационный Закон о языке, принятый еще в МССР 31 августа 1989 года, приобрела характер не этнического (русского или славянского), а общегражданского и общедемократического, в лучшем смысле этого опозоренного слова, движения, реализовавшего себя в провозглашении 2 сентября 1990 года своей независимой республики» [12, с. 126]. Следует согласиться с бытующей в науке точкой зрения относительно начала внутреннего раскола в Молдавии. Безусловно, размежевание частей союзной республики оформилось после принятия кишиневским парламентом Законов о языке. Причем необходимо разделять молдавско-приднестровский конфликт от молдавско-гагаузского противостояния. Если первый носил общегражданский характер, то второй как раз носил в большей степени этническую окраску.

Важнейшим представляется отказ большинства населения левого берега Днестра от идеи вхождения в состав Румынии. Следует согласиться с утверждением автора, что «конфликт был развязан правящими кругами, и втягивание в конфликт происходило не из-за наличия неприязни и межэтнической вражды, а под влиянием пропаганды» [12, с. 24]. Важно, что именно союзный Центр в лице Генерального секретаря говорил о дальнейшем содержании федерации, обосновывая идею государственного обновления и сигнализируя о предстоящем переходе к рыночной экономике [15, с. 27]. Однако в этом контексте идейно-политическая борьба в Днестровском регионе вела к расколу Молдавии, поскольку Гагаузия и Приднестровье стремились остаться внутри Союза.

ВЫВОДЫ. На основе проанализированного источникового материала, работ исследователей выявляются тенденции общего характера при выборе пути развития в Союзе, выраженные с молдавской спецификой. В Молдавии общество раскалывалось по политическому, а не этническому принципу. Удар пришелся и по титульной нации республики. Четко прослеживается вклад интеллигенции в популяризацию идей румынизма в молдавском обществе при поддержке отдельных представителей местных властей. Участие молдавских деятелей культуры выразилось в использовании и стимулировании национального подъема, который за счет эскалации вокруг языковых вопросов перерастал в националистический, но в то же время имел характер вспышки без пролонгированного эффекта. Специфика общественной дискуссии в Молдавии обусловлена особенностями положения республики в структуре Союза и соседством с этнически близкой Румынией. Общественная реакция молдавского общества — многонационального по своему составу, как уже неоднократно отмечалось выше, — является весьма значимой для понимания произошедшего в 1991 г. разделения республики на три государства (Гагаузия, Приднестровье и Молдавия с центром в Кишиневе).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангели Ф. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989–2005 гг.). Кишинев: Б.и., 2005. 259 с.
2. Бабилунга Н.В., Берил С.И., Бомешко Б.Г. и др. Феномен Приднестровья. Тирасполь: РИО ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2000. 288 с.
3. Бодюл И.И. Одного человека винить по меньшей мере абсурдно... // Как больно... О чем тревожится, к чему зовет, за что борется интеллигенция республики. Кишинев, 1989.
4. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
5. Декларация о суверенитете Советской Социалистической Республики Молдова. URL: lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=308109&lang=2 (дата обращения: 14.02.2024)
6. Закон № 3465 от 01.09.1989 о функционировании языков на территории Молдавской ССР. URL: <http://lex.justice.md/ru/312813> (дата обращения: 12.02.2024).
7. Закон от 31 августа 1989 г. «О возврате молдавскому языку латинской графики» № 3462-XI Верховного Совета Молдавской ССР. URL: [LP3462/1989 \(legis.md\)](http://legis.md) (дата обращения: 12.02.2024)
8. Закон от 31 августа 1989 г. «О статусе государственного языка Молдавской ССР» № 3464-XI Верховного Совета Молдавской ССР. URL: lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=351200&lang=2 (дата обращения: 12.02.2024)
9. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. 159 с.
10. Молдаване / отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Миклая РАН; Ин-т культурного наследия АН Молдовы. М.: Наука, 2010. 541 с.
11. Мякшев А.П. К вопросу о представленности национальных интересов в системе государственной власти СССР и России // Государственная власть и общество России в XX веке: Материалы межвузовской научной конференции. Москва, 15 мая 2004 г. М.: Издательский центр РГГУ, 2004. С. 259–262.
12. Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000): К истории падения сверхдержавы. М.: Вече, 2002. 476 с.
13. «Натиск на восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время (Сборник статей, документов, воспоминаний) / Под общей редакцией профессора Н.В. Бабилунги. Тирасполь-Бендеры: Полиграфист, 2011. 614 с.
14. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации от 25.04.2005 (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36354> (Дата обращения: 25.02.2024).
15. РГАН И. Ф.2. Оп.5. Д.296. К.14. М/ф 02/00420.

16. Слободянюк Г.Е. Характер и движущие силы забастовочного движения в молдавской ССР в конце 1980-х гг // Вестник РУДН. История России. 2016. № 3. С. 23–35.
17. Соломенцев М.С. Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки». М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 224 с.
18. Социологические исследования в Советской Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1987. 254 с.
19. Стамплевский А.В. «Русский вопрос» в Молдавской ССР: по материалам деятельности союзного парламента // Социально-политические процессы в меняющемся мире. Вып.6. Тверь, 2005. С. 76–81.
20. Харитоновна Н.И. Приднестровье: война и перемирие (1990–1992 гг.) // Новый исторический вестник: журнал Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 17 (1). URL: http://www.nivestnik.ru/2008_1/21haritonova_21.shtml#_edn1 (Дата обращения: 14.02.2024).
21. ЦГА ПМ Р. Ф.107. Оп.1. Д. 2544.
22. Шевченко Р. Молдова между 17 апреля 1990 и 28 мая 1991 гг.: на переломе двух эпох. URL: [Moldova \(statulmoldovenesc.blogspot.com\)](http://statulmoldovenesc.blogspot.com) (дата обращения: 14.02.2024.).
23. Шорников П.М. Приднестровье в контексте гражданского конфликта в Молдавии: взгляд из Кишинева // Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000. 288 с.
24. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция/ Сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1999. 397 с.
25. Яковлев В.Н. Тернистый путь к справедливости. Тирасполь: Типар, 1993. 254 с.

REFERENCES

1. Angeli F. *Gagauzskaya avtonomiya. Liudi i fakty (1989–2005 gg.)* [Gagauz autonomy. People and facts (1989–2005)]. Kishinev: B.i., 2005. 259 s. (In Russian).
2. Babilunga N.V., Beril S.I., Bomeshko B.G. i dr. *Fenomen Pridnestrovtia* [The phenomenon of Transnistria]. Tiraspol: RIO PGU im. T.G. Shevchenko, 2000. 288 s. (In Russian).
3. Bodiul I.I. *Odnogo cheloveka vinit po menshei mere absurdno...* [It is absurd to blame one person at least ...] // *Kak bolno...* O chem trevozhitsia, k chemu zovet, za chto boretsia intelligentsiia respubliki. Kishinev, 1989. (In Russian).
4. Guboglo M.N. *Yazyki etnicheskoi mobilizatsii* [Languages of ethnic mobilization]. M.: Shkola «Yazyki russkoi kultury», 1998. 816 S. (In Russian).
5. *Deklaratsiia o suverenitete Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki Moldova* [Declaration of Sovereignty of the Soviet Socialist Republic of Moldova]. URL: lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=308109&lang=2: (data obrashheniya: 14.02.2024). (In Russian).
6. *Zakon № 3465 ot 01.09.1989 o funktsionirovanii iazykov na territorii Moldavskoi SSR* [Law No. 3465 of 09/01/1989 on the functioning of languages in the territory of the Moldavian SSR]. URL: <http://lex.justice.md/ru/312813> (data obrashheniya: 12.02.2024). (In Russian).
7. *Zakon ot 31 avgusta 1989 g. «O vozvrate moldavskomu iazyku latinskoi grafiki» № 3462-XI Verkhovnogo Soveta Moldavskoi SSR* [The Law of August 31, 1989 “On the return of Latin graphics to the Moldovan language” No.3462-XI of the Supreme Council of the Moldavian SSR]. URL: [LP3462/1989 \(legis.md\)](http://legis.md). (data obrashheniya: 12.02.2024) (In Russian).
8. *Zakon ot 31 avgusta 1989 g. «O statuse gosudarstvennogo iazyka Moldavskoi SSR» № 3464-XI Verkhovnogo Soveta Moldavskoi SSR* [The Law of August 31, 1989 “On the status of the state language of the Moldavian SSR” No. 3464-XI of the Supreme Council of the Moldavian SSR]. URL: lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=351200&lang=2(data obrashheniya: 12.02.2024). (In Russian).
9. *Materialy XIX Vsesoiuznoi konferentsii Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza, 28 iyunia — 1 iul'ia 1988 g.* [Proceedings of the XIX All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 — July 1 1988]. M.: Politizdat, 1988. 159 s. (In Russian).
10. *Moldavane* [Moldovans] / отв. ред. М.Н. Губогло, V.A. Dergachev; In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Miklaia RAN; In-t kulturnogo nasledii AN Moldovy. M.: Nauka, 2010. 541 s. (In Russian).

11. Myakshev A.P. *K voprosu o predstavlenosti natsional'nykh interesov v sisteme gosudarstvennoi vlasti SSSR i Rossii* [On the issue of the representation of national interests in the system of state power of the USSR and Russia] // Gosudarstvennaia vlast i obshchestvo Rossii v XX veke: Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 15 maia 2004 g. M.: Izdatelskii tsentr RGGU, 2004. S. 259–262. (In Russian).
12. Mialo K.G. *Rossiya i poslednie voyny XX veka (1989–2000): K istorii padeniya sverkhderzhavy* [Russia and the last wars of the XX century (1989–2000): On the history of the fall of the superpower]. M.: Veche, 2002. 476 s. (In Russian).
13. «*Natisk na vostok*»: *agressivnyi rumynizm s nachala XX veka po nastoiashchee vremia* [«Onslaught to the East»: aggressive Romanianism from the beginning of the XX century to the present] (Sbornik statei, dokumentov, vospominanii) / Pod obshchei redaktsiei professora N.V. Babilungi. Tiraspol-Bendery: Poligrafist, 2011. 614 s. (In Russian).
14. Putin V.V. *Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 25.04.2005 (O polozhenii v strane i osnovnykh napravleniiakh vnutrennei i vneshnei politiki gosudarstva)* [Message of the President of the Russian Federation dated 04.25.2005 (On the situation in the country and the main directions of domestic and foreign policy of the state)]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36354> (data obrashheniya: 25.02.2024) (In Russian).
15. RGAN I. F.2. Inv.5. D.296. K.14. M/f 02/00420. (In Russian).
16. Slobodianuk G.E. *Kharakter i dvizhushchie sily zabastovochного dvizheniia v moldavskoi SSR v kontse 1980-kh gg* [The nature and driving forces of the strike movement in the Moldavian SSR in the late 1980s] // Vestnik RUDN. Istoriia Rossii. 2016. № 3. S. 23–35. (In Russian).
17. Solomentsev M.S. *Zachistka v Politbiuro. Kak Gorbachev ubiral «vragov perestroiki»* [The sweep in the Politburo. How Gorbachev removed the «enemies of perestroika»]. M.: Eksmo, Algoritm, 2011. 224 s. (In Russian).
18. *Sotsiologicheskie issledovaniia v Sovetskoj Moldavii* [Sociological research in Soviet Moldavia]. Kishinev: Shtiintsa, 1987. 254 p. (In Russian).
19. Stamplevskii A.V. «*Russkii vopros*» v *Moldavskoi SSR: po materialam deiatelnosti soiuznogo parlamenta* [«The Russian question» in the Moldavian SSR: based on the materials of the activity of the Union Parliament] // Sotsialno-politicheskie protsessy v meniaiushchemsia mire. Vyp.6. Tver, 2005. S. 76–81. (In Russian).
20. Kharitonova N.I. *Pridnestrove: voina i peremirie (1990–1992 gg.)* [Pridnestrovie: war and truce (1990–1992)] // Novyi istoricheskii vestnik: zhurnal Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. 2008. № 17 (1). URL: http://www.nivestnik.ru/2008_1/21haritonova_21.shtml#_edn1 (data obrashheniya: 14.02.2024). (In Russian).
21. TsGA PM R. F.107. Inv.1. D. 2544. (In Russian).
22. Shevchenko R. *Moldova mezhdu 17 apreliia 1990 i 28 maia 1991 gg.: na perelome dvukh epoch* [Moldova between April 17, 1990 and May 28, 1991: at the turning point of two epochs]. URL: statulmoldovenesc.blogspot.com (data obrashheniya: 14.02.2024). (In Russian).
23. Shornikov P.M. *Pridnestrove v kontekste grazhdanskogo konflikta v Moldavii: vzgliad iz Kishineva* [Transnistria in the context of the civil conflict in Moldova: a view from Chisinau] // Fenomen Pridnestrovia. Tiraspol, 2000. 288 s. (In Russian).
24. *Etnicheskaia mobilizatsiia i mezhetnicheskaia integratsiia* [Ethnic mobilization and interethnic integration] / Sost. i otv. red. M.N. Guboglo. M.: TsIMO, 1999. 397 s. (In Russian).
25. Yakovlev V.N. *Ternisty put' k spravedlivosti* [The thorny path to justice]. Tiraspol: Tipar, 1993. 254 s. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ**REVIEWS**

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.015

УДК 94(470)"18":323.4(091)

ББК 63.3(2)52-4

О.А. МИЛЕВСКИЙ

**СКРЫТЫЕ ФИГУРЫ «ВЕЛИКОГО ИК»
«НАРОДНОЙ ВОЛИ»¹**

O.A. MILEVSKIY

**HIDDEN FIGURES OF THE «GREAT IK»
OF NARODNAYA VOLYA**

Современная историографическая ситуация в России, связанная с изучением истории революционного народничества, весьма многолика и характеризуется серьезной полярностью оценок и суждений. Условно их можно разделить на две большие группы. К первой относятся работы, написанные с соблюдением истинно научного подхода, а ко второй, к сожалению, весьма многочисленной, принадлежат сочинения мало что общего с историей как наукой имеющие. Они изобилуют либо откровенной фальсификацией, либо просто незнанием или игнорированием в угоду политической конъюнктуры очевидных фактов из истории этого общественно-политического движения.

Зачастую у современных критиков народничества превалирует предвзятый антиисторичный подход, завязанный на прямых аналогиях и сравнениях тактики революционеров 1870-х гг. с действиями современных экстремистов и террористов. По отношению к таким авторам уместно будет привести точку зрения В.А. Твардовской, справедливо отмечавшей, что «оценивать идеи и действия революционеров вековой давности, исходя из нынешнего миропонимания, значит нарушать принцип историзма» [2, с. 9].

Поэтому на сегодняшний день перед учеными-гуманитариями может стоять только одна задача — проведение максимально объективных и непредвзятых научных исследований, не допускающих только «математической» смены оценок «с плюса на минус» [1, с. 26]. Тем более что история народничества, несмотря на более чем столетний период своего изучения, все еще таит в себе массу непознанного. До сих пор в тени остаются весьма яркие представители этого движения, о которых мало знают не только любители, но и специалисты. И отрадно, что исследователи Г.С. Кан и М.А. Барабанова направили фокус своих изысканий именно на такие, долго остававшиеся в тени фигуры из первого состава Исполнительного комитета «Народной воли», вошедшего в историю под названием «Великого ИК». В рамках подготовки томов «Архива еврейской истории» из-под их пера вышли достаточно полные биографии народовольцев Аарона Исааковича Зунделевича и Савелия Соломоновича Златопольского.

Авторство весьма объемной работы об Аароне Зунделевиче принадлежит известному историку-народниковеду Г.С. Кану. Следует сразу сказать, что обращение автора к личности Зунделевича заслуживает всяческого уважения. Надо признать, что историками народничества этот народовец долгое время недооценивался. Может быть, сказывалось то обстоятельство, что остаток своей жизни после каторги он провел за границей и вне свя-

¹ Кан Г.С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. / Гл. ред. О.В. Будницкий. Москва / Бостон / СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. С. 128–229; Барабанова М.А. Народовец Савелий Златопольский // Архив еврейской истории. Т. 13. / Гл. ред. О.В. Будницкий. Москва / Бостон / СПб.: AcademicStudiesPress / Библиороссика, 2022. С. 182–265.

зей с Советской Россией? Хотя в народнических организациях второй половины 1870-х гг., не говоря уже о «Народной воле», эта личность, несомненно, была одной из ключевых.

Зунделевич «держал границу», весьма эффективно организуя переходы туда и обратно российских революционеров и доставку различных контрабандных грузов — от запрещенной литературы до типографских станков. Недаром очень критичный по отношению к народникам в своей «второй жизни» революционер, а впоследствии монархист Л.А. Тихомиров отзывался о нем очень высоко и ставил в своем «личном рейтинге» Зунделевича на высокое 4 место, сразу после А.Д. Михайлова, себя и А.И. Желябова.

Поэтому-то крайне важно, что Г.С. Кан обратился к реконструкции биографии этой, во многом системообразующей фигуры в революционном движении конца 1870-х гг. Отрадно, что статья, посвященная Зунделевичу, написана на высоком научном уровне. Подкупает в ней обращение практически ко всем материалам центральных архивов, где как-либо упоминалось имя этого народовольца. В свою очередь это позволило автору ярко и репрезентативно воссоздать различные периоды жизни «гения границы». Разве что в этом ряду не представлены региональные архивохранилища (Иркутск, Чита) — архивы тех мест, где Зунделевич отбывал каторгу, а затем ссылку. Но автор в рассматриваемой работе перед собой такой задачи и не ставил, ограничив свой интерес периодом активной революционной деятельности своего героя. Это оставляет надежду на то, что работа над темой будет продолжена и в дальнейшем охватит всю революционную биографию Зунделевича, в которой его сибирский ссыльнокаторжный период является не менее важным и интересным и может помочь еще более многогранно и глубоко раскрыть особенности его личности.

Рассматривая деятельность будущего народовольца с раннего детства вплоть до ареста и вынесения ему приговора, Г.С. Кан детально анализирует все ключевые моменты его становления как революционера. Так, например, он совершенно справедливо обращает внимание на систему чтения своего героя как важнейшую часть формирования его радикального мировоззрения. При этом Г.С. Канс делал очень интересное и много объясняющее в последующей духовной эволюции своего героя наблюдение о влиянии на юного Зунделевича книги «шестидесятника» Н.В. Соколова «Отщепенцы» (С. 131). Вполне правомочным выглядит и его вывод о том, что во многом под влиянием этой книги тогда еще вполне благонамеренный молодой человек превратился в социалиста и революционером, а также утратил свою былую религиозность (С. 132).

Далее, прослеживая путь идейной эволюции Зунделевича, автор отмечает, что наблюдения за российской действительностью и знакомство с политической жизнью Германии (июль 1875—весна 1876 г.) привели его к формированию весьма нетрадиционной для классического народника картины мира, в которой он был далек от идеализации российского крестьянина. Зунделевич оценивал русского мужика весьма невысоко, а по взглядам являл собой скорее сторонника немецкой социал-демократии, приверженца идеи личных и гражданских свобод, а также ярого противника любых форм деспотизма, включая самодержавие.

Судьбе было угодно, чтобы он встал у истоков создания двух крупнейших революционно-народнических организаций — «Земли и воли» и «Народной воли». Боевым же его крещением стало участие в организации побега князя-анархиста, а тогда «чайковца» П.А. Кропоткина из Николаевского военного госпиталя 30 июня 1876 г. Г.С. Кан подробно описывает приготовления к этому рискованному мероприятию и ту роль, которую играл в нем Зунделевич. При этом в основном при воссоздании картины побега используется только мемуарная литература, и в качестве рекомендации хотелось бы указать на то, что есть интересная статья П.И. Талерова, посвященная истории побега Кропоткина, целиком написанная им на основании архивного «Дела о революционной пропаганде в Империи. О побеге князя Кропоткина», хранящегося в РГИА [3]. Анализируя активную и очень эффективную деятельность Зунделевича в «Земле и воле» — от сношений с заграницей, создания нелегальных типографий в столице до участия в подготовке ряде крупных террористических актов (убийство

шефа жандармов Мезенцова (4 августа 1878 г.), покушение А.К. Соловьева на Александра II (2 апреля 1879 г.), Г.С. Канособое внимание обращает на его важную роль в добывании финансовых средств для революционеров.

На этом факте «революционной биографии» Зунделевича хотелось бы остановиться особо. Дело в том, что именно вопрос с финансированием чаще всего используют «лжеисторики» для того, чтобы показать связь народнических организаций с мировой «антироссийской закулисой». Некоторые из них (Н.Д. Литвинов и др.) прямо обвиняют русских народников в получении денег от иностранных спецслужб, изображая их циничными «наймитами» западных стран. Поэтому-то тщательно рассматривая вопрос «о деньгах для революции» и роли в их добывании Зунделевича (С. 160–165), Г.С. Кан вполне убедительно развенчивает эти ничем неподкрепленные исторические инсинуации ничего общего с реальными фактами не имеющие!

Также детально и тщательно освещается автором участие Зунделевича в судьбоносных для истории России событиях — это подготовка Липецкого съезда «политиков» и Воронежского съезда, а также непосредственная работа в комиссии по разделу имущества «Земли воли». Не вызывает сомнения тезис Г.С. Кана о том, что главнейшим мотивом присоединения Зунделевича к землевольцам-«политикам», а затем к «Народной воле» стало стремление к обретению политических свобод и созданию реально действующих в России демократических представительных учреждений.

Крайне важно, что, изучая очень небольшую по срокам (всего около 2,5 месяцев), но чрезвычайно полезную для организации деятельность Зунделевича в ИК «Народной воли», Г.С. Кан сумел осветить такой малоизвестный факт, как представление им своего видения программы «Народной воли». Обычно исследователи фокусируются на соперничестве двух программ — Л.А. Тихомирова и Н.А. Морозова, а о программе Зунделевича даже не упоминают. Отрадно, что в данном случае читатели могут, хотя и на основе реконструкции «программы Зунделевича», получить общее представление о ней (С. 204–207).

Арест, заключение, следствие и выступление на «процессе 16-ти» также нашли свое отражение в тексте работы. Рассматривая этот нелегкий период в жизни своего героя, автор уделил серьезное внимание и такой тонкой теме, как история с откровенными показаниями Г.Д. Гольденберга (С. 216–220) и выявлению роли Зунделевича в «отрезвлении» революционера, вконец запутавшегося в сетях, расставленных для него товарищем одесского прокурора А.Ф. Добржинским.

Вполне удалось Г.С. Кану воссоздать ход судебного процесса и поведение Зунделевича на нем, что было непросто сделать с учетом того, что с программными речами на нем выступали другие (С. Ширяев и А. Квятковский). Из приведенных автором свидетельств видно, что он держался на процессе в лучших традициях, сложившейся тогда «революционной этики», и с достоинством выслушал свой приговор.

Несомненно, в литературном плане работа Г.С. Кана серьезно выиграла от привлечения им в качестве некоей дополнительной иллюстрации к жизни Зунделевича выдержек из художественного произведения С.М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» (С. 152–153, 186). В этом романе, первоначально написанном для английской публики под названием «Карьера нигилиста», писатель в образе революционера Давида Стерна изобразил многие черты хорошо знакомого ему «Зунда» (Зунделевича). Поэтому-то обращение к ярким, реалистичным и художественно выверенным сценам из этого сочинения только усилило эффект от и без того удачно выполненного масштабного политического портрета Аарона Зунделевича. В заключении хочу полностью солидаризоваться с выводом, сделанным Г.С. Каном о том, что «своей личностью и своими взглядами Зунделевич существенно обогатил палитру революционного движения 1870-х гг».

Также на хорошем научном уровне выполнена работа исследовательницы М.А. Барабановой о другом члене «Великого ИК» — Савелии Златопольском. История иногда жестока

по отношению к своим героям, часть которых навсегда остается прозябать в забвении в тени других более удачливых современников. Таковой могла оказаться и судьба Златопольского, который мог совершенно затеряться на фоне других ярких представителей «Великого ИК». О большинстве из них есть если не книги (научные монографии, книги из серии ЖЗЛ, либо «Пламенные революционеры»), то хотя бы статьи, о Златопольском же отдельно вообще ничего не писали, он всегда оставался одним из «блестящей плеяды», не более того. Поэтому особенно важно, что молодая исследовательница весьма качественно заполнила существующую научную лауну и вернула из исторического небытия эту отнюдь не рядовую фигуру в составе ИК «Народной воли».

Для того чтобы восстановить биографию своего героя, М.А. Барабанова продела серьезную изыскательскую работу в архивах и, следует признать, что провела она эту операцию весьма удачно. Полученные материалы позволили ей воссоздать детально, объективно и ярко политический портрет Златопольского от самого начала его революционной карьеры до трагического финала в Шлиссельбурге в 29 декабря 1885 г. Еще одним очень весомым достижением историка стала публикация в «Приложении» большого массива документов Златопольского — это показания, записки и письма (С. 213–261). К тому же они сопровождаются весьма качественно выполненными комментариями. Представляется, что все это в дальнейшем серьезно поможет будущим исследователям «Народной воли».

Начинает автор свое повествование с выявления истоков формирования радикального мировоззрения своего героя с детства и отрочества. Этот период своей жизни он провел в Николаеве. Там он с золотой медалью закончил в 1873 г. гимназию, и далее начало его революционной биографии оказалось тесно связано с этим черноморским городом. В нем он после возвращения из столицы, где недолго обучался в Технологическом институте, сотрудничал в журнале «Николаевский вестник», находился в тесных отношениях с революционным кружком Соломона Виттенберга (С. 184–186). Фактически именно Николаев стал «революционной колыбелью» для Златопольского. Однако при описании этого периода жизни своего героя, как мне представляется, М.А. Барабанова несколько пренебрегает познавательными возможностями, которые предоставляют ей дошедшие до нас сочинения самих участников народнического движения.

В первую очередь, конечно, имеется ввиду неоконченный роман «Булгаков», написанный в Шлиссельбурге и принадлежащий перу Ф.Н. Юрковского. В этой книге ярко и талантливо показана жизнь николаевских революционеров начала 1870-х гг. Одна из непосредственных участниц тех событий А.А. Алексеева спустя годы прямо писала: «Я бы не сказала, что «Булгаков» — художественное произведение. Это картина с натуры. Это наша Николаевская коммуна в 1874 г.» [5, с. 268]. Прямо там о Златопольском не пишется, но исторический фон, жизнь и быт николаевских революционеров показаны великолепно, и это, конечно, можно и нужно было бы использовать.

Далее, весьма детально рассматривая путь и идейную эволюцию Златопольского-революционера, М.А. Барабанова на основе анализа документов (собственные показания Златопольского — О.М.) причисляет его к редкому тогда в народнической среде типу политических радикалов. Для него главной целью являлась борьба за «введение в России представительных учреждений» (С. 189). Конечно, с такими взглядами ему был прямой путь в «Народную волю», и на этом пути, как справедливо отмечает автор, важной вехой стало знакомство в июле 1879 г. Златопольского с Н. Колодкевичем, участником Липецкого съезда и будущим членом ИК «Народной воли». Это знакомство и предопределило дальнейший вектор борьбы для Златопольского — в рядах «Народной воли». Там после первых арестов среди членов организации его и принимают в состав ИК.

Для реконструкции биографии Златопольского-народовольца исследовательница привлекает все доступные ей материалы, включая его собственные показания, откровенные показания некоторых лиц из его окружения (И. Саранчов, К. Маслов, А. Бореиша), и делает

это весьма эффективно с методологической точки зрения. Ей удалось очень реалистично воссоздать черты и особенности характера своего героя. Это яркий тип революционера — практика и организатора. Он стоит у истоков создания киевской группы народолюбцев, незаменим в «небесной канцелярии» (подготовка фальшивых документов — О.М.), затем после ряда арестов зимой 1880 — весной 1881 г. переходит на работу с военными, где играет одну из ключевых ролей в контактах с Военной организацией «Народной воли» (С. 198).

Единственное, что вызывает некоторое неприятие при знакомстве с работой, это уж слишком (на мой взгляд) легковесное жонглирование исследовательницей термином «откровенные показания» при оценке поведения ряда арестованных революционеров. Если в отношении одних, И.Саранчов, К.Маслов, В.Меркулов А.Борейша (С. 195, 197, 209), это имеет смысл, то использование категории «полуоткровенные показания» в отношении шлиссельбуржца Н.Д. Похитонова (С. 198) вызывает недоумение. Как понимать определение «полуоткровенные»? Это сама исследовательница так решила? В своем очерке В.Н. Фигнер несколько иначе и весьма корректно писала об этом факте: «Дегаев раскрыл все эти обстоятельства, и Похитонов не считал нужным в чем-либо заператься» [4, с. 109]. Да и упрек в адрес Ф.Завалишина в даче «откровенных» показаний (С. 202) тоже вызывает вопросы. Думается применять такие жесткие оценки и выносить однозначные и категоричные суждения, да еще и по истечении стольких лет, нужно крайне осторожно и с поправкой на условия того исторического момента.

Рассматривая деятельность Златопольского в «послемартовский период», автор затрагивает и несколько наиболее «спорных» фактов из этого периода деятельности «Народной воли», к которым прямо или косвенно оказался причастен Златопольский. Это антисемитская прокламация, принадлежавшая перу Г.Романенко (С. 199–201), которого принял в ИК Златопольский, попытка сделать из младшего брата С.П. Дегаева Владимира «второго Клеточникова» (С. 203–204), а также неудача при организации покушения на Г.П. Судейкина посредством использования совершенно незрелой и неготовой к этому П.Осмоловской (С. 204–205). На основе всего этого М.А. Барабанова делает вывод о том, что «в обоих этих сюжетах Златопольский предстает как человек, не слишком разбирающийся в людях: ведь свои услуги партии предлагают абсолютные юнцы, хотя и близкие к «Народной воле» (С. 205). Пospорил бы с этим утверждением. Как вариант выдвину контртезис. Может быть, стоит вести речь не только и не столько о «неправильном людском выборе Златопольского», сколько о начавшемся системном кризисе народолюбчества после «дела 1 марта»?

Аресты одних лидеров, психологическая усталость и вызванные этим ошибки других, пример Златопольского, а позднее М.Грачевского, лучшее тому подтверждение. Но главное — это кадровый голод, элементарная нехватка подготовленных и идейно выработанных бойцов, а отсюда досадные, как кажется из «исторического далека», ошибки опытных революционеров, их ставка на «зеленую молодежь» и т.п. Сменялось поколение борцов-народолюбцев, а для выработки людей нового поколения исторического времени уже не было. Осталась легенда о людях «Великого ИК», которая и служила побудительным мотивом для радикальной молодежи, но вот умения и навыков ей явно не доставало, а своего Александра Михайлова у них не появилось.

19 апреля 1882 г. арест настиг и самого Златопольского. М.А. Барабанова весьма детально рассмотрела подробности ареста и поведения своего героя в тюрьме, на следствии и на судебном процессе. С точки зрения революционной этики, он вел себя безукоризненно. На судебном процессе Златопольский выступил с речью. Вот о ее содержании можно было бы рассказать и подробнее, тем более что о «процессе 17-ти», по которому он проходил, сохранилось и опубликовано достаточно материалов.

Приговоренный к смертной казни, замененной в итоге по воле монарха на вечную каторгу, Златопольский оказался сначала в Алексеевском равелине, а затем в Шлиссельбургской крепости, где поддерживал товарищей, несмотря на строгий запрет, активно перестукивал-

ся с ними (С. 211). Но страшный тюремный режим вскоре убил этого доброго и жизнелюбимого человека — 29 декабря 1885 г. его не стало. На десятилетия он оставался просто одним из многочисленных членов «Народной воли», и не более. И очень хорошо, что через столько лет память о нем смогла восстановить М.А. Барабанова.

Не согласился бы я только с заключительным авторским утверждением в отношении оценки личности Савелия Златопольского, а именно о том, что он не являлся «деятелем первой величины». В противовес выскажу несколько иную, хотя, несомненно, более романтизированную и тоже не бесспорную точку зрения. Мне представляется, что в «Великом ИК» «Народной воли» были представлены личности яркие, разноплановые и при этом идеально дополнявшие друг друга. В свою очередь, именно это делало этот состав ИК непревзойденным по нравственным и деловым качествам, не только среди народнических организаций, но и, возможно, вообще за всю историю российского революционного движения. И Златопольский в этом ИК являлся важной и неотъемлемой частью, как и остальные его члены, не меньше и не больше.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз выразить благодарность авторам за верность теме и объективность в оценке своих героев. Эти очень качественно выполненные исследования, вернувшие в исторический обиход двух неординарных революционеров-народовольцев, лишний раз подтверждают, что тема изучения истории революционного народничества не закрыта. Напротив! В рамках все обостряющейся «борьбы за историю», охватившую не только профессиональных историков, но и общественных деятелей, а также политиков, значимость истинно научных непредвзятых исследований в такой тонкой и очень политизированной сфере, как история революционного движения, только возрастает, как и ответственность ученых, этими проблемами занимающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев В.В. Русское народничество. Учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2009. 286 с.
2. Освободительное движение в России: современный взгляд на вещи или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
3. Талеров П.И. Побег Петра Кропоткина: по материалам следствия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 2018. № 3 (54). Ч. 1. С. 60–73.
4. Фигнер В.Н. Шлиссельбургские узники // Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. в 7 т. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. С. 5–240.
5. Юрковский Ф.Н. Булгаков. (Роман, написанный в Шлиссельбурге). Воспоминания. Письма. Л. — М.: Academia. 1933. 303 с.

REFERENCES

1. Zverev V.V. *Russkoe narodnichestvo* [Russian populism]. Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo RAGS, 2009. 286 s. (In Russian).
2. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: sovremennyy vzglyad na veshchi ili priverzhennost' tradiciyam? «Kruglyj stol»* [Liberation movement in Russia: a modern view of things or adherence to traditions? «Roundtable»] // *Otechestvennaya istoriya*. 1999. № 1. S.3–18. (In Russian).
3. Talerov P.I. *Pobeg Petra Kropotkina: pomaterialam sledstviya* [Escape of Peter Kropotkin: based on investigation materials] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018. № 3 (54). Ch.1. S. 60–73. (In Russian).
4. Figner V.N. *Shlissel'burgskie uzniki* [Shlisselburg prisoners] // Figner V.N. *Poln. sobr. soch. v 7 t. T.4.* M.: Izd-vo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'no poselencev, 1932. S. 5–240. (In Russian).
5. Yurkovskij F.N. *Bulgakov. (Roman, napisannyj v Shlissel'burge). Vospominaniya. Pis'ma* [(Novel written in Shlisselburg). Memories. Letters]. L. — M.: Asademia. 1933. 303 s. (In Russian).

Сведения об авторах Information About The Authors

Атнагулов Ирек Равильевич — доктор исторических наук, заведующий центром этноистории, ФГБУН Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Atnagulov Irek Ravilyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Center of Ethnohistory, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

Ашихина Дарья Сергеевна — старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, младший научный сотрудник лаборатории исторических исследований, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Ashikhina Darya Sergeevna — Senior Teacher of Social and Humanities Study Department, Junior Researcher, Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: dashihina@inbox.ru

Билль Марис Владиславович — аспирант 4-го года обучения БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет» по направлению «Отечественная история», руководитель проектов отдела сопровождения кредитного портфеля проблемной задолженности и реализации непрофильных активов юридических лиц, Акционерное общество «Сургутнефтегазбанк» (АО БАНК «СНГБ»).

Bill Maris Vladislavovich — Post-Graduate Student of the 4th Year of Study at the Surgut State University in the direction of «National History», Project Manager of the Department for the support of the Loan Portfolio of Distressed Debt and the Sale of Non-Core Assets of Legal Entities, Joint-Stock Company «Surgutneftegazbank» (JSC BANK «SNGB»).

E-mail: marisbill@yandex.ru

Бодрова Елена Владимировна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных наук, ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет».

Bodrova Elena Vladimirovna — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Humanities and Social Sciences, MIREA-Russian Technological University.

E-mail: evbodrova@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Russian history and archaeology Department, Saratov national research state University. N.G. Chernyshevsky.

E-mail: ybartho@mail.ru

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

Дудкин Антон Иванович — преподаватель истории МАОУ гимназия № 12 города Тюмени

Dudkin Anton Ivanovich — History Teacher at MAOU Gymnasium No. 12, Tyumen

E-mail: dudkin_antosha@mail.ru

Дьячин Алексей Сергеевич — старший преподаватель кафедры истории Балашовского института Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Dyachin Aleksei Sergeevich — Senior Lekturer, Department of History, Balashov Institute, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

E-mail: alekseidyachin@yandex.ru

Ермаков Вадим Андреевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Государственный университет просвещения; доцент кафедры истории, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва.

Ermakov Vadim Andreevich — PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor at the Department of History Russia, State University of Education; Associate Professor at the Department of History, Bauman Moscow State Technical University, Moscow.

E-mail: fact-476@yandex.ru

Ершов Михаил Фёдорович — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, БУ ХМАО — Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

Ershov Mikhail Fyodorovich — PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development.

E-mail: mfershov@mail.ru

Калинов Вячеслав Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина».

Kalinov Vyacheslav Viktorovich — Doctor of Sciences (History), Professor, head of Department of History of the National University of Oil and Gas «Gubkin University».

E-mail: kafedra-i@andex.ru

Киреев Дмитрий Федорович — ассистент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I.

Kireev Dmitriy Fedorovich — Assistant of the Department of History, Philosophy and Socio-Political Disciplines of Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great.

E-mail: dmitriy.kireev.1998@mail.ru

Ковалевская Мария Павловна — преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук, ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет».

Kovalevskaya Maria Pavlovna — Lecturer at the Department of Humanities and Social Sciences, The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «MIREA — Russian Technological University» (RTU MIREA).

E-mail: glazkova@mirea.ru

Колева Галина Юрьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

Koleva Galina Yurievna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technologies; Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Industrial University of Tyumen».

E-mail: gukoleva@gmail.com.

Колев Жеко Митков — кандидат технических наук, доцент кафедры разработки нефтяных и газовых месторождений. ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

Kolev Zheko Mitkov — PhD (Technical Sciences), Associate Professor of the Department of Oil and Gas Fields Development, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Industrial University of Tyumen».

E-mail: kolevzm@tyuiu.ru.

Кузнецова Алла Владимировна — преподаватель кафедры отечественной истории, социологии и политологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».

Kuznetsova Alla Vladimirovna — Lecturer at the Department of National History, Sociology and Political Science of the Federal State Autonomous Educational Institution Omsk State University named after F.M. Dostoevsky.

E-mail: Allartian@yandex.ru

Левин Сергей Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Государственный университет просвещения; профессор кафедры истории, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва.

Levin Sergei Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of History Russia, State University of Education; Professor at the Department of History, Bauman Moscow State Technical University, Moscow.

E-mail: serg.lewin@yandex.ru

Мауль Виктор Яковлевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарно-экономических и естественнонаучных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» в г. Нижневартовске.

Maul Victor Yakovlevich — Doctor of Sciences (History), Professor of Industrial University of Tyumen, branch in Nizhnevartovsk, Russia, Nizhnevartovsk.

E-mail: VYMaul@mail.ru

Мариупольский Андрей Михайлович — Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Алтайский государственный университет.

Mariupolsky Andrey Mikhailovich — PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History Altai State University.

E-mail: mam28865@mail.ru

Милевский Олег Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Milevsky Oleg Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Михеев Леонид Игоревич — аспирант третьего года обучения кафедры социально-гуманитарного образования по отечественной истории, Сургутский государственный педагогический университет.

Mikheev Leonid Igorevich — third-year postgraduate student at the Department of Social and Humanitarian Education in Russian History, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: leonidregion55@yandex.ru

Мокшин Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Mokshin Gennady Nikolayevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian History Department, Voronezh State University.

E-mail: mok410@mail.ru

Мостовенко Максим Станиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ВНИК «Пространство воды как ресурс, угроза и образ в экологической истории Севера Западной Сибири в XIX — начале XX века», ст.преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Mostovenko Maxim Stanislavovich — PhD (Historical Sciences), Senior Researcher, VNIK «Water Space as a Resource, Threat and Image in the Ecological History of the North of Western Siberia in the 19th — Early 20th Centuries», Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Education, BU «Surgut State Pedagogical University».

E-mail: reiseleiter@mail.ru

Ризаева Елена Николаевна — кандидат исторических наук, и.о. заместитель директора по основной деятельности Муниципального учреждения культуры «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского», Саратов.

Rizaeva Elena Nikolaevna — PhD (Historical Sciences), Acting Deputy Director for the Main Activities of the Municipal Cultural Institution «Museum-estate of N.G. Chernyshevsky», Saratov.

E-mail: malova-el83@yandex.ru

Рыженко Валентина Георгиевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, социологии и политологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».

Ryzenko Valentina Georgievna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History, Sociology and Political Science of the Federal State Autonomous Educational Institution Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

E-mail: valentina948@mail.ru

Скубневский Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет.

Skubnevsky Valery Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History, Altai State University.

E-mail: koi@hist.asu.ru

Собисевич Алексей Владимирович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Sobisevich Alexey Vladimirovich — PhD (Geography), Leading Researcher, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Russian State University for the Humanities.

E-mail: sobisevich@mail.ru

Солдатенко Дмитрий Юрьевич — аспирант кафедры истории политологии и права; ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Soldatenko Dmitry Yuryevich — Graduate Student of the Department of History, Political Science and Law; FSBEI HE «Krasnoyarsk State Agrarian University».

E-mail: dima-98sol@mail.ru

Федорова Дарья Алексеевна — кандидат исторических наук, учитель истории гимназии, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Fedorova Darya Alekseevna — PhD (History), Teacher of History, gymnasium, FSEIHE «Tyumen State University».

E-mail: shineamber@mail.ru

Турова Елена Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный медицинский университет.

Turova Elena Ivanovna — PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Tyumen State Medical University.

E-mail: turovae_2010@mail.ru

Туров Ростислав Сергеевич — кандидат философских наук, доцент, Тюменский государственный медицинский университет.

Turov Rostislav Sergeevich — PhD (Philosophical Sciences), Associate Professor, Tyumen State Medical University.

E-mail: svtur57@mail.ru

Хамитов Дамир Ренатович — соискатель кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

Khamitov Damir Renatovich — Candidate of the Department of Russian History and Archaeology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

E-mail: Hamitov95@mail.ru

Чуркина Наталья Ивановна — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет».

Churkina Natalia Ivanovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the chair of pedagogy Omsk State Pedagogical University.

E-mail: n_churkina@mail.ru

Яковчук Вероника Артуровна — аспирант кафедры социально-гуманитарного образования, эксперт управления научно-исследовательских работ, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Yakovchuk Veronika Arturovna — Postgraduate Student of Social and Humanities Study Department, Expert of the Department of Scientific Research, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: branvin13@mail.ru

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

- 1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).
- 1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:
 - в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
 - в области исторических наук: отечественная история;
 - в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.
- 1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.
- 1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.
- 1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

- 2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).
- 2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:
 - выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
 - оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
 - положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.
- 2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.
- 2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.
- 2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.

- 2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

- 3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки.
Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи.
Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.
- 3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
- 3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.
- 3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.
- 3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

- 4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».
- 4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:
- фамилия, имя, отчество (полностью);
 - учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
 - учёное звание;
 - должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
 - адрес с почтовым индексом;
 - контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ**Электронная копия**

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов_doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полуторный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
- информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи — 15–40 тыс. знаков;
- литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных), аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29–28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «...однозначно принято решение о реализации компетентного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объём статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21-34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113-116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности. URL: [http:// science-education. ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).

4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21–34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I.S. Turgeneva [The aphoristics of I.S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113–116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Stakheeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. ... kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny`j analiz yazy'ka [Semanticcognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoj e'pistol'noy publicistiki v istoricheskoy retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: [http:// science-education.ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько.

В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Опубликование статей

- 5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.
- 5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.
- 5.3 Публикация осуществляется бесплатно.
- 5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент

БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор

ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor

AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor

BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

GOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor

DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)

DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)

DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor

ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor

ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic),

LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy

LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor

MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor

SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor

SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)

STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor

SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor